

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 3(1)

Киров
2009

Главный редактор
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО

Редакционная коллегия:
В. Т. Юнзблуд,
доктор исторических наук, профессор (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 370-892 (научно-исследовательский отдел),
(8332) 673-674 (Издательский центр)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Боброва

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Юнгблуд В. Т. Интеграция науки и образования – принцип выживания 6

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Тощенко Ж. Т. Основные парадигмы и структура социологического знания 11

Юлов В. Ф. В чем состоит перспективность трехуровневой концепции сознания? 20

Плутто П. А. Сознание и культура: опыт анализа символической природы сознания 27

Подлевских А. Г. Историческое сознание как категория теоретической мысли 34

Волосков Р. А. Основные подходы к исследованию фонового знания 37

ИСТОРИЯ

Кувшинов В. А. Идеологический аппарат партии кадетов в 1917 г. 41

Смоляняк И. В. Турецкий нейтралитет и позиция США накануне Второй мировой войны 49

Кряжевских А. А. Археологическое изучение Кировской области в 1950-е гг. 56

ПРАВО

Агутин А. В. К вопросу о понятии организации прокурорского надзора
в стадии возбуждения уголовного дела 64

Сучков А. В., Коновалова А. Б. Проблемы доказывания
профессиональных преступлений, совершенных медиками 73

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Едошина И. А. Миф, мифологема, мифема
в контексте деятельностного подхода к феноменам культуры 79

Поспелова Н. И. Вокруг и после «Прометей» А. Н. Скрябина:
культурологический потенциал синтетических форм 82

Власов В. Г. Из истории энциклопедического изучения изобразительного искусства 87

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Кренжолек О. С. Теория человекобога у Ф. М. Достоевского и Ф. Ницше 94

Щербачева Т. В. Трактровка героического кодекса
в трагедии «Спасенная Венеция» Т. Отуэя 99

Булдакова Ю. В. Лирическое начало в жанровой структуре дневника писателя
(на материале литературы русского зарубежья) 102

Сандакова М. В. Семантическая оппозиция *реального* и *нереального* в современной речи 106

Рублёва О. С. Слово «порядочность» в словарях разных типов 111

Лопарева Т. А., Ленина С. В. Сослагательное наклонение
в русском, английском и немецком языках: сопоставительный анализ 117

ПЕДАГОГИКА

Злобина Е. А. Методологические подходы к формированию гражданственности
студентов педагогических специальностей и выявление уровней ее сформированности 126

Малова Т. В. Сущность и структура гендерного самоопределения личности 130

Даутова О. Б. Теоретические основы проектирования новой модели
учебно-познавательной деятельности школьника 134

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Князева Т. Н.</i> Психологическая готовность ребенка к обучению в основной школе как психическое новообразование младшего школьного возраста	140
<i>Слюсарская Ю. В.</i> Научно-методические аспекты развития эмоциональной готовности к обучению в школе у детей с нарушением зрения	144

ПЕРСОНАЛИИ

Мая Григорьевна Яновская	149
Юрию Михайловичу Рябову – 75 лет	150

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Оношко В. Н., Татарина М. Н.</i> Межвузовская студенческая научная конференция «Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков»	151
<i>Симонова Г. И.</i> Дополнительное образование школьников: современные подходы и технологии	152

Сведения об авторах	153
---------------------------	-----

CONTENTS

- Yungblud V. T.* Integration of Science and Education as a Principle of Survival
- Toschenko J. T.* The basic paradigms and structure of sociological knowledge
- Yulov V. F.* What do Prospects for triadic consciousness conception consist of?
- Plyutto P. A.* Consciousness and culture: the experience of analysis of symbolical nature of consciousness
- Podlevski I. G.* Historical consciousness as the category of the theoretical thought
- Voloskov R. A.* The basic approaches to research of background knowledge
- Kuvshinov V. A.* The Ideological Apparatus of the Cadet Party in 1917
- Smolnyak I. V.* Turkish neutrality and position of the USA on the eve of the Second World War
- Kryazhevskich A. L.* Archeological investigations in the Kirov region in 1950th years
- Agutin A. V.* On the conception of organizing procuratorial supervision at the stage of opening a criminal case
- Suchkov A. V., Konovalova A. B.* The problems of proving professional crimes, committed by medical workers
- Edoshina I. A.* Myth, mythology, mytheme in the context of action approach to the cultural phenomena
- Pospelova N. I.* Around and after Skryabin's "Prometheus": culturology potential of synthetic forms
- Vlasov V. G.* From the history of encyclopaedic study of the visual arts
- Krezolek O. S.* The Theory of *Man-God* by F. M. Dostoevsky and F. Nietzsche
- Shcherbakova T. V.* Heroic code in T. Otway's "Venice preserved"
- Buldakova Yu. V.* Lyric basis in genre structure of a writer's diary (on the material of Russian-language literature abroad)
- Sandakova M. V.* The Real/Unreal Semantic Opposition in Modern Speech
- Rublyova O. S.* The Word "Decency" in Dictionaries of Different Types
- Lopareva T. A., Lenina S. V.* The Subjunctive Mood in the Russian, English, and German languages: a comparative analysis
- Zlobina E. A.* Methodological approaches to the formation of civic consciousness of students of pedagogical specialities and detection of its levels formation
- Malova T. V.* The essence and structure of a person's gender self-determination
- Dautova O. B.* Theoretical bases of designing of the new model of the student's cognitive activity
- Knjazeva T. N.* The psychological readiness of child for the instruction in the basic school as the mental new formation of low-order school age
- Slyusarskaya Y. V.* Scientific and methodical points of development of emotional readiness to school at children with sight problems
- Onosbko V. N., Tatarinova M. N.* Interuniversity students' scientific conference "Problems of Linguistics and Methods of teaching foreign languages"
- Simonova G. I.* Supplementary Education of Schoolchildren: Modern Approaches and Techniques

ИНТЕГРАЦИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ – ПРИНЦИП ВЫЖИВАНИЯ

Развитие высшей школы в последнее время сталкивается с новыми вызовами. Начавшийся в 2008 г. кризис заострил главную дилемму государственной политики в области образования и науки: следует ли и дальше применять привычный «уравнительный» подход (а если да, то в каких масштабах), подразумевающий поддержку всех государственных вузов, или уже в ближайшие месяцы необходимо осуществить переход к «селективному» курсу, предполагающему поддержку по-настоящему инновационных учебных заведений. Признавая, что «как первый, так и второй подход не свободен от побочных эффектов и политических рисков», А. В. Кортюнов в предисловии к «Прогнозу развития высшего образования в России 2009–2011 гг.» пишет, что выбор между двумя указанными подходами – это дело ближайшего будущего, поскольку «только в условиях экономического бума можно позволить себе роскошь сочетать уравнилельный и селективный подходы в одной финансовой стратегии; завтра такой возможности уже не будет» [1].

Государственная политика в области образования и науки – очень важный, а во многих отношениях решающий фактор развития этих социальных институтов. Тем не менее это не единственный фактор. Государство является лишь одним из участников процесса развития интеллектуальных ресурсов страны, в который вовлечены также учебные и научные организации и учреждения и конкретные люди – преподаватели и ученые. У всех субъектов этой триады (государство – организация – человек) разные интересы [2]. В своей деятельности каждый из них имеет возможность проявлять высокую степень самостоятельности. Особое значение данное обстоятельство приобретает в связи со все более

заметным влиянием рыночных механизмов на определение условий и оценивание результатов текущих образовательных и научных перемен.

Соприкосновение науки и образования с рынком имеет несколько граней. С одной стороны, это очевидный кадровый голод, который «дорос до уровня государственной проблемы» [3]. Обратной её стороной являются новые требования к образовательным стандартам и программам, ориентирующие на подготовку выпускников, способных работать в инновационном режиме. Причем эта проблема сейчас формулируется комплексно: признается, что успех в её решении будет зависеть от готовности высшей школы работать «на опережение», давая студентам знания, соответствующие уровню современной науки, и, одновременно, вырабатывать у них навыки профессионального и интеллектуального роста. Только при этих условиях нынешние выпускники будут подготовлены к трудовой деятельности в условиях ожидаемых в ближайшие десятилетия технологических и социальных изменений. С другой стороны, открытость научно-образовательного пространства побуждает учитывать параметры мировой среды, реагировать на попытки зарубежных партнеров осваивать российский образовательный рынок, создавать такие внутренние условия, которые блокировали бы «утечку мозгов». Указанные проблемы ставят перед университетами ряд актуальных и перспективных задач, от решения которых зависит достижение главной цели – создание экономики знаний. В первую очередь это использование имеющихся ресурсов для реальной интеграции образования и науки и подготовки на этой основе новой генерации кадров высшей квалификации.

Стартовавшая в 2009 г. Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» создает необходимые стимулы для привлечения в сферу науки и высоких технологий студентов и школьников через систему целевых мероприятий – очно-за-

очные олимпиады, молодежные научные школы, интернет-проекты. Предусмотрено масштабное освещение в средствах массовой информации вопросов развития науки [4]. Мероприятия ФЦП существенно дополняют и наполняют конкретным содержанием Приоритетный национальный проект «Образование», реализуемый с 2006 г. Опыт, накопленный ведущими вузами страны в ходе создания инновационного сектора российского высшего образования, позволяет выделить основные направления и формы интеграции образования и науки в планировании стратегии развития конкретных университетов. В этом перечне важное место занимают меры по укреплению материально-технической, лабораторной, информационной и программной базы университетов, совершенствованию их внутренней структуры, созданию научно-образовательных центров и хозяйственных обществ в целях практического применения результатов интеллектуальной деятельности.

Наряду с системно-структурными преобразованиями важная роль принадлежит преобразованиям содержательного характера. Прежде всего, **речь идет о наполнении учебных курсов и образовательных программ современной научной информацией.** На совещании по развитию сети научно-образовательных центров, которое провел президент России Д. А. Медведев 24 июля 2004 г., прозвучали слова Министра образования и науки А. А. Фурсенко о том, что «российскому университетскому образованию должен быть возвращен изначально вкладывавшийся в это понятие смысл, предполагающий неразрывную связь профессиональной подготовки с конкурентоспособными научными исследованиями» [5]. Существенным препятствием на этом пути до недавнего прошлого были трудности материального характера. По данным на 2004 г., наша страна существенно отставала по уровню финансирования вузовского сектора науки от ряда стран. В США, например, внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одного ис-

следователя составляли 226 тыс. долларов, в Китае – 98 тыс. долларов, а в России – всего 34 тыс. долларов. Разрыв в области финансирования фундаментальных исследований был еще более значительным [6]. Масштабная финансовая поддержка ведущих российских вузов позволила отчасти изменить в лучшую сторону это соотношение, если не в целом, то по крайней мере в отдельных сегментах научно-образовательного комплекса.

Естественно, что значительную часть выделенных федеральных средств университеты направляют на поддержку крупных научных направлений. Ректор МИФИ М. Панин, например, отмечает, что в рамках выполнения программы инновационного развития за короткий срок в этом университете подготовлено более 100 новейших учебников, создан электронный банк данных материалов, включающих все компоненты учебно-методического комплекса [7]. По этому пути развивается ряд других вузов. Понятно, что не следует стремиться к тому, чтобы каждый вуз переходил к обучению по собственным учебникам. Задача должна ставиться по-другому: каждый вуз должен иметь и выполнять внутреннюю программу поддержки и развития научных направлений и школ, результаты деятельности которых будут напрямую транслироваться в учебный процесс. Чтобы научный уровень этой информации соответствовал современному состоянию знаний в той или иной области, необходимо обеспечить ее доступность как для студентов, так и для коллег. Соблюдение принципов работы крупного научного направления: объединение тематики исследований общей культурой, обеспечение прикладных работ фундаментальным научным заделом, прочная связь научных исследований с содержанием образовательных программ – обеспечит жизнеспособность университетов.

Интеграция науки и образования требует изменения отношения к **научно-методическому сопровождению процесса обучения.** В данном случае речь идет не столько о разработке частных

методических приемов, сколько о смене всей образовательной парадигмы. «В хорошей и эффективной образовательной программе (в целом и для конкретной специальности) должны быть гармонизированы идеи и технологии» [8], – отмечает С. Ю. Жолков. Препятствием на пути достижения такой гармонии являются существенные субъективные трудности – традиционные отношения между преподавателем как субъектом процесса обучения и студентом, как правило, по-прежнему занимающим позицию пассивного объекта. Такая «расстановка» участников учебного процесса во многом является данью традиции, уходящей корнями в индустриальную эпоху [9]. В результате исследователи фиксируют тревожную ситуацию, когда «вузовский преподаватель мало-помалу утратил очевидные отличия от хорошего учителя» [10]. В то же время, по данным опросов, проведенных в октябре 2007 г., лишь 22% российских студентов считают, что хороший преподаватель должен заниматься научными исследованиями и генерировать новые знания. Такое отношение «поддерживает тот стандарт преподавательского поведения, в котором научной деятельности отводится в лучшем случае второстепенная роль». По данным Е. Балацкого, лишь 2% преподавателей России на вопрос «В какой сфере лежат ваши основные интересы?» ответили: «В основном в исследованиях» (Англия – 15%; Голландия – 30%; Япония – 17%; Германия – 19%; Швеция – 23%). Еще 29% ответили: «Ближе к исследованиям» (Англия – 40%; Германия – 47%; Япония – 55%; Голландия – 46%, Швеция – 44%) [11].

Естественно, что преодоление утвердившихся стереотипов требует времени. Изменение привычных образов и корректировка традиционной модели взаимодействия педагога и студента – процесс эволюционный, требующий учета объективных и субъективных параметров студенчества и научно-педагогических работников как специфических социальных групп [12]. Тем не менее многое можно сделать уже сейчас. Прежде всего,

требуется коренным образом пересмотреть соотношение аудиторной и внеаудиторной работы студента в сторону увеличения объема самостоятельной работы. Такой шаг вполне соответствует образовательной практике ведущих стран мира. Известно, например, что среднее время внеаудиторной работы российских студентов составляет 68,1 минуты (1,14 часа) в день, тогда как аналогичный показатель в Германии достигает 288 минут (4,86 часа). Таким образом, загруженность учебной работой российских студентов в среднем в 4,2 раза меньше, чем немецких [13]. Правильно организованная самостоятельная работа студентов, обеспеченная качественным методическим сопровождением и эффективным контролем, способствует выработке у обучаемых навыков творческого, вариативного мышления, расширению кругозора и позволит высвободить часть времени преподавателей для занятий наукой.

Важнейшим качественным индикатором качества образования следует признать научно-исследовательскую деятельность студентов. Отчасти это можно считать вложением времени, продиктованным сложившейся возрастной структурой профессорско-преподавательских кадров. По официальным данным, средний возраст занятых в госсекторе науки составляет 49 лет, средний возраст кандидатов наук превышает 53 года, докторов наук – 61 год, действительных членов РАН – 73 года [14].

В более широком плане студенческая наука представляет собой естественный и, по сути дела, единственный ресурс воспроизводства и развития научных школ. Общепринятое определение под научной школой подразумевает «сообщество ученых разных статусов, компетенций и возраста, координирующих под руководством лидера свою исследовательскую деятельность, внесших вклад в реализацию и развитие исследовательской программы и способных активно представлять и защищать цели и результаты этой программы». К числу важных признаков школы также относятся традиции мышления, наличие ори-

гинальной концепции, особый стиль мышления, особая научная атмосфера, способность генерировать новые идеи [15]. Иными словами, функционирование столь необходимых для жизнеспособности университета сообществ невозможно без той части студенчества, которая наряду с потреблением и усвоением знаний, предусмотренных образовательной программой, одновременно постигает искусство производства нового знания. В конечном счете, именно от наличия резерва квалифицированных исполнителей, готовых расширять спектр научных разработок, способных к профессиональному росту, мобильных и восприимчивых к новым идеям, зависят конкретные показатели качества работы вузовских коллективов. К их числу относятся актуальность, новизна и своевременность выполнения кандидатских и докторских диссертаций, средний возраст научно-педагогических работников, уровень публикаций, количество заявок, поданных на участие в конкурсах научных работ, и их результативность, масштабы патентной деятельности, инновационная активность научных коллективов и проч.

Воспитание в студентах чувства причастности к научной школе, культуры интеллектуального труда следует расценивать как необходимый компонент миссии университета. Результатом этой деятельности, кроме непосредственных научных отчетов, должно быть применение выпускниками полученных знаний и развитие вузовских, российских и международных исследовательских проектов.

Важным условием интеграции науки и образования является **преодоление научно-образовательного изоляционизма и провинциализма, повышение уровня мобильности студентов и преподавателей, расширение информационного обмена**. Социокультурной предпосылкой укрепления тенденций интернационализации науки и образования является глобализация, создающая условия для повышения информационного потенциала культуры [16]. Установки на интенсифика-

цию научного и образовательного взаимодействия университетов, научных организаций и отдельных ученых в пределах как российского, так и международного научно-образовательного пространства имеют не только прагматическое (знание с научными достижениями, новыми методиками, установление персональных контактов, согласование стандартов и критериев оценки качества обучения и проч.), но и философское обоснование. Суть его – в наличии ярко выраженного антропологического аспекта науки и культивирующей её достижения гуманистической образовательной парадигме. «Целью науки становится не просто рост объективного, общечеловеческого знания, которое может быть равно направлено как во благо, так и во зло для человечества, а получение знаний, способных обеспечить выживание и процветание человечества, – отмечают В. В. Лаптев и С. А. Писарева. – “Человеческая ценность” выступает существенной характеристикой постнеклассического знания. Истина во все большей мере выступает как человеческая истина, «вырывающаяся» у сущего, в том числе и средствами науки» [17].

При всей относительности категории «человеческая ценность», в ней все же заложен определенный универсальный смысл: постижение истины может осуществляться разными способами, и новое знание, добытое в процессе научного поиска, став достоянием «человека образованного», должно служить улучшению общества, его защите от угроз современного мира.

Примечания

1. Прогноз развития высшего образования в России 2009–2011 гг. / под ред. Т. А. Клячко. М., 2009. С. 6.

2. Научные и научно-педагогические кадры инновационной России: материалы заседания Межведомственной рабочей группы. Москва, 19 июня 2007 г. // Информационный бюллетень. 2007. № 4. С. 18. Идеи о необходимости согласования интересов всех членов триады государство – организация – человек развивал на этом заседании проректор по научной работе

и экономике Московского государственного технического университета гражданской авиации А. И. Козлов.

3. Каминский Д. От кризиса до кризиса: состояние и перспективы рынка труда молодых специалистов // Ученый совет. 2009. № 9. С. 20.

4. Научные и научно-педагогические кадры инновационной России: материалы заседания Межведомственной рабочей группы. Москва, 19 июня 2007 г. // Информационный бюллетень. 2007. № 4. С. 6, 7, 8.

5. Стенографический отчет о совещании по развитию сети научно-образовательных центров в России. Стенографический отчет. МИФИ, 24 июля 2008 г.

6. Арефьев А. Л. Научно-образовательное взаимодействие российско-американских вузов // Научно-образовательное сотрудничество вузов России и университетов США. Анализ опыта: материалы конф. Москва, 30 ноября 2006 г. М., 2007. С. 26–27.

7. Ученый совет. 2009. № 4. С. 29–30.

8. Жолков С. Ю. Качество образования – качество социума: чему и как учить // Alma mater. Вестник высшей школы. 2009. № 4. С. 16.

9. Акулова О. В. Новые требования к методическому обеспечению образовательного процесса в вузе в условиях перехода на уровневую систему // Модернизация подготовки педагогических кадров в условиях перехода на уровневое образование: материалы Пленума УМО по направлениям педагогического образования / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 18–21 февраля 2008 г. СПб., 2008. С. 135.

10. Ауров О. Реформа высшего образования: взгляд из Москвы // Свободная мысль. 2008. № 2. С. 122.

11. Балацкий Е. Престиж и репутация российских вузов // Платное образование. 2008. Март. С. 17, 18.

12. Прогноз развития высшего образования в России 2009–2011 гг. / под ред. Т. А. Клячко. М., 2009. С. 8. А. Кортунов пишет об этом только применительно к студенчеству. Вероятно, это не совсем точно отражает суть проблемы, поскольку научно-педагогический состав вузов в этом отношении представляет собой не менее проблемную социальную группу.

13. Балацкий Е. Указ. соч. С. 18.

14. Такими данными, в частности, оперировал директор Департамента научно-технической и инновационной политики Министерства образования и науки Российской Федерации А. В. Хлунов. См.: Научные и научно-педагогические кадры инновационной России: материалы заседания Межведомственной рабочей группы. Москва, 19 июня 2007 г. // Информационный бюллетень. 2007. № 4. С. 6.

15. Богословский В. И., Извозчиков В. А., По темкин М. Н. Наука в педагогическом университете: Вопросы методологии, теории и практики / под ред. В. И. Богословского. СПб., 2000. С. 117.

16. Устюгова Е. Н. Глобализация и культура: исторический контекст // Философские науки. 2005. № 12. С. 59.

17. Лаптев В. В., Писарева С. А. Современные диссертационные исследования в сфере образования: гуманитарные основания оценки качества. СПб., 2008. С. 124.

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.1

Ж. Т. Тощенко

ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ И СТРУКТУРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В статье дается обобщенное представление о таком компоненте теоретической социологии, как социологическое знание, его основных характеристиках, его целостности и завершенности, анализируются многообразные формы существования социологического знания, его структуры и уровни.

In the article the general concept about such component of theoretical sociology as sociological knowledge, its basic characteristics, its integrity and completeness are given, diverse forms of existence of sociological knowledge, its structure and levels are analyzed.

Ключевые слова: парадигма, реализм, номинализм, конструктивизм, социологическое знание, структура, уровни, социология жизни, теоретическая и эмпирическая социология, макро- и микро-социология, общесоциологическая теория, отраслевая социологическая теория, специальная социологическая теория, частная социологическая концепция.

Keywords: paradigm, realism, nominalism, constructivism, sociological knowledge, structure, levels, sociology of a life, theoretical and empirical sociology, macro-sociology, micro-sociology, general sociological theory, the branch sociological theory, the special sociological theory, the private sociological concept.

Парадигмы как основа методологических стратегий социологии. В настоящее время имеются различные точки зрения на соотношение теории, методологии и методов в структуре социологического знания. Они определяются в зависимости от тех научных принципов, которых придерживаются авторы в исследованиях социальной реальности и которые воплощаются в интерпретации исследуемых ими процессов и явлений. Несмотря на многообразие трактовок исходных положений, реально существуют и функционируют три парадигмы и соответственно методологические стратегии: социологический реализм (объект исследования – общество, социальные системы, социальные структуры, социальные институты), социологический номинализм (объект исследования – индивид, личность, человек, социальные группы и общности) [1]. В кон-

це XX в. была обоснована конструктивистская парадигма [2]. В соответствии с этими парадигмами структура и понятийный аппарат социологической стратегии зависит от того, какой аспект социальной реальности, социальной жизни выступает предметом анализа, и тогда основополагающим исходным понятием выступают либо общество, либо человек как личность, либо синтез того и другого и их органическая целостность (см. табл. 1). Итак, все многообразие имеющихся в социологических работах (трудах, исследованиях) подходов можно соотнести с тремя основными парадигмами.

Традиция *социологического реализма* и его ориентации на «общество» восходят к О. Конту, Г. Спенсеру и практически ко всем представителям социологии в XIX в., в том числе и отечественным, а в XX в. получила определенную модификацию в работах Э. Дюркгейма, затем Т. Парсонса, Р. Мертона, Р. Дарендорфа и др. Они изучали общество посредством исследования социальных систем, социальных институтов в основном с точки зрения их организации и функционирования, и нередко вне процессов их эволюции.

Однако, как было установлено еще на грани XIX–XX вв. (М. Вебер), ориентация на исследование преимущественно структур (систем) не эвристична, оно хотя и может дать строгое описание объекта, но закрывает возможность объяснить его развитие и функционирование. Это признавал уже Р. Мертон (1910–2003), который видел и понимал слабые стороны теории Т. Парсонса (1902–1979).

Таким образом, трактовка социальных систем, социальных сетей как предмета социологии уязвима. Об этом говорит и другой факт: структурно-функциональный подход наталкивается на колоссальные трудности при анализе общества переходного периода, когда системы и общности «плывут», теряют определенность и поэтому не могут быть базой достоверной информации. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на позицию Ч. Р. Миллса, А. Гоулднера и особенно французского социолога А. Турена, которые подвергли резкой критике структурный функционализм, считая, что он нацелен лишь на обеспечение порядка, равновесия, а не на поиск новых возможностей для развития общества [6].

Целесообразно учесть еще одно немаловажное обстоятельство – социальные системы и ин-

ституты – очень «неудобный» объект для сравнительных кросскультурных (международных) исследований. Они настолько различны, что при их сравнении возникает вопрос о достоверности получаемой и сравниваемой информации. Сама реальная практика социологии не перестает обращаться к одному и тому же источнику информации – человеку, что предполагает анализ не столько функций социальных систем, а того, что делает человека участником общественной и повседневной жизни. Впрочем, сами «системщики», работая на эмпирическом уровне, так и поступают, апеллируя главным образом к информации, характеризующей сознание и поведение людей.

Рассуждения о социальных системах (а под ними стали пониматься широкая совокупность общественных процессов – вплоть до человечества в целом, что впоследствии породило глобалистские концепции социологии) оживили никогда не исчезающую тенденцию к поглощению социологии социальной философией. При таком подходе реальность перестает существовать. Вместо нее появляются логические конструкты, которые или не имеют отношения к повседневной действительности, или слишком абстрагируются от нее.

Модификация этой парадигмы нашла отражение в работах многих социологов, в том числе российских (советских) [3]. Этот подход отразил попытки найти более приемлемую методологическую стратегию, которая в известной степени дистанцировалась бы от такого предельно широкого понятия, как общество, и была в то же время связана с эмпирическими исследованиями. Однако, как показало время, трактовка объекта и предмета социологии только на уровне категории «общество» и его производных не отвечает на многие вопросы, так как понятийный аппарат «плывет», включая в себя слишком разные сущности, многие понятия размываются временем, серьезно видоизменяются, а иногда и теряют свой первоначальный смысл.

Даже такое классическое понятие, как социальная структура, постепенно модифицируется, ибо многие ее элементы в современной ситуации исчезли или исчезают; ряд ее элементов серьезным образом видоизменился; появились новые,

ранее неизвестные элементы. Такие, казалось бы, классические понятия, как рабочий, крестьянин, приобрели «неустойчивость», аморфность, ибо в зависимости от изменившейся жизни, от разного социально-экономического положения, от перемещения из одной сферы приложения труда в другую эти группы (классы) потеряли свою сущностную основу настолько, что говорить о каких-то содержательных однородных признаках весьма затруднительно. А если посмотреть на некоторые внешние признаки, то об этих группах можно говорить с большой долей приближенности. Соответственно, анализировать эти группы в духе теорий XIX в. было бы неполным, опрометчивым и поспешным. Как показали социологические исследования еще в 1970-е гг. (см. работы М. Н. Руткевича, Ф. Р. Филиппова), многие черты сознания и поведения людей из различных страт были *ближе* друг к другу, чем эти же черты внутри одной и той же социальной группы.

Например, мировоззрение и образ жизни людей внутри социально-профессиональных групп могут быть настолько различными, что теряет смысл объединять их в какое-то заранее зафиксированное, формализованное понятие: ведь внутри этих групп существуют огромные различия по материальному достатку, по месту в системе разделения труда, по целям, ценностям, потребностям и интересам. Это делает их (по существу) не сводимыми к одним и тем же однородным показателям. В связи с этим возникает вопрос: что, собственно, будет выступать социальной реальностью – профессиональные группы или носители одного (сходного) образа жизни и мировоззрения, но представляющие разные социальные слои и общности? Ответ очевиден: объединяющей характеристикой окажутся идеи, взгляды, мироощущение и практика их реализации.

Таким образом, центральное понятие этой парадигмы – общество и его производные – социальная структура, социальные системы, социальные институты – имеют серьезные ограничения при исследовании социальной реальности. Использование этого подхода в качестве методологической стратегии не всегда может ответить на злободневные проблемы современности,

Таблица 1

Парадигмы (методологические стратегии) социологии

Парадигмы	Время возникновения	Предмет науки
Социологический реализм	Середина XIX века	Общество, его структура, социальные системы, социальные институты. В XX веке – все человечество, цивилизации
Социологический номинализм	Начало XX века	Человек, личность, индивид, социальные общности
Социологический конструктивизм	Конец XX века	Общественное сознание и поведение в условиях конкретной среды

ибо эти понятия, по сути, являются сущностями второго и третьего порядка, которые надстраиваются над сущностями первого порядка. На последние и акцентируют внимание другая парадигма – социологический номинализм – и соответственно ей методологическая стратегия.

Эта другая парадигма имела своей предтечей идеи Джона Стюарта Милля, современника О. Конта. Дж. Милль ратовал за психологию индивидуально ориентированной личности. Наиболее четкое оформление эти идеи приобрели в трудах М. Вебера, Дж. Хоманса, Дж. Мида, а также у представителей русской социально-психологической школы конца XIX – начала XX в. Эта парадигма обращается к человеку, ориентируется на то, что *решающая роль в реальной жизни принадлежит людям, их деятельности*. Ее сторонники в центр своего анализа ставят личность, которая становится исходным понятием социологии. В дальнейшем их идеи были развиты Н. Элиасом, обратившим внимание не только на саму личность, но и на их взаимодействие. Именно анализ такого феномена – «человек в обществе» – позволяет с наибольшей полнотой судить как о человеке, так и об обществе.

В современной социологии эта тенденция находит отражение в работах А. Турена, З. Баумана, П. Бергера [4]. На феномен взаимодействия как коммуникацию обратил внимание Ю. Хабермас. Показательно, что такой известный политический деятель и ученый, как З. Бжезинский, убежден, что человечество все больше сталкивается с необходимостью «личностного измерения человеческой жизни» и что в связи с этим мы стоим перед «новой эрой в отношениях между людьми» (1999).

Отмечая сдвиг современной социологии «к субъективно-понимаемому», шведский социолог П. Монсон поясняет: «Субъективность присутствует здесь двояким образом, частично в самом исследователе, частично – в объектах, в людях, которые он изучает. Вопрос о том, каким образом можно состыковать эти две субъективности, является важной методологической проблемой» [5].

В течение XX в. многие социологи стремились устранить противоречивость методологической базы вышеназванных парадигм, осуществляли попытки преодолеть деление социологии на объективно-предметный и субъективно-ценностный подход. Даже Т. Парсонс, ориентируясь на общество как определяющее понятие, уделил большое внимание влиянию и роли социальных действий. Во второй половине XX в. намерения соединить макро- и микроподход, объективистский и субъективистский подход осуществляли П. Бурдьё (1994), Н. Луман (1996), отчасти М. Арчер (2000), в последние годы П. Штомпка (2001). Среди отечественных исследователей этот прием

осуществила Н. Н. Козлова, в трудах которой с наибольшей полнотой нашла отражение концепция повседневности.

Однако данная методологическая стратегия не объясняет, как человек, люди «попадают» в эти социальные общности, социальные структуры, другие социальные образования. Явившись в мир, человек проходит ряд этапов в своем развитии, чтобы определиться со своим социальным положением в обществе. А это положение никаким образом заранее не предопределено: оно зависит не только от объективных обстоятельств, но и от воли, действий и других целенаправленных акций самого человека. Стоит также отметить, что неудовлетворенность ранее сформулированными определениями объекта и предмета социологии проявилась в поисках иных концепций, претендующих на новое слово в трактовке исходных теоретико-методологических проблем социологии: феноменологическая социология, драматургическая социология, этнометодология, теория рационального выбора, школа ультрадетальных эмпирических исследований и др.

Поэтому наряду с вышеназванными парадигмами в социологии постепенно происходит становление еще одной парадигмы и соответствующей методологической стратегии – социологического конструктивизма, учитывающего взаимосвязи между макро- и микросоциологией; между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом; между структурно-функциональной и конфликтологической ориентациями и ориентированного на рассмотрение объекта и предмета социологии в единстве объективных условий и субъективных факторов. Предтечей этой методологической стратегии была концепция К. Маркса, пытавшегося осуществить синтез общественной среды и роли человека в историческом процессе, а затем концепция Г. Зиммеля с ее идеей эволюции, социально-культурного развития, интеллектуализации общества и развития товарно-денежных отношений. Одним из проявлений этой методологической стратегии стала концепция *социологии жизни*, зачатки которой проявили себя еще в XIX в., но не привлекли тогда должного внимания.

В XX в. эту направленность на интеграцию объективных и субъективных компонентов стали разделять все больше представители социологической науки. Приведем слова Д. Белла: «Идеи и культуры не меняют ход истории – по крайней мере, в одночасье. Однако они являются необходимой прелюдией к переменам, поскольку сдвиги в сознании – в системе ценностей и моральном обосновании – толкают людей к изменениям их социальных отношений и институтов» [7]. Еще большую определенность в ориентации на творческую деятельность человека как основ-

ной предмет исследований социологии выразил Э. Гидденс, назвав ее «ослепительным и захватывающим предприятием, чьим предметом является поведение людей как социальных существ». Его концепция структуризации, осуществляемая агентом, есть снятие противостояния личности и общества [8].

Русская социология в XIX – начале XX в. во многом характеризовалась тем, что ей была присуща гуманистическая направленность – обращение к человеку как творцу, активному участнику преобразований в обществе, создателю новой реальности. Объектом изучения социологов становилась все большая группа вопросов, характеризующих состояние сознания людей, их поведение и отношение к происходящим в обществе процессам, их профессиональное, национальное и региональное звучание. Человек развивается как родовое, общественное существо и прежде всего при помощи своего сознания и его реализации во всех сферах общественной жизни, что отметил еще на рубеже XX в. А. А. Богданов, когда, раскрывая сущность учения К. Маркса о природе и общества, писал, что в борьбе за существование люди не могут объединяться «иначе, как при помощи сознания» [9].

В современной отечественной социологии такая методологическая стратегия в определенной степени разделяется Ю. Г. Волковым (1999), С. А. Кравченко (2002), С. И. Григорьевым (1998), И. М. Поповой (2000) [10]. Своеобразный синтез общества и личности олицетворяет антропосоциетальный подход, обоснованный Н. И. Лапиным [11]. Отмечу поиск в этом направлении Ю. М. Резника [12]. В более обобщенном виде эта парадигма нашла отражение в работах автора данной статьи (1991, 2001, 2005, 2008). Здесь в центр внимания ставятся *сознание и поведение* человека, его отношение и реакция на изменения своего статуса, своего места не просто как отдельного индивида, но и члена определенной социальной группы, представителя определенного общества, нередко в его парадоксальном развитии. Предполагается одновременный анализ деятельности в условиях определенной общественной среды (макро-, мезо- и микроусловий) социальной жизни человека. Все это образует концепцию *социологии жизни*, которая сочетает в себе субъективные факторы и объективные условия и учет взаимоотношений общества и человека. Говоря словами Бергера, суть социологии – «человек в обществе, общество для человека» [13]. Именно это образует предмет социологической науки [14].

В самом деле, мы в реальной жизни встречаемся не со структурами, а с сознанием и поведением людей, через которые мы выходим на анализ различных форм организации общественной

жизни – институциональный, стратификационный, управленческий и др. Все это позволяет сделать вывод, что в конструктивистской стратегии, выработанной в концепции социологии жизни, преодолеваются крайности в трактовках сути социологии – через оперирование понятием *социальной реальности, ее универсальностью, уникальностью и надындивидуальностью и в то же время измеряя эту социальную реальность посредством сознания, поведения и окружающей среды.*

* * *

Структура социологического знания. Анализ социологического знания позволяет охарактеризовать содержание любой парадигмы, так как каждая из них не может быть представлена в виде некоей аморфной информации, не имеющей определенности, завершенности и соответствующих (пусть и условных) границ. Это вызывает потребность в более обстоятельном анализе его структуры, уровней, особенностей и специфики. Учитывая особенности представлений о структуре социологического знания в западноевропейской и американской социологии, сосредоточим внимание на идеях и предложениях отечественных социологов.

Во-первых, хотя это может показаться странным, есть немало таких произведений, особенно учебников, где такой вопрос вообще не ставится и не обсуждается.

Во-вторых, структура социологического знания часто сводится только к ее делению на макро- и микросоциологию, что в общем не вызывает сомнения, но и ничего принципиально нового не открывает [15].

В-третьих, имеются предложения структурировать социологическое знание через анализ всех направлений научной мысли, включая и естествонаучное знание, находя в ней место социологии [16].

В-четвертых, структура сводится к обзору существовавших и существующих научных школ в социологии, причем каждая объявляется особой парадигмой [17].

В-пятых, во многих работах наряду с макро- и микросоциологией нередко подробно анализируется теоретическая и эмпирическая социология [18].

В-шестых, продолжает существовать в концепциях отечественных исследователей трехуровневая интерпретация социологии, восходящая к Р. Мертону с его знаменитой формулировкой о теориях среднего уровня [19].

Также следует отметить многочисленные попытки рассмотреть структуру социологического знания по нескольким основаниям, что позволяет более полно представить многообразие ее содержания [20].

Таким образом, обосновываются различные виды классификации структуры социологического

знания в зависимости от тех методологических принципов, которые применяет исследователь для познания социальной реальности. Есть предложения определять структуру социологии с учетом всего научного знания, когда в объяснение ее содержания вовлекается знание, накопленное всеми науками (А. И. Кравченко, 2001) или социальными и гуманитарными науками (О. Н. Козлова, 2004). Мы же исходим из того, что следует структурировать *только то знание, которое называется социологическим*, а также знание, которое рождается в процессе взаимодействия с другими социальными науками.

Структура социологического знания может рассматриваться: во-первых, как теоретическая и эмпирическая социологии, во-вторых, как фундаментальная и прикладная, в-третьих, по объектно-предметному принципу (табл. 2).

В теоретической социологии *обосновывается и разрабатывается базовый, исходный уровень социологического знания* – теория и методология, сосредоточивающие свое внимание на определении и уточнении объекта и предмета социологической науки, ее категориального и понятийного аппарата, закономерностей (тенденций) развития как социальной реальности, так и самой социологии, ее функций, места среди других наук. В рамках этого анализа привлекается и исторический материал (история социология), который показывает генезис идей, появление, рождение и угасание поисков (теорий, концепций), а также уточнение места социологии в структуре социального и гуманитарного знания. На этом уровне вовлекается (адаптируется, приспособляется) теоретическое знание других наук как способствующих уточнению, обогащению и развитию социологического знания.

Важнейшей характеристикой и составной частью теоретической социологии являются *методология и методы познания социальной действительности*.

Во-первых, она использует логический метод, когда из совокупности имеющейся информации выводится непротиворечивое, последовательное знание. Во-вторых, она опирается на исторический метод и онтологию, когда определяется генезис знания, категорий и понятий. В-третьих, она руководствуется методами системного анализа, когда учитывается вся совокупность как основных, так и опосредованных связей. Наконец, она применяет статистические и математические методы, позволяющие упорядочить накопленную информацию и выявить тенденции развития общественной жизни [21].

Назначение теоретической социологии состоит также в том, чтобы, опираясь на накопленное научное знание, осуществить типологизацию и классификацию имеющейся (накопленной) социальной информации. Она включает в себя и *гипотетическое знание*, которое в дальнейшем может быть подтверждено либо опровергнуто. К компетенции теоретического знания относится выявление закономерностей (законов), тенденций и перспектив развития как изучаемых процессов и явлений, так и самой социологической науки.

Парной категорией (контрагентом) теоретического знания выступает эмпирическая социология, которая характеризует специфическую форму социальной информации. Данная информация может иметь *упорядоченный характер* (если получена с помощью научных методов) либо *стихийный характер*, когда данные накапливались по мере осуществления деятельности субъектов исторического процесса самым разнообразным образом. В последнем случае информация приобретает ценность как регистрация происходящих явлений и процессов, их последствий, а фиксация фактов нередко имеет прикладное, утилитарное значение.

Эмпирическая социальная информация выражается в виде статистических и социологических данных, документов, публикаций, сведений

Таблица 2

Структура социологического знания

Структура социологического знания	Методы исследования	Назначение исследований	Наименование социологических дисциплин
Теоретическая и эмпирическая социология	Общенаучные и специальные социальные методы	Обогащение теории	Теория, методология и история социологии
Фундаментальная и прикладная социология	Социологические и статистические методы познания	Обогащение научного знания и способов решения существующих общественных проблем	Отраслевые и специальные социологические теории
Макро- и микросоциология	Историко-логические, системные и эмпирические методы познания	Обогащение научного знания и решение глобальных и локальных проблем	Метасоциология и методика социологических исследований

личного характера (письма, дневники, воспоминания) и т. д., которые для того, чтобы играть роль в познании, нуждаются в научной (теоретической) интерпретации, объяснении, описании. Здесь уместно сказать, что если социологию представить в виде суммы текстов, то 80–90% из них составят отчеты, первичные документы, записки, варианты осмысления проведенных исследований, различные статистические и социологические (в основном, эмпирические) данные.

Характер и формы эмпирической социологической информации определяют *методы ее получения* – опросы, интервью, контент-анализ, экспертные оценки и т. д. Эмпирическое знание, таким образом, представлено всеми видами и формами конкретной информации, включающими в себя совокупность статистических и документальных данных, социологических показателей и индикаторов развития изучаемых процессов и явлений.

Очевидно, что без особым образом организованной эмпирической информации не могут быть осмыслены реалии сознания и поведения человека ни в демографическом, ни в профессиональном, ни в национальном, ни в социально-правовом и других аспектах.

Деление социологического знания на *фундаментальную* и *прикладную* социологию призвано ответить на вопрос, каков способ не только получения, но и решения актуальных проблем, ставших предметом социологической науки. И в том и другом случае присутствует и теоретическое, и эмпирическое знание, хотя их пропорция и соотношение серьезно разнятся. Многолетний опыт социологических исследований показывает, что в них обычно соединены обе группы задач: наличие в фундаментальной и прикладной социологии теоретического и эмпирического уровня может рассматриваться в качестве одного из важных аргументов включения в социологическую науку общесоциологических и конкретных исследований в качестве двух уровней единого знания.

Различие между теоретической и эмпирической, с одной стороны, фундаментальной и прикладной – с другой, состоит в следующем: первая классификация характеризует способ (методы) познания действительности, вторая – способы и методы не только познания, но и решения научных проблем. Поэтому эти классификации не следует противопоставлять друг другу по принципу выше – ниже, богаче – беднее. Вместе с тем, научный подход базируется в первую очередь на теоретическом осмыслении, которое постоянно обогащается эмпирической информацией, особенно если она получена в ходе фундаментальных исследований. Поэтому большое место в социологической теории отводится катего-

риальному и понятийному аппарату, уточнению их интерпретации как в свете накопленных данных, так и новой информации, поставляемой эмпирической социологией. Причем следует подчеркнуть, что особенно плодотворно рассматривать взаимосвязь фундаментальных и прикладных аспектов социологии в рамках отраслевых и специальных социологических теорий.

Стоит остановиться на еще одной классификации. Существуют концепции, которые рассматривают социологию как *макро- и микросоциологию*. Если первую интересует общество как целостный социальный организм, его структура, социальные институты, их функционирование и изменение, то микросоциология обращена к социальному поведению, межличностному общению, мотивации действия, социализации и индивидуализации личности, стимулам групповых поступков.

Ряд исследователей обращает внимание на необходимость теоретического осмысления метасоциологии, объектом которой является сама социология, ее познавательные возможности, закономерности ее развития. Теоретическое знание не только не исключает, а обязательно предполагает анализ познавательных возможностей социологии, ее концепций, взглядов, обобщений и парадигм, а также ограничений и пределов достижения истины в процессе исследований.

* * *

Уровни социологического знания как элементы его структуры. Социологическое знание может быть представлено также по *уровню и степени осмысления* всего объекта и предмета социологии или одной из их сторон, частей, фрагментов. Это деление по уровням отражает *объектно-предметный принцип познания*. Этот принцип предполагает несколько уровней анализа (см. табл. 3).

Таким образом, социологическое знание, во-первых, представлено *общесоциологическими теориями*, которые отражают и выражают методологические стратегии и обосновывают формы и методы познания социальной реальности во всем многообразии ее общественных связей. Согласно этому подходу объектом и предметом анализа может выступать или общество, или человек, или их соединение, что находит отражение в различных социологических парадигмах. В свою очередь эти подходы могут дифференцироваться, и тогда количество общесоциологических теорий резко возрастает. Так, некоторые исследователи (Э. Гидденс, Дж. Александер, Ю. Г. Волков) считают, что все существующие школы в социологии имеют свои стратегии или подходы, выражающиеся в постановке ряда принципиальных методологических вопросов.

Во-вторых, следующий уровень образуют *отраслевые социологические теории*, или обобщающие: экономическая и политическая социологии, социология социальной и духовной сфер жизни общества. Они направлены на анализ не всего общества в целом (как в первом случае), а его основных сфер – экономической, социальной, политической и духовной. Это деление общества на четыре сферы обосновано в социально-философской литературе (см. труды В. С. Барулина, Г. С. Арефьевой, В. П. Рожина и др.) и связано с определенными видами деятельности – трудовой (производственной), социальной (в узком смысле этого слова), политической и культурной (духовной).

Что касается *экономической социологии* (см. работы Т. И. Заславской, В. В. Радаева, Г. Н. Соколовой, В. И. Верховина, И. В. Рывкиной и др.), то в ее рамках исследуются социальные проблемы экономической жизни общества – посредством изучения сознания людей и соответствующего типа поведения, связанных с реализацией целей и задач общественного производства, с процессом удовлетворения потребностей и интересов людей в условиях функционирования социально-экономических отношений.

Обращаясь к другой сфере общества, к *социальной жизни* (см. работы Ю. В. Арутюняна, Г. И. Осадчей, М. Н. Руткевича, В. Н. Иванова, З. Т. Голенковой, О. И. Шкаратана и др.), следует отметить, что социология в этой сфере изучает такие важнейшие и принципиальные пробле-

мы, как социальная структура во всем ее многообразии, социальные процессы и институты, социальные общности. Здесь исследуются предпосылки, условия и факторы превращения классов, социальных слоев и групп в субъекты созидательной деятельности.

Политическая социология изучает огромный пласт перехода от объективного к субъективному, сознательному развитию. Она изучает политические (классовые, групповые) интересы, которые базируются (и исходят из них) на воле, знаниях и действиях, методах и формах выражения политической деятельности человека, классов и социальных групп и обращены ко всему спектру чувств, мнений, суждений и отношений людей к процессам функционирования властных организаций. Это позволяет представить пути функционирования государственности, выявить болевые точки развития политической жизни (см. работы И. Валлерстайна, А. Вевёрки, Е. Вятра, А. В. Дмитриева, В. Э. Бойкова, В. Д. Виноградова, Н. А. Головина, М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги и др.). К проблемам политической социологии относятся деятельность политических организаций и объединений, формы и методы их работы в новых общественных условиях, способность оперативно откликаться на то или иное развитие событий. И наконец, объектом социологии в сфере политики является политическое сознание, анализ его реального состояния, функционирование политической культуры как одной из существенных предпосылок достижения прогрессивных целей.

Таблица 3

Уровни социологического знания

Уровни (иерархия)	Объект исследования	Социологическая дисциплина
Общесоциологические теории	Социальная реальность во всем ее разнообразии	Классическая и современная теории, социологические школы
Отраслевые социологические теории	Основные сферы жизни общества	Экономическая, политическая социологии, социальная структура, социология духовной жизни
Специальные социологические теории	В рамках <i>экономической</i> социологии – труд, рынок, город, село и т. д. В рамках <i>социальной жизни</i> – социальная структура, этносы, молодежь и т. д. В рамках <i>политической</i> социологии – государство, общественные организации, право, армия и т. д. В рамках <i>духовной жизни</i> – образование, наука, культура, СМИ, религия и т. д.	В экономической социологии – социология рынка, социология труда, социология города и села и т. д. В социальной структуре – этносоциология, социология молодежи, социология семьи и т. д. В политической социологии – социология власти, социология партий и общественных движений, социология армии. В социологии духовной жизни – социология личности, социология образования, социология культуры, социология науки
Частные (вспомогательные) социологические концепции	Производные от специальных социологических теорий	Например, в социологии образования изучаются отдельные компоненты: дошкольное воспитание, общее и среднее специальное образование, высшее образование, непрерывное образование и т. д.

Четвертой по счету, но не по значению, обобщающей специальной социологической теорией является социология *духовной жизни* общества, исследующая деятельность по освоению имеющихся культурных ценностей, созданию новых, распределению и потреблению накопленных (см. работы М. Арчер, О. Н. Козловой, А. И. Шендрика, А. Г. Ионина, А. Н. Когана, С. Н. Иконниковой и др.). Этот процесс является сложным, многоплановым и неоднозначным. Поэтому важно определить его составляющие. К таким структурным элементам следует отнести процесс социализации личности, образование, массовую информацию, культурно-просветительную деятельность, литературу, искусство, науку. Сквозным для всех подсистем духовной жизни является тот факт, что сознание и поведение человека выступают объектами главного интереса конкретных исследований, когда многообразие духовного мира порождает возможность различных подходов и способов решения возникающих общественных проблем.

Наконец, к отраслевым социологическим теориям относится *социология управления* (см. работы Ю. П. Аверина, Е. М. Бабосова, Ю. Д. Красовского, В. В. Щербины, А. В. Тихонова, М. В. Удальцовой и др.). Она связана с решением особого класса задач – использование механизма регулирования социальных процессов – и может рассматриваться самостоятельно, на уровне выявления неких общих характеристик, независимо от конкретных обстоятельств. Кроме того, она может применяться в рамках каждой из сфер общественной жизни и составляющих их элементов, что требует выявления и анализа специфических особенностей управления в каждой конкретной области сознания и поведения людей.

В-третьих, существуют *специальные социологические теории*, посредством которых описываются общественные процессы и явления, их специфические связи с другими явлениями и процессами, которые в своей целостности являются неотъемлемой составной частью той или иной сферы общественной жизни. Здесь рассматриваются не глобальные взаимодействия, а характерные связи в рамках конкретной сферы общественной жизни. Иначе говоря, каждая из системных (обобщающих, отраслевых) социологических теорий состоит из совокупности специальных теорий, которые нацелены на изучение процессов, образующих социально-экономические явления: социологию труда, социологию рынка, социологию города и села, демографические и миграционные процессы и т. д.

В этом же смысле в рамках социальной жизни и соответствующей социологии изучается социально-профессиональная и поселенческая структуры, этносоциология, социология молоде-

жи, семьи и т. д. В свою очередь, политическая социология состоит из таких теорий, как социология власти, политических партий и общественных движений, социология права (хотя некоторые исследователи выделяют ее в самостоятельную научно-прикладную теорию), военная социология, международных отношений. Что касается социологии духовной жизни, то она представлена социологией образования, культуры, религии, СМИ, науки, литературы и искусства.

Для возникновения и становления как отраслевых, так и специальных социологических теорий необходимо выполнение двух условий: нужно, чтобы эти теории обладали собственным и относительно замкнутым понятийным аппаратом, характеризующим сущность и специфику исследуемых реальностей; и необходимо, чтобы имелась общественная потребность в их рассмотрении с социологической точки зрения, т. е. в изучении специфических связей между этими явлениями и обществом как совокупностью всех общественных отношений.

Сегодня оформилось свыше 50 основных отраслевых и специальных социологических теорий. Их положение все еще полностью не осмыслено как с точки зрения перспектив социологии, так и с точки зрения общественных потребностей. Анализ их места в структуре социологического знания предполагает постоянный критический обзор их развития, особенно тех, которые имеют непосредственное значение как для понимания места, роли и функций социологической науки, так и для повышения эффективности и качества исследований.

Отраслевые и специальные социологические теории соединяют теоретико-методологическое знание с эмпирическими данными, полученными в ходе конкретных исследований. Они представляют собой единство теоретического знания (или теоретических замыслов) и эмпирической их проверки, в результате чего уточняются исходные положения, результативность и эффективность методологии и методики.

Особо подчеркнем, что если в социологии более, чем в любой другой общественной науке, заметно разделение на теорию и эмпирию, то это ни в коем случае не означает, что они существуют раздельно, не взаимодействуя между собой.

В-четвертых, наряду с отраслевыми и специальными социологическими теориями существуют *частные (вспомогательные) концепции*, объектом изучения которых выступают конкретные явления и процессы, производные от более «объемных» процессов и социальных феноменов. Такими объектами исследования являются, например, в рамках социологии образования высшее или дошкольное образование, в рамках социологии молодежи – молодежные движения,

группы по интересам и т. д. Такая детализация вышеупомянутых теорий не вызывает возражения; кроме одного – изучение многих частных явлений нередко называют тоже «социологиями», в результате чего возникает дурная бесконечность, которой нет и предела. И в социологии стоит применить принцип бережливости, названный «Бритвой Оккама», согласно которому сущности не должны умножаться без необходимости. Исходя из данного принципа, в этой ситуации следует изучать определенный конкретный процесс или явление и обозначать это как предмет (объект) социологического анализа, не приклеивая к нему без необходимости термин «социология».

В заключение стоит отметить, что в социологии долгое время господствовала (и сейчас ее придерживаются некоторые ученые) так называемая *теория среднего уровня*, которую обычно связывают с именем Р. Мертон. Этот типичный прием, характерный для американской социологии, возник под мощным влиянием прагматических потребностей. В нашей стране этот подход прижился после частичной реабилитации социологии в 1960-е гг. Но весьма своеобразно. Он олицетворял компромисс между официально утверждаемой концепцией исторического материализма как общесоциологической теории и стремлением все же выделить «свою» социологическую теорию, которая долгое время камуфлировалась под так называемый среднестатистический срез. Но такой подход, как справедливо отмечал А. В. Кабыща, напоминает русскую матрешку и мало что прибавляет к классификации науки и ее разделов.

В ситуации, когда социология отождествлялась с историческим материализмом, статус теорий среднего уровня (частных теорий) оказался двусмысленным. Когда теоретический уровень социологии был представлен философией, то ему не оказывалось в ней места, так как ее теории являются теориями нефилософскими. Но они в то же время «теории». Так каково же их соотношение с теоретической социологией? Если же их отнести к эмпирическим исследованиям (они образовывали третий, согласно Мертону, уровень), не означает ли это, что эмпирия не имеет достойного научного статуса? И насколько оправданно выделять все эти уровни по разным основаниям?

Такое структурирование вызвало серьезные возражения со стороны многих социологов, в частности П. Бурдьё. Он обвинил вговоре таких известных ученых, как Т. Парсонс, который взял на себя разработку общесоциологической теории, Р. Мертона, монополизировавшего представление о «среднем уровне», и П. Лазарсфельда, который стал представлять методы изучения на уровне эмпирии. По мнению Бурдьё, этот раз-

дел сфер влияния позволяет навязывать свое видение науки, не считаясь с другими заслуживающими внимания и имеющими глубокое научное обоснование подходами. Очевидно, что *трехуровневая* модель социологии, сыграв определенную роль в ее развитии, исчерпала свои возможности. Кстати, анализ материалов Международных социологических конгрессов, в частности последнего, XVI, состоявшегося в 2006 г. в Дурбане (ЮАР), показывает, что этот принцип уже не соблюдается.

Таким образом, современная структура социологического знания состоит из нескольких классификаций социологических теорий, подразделяющихся на а) теоретическую и эмпирическую, б) фундаментальную и прикладную, в) макро- и микросоциологию; и уровни, включающие в себя общесоциологические, отраслевые, специальные и вспомогательные социологические теории и концепции.

Примечания

1. Подробнее см.: Общая социология / под ред. А. Г. Эфендиева. М., 2001. С. 99–108. См. также: Кравченко С. А. Социологическая теория: дискурс будущего // Социол. исслед. 2007. № 3. С. 3–12.
2. Бергер П., Лукман П. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М., 2001; Тощенко Ж. Т. Социология. Общий курс. М., 2005. С. 60–64, 80–84.
3. См. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности: учебник. М., 2001; Осипов Г. В. и др. Социология. М., 2003; Зборовский Г. Е. Теоретическая социология. М.; Екатеринбург, 2007.
4. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002; Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.
5. Монсон П. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. М., 1995.
6. Турен А. Указ. соч.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1998; Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in Fifties. N. Y., 1962.
8. Гидденс Э. Социология. М., 2001.
9. Богданов А. Из психологии общества. СПб., 1906. С. 57.
10. Тощенко Ж. Т. Социология. М., 2005; Волков Ю. Г. и др. Социология. М., 1999; Григорьев С. И. Неклассическая социология. Барнаул, 2001; Попова И. М. Социология. Киев, 2000.
11. Лапин Н. И. Общая социология. М., 2006.
12. Резник Ю. М. Социальное измерение жизненного мира. М., 2001.
13. Бергер П. Указ. соч.; Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С. 7–25.
14. Подробнее см.: Тощенко Ж. Т. Социология. 3-е изд. М., 2005; Он же. Парадоксальный человек. М., 2008.
15. Козлова О. Н. Социология. М., 2004.
16. Кравченко А. И. Социология. М., 2001. С. 49–54.
17. Волков Ю. Г. и др. Социология. М., 1999. С. 35–38.

18. Кравченко С. А. Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. М., 2002.

19. См. напр.: Руткевич М. Н. Метасоциология. М., 1998.

20. Осипов Г. В. Социология. М., 2008. Рабочая книга социолога / под ред. Г. В. Осипова. М., 2003.

21. Подробнее см.: Теоретическая социология: в 4 т. / под ред. Ю. Н. Давыдова. М., 1994–1999; *Культурин В. П.* Классическая социология. М., 2000; *Девятко И. Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003.

УДК 130.3

В. Ф. Юлов

В ЧЕМ СОСТОИТ ПЕРСПЕКТИВНОСТЬ ТРЕХУРОВНЕВОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЗНАНИЯ?

Главная идея статьи сводится к той мысли, что пора вместо одномерного представления сознания перейти к многоуровневому пониманию, объединяющему бытийственную психику, ментальные чувства и интеллект.

The main idea of the article is that now it's time to pass from one-dimensional representation of consciousness to the three-level understanding which unites existence psyche, mental senses and intelligence.

Ключевые слова: сознание, мозг, информация, отражение, знание, интенциональность, «квалиа», «китайская комната», «зомби», бытийственная психика, ментальная психика, интеллект.

Keywords: consciousness, a brain, the information, reflection, knowledge, интенциональность, subjective qualities, «the Chinese room», «zomby», mentality of being, mental mentality, intelligenc.

Совсем недавно вышла в свет книга «Проблема сознания в философии и науке» под редакцией профессора Д. И. Дубровского (М.: «Канон +», 2009. 472 с.). В ней представлены статьи авторитетных отечественных философов и ученых, а также статья английского эпистемолога Р. Харре. Проблематика здесь фигурирует весьма актуальная, содержание отличается высоким уровнем методологической и теоретической рефлексии. Сквозной линией выступает полемика с современными представителями аналитической философии (англо-американское направление). В эту дискуссию захотелось вступить и мне, ибо над темой сознания я размышляю уже сорок лет. Некоторым итогом можно считать мою монографию: «Мышление в контексте сознания» (М.: Академ. Проект, 2005. 496 с.). Идеи этой книги способны проявить свои эвристические возможности в аргументированном сопоставлении с мнениями коллег, включая и некоторых авторов книги «Проблема сознания...».

Сознание не тождественно мозговому процессу. Любой феномен фиксируется по его качественной границе: тем-то и тем-то он не является, и на этом фоне небытия есть определенное нечто. Под это правило подпадает и сознание. К самым знаменитым вопросам о границе относится проблема «сознание – тело», «сознание – мозг». У нее существует четыре стратегических решения: 1) сознание самостоятельно, от тела и мозга как высшего тела оно не зависит (идеализм, ментализм); 2) сознание всецело определяется телом и мозгом (редукционистский материализм, натурализм); 3) способ существования сознания зависит от мозга и тела, содержание же сознания и формы его активности самостоятельны (нередукционный материализм); 4) сознание и мозг друг от друга не зависят (дуализм, психофизический параллелизм). Первое, второе и четвертое решения наши отечественные философы вполне обоснованно критикуют. Особо выделены недостатки такой формы натурализма, как физикализм, где психическое сводится к физическим процессам мозга или признается неким их следствием (Р. Пенроуз, Ст. Хокинг и др.).

Сознание не совпадает с внешним поведением человека. Специфическую позицию занимает бихевиоризм, который отвергает реальность внутреннего мира любого живого существа, включая человеческого индивида, и признает только поведение, фиксируемое органами чувств другого индивида. Если некто получает какие-либо стимулы от внешней среды и реагирует на них определенными телесными действиями, то это и есть сознание (психологический бихевиоризм Б. Скиннера). Если два человека беседуют друг с другом, то их языковое поведение и есть их сознание (лингвистический бихевиоризм Л. Витгенштейна, Г. Райла, У. Куайна). Хотя Н. С. Юлина относит все формы бихевиоризма к программам физикализма [1], такая оценка не совсем точна. Если мы признаем бихевиоризм редукционистским материализмом, то попадаем точно в цель. Любое внешнее поведение животного и человека, будь-то передвижение крысы в лабиринте или речь человека, материально и открыто для наших чувств. Редукционизм же состоит в том, что сложная и совокупная деятельность сводится только к внешним и наблюдаемым актам.

Ядром критики бихевиоризма и его моделей стала серия мысленных экспериментов, объединенных концептуальной метафорой «зомби». Здесь подразумеваются воображаемые системы, у которых отсутствует сознание, но они поведенчески не отличимы и/или подобны сознательным существам. Поскольку эта проблема вписывается в более общую тематику функционализма, ее анализ ждет нас впереди.

Почему сознание ускользает от функционализма? Своеобразной антитезой физикализму и натурализму в целом стал функционализм. Его основная идея состоит в следующем – не надо искать у сознания материальный (или идеальный) субстрат носителя, важны лишь функциональные состояния разумности. Было предложено множество вариантов такой стратегии, и одним из первых стала модель Х. Патнема (США). В ней все ролевые признаки сознания уподоблены рациональным состояниям машины Тьюринга. Здесь теряет смысл оппозиция «сознание – тело (мозг)», ибо разум может реализоваться как в человеке, так и в компьютере из любого материала. Эту линию поддерживал американский философ Д. Деннет. Одна из отличительных черт человека – наличие субъективных «квалиа» (цвет, вкус, боль и т. п.). По мнению мыслителя, с позиции компьютерного функционализма можно все квалиа свести к логическим суждениям и тем самым создать универсальную информационную модель, объясняющую интеллект животных, разум человека и искусственный разум. Она реализуется в ходе синтеза абстрактной «машины Дарвина» и «машины Тьюринга».

Первый удар по функционализму нанес Дж. Серл (США) своей моделью «китайская комната». Она построена по схеме теста Тьюринга и призвана опровергнуть его как ядро функционализма. В комнате находится испытуемый человек, его связь с внешним миром осуществляет пишущее устройство. На него извне приходят содержательные тексты из китайских иероглифов. Испытуемый – англичанин, и он не знает китайского языка, но он располагает справочными пособиями, где указывается, как правильно строить смысловые предложения из иероглифов. Перевода с китайского на английский нет. Испытуемый, пользуясь только синтаксическими инструкциями, печатает нормативные тексты и отправляет их вовне. Хотя он не понимает смысла своих сообщений, носители китайского языка считают его знатоком китайского. Вспомним суть текста Тьюринга. Если человек задает скрытой от него машине вопросы и, получая от нее ответы, признает, что общается с разумным человеком, то машина обладает разумом. Мысленный эксперимент Серла показал неэффективность теста Тьюринга. Один синтаксис без семантики может вызвать иллюзию разумности. Это означает и крах функционализма, ибо состояния машины Тьюринга чисто формальны, являются цифровыми вычислениями, где отсутствует рациональное понимание.

Эстафету от «китайской комнаты» приняли мысленные эксперименты «зомби». Хотя у этого воображаемого существа отсутствует сознание, он демонстрирует внешне безупречно разумное

поведение. Самый первый сценарий предложил в 1974 г. американец Р. Кирк. Воображаемый персонаж по имени Ден заразился неизвестной инфекционной болезнью. Он проходит этапы «зомбификации» как прогрессирующей утраты ментальных свойств, и свои отчеты о своих состояниях он записывает. Вначале он теряет чувство боли, затем притупляются другие чувства. В итоге феноменальная осведомленность Дена об окружающем его мире полностью исчезает. Хотя он привык к новой «жизни», он стал зомби, т. е. бессознательным существом. Для посторонних людей он выглядит вполне нормальным.

Особую дискуссию вызвал мысленный эксперимент Т. Моуди «Земля зомби» (1994). Речь идет о воображаемой планете, жители которой бессознательны. Эволюция осуществляется так, что сознательные факторы в борьбе за выживание не участвуют. Между людьми и зомби начались контакты, в ходе общения зомби станут рассуждать о том, что люди говорят о сознании. У них возникнет понимание ментальных терминов, высказываемых людьми по аналогии с тем, как люди понимают высказывания мистиков и эзотериков. Регулярные коммуникации приведут к тому, что истинные зомби станут «зомби среди нас» и их невозможно будет отличить от людей. Шесть подобных сценариев описал в своей статье А. В. Алексеев [2].

Существует большой объем философской литературы, где дана критика зомби-сценариев. Так, Д. Деннет полагает, что эти воображаемые опыты логически противоречивы, невняты и подрывают авторитет аналитической философии. С ним солидарна П. Черчланд (США). Американец С. Брингсфорд видит главное противоречие в том, что философы-«зомбисты» пытаются сознательно представить бессознательное состояние. Критическую позицию занимают и ученые. Дж. Маккарти, пионер программы искусственного интеллекта, отмечает то обстоятельство, что сознание с необходимостью управляет человеческой деятельностью и в этом его эволюционное значение. Если по образу жизни ставить зомби на одну доску с людьми, то зомби обязательно потребует нечто вроде сознания. Эта линия весьма близка точке зрения Д. И. Дубровского.

Ущербность информационной концепции сознания. Изначально свою позицию Д. И. Дубровский характеризует как широкую и системную. У сознания существует четыре измерения (плана): онтологическое (субъективная реальность), гносеологическое (знание), аксиологическое (ценности) и праксеологическое (активность). Субъективная реальность (СР) присуща не только сознанию человека, но и психике животных. Ее нельзя свести к мозговым физиологическим процессам, к поведению и языку. Всякое явление СР

есть информация, закодированная в мозговой нейродинамической системе. Информация дана индивиду в «чистом виде», т. е. ее связь с мозговым носителем не ощущается, что дает возможность ею произвольно оперировать. На этом основана информационная причинность. Основная структура СР: «Я» – «не-Я». В гносеологическом плане СР предстает как знание, отражающее внешнюю реальность и саму СР. Аксиологическое измерение характеризует СР как систему различных ценностей, имеющих особое информационное содержание. Активность сознания представляет прагматологический план, где информация программирует сложные действия и управляет их реализацией. Психика посредством воли и веры способна генерировать физическую энергию, необходимую для практических усилий [3].

Все четыре плана СР пронизывает информация, она является сквозным и единым содержанием сознания в концепции Д. И. Дубровского. Информация трактуется им как отражение живым индивидом внешнего мира и самого себя. К такой позиции можно предъявить критические замечания. Здесь фигурирует научно-философский «кентавр». Если идея отражения сопряжена с философским материализмом и имеет древнюю историю, то понятие информации сложилось в научном естествознании на рубеже XIX–XX вв. Смысл этого понятия специфичен и многообразен, из гнезда значений можно выделить три основных – порядок и разнообразие, а также определенность сообщения. Если первые два являются прямыми объективными признаками, то третье значение, введенное К. Шенноном для объективной характеристики коммуникативной связи, может быть интерпретировано в субъективном плане. Но такая трактовка во многом искусственна, ибо объединяет самые разнородные явления: от генетического кода до научной мысли. Такая универсальность нам представляется чрезмерной, следует сохранить первичные научные значения, выделяющие объективные свойства – порядок, разнообразие, определенность структур. Все это применимо к нейродинамике мозговых процессов (химическая и электрическая активность нейронов), но не к самому сознанию, которое объединяет как отражательные, так и неотражательные акты и состояния.

Любому редукционизму может противостоять только системно-уровневый подход. Большинство философских и научно-теоретических концепций сознания страдает редукционизмом. Эта исследовательская стратегия состоит в том, что сложное явление значительно упрощается, целое сводится к какой-то части или к их набору. Редукция как прием познания имеет свою ценность, если исследователь понимает границы

ее действия – быть исходной или предварительной абстракцией. Если на редукции строится итоговая теория, то тогда мы имеем редукционизм, т. е. стратегию, где достоинства перешли в недостатки. Физикализм, натурализм, функционализм – все это формы редукционизма. Если взять функционализм, то он явно абсолютизирует ролевое действие, игнорируя содержательные структуры. Скрытой формой редукционизма страдает и концепция Д. И. Дубровского. Казалось бы, автор учитывает содержание сознания, но у него оно в виде информации монотонно одномерно: знания, чувства, воля, в общем, все – информация. Уровневое или слоистое многообразие структуры сознания здесь явно игнорируется.

Необходимость системного подхода к сознанию очевидна, и ее вряд ли кто будет отрицать. Вся сложность состоит в том, чтобы от общей декларации перейти к оптимальной схеме, в максимальной степени учитывающей своеобразие сложнейшего феномена. Конструирование такой схемы должно, по нашему мнению, базироваться на следующих онтологических и гносеологических принципах. 1. В ходе больших периодов эволюционного развития низшие уровни материи породили более высокие ступени. 2. Современный человеческий индивид дифференцирован на сложившуюся системную иерархию низших и высших уровней, отличающихся друг от друга качественно. 3. Каждый низший уровень является необходимым условием бытия более высокого уровня, у которого сохраняется относительная самостоятельность своего определенного содержания и функционирования. 4. Высшие уровни не способны отменять действие низших пластов, они могут лишь усиливать или ослаблять интенсивность их активности. 5. Между организованной деятельностью животных и сознательным образом жизни человека существует эволюционная связь. 6. Выделение низших и высших уровней человека обеспечивается корректной идеализирующей абстракцией [4].

Последний принцип гносеологического характера заслуживает краткого комментирования. В свое время некоторые советские психологи (А. В. Брушлинский и др.) наложили запрет на аналитические процедуры в отношении сознания. Аргумент был один: психика уникально целостна, процессуальна, и потому рациональный анализ для ее познания не годится. Этот довод на рубеже XIX–XX вв. был выдвинут еще А. Бергсоном, делавшим ставку на особую интуицию. За прошедшее время накопилась методологическая мудрость, снявшая опасения в принципиальной «грубости и неделикатности» мыслящего разума. Угрозы снимаются, если он действует по должным правилам, вытекающим из ранее сформулированных принципов. Конечно, в человечес-

ком индивиде «все связано со всем», но, чтобы разобраться в этих хитросплетениях, приходится «писать вилами на воде». Эту метафору можно перевести так: без предварительного анализа и абстракции сознание понять нельзя. Главное, чтобы после глубокого и детального анализа, учитывая реальные качественные границы, шла не редукция, а вдумчивый синтез. Такой смысл мы вкладываем в выражение «корректная идеализирующая абстракция». Ее продуктами становятся понятия как «идеальные типы» в том смысле, как это понимал М. Вебер.

Мозг обеспечивает способ существования сознания, но не определяет его содержание и активность. Деление материализма на редуцированную и нередуцированную формы, о чем уже шла речь, вытекает из заявленных принципов. По нашему мнению, перспективностью обладает лишь нередуцированная форма, которая признает зависимость сознания от мозга и тела в целом, но существенно ограничивает эту связь высшего с низшим. Можно выделить следующие детерминации со стороны мозга: 1) представление сознанию пространственной локализации, т. е. места пребывания; 2) обеспечение вещественной основы в виде электрических и биохимических процессов; 3) энергетическая поддержка в форме нейронной активности коры (каскады паттернов возбуждения); 4) пусковые, переключательные и тормозные механизмы, действующие «снизу вверх»; 5) кодирование информации в знание и декодирование знаний в информацию, что дает потоки преобразований: раздражения – впечатления – значения и обратно.

Все выделенные аспекты составляют способ бытия сознания, и он полностью детерминирован мозгом и другой соматикой. Что касается содержательных характеристик сознания, то они уже от мозга не зависят. Здесь действует правило относительной самостоятельности высокого уровня от низкого слоя. Его нарушение чревато натуралистским редуционизмом. В его ловушку как раз попала полушарная концепция, согласно которой правое полушарие определяет работу эмпирического опыта, а левое формирует логическое мышление. Заинтересованный читатель может познакомиться с развернутой критикой этой теории [5].

Пора понятию «психика» придать определенный и узкий смысл. В психологии сложилась традиция отождествления сознания с психикой. Ничего дельного это не дало. Даже здравый смысл указывает на ничтожность дублирования понятий. Если же взять критерий содержания и концептуальной прагматики, то под их углом целесообразнее провести определенное различие. Сохранив широкие границы сознания, пределы психики можно значительно сузить. В качестве

содержания психики следует оставить только все виды чувственности. Тогда мы получаем ясную формулу: сознание = психика + интеллект. Она соответствует и здоровой народной психологии; одно дело – жить умом, совсем другое – жить сердцем.

Самый нижний пласт психики – бытийственная чувственность. Как у интеллекта, так и у психики есть свои внутренние пласты, поэтому дело анализа нужно продолжить. Предстоит разбить то, что еще кажется монолитом. В психике совсем неявно выделяются две разные области: весьма условно их можно назвать «бытийственная чувственность» и «ментальная психика». Главная задача последующих рассуждений – показать их реальные качественные отличия.

Бытийственную психику составляют те чувственные образования, которые представляют собой центр внутренней жизни человеческого индивида. Их исходным ядром выступает Я или самость. В статье А. Ю. Антоновского, помещенной в книге «Проблемы сознания...», весьма корректно и с тонкими интерпретациями представлена концепция американского социолога Дж. Мида, опубликованная в 1934 г. Со многими его соображениями можно согласиться. Уже в детские годы любой нормальный индивид начинает формировать переживания самого себя. Эти чувствования необходимы для оценки всего другого как относительно чуждого и внешнего (не-Я), т. е. самость играет роль психической точки отсчета. Такое центрирование позволяет формировать горизонт иного (Я/Иное) и тем самым успешно ориентироваться в мире. Ребенок центрирует самопереживания со всем телом. И эта линия с возрастом развивается. Важной осью ориентации становится отношение Я/Другой, где в качестве Другого выступают мать, родственники и иные люди [6].

Если для Мида как социолога было важно подчеркнуть истоки представлений о социальной структуре, коренящиеся в образах Другого, то мы акцентируем внимание на ином аспекте. Хотя самость не субстанциальна (тело есть виртуальный репрезентант самости), именно она выступает исходным центром сознательной деятельности. Если тело заряжено потребностями, то Я переводит их в интересы. Каждый индивид справедливо полагает, что интересы исходят от него. Самость преобразует интересы в мотивы и принимает решение начать определенную сложную деятельность. Я инициирует активность интеллекта и делает его инструментом, ставящим цели и разрабатывающим пути их достижения.

Другой важной формой бытийственной психики выступает воля. Когда речь идет о классическом выражении «свободная воля», то здесь воля подменяет самость. Дело последней как раз

заключается в свободе как выборе определенного решения, когда Я исходит из особенностей интересов и мотивов личности. У воли есть своя специфика. Когда самость приняла решение начать некую комплексную поведенческую деятельность, то ее реализация требует привлечения многих способностей личности. Вот этой мобилизацией внутренних ресурсов и занимается воля. Поскольку совокупное действие растягивается во времени, необходимое напряжение разных сил (соматических, психических, интеллектуальных) требуется поддерживать на должном уровне. Такое состояние «собранный личности» (М. Мамардашвили) и обеспечивает индивидуальную волю. «Сильнее всех – владеющий собою» (Л. А. Сенека).

Другой слой бытийственной психики представлен эмоциями. Им посвящен огромный массив психологической литературы, и в ней господствует крайний концептуальный разнобой. Все авторы согласны лишь в одном, что эмоции суть психические переживания, необходимые для жизнедеятельности. Уточнение функций дает калейдоскоп мнений, среди которых предпочтительной нам представляется точка зрения Ю. И. Александрова: эмоции позволяют сравнивать ожидаемые и реальные результаты деятельности. Если происходит совпадение, это дает положительные переживания, расхождение вызывает отрицательные эмоции. Как критерий эффективности эмоции закрепились эволюцией [7]. Их отличительной чертой является то, что эти переживания охватывают всю личность в целом. Таковы состояния настроения (печаль, тревога, страх и т. п.), увлеченность, радость, энтузиазм. Наиболее интенсивные эмоции называют аффектами: депрессия, душевный подъем, экстаз и т. п. Многие эмоции не зависят от воздействий внешней среды, выражают внутренний мир личности и своей силой противостоят познанию. Если, допустим, у ученого умерла жена, которую он любил, то в состоянии глубокого горя он не способен ни на какое исследование. Итак, узловыми элементами бытийственной психики являются: самость, воля, интересы-устремления и эмоции, включая аффекты.

Почему надо ввести понятие «ментальная психика»? Хотя у психики нет таких четких разделительных линий, как в физическом и биотическом мирах, все же у нее существуют свои качественно-количественные различия. Если состояния бытийственной психики целостны и охватывают всю личность, то впечатления, формируемые сенсорными рецепторами (в старом лексиконе – органы чувств), являются локальными в пространстве и во времени событиями. Так, когда на наш палец воздействует иголка, то боль возникает в определенном регионе организма и

через некоторое время это чувство угасает. Подобны боли как тактильному раздражению обонятельные, вкусовые, слуховые и зрительные впечатления, которые формируются рецепторами по всему телу. Всех их объединяет то обстоятельство, что они приносят информацию из внешней среды, включая процессы самого организма. Эта направленность вовне и есть интенциональность, и она требует подключения интеллекта. Все сенсорные данные выступают в роли чувственных знаков, рациональные значения им придает интеллект как способность производить знания и оперировать ими. В итоге возникают ощущения и восприятия – основные единицы эмпирического опыта. Если у животных они исчерпывают содержание познания, то у человека возник словесный язык, и на основе слуха и зрения сформировалась социальная репрезентация знаний. В свое время весьма проницательный в философских проблемах науки лингвист Н. И. Жинкин заметил, что «сенсорика и интеллект работают совместно... Это комплементарные механизмы: без одного нет другого» [8].

В западной аналитической философии речь идет о неких единичных субъективных чувствах – «квалиа». Согласно нашему подходу их, как минимум, надо делить на две разные группы: бытийственные и ментальные. Первые выражают экзистенциальный мир человеческой личности, они диффузные, рассеяны по всему организму, лишены интенциональности, противостоят интеллекту и познанию (пример с ученым, горящим по умершей жене). Ментальные же чувства диаметрально противоположны бытийственным переживаниям. Они интенционально направлены на внешний мир, участвуют в информационных потоках, органично взаимодействуют с интеллектом, организуя первую и вторую сигнальные системы (И. П. Павлов), или ментальную репрезентацию. Казалось бы, последнюю группу можно было бы назвать «сенсорная чувственность», но тут следует учесть следующее соображение. В психологии и философии науки накоплен значительный массив данных в пользу признания таких состояний как вера и сомнение. Речь идет об особых чувственных состояниях со специфическими функциями, проявляющимися в отношении знаний. Если вера закрепляет знания, делая их убеждениями личности, то сомнение динамизирует когниции, превращая их в содержание проблем. Такая амбивалентная работа психики протекает в тесной связи с интеллектом [9]. Поскольку природная и социальная сенсорика дополняются состояниями веры и сомнения, разумно весь этот пласт чувственности маркировать термином «ментальная психика».

Когнитивное содержание сознания представлено интеллектом. Термины «ментальное» и «ког-

нитивное» используются в отечественной и зарубежной литературе крайне произвольно. Их смыслы можно упорядочить на основе некоторой конвенции. Наше предложение таково. Считать ментальной только ту часть психики, которая легко и естественно взаимодействует с интеллектом, т. е. речь идет о сенсорных модальностях, вере и сомнении. Все же когнитивное можно признать совпадающим с содержанием интеллекта. Получается, по сути, синонимический ряд: когнитивное – знания – рациональное (логическое как одна из частных форм рационального).

Очень важно признать содержательное единство знаний и интеллекта. Здесь следует весьма ясно отличать знания от информации, как природной, так и социальной. Если любая информация объективна, то знание всегда субъектно и субъективно в том плане, что оно является достоянием и внутренним ресурсом животного и человека. Знание есть «живое» образование, сопряженное с бытийственными переживаниями и ментальной чувственностью. Вне этого контекста оно становится объективной информацией (содержание текстов, компьютерных программ).

Интеллект есть производство знаний по технологии: метод => предмет = результат. Если психика существует как поток изменчивых состояний «квалиа», то интеллект бытийствует в виде когнитивных актов. Основа любого из них представлена простой технологической схемой. Она предполагает пассивный предмет в виде сенсорных чувств и единиц знания, на него активно действуют другие когниции в качестве орудия (метод). В ходе такой детерминации формируется знание-результат. Иначе говоря, в ходе эволюции жизни интеллект возник как технология производства новых знаний и их регулярного использования. Если у животных в когнитивном структурировании ведущая роль принадлежит врожденным факторам, то человек радикально возвысил роль научения и прижизненного опыта. На путях социальной культуры сформировались практический рассудок и духовный разум. Намного позднее возник научный разум, развивший специализированное познание. Хотя все эти виды внесли значительное содержательное разнообразие в когнитивный уровень, в их основе лежит единая технология интеллекта.

Союз интеллекта с ментальной психикой конструирует познание в двух основных видах – эмпирический опыт и мышление. Для всех форм деятельности связь интеллекта с ментальной чувственностью однозначна: первое имеет обязательный приоритет над вторым. Когниции придают знакам должные значения, без знаний вера и сомнение теряют свою функцию. Что касается бытийственной психики, то ее роль двузначна,

все зависит от того, что выдвигается на первый план – ценности практической жизни или идеалы познания. Если господствуют потребности жизнедеятельности, то «дуэт» интеллекта с ментальной психикой становится слугой одного господина – бытийственной психики. Именно от нее исходят главные импульсы жизни и активности. Самость принимает решения (очень часто «неосознанно», т. е. без явного отчета) заняться неким прагматическим проектом, требующим не только физических усилий и игры страстей, но и определенных знаний. Воля мобилизует сопряженную активность интеллекта и ментальности, что дает нужные когниции и обеспечивает успех. Так, познавательные аспекты обыденного быта строятся на тех простых актах, где на мониторинг сенсорики накладываются знания из памяти и в итоге возникают ощущения и восприятия – основные единицы эмпирического опыта. Они весьма успешны в ориентации относительно простых действий.

Совсем другое дело, когда на первый план выходят идеалы познания. Речь идет о науке и мировоззренческом поиске (искусство, теология, философия). Здесь совместный аппарат интеллекта и ментальности обретает относительную самостоятельность от импульсов бытийственной психики, за счет чего выстраивается тот или иной вариант «чистого» познания. Ученый и/или мыслитель не только дистанцируются от прагматического контекста, но и стремятся не допустить влияния эмоций, тем более аффектов, на работу памяти, внимания и других когнитивных структур. Эмпирический опыт здесь существенно усложняется за счет специальных форм ментальной репрезентации: язык точных протоколов научного наблюдения и эксперимента, символические средства духовных практик мифа, религии, искусства и т. п. Однако главный вклад в дело усложнения вносит связь опыта с мышлением.

Основная зона действия эмпирического опыта – привычные условия жизни. Если их сменяют нестандартные ситуации, то наступает пора мышления. Здесь вместо одноактных единиц опыта (метод => чувственные знаки = восприятие) развертывается процесс из четырех особых актов. В каждом из них интеллектуальная технология своеобразно модифицируется. Всякое мышление (оно может быть практическим, научным, мировоззренческим) начинается с проблематизации, где сложная ситуация как предмет мысли оценивается посредством особых норм. В науке сложился соответствующий репертуар нормативных критериев (идеал связности, норма непротиворечивости и т. п.), отклонения от которых квалифицируются в качестве проблем. В разных видах практики фигурируют свои нормативные комплексы, обеспечивающие постановку произ-

водственных задач. После проблематизации следуют процедуры формирования метода решения (некая теория или идея – принципы-правила – операции) и его применение к проблеме. В производственной практике соответственно сложился процесс выработки решения и создания программы действий. Для науки процессы поиска необходимого метода и его применения отличаются высоким творческим характером и называются гипотезированием. Превращение вероятного знания в заблуждение/достоверную теорию является актом обоснования, и он строится на специальных исследовательских оценках. Что же касается практики, то реализация программы через качество конечного продукта показывает ее успешность/неуспешность. Нечто подобное происходит и в сфере мировоззрения, с той лишь разницей, что место прагматических представлений и научных теорий занимают духовные знания. Здесь действует свой эмпирический опыт и строится специфическое мышление с неустрашимым плюрализмом ответов по любой духовной проблеме.

Триадная схема сознания позволяет устранить нежизнеспособные понятия – кентавры. Когда вводится некая новация, то ей предъявляется счет в том, какой выигрыш она обещает. Если взять трехуровневую концепцию, то нам представляется ее главное достоинство в том, что она способна навести рациональный порядок среди понятий, относящихся к области сознания. Прежде всего речь идет о понятиях, трактующих связи разных уровней сознания. Их можно разделить на две группы: 1) адекватные и конструктивные концепты; 2) неадекватные и дезориентирующие конструкты. Для упрощения языка введем метафоры и первые назовем «компози́ты» (один из излюбленных терминов А. Бергсона), а вторые – «кентавры». Если композиты указывают на реальные связи, то кентавры соединяют реальные элементы в произвольные комбинации. В качестве средства различения возьмем уровневую концепцию.

Самые различные варианты соотношений можно найти между интеллектом, мышлением и эмоциями (аффектами). Они представлены отечественными и зарубежными психологами, философами. Так, в работах С. А. Рубинштейна впервые появился конструкт «эмоциональное мышление», он был поддержан Ю. М. Шилковым и другими философами. Ф. Т. Михайлов предложил концепт «аффективный интеллект». Их объединяет общий операциональный прием: один элемент вкладывается в другой. Различия сводятся лишь к тому, какой элемент признается в качестве содержательной основы. В роли последней у Ф. Т. Михайлова фигурирует интеллект, и в его поле оказываются аффекты. По

мнению Ю. М. Шилкова, в эмоциональном мышлении интегральной основой выступает не *ratio*, а *emotio* [10].

«Эмоциональное мышление» и «аффективный интеллект» – типичные кентавры. Авторы признают содержательную и функциональную полноту интеллекта и мышления, с одной стороны, эмоций и аффектов – с другой. И все же они их объединяют, включая одно в другое и образуя некую разнородную смесь. С позиции уровневого подхода такая стратегия ошибочна, ибо нельзя нарушать качественную «чистоту» каждого уровня сознания. Только сохраняя свое содержательное своеобразие, элементы уровней вступают в должное взаимодействие. У М. Хайдеггера есть одно критическое замечание: если характеризовать мышление только с точки зрения логики, значит, судить о рыбе, выброшенной на сушу. С этим суждением мы согласны, логический аспект действительно не покрывает всей сути мышления, игнорируя его оценочные и инструментальные акты. Однако метафоре классика можно придать и нужный нам смысл. Входит ли «вода» в «рыбу» или «рыба» плавает в «воде»? Ранее указанные авторы предпочли вариант растворения «воды» в «рыбе», что породило иллюзорного и нежизненного кентавра – «рыба-вода». Уровневая же концепция сохраняет границу между рыбой и водой, что и является коренным условием жизнедеятельности рыб (биологическая наука признает относительную самостоятельность организма от внешней среды).

Понятия-кентавры не способны рационально объяснить практику и познание. Представим себе военную ситуацию, где командир поднимает своих бойцов в атаку. Кентавры типа «аффективный интеллект» и «эмоциональное мышление» ничего вразумительного здесь дать не могут, кроме сценария «разум и чувства бойцов смешались». Триадная же схема предлагает разложить ситуацию по внятным артикулированным полочкам – композитам. Поскольку речь идет о военной практике, то на первый план выходит активность бытийственной психики. Из области бессознательного на нее мощно давит инстинкт самосохранения, внутри ее царит аффект страха. Против этой стихии начинают организовываться самости командира и бойцов, из сферы интеллекта они привлекают представления о долге и патриотизме. Но, чтобы эти рациональные смыслы заработали на поступок, командир выкрикивает краткие зажатые фразы. Только в этом позитивном эмоциональном подъеме солдаты идут в атаку. Конечно, их ментальная психика и интеллект дают нужную ориентацию на местности, но работа этого дуэта весьма ограничена и подчинена усилиям тела и напряжению воли. Боец кричит «ура» и действует во многом бессознательно. В своих

воспоминаниях участники войн свидетельствуют, что они в пылу боев чаще всего были как «в тумане». Это лишь означает, что активность ментальной чувственности и интеллекта была у них резко снижена.

Совсем другое положение демонстрирует научное познание. Попробуем посредством триадной схемы сознания реконструировать внутренний мир Архимеда в период открытия закона гидростатики. Вот ученый получил от царя Гиерона просьбу разобраться с ювелиром, делающим из золота корону (или кубок), – подменяет он часть золота медью или нет? В этой ситуации бытийственная психика отходит на задний план и начинает доминировать союз интеллекта с ментальной психикой. Аффекты способны помешать этой активности, поэтому они усмирены, и все усилия направлены на работу ума. Сначала Архимед преобразовал практическую задачу в физическую проблему: как найти вес вещи сложной геометрической формы, сделанной из разнородных металлов? Затем он стал напряженно размышлять в поисках решения. Хорошо известно, что открытие пришло в ванной комнате. Но оценим этот факт в свете нашей темы. Все мы имеем жизненный опыт в отношении ванной, обычно там занимаются личной гигиеной. Из этой процедуры Архимед резко выпал. Помещая свое тело в ванну, он думает о своей задаче и благодаря этому открывает новый смысл в том факте, что вода выливается через края ванны. Налицо не бытовая практика, а непроизвольный научный эксперимент с творческой догадкой. Забыв об одежде, с криком «эврика» (нашел) Архимед бежит днем по улицам города Сиракузы во дворец царя. Он находится в аффекте неумной радости и его интеллект отключен (как и чувство стыда). Никакой тут одновременной смеси мыслей и эмоций нет. Сначала действовал ищущий разум вместе со зрительным аппаратом, потом наступило состояние временного восторга (явление бытийственной психики). Эмоция засвидетельствовала удачное разрешение трудного поиска, и аффект как бы выпустил тот пар напряжения, который накопился в ходе раздумий, противоестественных для обычной жизни. Нам представляется, что этот модельный пример показал очевидные преимущества трехуровневой концепции сознания.

Итак, сознание имеет три основных структурных уровня: бытийственная психика – ментальная психика – интеллект. Мы уверены в том, что такая схема способна послужить основой для разработки будущей всеобщей теории познания, где найдут единое объяснение познание животных, практическое познание, мировоззренческий поиск и научные исследования.

Примечания

1. Юлина Н. С. Сознание, физикализм, наука // Проблема сознания в философии и науке. М., 2009. С. 79–83.
2. Алексеев А. В. Понятие «зомби» и проблема сознания // Проблема сознания в философии и науке. М., 2009. С. 195–214.
3. Дубровский Д. И. Проблема сознания: опыт обзора основных вопросов и теоретических трудностей // Проблема сознания в философии и науке. М., 2009. С. 15–41.
4. Юлов В. Ф. Мышление в контексте сознания. М., 2005. С. 142–143.
5. Там же. С. 146–161.
6. Антоновский А. Ю. Я как саморазличение и Другой как социальная структура // Проблема сознания в философии и науке. М., 2009. С. 271–293.
7. Александров Ю. И. От эмоций к сознанию // Психология творчества. Школа Я. А. Пономарева. М., 2006. С. 77.
8. Жинкин Ю. М. Речь как проводник информации. М., 1982. С. 123.
9. Юлов В. Ф. Указ. соч. С. 168–203.
10. Шилков Ю. М. Гносеологические основы мыслительной деятельности. СПб., 1992. С. 103–106.

УДК 130.2

П. А. Плютто

СОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА: ОПЫТ АНАЛИЗА СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ СОЗНАНИЯ

В статье представлен опыт критической интерпретации «Символа и сознания» М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского и предпринята попытка анализа символической природы сознания. Используя философские открытия психоанализа, автор обосновывает тезис о двойственном единстве сознания, функционирующего одновременно в двух своих модусах: культурном и а-культурном («биологическом»).

There are experience of critical interpretation of “Symbol and consciousness” by M. C. Mamardashvily and A. M. Piatigorskiy and an attempt of analysis of symbolical nature of consciousness in this paper. It was induced by the adequate philosophical ideas of psychoanalysis. Consciousness is stated as dual unity that works by two its modi operandi – cultural and a-cultural («biological») – simultaneously.

Ключевые слова: сознание, символ, два модуса сознания, культура, а-культура.

Keywords: consciousness, symbol, two modi of consciousness, culture, a-culture.

Широко известная книга М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «Символ и сознание» [1] по праву должна рассматриваться в кругу тех философских исследований, которые отличаются характерной для XX в. *неклассичностью*.

© Плютто П. А., 2009

Именно поэтому, на наш взгляд, в ткань текста «Символа и сознания» органично вплетаются многие открытия и примеры из области психоанализа, соотносящиеся с положениями классической психологии XIX в. примерно так же, как открытия неклассической физики XX в. соотносятся с положениями предшествующей ей физики. Так, к примеру, классическая физика в отличие от физики неклассической категорически требовала разделения наблюдаемого и наблюдателя. По существу, такое требование означало выбор той или иной *монистической* точки зрения. «Родимое пятно» такого *классического* требования мы можем обнаружить и в *неклассической* психологии психоанализа. Психоаналитик, исследующий бессознательное пациента, принципиально игнорирует не только его сознание, но и то – свое собственное – сознание, которое этим исследованием занимается. «Случай психоаналитика» – например, случай самого «отца» психоанализа – является случаем сознания, самого себя не сознающего: Фрейд занимает не только «позицию отца» (Юнг прямо говорил о «деспотизме Фрейда»), он занимает позицию естествоиспытателя, который всегда *принципиально* отделен от испытуемого.

Здесь у нас появляется возможность высказать первое критическое замечание по поводу идей «Символа и сознания». Оно состоит в следующем. Мамардашвили и Пятигорский хорошо понимали необходимость применения к исследованию проблемы сознания принципа *дополнительности* Бора (см., в частности, работу М. К. Мамардашвили «О психоанализе» [2]), который требует рассматривать такой «неклассический объект», как сознание, с прямо противоположных точек зрения. Однако свои «метафизические размышления о сознании» они выстраивают как монистическую метатеорию пан-сознания, в которой нет места никакой «противоположной точке зрения». Если у Фрейда вся работа человеческой психики почти без остатка сводилась к работе бессознательного, то Мамардашвили и Пятигорский заняли прямо противоположную позицию. Разговор о бессознательном оборачивается у них неудачным разговором о сознании.

Эту позицию легко понять: редукция, которая скрыта в любой монологичности – будь то естественнонаучная монологичность Фрейда или метафизическая монологичность Мамардашвили и Пятигорского, дает ощущение подъема на такую высоту, с которой всё можно понять и объяснить. Это ощущение характерно как для классического естествознания, так и для классической метафизики. Этим мы хотим сказать, что идеи *неклассической* философии – как у самого Фрейда, так и у Мамардашвили и Пяти-

горского – не были чужды подспудному влиянию классических установок, развиваясь в значительной степени *вопреки* их действию. К этому утверждению нам предстоит еще вернуться в конце статьи.

В предисловии ко второму изданию «Символа и сознания» А. М. Пятигорский писал: «Мышление философа будет <...> *мышлением о другом мышлении об (определенном) объекте*. Здесь формальный, конвенциональный объект первого мышления есть не объект, а «мышление об (определенном) объекте». Последнее обстоятельство исключительно важно, поскольку мы здесь не имеем дела и с «мышлением о мышлении», с отсылкой к мыслящему, то есть здесь мы не имеем дела с *рефлексией* [в смысле (*Subjektive*) *Reflexion (auf Einsicht)*] в собственном смысле этого слова. Что, однако, никак не исключает того, что философия сознания в других случаях может иметь дело с рефлексией, но как уже объективированным фактом сознания» [3].

Наша интерпретация данной мысли Пятигорского такова: борьба с опосредованием, объективацией, рефлексией представляет собой борьбу с самой культурой или, иначе, попытку пребывания в особом – *предельном* – состоянии сознания, которое устоявшейся рефлексией и тем, что обычно понимают под культурой, никак не назовешь. Можно сказать, что Пятигорский и М. К. Мамардашвили, ушедший из жизни ко времени написания этого предисловия, хотели быть в качестве философов – людей предельного сознания – вне обыденной рефлексии и культуры. В этом они видели смысл существования философа: философ – а-культурное, «циничное» существо в изначальном *киническом* смысле этого слова [4].

Стоит, однако, сразу заметить, что тему «борьбы с сознанием», предложенную Мамардашвили и Пятигорским, можно понять двояко: с одной стороны, речь идет о борьбе с инкультурированным сознанием с помощью... самого сознания, но сознания а-культурно-предельного; с другой стороны, Мамардашвили и Пятигорский говорят о борьбе (правда, к сожалению, отчетливо ее – как особый вид – не выделяют), которую ведет само инкультурированное сознание с предельным сознанием как таковым. Подтверждением этому служит, прежде всего, их мысль о внекультурном положении сознания как такового.

Данная мысль, законность которой авторы «Символа и сознания» оправдывали метафизическим статусом их исследования, была подкреплена уверенностью Мамардашвили и Пятигорского (она выражалась ими и в других работах) во вне- или над-культурном статусе философии: философия – «хранительница» и «носительница» сознания как такового – *есть* одна на все

культуры, сколь бы далеко эти культуры ни отстояли друг от друга по временному, национальному или географическому признаку.

В предисловии к первому изданию «От авторов» они писали: «Оба мы совершенно уверены, что есть (не «существует», а «есть»!) одна философия, по-разному выполненная в текстах разных стран, культур, времен и личностей. Просто одна и та же действующая в ней сила вспыхивала в мире как разные имена» [5]. Исходя из замысла «Символа и сознания», можно сказать вполне определенно, что тезис об «одной философии» основывается на другом, более фундаментальном, тезисе: на том, что *есть* («не «существует», а «есть»!) одно сознание как таковое у людей разных стран, времен и народов, у людей *разных* культур.

Говоря о природе этого сознания – сознания как такового, Мамардашвили и Пятигорский замечают, что оно «вспыхивает» в культуре всегда неожиданно, здесь-и-теперь [6]. В нем – в а-культурном *предельном* сознании как таковом – будущие различные в культуре мышление и бытие, субъект и объект, форма и содержание, всё культурно-сакральное и всё культурно-профанное изначально едины, то есть отсутствуют в качестве таковых. Понимая, что обоснованность единой философии как таковой оправдана у авторов «Символа и сознания» наличием этого – «сквозного» для всех времен и народов – сознания как такового, легче выстроить критику их тезиса об «одной философии».

Суть нашей критики такова: тезис об «одной философии» говорит не о «неразложимом далее» основании культуры, которым, на наш взгляд, действительно является а-культурное сознание как таковое, а всего лишь об одной – хотя и весьма специфической – области культуры. Даже если принять очевидно спорное утверждение, что вся философия имеет своим предметом именно предельное сознание как таковое, которым, по мысли авторов, философия начала заниматься еще с Платона, то это вовсе не будет автоматически означать, что философия должна быть «под тем или иным именем» представлена во всех странах, временах и народах. Здесь оказывается принципиально важным то, как именно философия – в качестве специфического культурного изобретения Запада – работает с указанным ее предметом.

На наш взгляд, философию как определенную область культуры нельзя просто и прямо отождествлять с тем предельным сознанием, к которому она «фило» – стремится: они различаются по признаку их – философии и предельного сознания – инкультурированности/а-культурности, соответственно. Нам кажется, что по отношению к философии необходимо применить

другой небезызвестный тезис: «Восток есть Восток, Запад есть Запад». В данном случае он означает, что тот – действительно весьма специфический, но вполне конкретно инкультурированный – способ мышления, который древние греки когда-то назвали философией, не существовал на Востоке ни под каким именем. Общим для культуры Востока и Запада является ее стремление к а-культурному предельному сознанию, но инкультурированные пути этого стремления различны.

Помня о возможности такого возражения тезису об «одной философии», мы решили использовать введенное авторами «Символа и сознания» различие между «существует» и «есть», понимая его, однако, в отличие от них, расширительно: как различие между культурой и а-культурой. Представляется, что, используя это различие, можно в качестве интерпретаций идей «Символа и сознания» утверждать: (а) предельное сознание как таковое не существует в культуре, но именно есть в ней, иными словами, в культуре оно *присутствующе отсутствует*; (б) предельное сознание – не объект культуры, но то, в чем мы есть (или что есть в нас) вдруг, здесь-и-теперь; (с) мы можем сознавать всё, что поддается осознанию, – и это «всё» тут же становится существующим, историей, культурой – кроме самого предельного сознания, которым мы в данный момент сознаем и которое мы в этот момент, соответственно, не сознаем, причем не сознаем мы его именно потому, что мы в нем есть.

Итак, *есть* лишь предельное сознание, всё остальное – то есть культура – *существует*. Здесь мы вплотную подходим к задаче идентификации *предельного* сознания. Сами авторы «Символа и сознания» предпочитают именовать его сознание как таковое. «Возьмем «сознание как таковое», – писали Мамардашвили и Пятигорский, – мы не знаем, что это такое, мы исходим из того, что вещей подобных сознанию нет, но в то же время и о некоторых других вещах и явлениях мы также можем говорить, что они не могут быть объектом непосредственного знания, и поскольку они не могут быть объектом непосредственного знания, они могут быть сопоставимы с сознанием по этому признаку» [7]. Мы согласны с ними в том, что сознание как таковое/предельное сознание действительно не может быть объектом непосредственного – не опосредованного культурой – знания: «Мы говорим, что работаем с сознанием, что занимаемся пониманием сознания именно потому, что описывать само сознание, работать с самим сознанием [как таковым. – П. П.], а не с его пониманием [в культуре. – П. П.], невозможно» [8]. Это так, поскольку в случае сознания как такового «сам

способ [инкультурированного] описания уничтожает [те а-культурные] условия, в которых мыслится предмет, который мы хотим описать» [9]. Итак, предельное сознание как таковое мы противопоставляем инкультурированному – устоявшемуся в культуре – мышлению. Начало такого инкультурированного мышления наши авторы иногда именуют «рефлексией», а иногда – «формализацией сознания» (в культуре) [10].

С учетом того, что предельное сознание – в отличие от его культурной саморефлексии – а-культурно, становится понятно, что о необходимости посредничества культуры для краткой жизни (для «есть») предельного сознания можно говорить только в негативном плане. Так говорят о необходимости ткани, но не для того, чтобы продемонстрировать, «что такое ткань», а для того, чтобы продемонстрировать, «что такое разрыв ткани». И хотя вполне очевидно, что одно без другого – разрыв без ткани и ткань без разрыва – не существует, у них – у ткани и ее разрыва – совершенно разная природа. В нашем случае *существование* «ткани» культуры необходимо именно для того, чтобы случилось «есть» предельного сознания. Таким образом, строго говоря, само а-культурное *предельное* сознание как таковое, «разрывающее» собой культуру, не должно полностью идентифицироваться с этим «разрывом», который оно культуре «учиняет». Не должно именно потому, что для «есть» этого «разрыва» нужно существование «ткани» культуры, которая «разрывается» и без которой «разрыв» (предельное сознание как таковое) не возможен.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что предельное сознание двойственно: предельное сознание как таковое имеет единую а-культурную природу. Но сама его способность «разрывать» собой культуру – ведь оно могло «проходить» раз за разом «мимо» нее, не замечать, не видеть ее – говорит о его способности (потребности/нехватке) к инкультурации. Подлинно двойственным, однако, оказывается то сознание, которое мы застаем в культуре в момент самосознания предельного сознания. Речь идет о том самосознании-как-рефлексии, которое еще не устоялось в качестве привычного инкультурированного мышления, но уже является началом последнего. Такое единое в своей двойственности сознание представляет собой инкультурированную а-культурность: границу, совмещающую в себе противоположности, лежащие по обе ее стороны, – а-культуру и культуру.

Примем для начала (в дальнейшем мы существенно уточним смысл данного положения), что сознание как таковое суть «биологическое лицо» сознания. (Мы, следовательно, принимаем положение о том, что сознание имеет биологическое

происхождение, хотя существует оно в культуре.) Это «биологическое лицо» сознания как такового всегда, отсутствуя, присутствует в его «инкультурированном лице». Другое «лицо» сознания – инкультурированный его модус – в унисон с мыслью авторов «Символа и сознания», мы назвали сознанием-как-рефлексией.

«Люди, – писали Мамардашвили и Пятигорский, – которые впервые в истории ввели понятие рефлексивной процедуры, где нейтрализуются разные условия сознания и учет сознания протекает не на уровне непосредственного функционирования и содержательности сознания [как такового. – П. П.], а на уровне *воспроизведенного* сознания, то есть на уровне мышления о нем <...> понимали, что они производят разрыв с некоторой экзистенциальной основой содержания знания» [11]. Понятно, что экзистенциальная основа содержания (со)знания у нас соответствует «биологическому» его модусу («лицу»).

Платон и Декарт, согласно авторам, произвели «этот разрыв не потому, что считали эту [экзистенциальную/«биологическую»] основу несуществующей. Они понимали, что с переходом на уровень рефлексии и с дублированием некоторого спонтанного процесса сознания на рефлексивном уровне строятся какие-то особые *условные конструкции* [выделено авторами. – П. П.] – рефлексивные конструкции контролируемого повторения и воспроизведения того, что было прежде спонтанным и неконтролируемым. Они знали, что связь во времени появляется на уровне рефлексии, а на первичном уровне ее нет. Но что есть «дублирующие» конструкции, где события происходят как бы дважды: в первый раз – как сами по себе, во второй – так, как если бы имелся с самого начала рефлексивный механизм их воспроизведения» [12]. Под вторым «лицом» сознания мы можем, таким образом, понимать «дублирующее» рефлексивное инкультурирование «биологического лица» сознания как такового: речь здесь идет о самосознании в культуре сознания как такового.

Таким образом, события сознания «происходят как бы дважды»: в первый раз – «сами по себе», на «биологическом уровне» *сознания как такового*; во второй – «так, как если бы имелся с самого начала рефлексивный механизм их воспроизведения», на уровне сознания-как-рефлексии. На этом вторичном уровне – на уровне инкультурированного самосознания сознания как такового – спонтанные и неконтролируемые события сознания охватывается связью во времени, которой у них на их первичном уровне (сознания как такового) нет. Теперь, как мы и обещали, настала пора скорректировать изложенное выше представление о сознании как таковом.

Итак, термином *сознание как таковое* мы условились обозначать «биологический модус» сознания, который всегда *присутствующе отсутствует* в его инкультурированном модусе. Основание нашего уточнения чрезвычайно просто: никакой биологии в а-культурной природе-самой-по-себе нет. Биология – биологические эмпирические и фактографические данные, биологические теории и таксономии, биологические понятия и термины (включая сам термин *биология*) и т. д. – является частью культуры, но совсем не природой как таковой, которую биология описывает и исследует. Даже простым пониманием природы, пониманием, производимым нами всегда изнутри культуры, мы ее – а-культурную природу как таковую – уже инкультурируем. Но природа-сама-по-себе, по ее определению, находится вне культуры. Изначальная а-культурная природа разнится от тех образов *естествознания*, для построения которых используются всегда определенные (исторически и культурно обусловленные) ресурсы и множественные, «разделенные» способы описания природы.

Таким образом, понятие *сознания как такового* должно иметь статус не *биологического*, но именно *а-культурного* модуса сознания. Для нас это уточнение важно, поскольку благодаря ему становится понятным разговор об *инкультурации* сознания на его вторичном уровне, на уровне сознания-как-рефлексии.

Как мы уже отмечали выше, многие места в «Символе и сознании» представляются читателю трудными для понимания именно потому, что авторы *моно-мета-физических* рассуждений о сознании не уделили должного внимания тому, что сознанием как таковым не является. Речь идет о культуре. Однако это размышление о том, что сознанием не является в качестве способа помыслить само сознание (идея отчетливо сформулированная в «Символе и сознании») может послужить хорошим пояснением нашего тезиса об а-культурной природе – и, соответственно, об а-культурном модусе сознания как такового, а также подтверждением необходимости привлечения принципа дополнительности для разговора о единстве двух модусов (двух «лиц») сознания. Один из вариантов реализации такой возможности мы и предлагаем ниже.

Различение двух модусов сознания (которое мы проводим, конечно, только *аналитически*) представляет собой определенную трудность именно потому, что «на практике» сознание одновременно работает обеими своими «сторонами», являя собой целостность. В деле обретения ясного и полного понимания механизма рождения единого в своей целостности сознания науке, конечно, предстоит сделать еще очень мно-

гое. Здесь мы предлагаем лишь попытку некоторого уточнения постановки этой проблемы.

Для начала – в подтверждение продуктивности выбранного нами пути – можно сослаться на следующее обстоятельство: сформулированный нами выше тезис «а-культурный модус сознания *отсутствующе присутствует* в его инкультурированном модусе» мы можем обнаружить у многих ученых и философов, так или иначе занимавшихся проблемой сознания. При этом необходимо учесть различие используемых этими исследователями словарей. На языке психоанализа, например, наш тезис звучит следующим образом: бессознательное, присутствующее отсутствующее в сознании, есть вытесненное из культуры сознание. При этом вопрос о вытеснении сам оказывается непростым.

Говоря о вытеснении, Фрейд различал первовытеснение, собственно вытесненное и возврат вытесненного [13]. В научном комментарии к хрестоматийному для психоанализа «случаю Шребера» В. А. Мазин пишет: «*Первовытеснение* не может являть собой вытеснение в собственном смысле слова, поскольку забвению подлежит то, что никогда не было осознано. Именно с первовытесненного как невоспоминаемого конституируется бессознательное. *Собственно вытесненное* – удаление от осознания того, что уже было достоянием сознания. <...> Фрейд говорит о вытесненных представлениях; Лакан – о вытеснении означающего из означающей цепи. Собственно вытесненное структурировано подобно метафоре и всегда предполагает возврат. Именно по этой причине Лакан говорит: вытеснение и возврат вытесненного – одно и то же. И все же возвращается не то же самое, а *другое, отчужденное, жуткое [unheimlich]*» [14].

В. А. Мазин обращает внимание на то, что в «регрессии к архе-травматическим эпизодам истерии Фрейд доходит до той ранней ступени психо-сексуального развития, когда виртуальная, будущая травма *случается прежде, чем дитя обрело способность говорить* (курсив наш. – П. П.), прежде чем, скажет Лакан, оно погрузилось в символическое пространство; именно по этой причине архе-травма не интегрирована в пространство речи, а запечатлена в бессознательном как предметное представление. Эта архе-травма телесна в том смысле, что она асимболична» [15].

Заметим, что «архе-травма асимболична» лишь в привычном для нас *инкультурированном* смысле слова «символ». Но символ – так же как и сознание – имеет и свой а-культурный модус. На наш взгляд, именно в этом модусе рассматривают его Мамардашвили и Пятигорский, когда говорят о символах сознания как такового. Из их описания становится ясно, что а-культурный

модус сознания как такового а-символичен в культурном смысле слова *символ*. Это является следствием того, что символ и символизируемое в нем – в а-культурном модусе сознания как такового – изначально неразличимы: символ символизирует/обозначает сам себя.

Примером более или менее свободного (от культуры) бытования а-символичного (в культурном смысле слова *символ*) модуса сознания как такового может служить раннее детство человека. Когда нечто подлинно новое, небывалое, неожиданное впервые случается с человеком – а это, естественно, чаще всего происходит именно в детстве, это *нечто*, как правило, в тот момент, когда оно *случается*, культурно не рефлексруется. Иными словами, в наиболее «чистом» своем виде отсутствие рефлексии при наличии (а-культурного модуса) сознания бывает именно в детстве, особенно до той поры, как «дитя обрело способность говорить».

Психоанализ говорит нам, что все сколько-нибудь серьезные, труднонаходимые и, соответственно, трудноизлечимые психические травмы были нанесены человеку еще в детстве. Эти травмы – как, впрочем, и более поздние психические травмы взрослого – изначально «случаются» на а-культурном, до-рефлексивном уровне: на уровне сознания как такового. Данный уровень «забывается» вместе с детством человека до его двух-, трех- или даже пятилетнего возраста. Мы пишем «забывается» в кавычках, поскольку забвение собственного детства до определенного возраста (который у разных людей, естественно, может быть разным) не означает автоматическое забвение вместе с детством тех травм, которые были нанесены психике в детстве. Забвение детства до определенного возраста говорит всего лишь о том, что до этого возраста а-культурный модус *сознания как такового* не проходил – в общем и целом – «дублирования» (выражение Мамардашвили и Пятигорского) его собственным инкультурированным модусом сознания-как-рефлексии.

Детские травмы, когда-то случившиеся на а-культурном уровне сознания как такового никуда оттуда не деваются: они и есть первовытеснение, вытесненное-до-его-вытеснения-из-культуры. Они проходят свое «дублирование» на инкультурированном уровне сознания-как-рефлексии уже во взрослом состоянии человека, когда повторяется схожая с детской травматическая ситуация. Подчеркнем еще раз: травма повторяется именно потому, что она – травма – уже была нанесена в детстве, ничто, таким образом, «не проходит даром».

Психоанализ позволяет дать под- или пред-сознательную следующую интерпретацию: пред-сознательное – это (предельное) сознание,

которое существует перед инкультурированным сознанием, перед сознанием-как-рефлексией. В связи с темой «борьбы с сознанием [как таковым]» Мамардашвили и Пятигорский писали: «Вычленение проблемы подсознательного имеет очень большое жизненное значение, не только как борьба с тем, что не познано, но и как борьба с явлением природы, которое мешало своей непознанностью, самим фактом своего существования в неосознанной борьбе с сознанием» [16]. Иначе говоря, у человека культуры есть *потребность* инкультурации – осознания в культуре – а-культурного сознания как такового для того, чтобы с ним... успешнее бороться.

Теперь нам остается лишь дополнить проделанную аналитику процедурой синтеза. Мы полагаем, что единое в своей целостности сознание просто меняет свой модус: модус сознания-как-рефлексии переходит в а-культурный модус сознания как такового, который снова переходит в модус нового сознания-как-рефлексии и т. д. Таким образом, смену модусов сознания можно представлять себе, с одной стороны, как возникновение нового, другого сознания, а с другой – как необратимые перемены, которые случаются с одним и тем же сознанием. Когда это единое сознание переходит в своей работе с инкультурированным уровнем сознания-как-рефлексии на а-культурный уровень *сознания как такового*, на языке психоанализа это означает, что вытесненное попадает в область бессознательного, где оно – вытесненное – не лежит «мертвым грузом», но преобразуется «до неузнаваемости», возвращаясь уже другим, отчужденным, даже жутким.

Неклассическое положение о том, что единое сознание способно влиять на само себя – способно именно благодаря своей двойственности, мы понимаем следующим образом: наблюдающий – сознание-как-рефлексия – влияет на наблюдаемое, то есть на сознание как таковое. С сознанием как таковым происходит нечто важное при его инкультурации, нечто, кардинально его изменяющее. Ввиду единства сознания уловить этот момент перехода мы можем, только используя принцип дополнительности. Там, где мы, следуя аналитичности, говорим, что сознание-как-рефлексия в состоянии изменить сознание как таковое, а сознание как таковое (вытесненное из культуры сознание-как-рефлексия) влияет, соответственно, на свое собственное самосознание-как-рефлексию, «на практике» единое сознание изменяет и влияет на само себя.

Выше мы говорили, что инкультурированный модус сознания-как-рефлексии может рассматриваться как некая *потребность*, существующая в *едином* сознании на его а-культурном уровне: а-культурному модусу сознания *не хватает* его выражения/экспликации в культуре. Речь идет о

нехватке существования на уровне инкультурированного модуса (со)знания того (со)знания, которое всегда заранее уже *есть* на уровне а-культурного модуса *единого* (со)знания. Это, в свою очередь, означает, что целостность а-культурного модуса сознания как такового мы вправе саму понять как символ: как нечто, наполовину присутствующее, наполовину отсутствующее в едином сознании.

Стремясь – путем своей инкультурации – к такой символической целостности, которая превышает его собственные а-культурные пределы, изначальный модус а-культурного сознания как такового обретает в культуре ее – символическую целостность – лишь на один миг «вспышки» совпавшего («сработавшего») в обоих своих модусах единого сознания. Таков основной смысл нашей интерпретации ключевого положения «Символа и сознания»: сознание имеет символическую природу.

Стоит при исследовании сознания задаться вопросом: «А что такое *то*, с помощью чего мы сознаем сознание?», как исследование «в недоумении» останавливается. В принятой нами терминологии это значит, что сознание-как-рефлексия протекает «гладко» лишь до тех пор, пока оно не задается вопросом о его – сознании-как-рефлексии – «корнях», о его собственной «оборотной стороне», об а-культурном модусе сознания. Эта вопросительность и есть, на наш взгляд, та характерная для символа *нехватка/потребность*, которая постоянно присутствует в модусе сознания-как-рефлексии в виде отсутствующего присутствия в нем а-культурного модуса *единого* сознания.

В начале статьи мы обещали вернуться к проблеме *неклассических* философских исследований, испытывающих на себе силу классических установок. Завершим нашу работу изложением собственного взгляда на эту тему, вытекающего из предшествующего исследования.

Отметим, прежде всего, что мы разделяем точку зрения тех историков философии, которые начинают отсчет неклассики с трех представителей так называемой «философии подозрения»: Маркса, Ницше, Фрейда. В их философии подозревается, в конечном счете, именно сознание, подозревается в том, что оно – экономическое, моральное и невротическое сознание – не является тем, за что оно себя выдает. В нашей интерпретации это означает: сознание – не то, за что оно выдает себя *в культуре*. В связи с выводами нашего исследования становится понятно, что вся «философия подозрения» построена на феномене двойственного единства куль-

турно-а-культурной природы сознания. В двойственности символической природы сознания заложена сама возможность подозрения и мистификации (а также, соответственно, подозрения в мистификации), которые характерны для неклассической философии. Устоявшееся мышление в культуре мистифицирует а-культурное сознание как таковое, которое всегда опережает данное инкультурированное мышление: именно на уровне а-культурного сознания как такового состоятся все те открытия, которые изначально просто не имеют своего *языка/мышления* в культуре. В нашем исследовании мы говорили о том, что эти открытия накапливаются на уровне сознания как такового в качестве вытесненных («первовытесненных») из культуры. Тем самым речь шла о единстве двойственного сознания.

Примечания

1. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. 2-е изд. М.: Школа «Язык русской культуры», 1997.
2. Мамардашвили М. К. О психоанализе // Мамардашвили М. К. Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. С. 335–350.
3. Пятигорский А. Предисловие ко второму изданию. Заметки об одной из возможных позиций философа // Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Указ. соч. С. 10.
4. См.: Воронина Л. Предисловие // Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Указ. соч. С. 19.
5. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. От авторов // Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Указ. соч. С. 25.
6. См.: Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Указ. соч. С. 71.
7. Там же. С. 32.
8. Там же. С. 31.
9. Там же. С. 32.
10. См.: Там же. С. 28–29.
11. Там же. С. 153.
12. Там же.
13. См.: Фрейд З. Вытеснение (1915 г.) // Фрейд З. Психология бессознательного / под ред. А. М. Боковой и С. И. Дубинской; пер. с нем. А. М. Боковой. М.: Фирма СТА, 1991. С. 111–127.
14. Мазин В. Комментарий. Фрейд З. Психоаналитические заметки об одном случае паранойи (dementia paranoidea), описанном в автобиографии (1911 г.) // Фрейд З. Собр. соч.: в 26 т. Т. 3. Одержимость дьяволом. Паранойя / пер. с нем. С. Панкова. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2006. С. 238–239.
15. Мазин В. Рождение психоанализа в переводе. Брейер Й., Фрейд З. Исследования истерии // Фрейд З. Собр. соч.: в 26 т. Т. 1 / пер. с нем. С. Панкова. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2005. С. 397–398.
16. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Указ. соч. С. 29–30.

А. Г. Подлевских

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК КАТЕГОРИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Темой статьи является одна из наиболее важных для философского и исторического познания проблем – проблема исторического сознания. В статье рассматривается комплекс исследовательских оценок проблемы исторического познания. Признается, что, в условиях постмодернистского вызова данная проблема приобретает новое звучание и значение как для философского, так и для исторического познания.

The article's subject is one of the most important cognition themes. It is a historical consciousness, that consists the whole complex of research problems. The article presents the difference of this category's definitions. The postmodern defiance's situation demands of new opinion in this field of knowledge. This is especially true of the philosophical and historical cognition.

Ключевые слова: историческое сознание, историческое познание, область знания.

Keywords: historical consciousness, historical cognition, field of knowledge.

В философской мысли XX в. сложилась традиция рассмотрения объективной и субъективной сторон исторического познания. Объективной стороне соответствует комплекс представлений об исторической реальности (реальности особого рода, которая не может сводиться ни к какой другой). Субъективная сторона характеризуется историческим сознанием.

Вопросы, которые касаются темы исторического сознания, затрагивают также самую обширную проблематику, которая разрабатывается специалистами в самых разных областях знания. Данная тема стала даже базовой для особого исследовательского направления в философии и методологии, что представляется вполне обоснованным. Историческое сознание физической невозможностью бытия человека лишь в одном временном измерении [1]. Сложность социально-гуманитарного и, в частности, исторического познания фокусируется именно на данной категории.

Как определяется историческое сознание? Внимание к данной проблеме в отечественной теоретической мысли стало проявляться в конце 1960-х – начале 1980-х гг. Именно в это время предложил свое понимание историк М. А. Барг. Он представил суть исторического сознания в качестве связи времен (прошлого, настоящего, будущего) в сознании как отдельного человека,

так и общества [2]. При этом подчеркивалась значимость настоящего в структуре данной категории: «Стержнем исторического сознания во все времена являлось историческое настоящее, сущее» [3].

Философ и социолог Ю. А. Левада полагал, что историческое сознание отличается от прочих форм сознания тем, что вводит особое измерение (время). Он выдвинул следующее определение: «Этим понятием охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознано (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее, в которых общество воспроизводит свое движение во времени» [4]. Неоднозначность данной категории принимается во внимание многими авторами. Так, Б. Г. Могильницкий указал на частичное совпадение объемов понятий «историческое сознание» и «этнонациональное сознание». Он акцентировал внимание на том, что нельзя сводить историческое сознание к исторической памяти: это обедняет содержание данного явления; кроме того, они выражают разные уровни связи истории и современности. Автор выявил взаимосвязь исторического сознания и типологии культурных систем, продемонстрировав то, как историческое сознание формируется в рамках определенной культурной системы и трансформируется вместе с ней. Подытоживая свои размышления, Б. Г. Могильницкий сформировал понятийный ряд «историческая наука – историческая память – историческое сознание – общественное сознание», в котором все звенья находятся в непосредственной взаимозависимости [5].

Историческое сознание можно представить и в виде особой формы между исторической наукой и общественным сознанием. По мнению Б. Г. Могильницкого, именно «в сфере общественного сознания особенно рельефно обнаруживается социальная функция исторической науки, выражающая ее полезность» [6]. Историческое сознание играет весьма значимую роль в деле самоидентификации общества. Кроме того, историческое сознание выступает необходимым фактором социальной саморегуляции [7]. В этом выявляется связь социальной памяти и исторического сознания.

Историческое сознание неотделимо от процесса самосознания (индивидуального, группового, этнического). Последнее трактуется по-разному. Как полагает И. А. Гобозов, народное самосознание непосредственно зависит от исторического сознания: «Под самосознанием народа понимается осознание народом своей роли и места в историческом процессе вообще, в данной стране в частности. В первом случае понятие самосознания народа берется в широком смысле, во втором – в узком». Автор еще раз оценивает

данное понятие в связи с историческим сознанием: «Самосознание народа и историческое сознание непосредственно связаны. Историческое сознание есть осмысление народом своего положения во времени, связи настоящего с прошлым и будущим». Согласно И. А. Гобозову историческое сознание представляет собой неотъемлемую часть всех форм общественного сознания [8].

Народное самосознание определяется различными факторами. Для формирования исторического сознания, в частности, населения России характерно влияние войн [9]. Проблема взаимосвязи исторического сознания и национального самосознания не решена. На конференции по философии и методологии истории И. Е. Козновой была выявлена вся сложность критериев современного понимания данной темы [10]. На наш взгляд, важнейшим критерием является историческое сознание. Косвенно эта точка зрения подтверждается, например, Р. Р. Назаровым: его понимание «духовного состояния эпохи», которое является ключом к рассмотрению истории и современности этносов, ассоциируется именно с данной категорией [11].

Историческое сознание представляет собой сложное образование. Можно согласиться с точкой зрения И. А. Гобозова, где выделяются три уровня исторического сознания. «На первом уровне человек непосредственно встречается с историей. Любой, даже если он не всегда это осознает, сталкивается с историей как через духовную культуру... так и через материальную культуру... На втором уровне... мы имеем дело с собственно историческим сознанием, когда у нас складывается определенная система знаний о прошлом. На третьем уровне совершается теоретическое осмысление исторического прошлого. Именно на этом уровне начинается формирование аутентичного самосознания народа» [12].

Развитие исторического сознания определяется широким социальным контекстом. Метод реализации каждого вектора развития кроется в создании специфичного отношения к миру прошлого. И в этом особую роль играет историческая наука, которая непосредственно влияет на формирование особого образа прошлого. Трансформация образа прошлого чаще всего приводит к возникновению индивидуального (или общественного) устремления к социальным переменам.

В отличие от И. А. Гобозова, который предлагает не выделять историческое сознание в особую форму общественного сознания, Н. И. Смоленский придерживается противоположной точки зрения. Кроме того, он подразделяет историческое сознание на массовое и профессиональное, последнее характеризуется спецификой знания: «Знание, особенно профессиональное исто-

рическое знание, – удел... небольшой прослойки людей, тогда как историческое сознание по определению является массовым, одной из форм общественного сознания» [13].

Н. И. Смоленский также акцентировал внимание на социальном аспекте исторического сознания: «Историческое сознание является не только одной из проблем науки, но и жизненно важной проблемой... общества. От состояния исторического сознания зависит степень стабильности общества, его способность к выживанию в критических обстоятельствах... Устойчивое историческое сознание – важнейший показатель стабильности общества... Кризис исторического сознания вторичен по сравнению с кризисом общества и является его результатом, следствием последнего, но разрушение исторического сознания может быть и результатом целенаправленных усилий, злой воли и умысла. Тогда злая воля становится инструментом культивирования исторического беспамятства людей, отнимающего у них возможность ориентироваться в настоящем, надежду на будущее и превращающего их в орудие реализации самых разных целей, в том числе направленных против их жизненных интересов» [14].

Возможно, подобное восприятие рассматриваемой категории стало одной из основ формирования отношения к ней со стороны представителей постмодернизма. Кризис социальный, вызывающий к жизни кризисное или маргинальное сознание, влечет также серьезные изменения в мироощущении и миропонимании.

Ярким примером такого подхода стало отношение к историческому сознанию, которое было сформировано военной ситуацией. Оно трактуется в качестве особого рубежа, который символизирует невозможность существования и исчезновение права на доминирование в сознании прежнего стиля мышления и познания. Модерн, создавший базу для катаклизмов 1910–1940-х гг., должен был уступить новому мышлению. Так, Ж.-Ф. Лиотар особо останавливался на потребности человека эпохи постмодерна существовать вне метаповествований – концепций, которые были созданы историками, теории прогресса, на основе которых развивалось историческое сознание в эпоху модерна. Память о войне и впечатления от тоталитаризма не способствовали созданию подобных теоретических построений. В сознании понятия «истина», «свобода» и подобные им оказались разведены [15]. М. Серр писал о том, что его сверстники относятся к «поколению войны»: «В шесть лет я узнал о войне в Испании, в девять – о блицкриге 1939 года, о поражении и крушении, в двенадцать – о разрыве между приверженцами Сопrotивления и коллаборационистами, в четырнадцать – об Освобождении».

дени и сведении счетов, которое вызвало это Освобождение во Франции, в пятнадцать лет о Хиросиме... Везде убийства и бомбардировки, везде тысячи преступлений... война, всегда война с шести до двадцати шести лет» [16]. Маргинальная историческая ситуация не могла не привести к формированию особого типа исторического сознания, что повлияло и на восприятие истории.

Проблема исторического сознания прямо связана с целым рядом важнейших проблем научного познания, в частности проблемой объективности. Тема восприятия информации, проблема вытеснения, искажения при научном рассмотрении непосредственно выходит на проблемы сознания познающего субъекта.

Таким образом, историческое сознание выступает в качестве весьма значимой для исторического познания категории. Представляется обоснованным даже представить ее в качестве центрального (связующего) звена для целого комплекса смежных понятий (социальная память, прошлое, традиция – устная и письменная, ценность, мифологизация).

Последнее для научного познания истории имеет особое значение. В начале 2000-х гг. Б. Г. Могильницкий особо останавливался на этом факте: «Важнейшая функция исторической науки заключается в демифологизации исторического сознания» [17]. Значимость оппозиции «историческое сознание – мифологическое сознание» подчеркивал в конце 1970-х гг. и А. В. Гулыга [18]. Данная черта исторического познания превалирует и на исходе первого десятилетия XXI в. Так, на Круглом столе «Понятие “историописание” и его границы» в Центре истории исторического знания ИВИ РАН, работа которого проходила 13–14 апреля 2009 г., прозвучало мнение о том, что и современный историк во многом занимается мифотворчеством.

На рубеже XX–XXI вв. была предпринята попытка представить историческое сознание как особое измерение бытия человека. Подобный подход был заявлен в статье А. В. Сувойчик: «Мы... живем тем способом человеческого бытия, которое Хайдеггер вскрыл как неполное. Обострение... проблем... человечества является следствием этой потерянности бытия» [19]. Такой, наиболее широкий, взгляд представляется самым приемлемым в качестве исходной точки для современного изучения проблемы исторического сознания, что обусловлено ситуацией, сложившейся на начало 2000-х гг.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. ощутимой тенденцией в развитии исторического знания явилось существенное ослабление влияния на научное познание классических традиций (школы второй половины XIX – первой половины XX в.).

Это выражается и во все возрастающем воздействии на историческое познание иных наук, которые привносят в гуманитарную методологию исследование природы и техники. Примером такого взаимодействия могут служить теория информации, синергетика. Но это, одновременно, демонстрирует и отсутствие самостоятельного развития исторической методологии. Это определяется и сформировавшейся на начало 2000-х гг. постмодернистской тенденцией к минимизации познавательных потребностей и способностей субъекта, когда сужение трансцендентального горизонта мысли и сведение пределов сознания к нулю создает новый, специфический вызов историческому познанию. Ответом на данный вызов может стать разработка новой рациональной теории исторического познания, создания теории научно-исторического познания, в структуре которого историческое сознание представляется одной из структурообразующих категорий.

Примечания

1. Разработку данного тезиса см.: *Смоленский Н. И.* Проблемы исторического сознания // Историческое сознание: сущность и проблемы изучения / отв. ред. Н. П. Пищулин. М., 2002.
2. *Барг М. А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987.
3. Там же. С. 24.
4. *Левада Ю. А.* Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки / отв. ред. А. В. Гулыга, Ю. А. Левада. М., 1969. С. 191.
5. *Могильницкий Б. Г.* Историческое познание и историческое сознание // Историческая наука и историческое сознание / под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск, 2000. С. 35–36; 44–49; 52.
6. *Могильницкий Б. Г.* О пользе истории // Историческая наука и историческое сознание / под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск, 2000. С. 4.
7. *Могильницкий Б. Г.* Историческое познание и историческое сознание ... С. 43.
8. *Губозов И. А.* Введение в философию истории М., 1993. С. 240–241.
9. *Могильницкий Б. Г.* Историческое познание и историческое сознание ... С. 38.
10. *Кознова И. Е.* Национальное самосознание как предмет современной историософской рефлексии // Философия и методология истории / отв. ред. С. Г. Калашников. Коломна, 2009. С. 44–51.
11. *Назаров Р. Р.* К современной методологии исследования истории и этнологии // Философия и методология истории / отв. ред. С. Г. Калашников. Коломна, 2009. С. 287.
12. *Губозов И. А.* Введение в философию истории. М., 1993. С. 241–242.
13. Там же. С. 241; *Смоленский Н. И.* Теория и методология истории: учеб. пособие. М., 2007. С. 40.
14. *Смоленский Н. И.* Теория ... С. 40.
15. Подобные установки см., например, в книге: *Lyotard J.-F.* La condition postmoderne. Paris, 1979.
16. *Serres M.* Eclaircissements. Paris, 1992. P. 10–11.

17. Могильницкий Б. Г. Историческое познание и историческое сознание ... С. 49.

18. Гулыга А. В. Историческое сознание // Современные проблемы философии истории: тез. докл. науч. конф. / отв. ред. Э. Н. Лооне. Тарту, 1979. С. 16.

19. Сувойчик А. В. Историческое сознание и его отчуждение // Проблемы исторического познания / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 1999. С. 176.

УДК 001.1

Р. А. Волосков

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФОНОВОГО ЗНАНИЯ

Разнообразие позиций рассмотрения проблематики фонового знания, возникшей в некоторых направлениях современной философии, обуславливает необходимость в разработке эпистемологического аспекта данной проблемы.

Some directions of modern philosophy have connections with problems of background knowledge. Thus the positions of consideration of this problem are various. Such situation gives the necessity for development of epistemological aspect of the given problem.

Ключевые слова: фоновые знания, субъект, реальность, язык.

Keywords: background knowledge, the subject, reality, language.

Появившийся в XX в. термин «фоновое знание» до этого времени не использовался в философии, хотя при этом имплицитно находился во многих эпистемологических концепциях. Некоторые современные мыслители вышли на проблематику фонового знания, которая получила различное терминологическое выражение в их исследованиях. В процессе работы мы увидим, насколько эти позиции сходны и в чем именно их сходство (и, одновременно, отличие), т. е. что дает нам право объединять их общим термином.

Что такое фоновое знание? Сущность данного термина проясняется в ответах на следующие вопросы: что такое знание и что такое фон?

Отвечая на первый вопрос, мы обходим стороной детальный анализ всей философской проблематики, связанной с данным понятием, но фиксируем внимание на гносеологическом аспекте знания, в рамках которого его [знания] субъективная и объективная стороны диалектически взаимосвязаны. Поэтому, определяя знание как *тезис о сущем* (то есть как нечто подуманное, высказанное о сущем), мы подразумеваем его субъективную топологию, которая соотносится с явленностью объективной реально-

сти и имеет возможность реверсивного воздействия на нее.

Данная постановка вопроса связана как с феноменологическим, так и с герменевтическим подходами к проблеме формирования общественного запаса знания. Например, в философской герменевтике Г.-Х. Гадамером были разработаны категории, которые имеют большое значение и для нас. Пред-знание, пред-понимание, пред-рассудок, традиция, горизонт понимания – все эти категории не имеют у него негативной оценки, а лишь указывают на необходимость различения понимания рассудочного и пред-рассудочного, т. е. понимания, которое предшествует рассудку. В конечном итоге, предрассудок может оказаться как истинным знанием, так и ложным. От предрассудков не надо избавляться, их надо проверять. Предпонимание – это определяющаяся традицией предпосылка понимания, поэтому оно должно выступать как одно из условий понимания. Совокупность предрассудков и предсуждений, обусловленных традицией, составляет горизонт понимания [1].

При ответе на второй вопрос обратим внимание на способность знания *субъективизироваться*, т. е., пользуясь терминологией Поппера, на способность знания переходить из третьего в первый мир [2]. В общем плане, можно сказать, что фон – это то, что окружает субъекта, на чем внимание не акцентируется, поэтому можно определить его как «имплицитное присутствующее». Фон в эпистемологическом контексте может быть понят как имплицитное, но присутствующее знание. Это знание, которое выступает *само собой разумеющимся* и поэтому выпало из поля познавательного интереса.

Иллюстрацией сказанному может служить установка Декарта на тотальное сомнение и поиск ясных и отчетливых истин [3]. Знание ясное и отчетливое становится эпистемологическим фоном, т. е. это знание, которое уже не является объектным, оно не требует рассмотрения, оно само собой разумеющееся знание и поэтому оно становится фоновым, предпосылочным знанием. Объектом же познания становится область, которая не является ясной и отчетливой, и работа исследователя сводится к объяснению объектного знания на основе фона. Важно то, что фон не является изначальной данностью, а первоначально тоже является объектным знанием. Нужно найти, обнаружить это ясное и отчетливое знание, и только после этого отнести определенное объектное знание в категорию фона.

Такой способ существования знания может проявляться и на уровне мировоззрения (в качестве устойчивых суждений о мире), и на уровне научного знания в качестве аксиом, базовых посылок, основ теоретического знания. Таким об-

разом, фоновое знание определяется как *имплицитный, но присутствующий тезис об устройстве сущего*. Это уже принятый субъектом тезис, тезис субъективизированный. Необходимо отметить, что статус фонового знания как «отсутствующего в поле зрения», не отменяет значимости такого знания. Напротив, такое знание имеет весомое значение как определяющее постановку проблемы, контексты мышления, общения и коммуникации.

Например, Гадамер утверждал, что даже постановка вопроса в социальных науках направляется предпониманием. «Избирательная точка зрения, которая в согласии с обстоятельствами выделяет определенную постановку вопроса и поднимает его до темы исследования, сама не может быть получена из логики исследования». И далее, «даже крайне критический рационалист не станет отрицать, что применению научной методике предшествуют определяющие факторы, которые касаются уместности выбора и постановки в нем вопросов» [4]. Фоновое знание задает границы интерпретации реальности для субъекта. И эти границы определяют возможности субъекта познания. В связи с этим кажется продуктивной теория зонда [5]. На ее основе можно сделать предположение, что все то, что прошло сквозь субъект, стало изученным субъектом, понятным и прозрачным для него, становится фоновым, фоновым знанием. Сам субъект в рамках этой теории суть фон, т. е. все понятие прозрачное бытие/сущее можно интерпретировать как субъектное. В то же время знание может переходить из области фона в область объектного знания, такого знания, которое становится объектом рассмотрения. Такой переход возможен за счет того, что среди фона может выделиться какой-то объект, который стал для нас непонятен, сбилась его программа привычного для нас функционирования, он стал непрозрачным, т. е. выделился в качестве объекта. Это показывает взаимосвязь между субъектным и объектным знанием, что в свою очередь подчеркивает диалектичность отношений между субъективной и объективной реальностями. Здесь важно обратить внимание на понимание субъективной топологии фонового знания.

Важно подчеркнуть, что формирование комплекса фоновых знаний (т. е. субъективизация знания) во многом обусловлено процессами социализации и не всегда носит сознательный характер, но при этом, сформировавшись, такой комплекс приобретает статус само собой разумеющегося. В связи с этим правомерен вопрос об обоснованности такого знания. Можно задуматься хотя бы над собственным мировоззрением и обнаружить, что многое в нем или не имеет никаких оснований, или имеет основания весьма

сомнительного характера. Мы пользуемся мышлением на основе этого фонового знания. Именно оно конституирует нашу личность, т. е. наше мировоззрение конституирует и объективирует нашу субъективную реальность в объективную реальность, при этом само имея неясные основания. В данной связи можно сформулировать максимуму пересмотра и редактирования всех фоновых знаний.

Такая предельно общая интерпретация фонового знания (неявный, но присутствующий тезис о сущем) предполагает его видовое разнообразие. Мы считаем, что все многообразие различных вариантов и коннотаций термина фоновое знание можно объединить в четыре основные группы (по подходам к данной проблеме). Вот эти группы – повседневность, предпосылочное знание, предпонимание, язык.

В данной работе вся проблематика фонового знания рассматривается в контексте социального конструирования реальности, поэтому подчеркнем еще одну черту фонового знания – оно является инструментом и средой коммуникации. Сама постановка вопроса о фоновом знании в контексте проблемы конструирования социальной реальности предполагает выделение субъективной и объективной реальности. Объективная реальность воспринимается нами как представленная в виде явлений, как явленная реальность. И в связи с этим постановка проблемы фона имеет, прежде всего, субъективную размерность. Все четыре варианта фоновых знаний могут быть представлены на обоих данных уровнях. При этом мы вновь подчеркиваем диалектический характер взаимосвязи между субъективной и объективной реальностью.

Уже тот факт, что появилась возможность синтезировать проблематику повседневности и всю проблематику, связанную с субъектом, в эпистемологическом контексте дает нам право говорить о продуктивности использования термина фоновое знание.

Особое внимание следует уделить проблеме повседневности. В некоторых исследованиях выделяется субъективная и объективная сторона повседневности, но важно подчеркнуть, что, тем не менее, в таких исследованиях или игнорируется, или сводится на нет эпистемологическая значимость повседневности. «Само по себе выражение “повседневность”, все его русско- и иноязычные синонимы, не слишком удачны, надо признать, в роли научно-философских терминов, в особенности применительно к эпистемологии» [6]. В основном, по словам Касавина, повседневность подчеркивает и изучает онтологический статус субъективной и объективной сторон быденной жизни. И в этом смысле термин фоновое знание преодолевает данный недостаток, т. е.

предлагает философскому анализу эпистемологическую размерность субъективной и объективной сторон повседневности.

Особое место проблематика повседневности занимает в рамках феноменологических исследований. Сходные понятия встречаются у Гуссерля, Шютца, Бергера, Лукмана. Например, Гуссерль пишет о причинах кризиса науки и указывает на то, что науки абстрагируются от жизненных истоков и поэтому заходят в тупик. А ведь любое научно-теоретическое отношение к действительности зависит от непосредственного отношения к миру, к «жизненному миру», т. е. к тому миру, в котором исследователь непосредственно находится. Поэтому необходимым является включение проблем «жизненного мира» в контекст научной и философской проблематики [7].

Или, например, Шютц [8], а следом за ним и Бергер с Лукманом [9] рассматривают проблематику повседневности в контексте проблемы реальности повседневной жизни. Такая реальность интерпретируется Шюцем как верховная, при этом признается существование множества реальностей. Человек является всегда заброшенным в реальность своей повседневной жизни. При этом можно разделить эту верховную реальность на два уровня – на природную и на социальную реальность. Но реальность моей повседневной жизни не может охватить всего многообразия природного и социального мира, так как они трансцендируют за пределы реальности моей повседневной жизни. Повседневный мир – мир, создающийся в мыслях и действиях людей и переживаемый ими как реальный. Существование в повседневности – самоочевидно, т. е. повседневность составляет фон бытия. Повседневность упорядочена и систематизирована в образцах, кажется независимой от меня, является уже объективированной. Повседневность – это то, что здесь-и-сейчас. То, что в пределах моей досягаемости, то, что я могу изменить. Важно подчеркнуть, что фоновое знание имеет свойство здесь-и-сейчас только в контексте привязки к субъекту, а в смысле привязки к структурам хронотопа данное знание может трансцендировать за пределы здесь и сейчас. Реальность повседневной жизни интерсубъективна.

Особый вклад в позитивную интерпретацию термина предпосылочное знание, посредством признания за ним, конституирующего все действительное знание, статуса, внес Поппер. Предпосылочное знание – это знание, которое не замечается исследователем, на это знание не падает напрямую луч сознания исследователя, но оно как бы всегда имеется в виду. Оно лежит в основе познания, это аксиомы, на основе которых выстраивается все здание научной или философ-

ской теории. Любое знание является всегда модификацией предшествующего знания. Знание всегда начинается с какого-нибудь фонового знания. «...999 тысячных знания, имеющегося у организма, унаследованы или врождены, и только одна тысячная состоит из модификаций этого врожденного знания...» [10].

Язык тоже интерпретируется как фоновое знание, например, у Бергера и Лукмана [11]. Фоновое знание – знание о мире, в который мы погружены. Но в то же время язык выходит за рамки повседневности. Он делает возможным оперирование предметами, которые не представлены здесь-и-сейчас. Как мы отмечали выше, фоновое знание может трансцендировать за пределы здесь-и-сейчас через бытие субъекта. Язык превращает абстрактные предметы в обыденно существующие. Я живу в мире знаков и символов. Поэтому язык – обязательный элемент повседневности. Исследование в контексте проблемы фона было осуществлено Сепиром и Уорфом в концепции лингвистической относительности. Основой лингвистической относительности является тезис о том, что познание внешнего мира зависит от языка, на котором мы говорим. Язык является структурообразующим элементом мышления, реальности и познания в целом. «Реальный мир» в значительной степени неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [12]. И в то же время он задает границы познанию и интерпретации реальности. При этом сам язык используется как инструмент, т. е. является понятием и принятым знанием – фоновым знанием. Существует множество реальностей, различие между которыми детерминировано использованием различных языков. «Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» [13]. Мы видим окружающий нас мир таким, какой он есть именно в силу того, что обладаем определенными языковыми привычками, а это и есть фоновые знания. Таким образом, утверждается конструирующая способность фоновых знаний и поливариантность бытия. Также укажем на диалектическую взаимосвязь языка и социума. Общественно сформировавшийся язык влияет на способ понимания обществом реальности и на способ понимания самой социальной реальности. Итак, язык как фоновое знание определяет человеческое мышление и процесс познания в целом, а через него – культуру и социальное поведение людей, мировоззрение и целостную картину мира, возникающую в сознании.

Подводя итоги данной работы, можно выделить основные свойства фонового знания и повторить положение о необходимости данного термина.

Во-первых, в данной работе мы предложили определение фонового знания – это (значимый) имплицитный, но присутствующий тезис о сущем.

Во-вторых, мы выделили основные присущие данному знанию свойства. Фоновое знание – это знание субъективизированное (т. е. понятное, доказанное и принятое субъектом), знание субъектное, имеющее субъективную размерность (т. е. принадлежащее субъекту), знание само собой разумеющееся (ясное и отчетливое), знание, задающее границы мышлению и коммуникации и определяющее постановку проблемы (т. е. знание, задающее границы интерпретации реальности), знание, являющееся и средой и инструментом коммуникации, знание для субъекта «здесь и сейчас».

В-третьих, сформулировали максимум для исследования фоновых знаний (пересмотр и редакция) и подчеркнули значимость таких исследований.

В-четвертых, выявили видовое разнообразие фоновых знаний: повседневность, язык, предпосылочное знание, предпонимание. Это позволяет нам объединить под данным термином ряд проблем современной философии. Термин фоновое знание весьма продуктивен, так как позволяет нам разбирать данные проблемы в эпистемологическом контексте и в связи с проблемой субъекта.

Примечания

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
2. Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
3. Декарт Р. Рассуждение о методе: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 250–296.
4. Гадамер Х.-Г. Указ. соч. С. 38–44.
5. Тхостов А. Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 1994. № 3. С. 3–12.
6. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М.: Канон, 2004. С. 13.
7. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 85–91.
8. Щютц А. Мир, светящийся смыслом // Щютц А. Избранное. М.: «Логос», 2004.
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
10. Поппер К. Р. Указ. соч. С. 76.
11. Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 60–80.
12. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образы мира. М.: ООО Издательство АСТ, 2003. С. 129.
13. Там же. С. 129.

ИСТОРИЯ

УДК 329(470)“1917”

В. А. Кувшинов

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ ПАРТИИ КАДЕТОВ в 1917 г.

В статье освещается вопрос об агитационно-пропагандистском аппарате главной либеральной политической организации дореволюционной России – кадетской партии. На основе большого, в том числе архивного, материала автор приходит к выводу, что кадеты имели в 1917 г. сильную, хорошо отлаженную идеологическую машину, опиравшуюся на большие материально-технические возможности. И, тем не менее, в борьбе с большевистской пропагандой она оказалась, в конечном итоге, неэффективной. Каковы причины этого – тема следующей статьи.

The article dwells upon the agitation and propaganda system of the main liberal political organization of pre-revolutionary Russia, the Cadet Party. Having analysed a large number of sources including archive materials, the author concludes that in 1917 the Cadets had a powerful and well-regulated ideological mechanism possessing considerable material and technical resources. Nevertheless, it appeared to be inefficient in its struggle with the Bolshevik propaganda. The following article is to consider the causes of this failure.

Ключевые слова: кадетская партия, интеллигенция, идеологическая борьба.

Keywords: the Cadet Party, intelligentsia, ideological struggle.

Кадеты всегда уделяли первостепенное внимание вопросам распространения своих идей. Для этого они располагали самым мощным, по сравнению с другими политическими партиями России, идеологическим аппаратом: большим количеством интеллигентских сил, в том числе профессурой крупных университетских центров страны (Петрограда, Москвы, Киева, Казани и т. д.), широко разветвленной сетью газет и журналов, крупной издательской базой. После Февральской революции, когда кадеты стали правящей партией, их возможности в этом смысле неизмеримо возросли.

Факты показывают, что кадеты старались быстрее реализовать полученные преимущества, резко расширить обработку масс в нужном им направлении. Уже 3 марта их Центральный комитет постановил, наряду с принятием мер к открытию местных партийных комитетов, развить агитацию, пользуясь поездками на места представи-

телей партии [1]. Пленарное заседание ЦК, состоявшееся 10–13 марта, приняло специальное решение по вопросу «о воздействии в смысле распространения идей партии на общественное мнение и необходимости внесения спокойствия и порядка в ряды армии». Оно предусматривало издание листовок и плакатов и распространение их не только своими силами, но и при помощи Союзов земств и городов, налаживание партийной печати в Петрограде, Москве и провинциальных городах, выработку главных лозунгов к предстоящей митинговой и избирательной борьбе, открытие партийного клуба в Петрограде и т. п. [2]

Кадеты приступили к пропаганде своих идей и лозунгов с большим размахом. В первые дни марта начала действовать агитационная комиссия при Центральном комитете, которая организовывала митинги как в Петрограде, так и в провинции [3]. В это же время начала функционировать хорошо укомплектованная литературная группа, занимавшаяся изданием и распространением кадетской печатной продукции.

Ещё более усилился поток кадетской пропаганды после VII съезда партии. На состоявшемся 29 марта заседании ЦК были специально обсуждены вопросы, вытекавшие из постановлений съезда, и в том числе об агитационно-издательской деятельности. Была избрана особая литературно-издательская комиссия, в обязанность которой вменили в первую очередь издать в популярном изложении программу партии, стенографический отчет о заседаниях VII съезда, а также отдельными брошюрами и листовками некоторые доклады и речи делегатов съезда [4]. Всё это публиковалось огромными тиражами. Так, речь Ф. И. Родичева о войне была отпечатана в количестве 700 тыс. экземпляров. А всего литературно-издательская комиссия при ЦК только за 2 месяца выпустила 23 листовки, плаката и брошюры, общим тиражом свыше 2 миллионов экземпляров. Большая часть этого агитационного материала отправлялась бесплатно при содействии Временного комитета Государственной думы на фронт и в провинцию [5]. Его распространением, наряду с организацией лекций, собеседований, дачей уроков и т. п., занималась и культурно-просветительная комиссия ЦК.

В большом количестве кадетская литература издавалась на местах. Издательская комиссия при

Московском городском комитете кадетов за 2 месяца выпустила около 800 тыс. агитационных листовок и свыше 12 наименований брошюр [6]. Крупными издательскими центрами кадетов были Киев, Харьков, Ростов-на-Дону, Казань, Саратов. Литературно-издательские возможности кадетов были настолько большими, что литературу выпускали не только губернские комитеты, но и многие городские, районные и даже уездные [7]. Свои издательства имели все районные комитеты Петрограда и Москвы. Большую пропагандистско-агитационную работу развернул железнодорожный отдел кадетского ЦК. Им было выпущено около 240 тыс. плакатов для «обклейки» узловых железнодорожных станций, пристаней и пароходов. С этой целью 14 его сотрудников были командированы по тридцати маршрутам в разных направлениях европейской России, Кавказа и Западной Сибири [8].

При издательской комиссии кадеты создали литературно-художественный отдел, деятельность которого направлялась главным образом на издание плакатов, лубочных картин и открыток с соответствующими текстами, имеющих «определенное политическое направление и содержание». К его работе они привлекали крупных писателей и художников [9].

Над всей печатной продукцией, выпускаемой в центре и на местах, кадетский ЦК установил тщательный контроль. Он осуществлялся специально созданными для этой цели редакционным комитетом и книжной секцией, которые требовали присылки им всех предполагаемых изданий. Они же рекомендовали наиболее подходящую с их точки зрения литературу к перепечатке и организовывали обмен ею между различными комитетами [10].

Большое внимание кадеты с первых дней революции уделяли расширению своей прессы. Уже 5 марта, после всего лишь недельного перерыва, связанного с забастовкой типографских рабочих, возобновилось издание центрального органа – газеты «Речь». По решению VII съезда возобновилось и издание еженедельника «Вестник партии Народной Свободы». Стремясь внедриться в различные слои населения, кадеты приступили к организации выпуска «народных» газет. В июне в Петрограде начала выходить «небольшая и недорогая», как писали кадеты, газета «Свободный народ», задача которой заключалась «в ознакомлении широких кругов демократии со взглядами партии на жгучие вопросы дня» [11]. В июне же появилась ещё одна кадетская газета такого типа, «Земля», рассчитанная на крестьянскую аудиторию.

Такие же газеты были созданы кадетами в Москве и во многих других городах и уездных центрах России. О том, какое значение им при-

давалось, свидетельствует тот факт, что когда на одном из заседаний кадетского ЦК было сообщено, что в Москве «налажено издание партийной газеты для народа и демократической интеллигенции», то сразу же, без прений было решено выдать Московскому отделу Центрального комитета 25 тыс. рублей на издание этой газеты [12]. В то же время, взяв курс на объединение вокруг себя всей буржуазии страны, под флагом «свободы слова» они сразу же повели борьбу за возобновление издания всех газет, выходящих до революции, в том числе и крайне реакционного направления, закрытых Советами рабочих и солдатских депутатов [13].

В итоге в распоряжении кадетов в марте – октябре 1917 г. имелось большое по тем временам количество газет. Помимо чисто партийных, которых насчитывалось около 20, ещё более 150 буржуазных газет были только формально беспартийными, а фактически редактируемые кадетами, пропагандировали их идеи [14]. В. И. Ленин отмечал, что у кадетов и правых «в десять, если не во сто раз больше экземпляров ежедневных газет» [15].

На службе у кадетов оказалось и такое мощное средство идеологического воздействия, как Петроградское телеграфное агентство (ПТА), которое они сразу после революции поспешили прибрать к своим рукам. Большевики ещё в начале марта отмечали, что корреспонденция для заграницы составлялась под редакцией П. Н. Миллюкова, т. е. в удобном для кадетов направлении [16]. Правительственным комиссаром над агентством был назначен член кадетского ЦК П. П. Гронский, которому и была поручена его реорганизация. Гронский «реорганизовал» ПТА по-своему: оставил фактически всё по-старому, убрав только 2–3 наиболее одиозные фигуры и назначив на их место кадетов. Так, директором агентства стал видный кадетский публицист Л. М. Неманов, агентами в Стокгольме и Берне – важнейшими для получения и распространения информации пунктами – сотрудники газеты «Речь» Шутяков и Виктор-Топоров [17].

Не удивительно, что и после такой, с позволения сказать, «реорганизации» сообщения ПТА были весьма тенденциозными, направленными против революции, что вынуждены были признавать даже меньшевики и эсеры. 6 июля Бюро Исполкомов Советов постановило обратить внимание Временного правительства на необходимость реформировать ПТА, «не точно и одно-сторонне осведомляющее население о событиях в Петрограде» [18].

Временное правительство выполнило рекомендацию «полномочного органа революционной демократии» весьма своеобразно, назначив вместо бывшего ещё при царе директором-распоря-

дителем Ловягина некоего Раецкого. По его поводу даже такая газета, как «День», писала: «...на пост директора агентства назначен редактор “Известий Московского Военно-промышленного комитета” С. Раецкий – фигура в политическом отношении совершенно определенная. Редактор “Утра России”, секретарь всяких торгово-промышленных съездов, служивший до сих пор рупором Рябушинских, Третьяковых и Гучковых, теперь призван служить рупором революции» [19].

Наряду с печатной кадеты разворачивали устную пропаганду. И в этой области на их стороне был большой перевес сил по сравнению с большевиками. Недаром кадетскую партию называли «профессорской партией». У них было в избытке хорошо подготовленных пропагандистских кадров как в центре, так и на местах. Стремясь к проникновению в различные слои населения, кадеты решили расширить их подготовку, для чего создали широкую сеть различных курсов, школ и т. п. Лекции в них читали и вели практические занятия по приемам агитации и митинговой борьбы опытные кадетские профессора. В Петрограде и Москве были организованы не только общегородские, но и районные курсы. Особой заботой кадетов было привлечение на них слушателей из провинции. В свою очередь, крупные местные комитеты организовывали свои, губернские и областные курсы лекторов и агитаторов.

В результате кадетская пропаганда и агитация принимала всё более широкий размах, охватывала новые районы страны. Кадетский ЦК разработал 28 примерных маршрутов для командировок в провинцию столичных лекторов. Они охватывали практически всю страну [20]. В них принимали участие и кадетские лидеры, в том числе П. Н. Милюков. Их поездки обставлялись с большой помпой, на места предварительно высылались организаторы лекций, а аудитории обычно тщательно подбирались [21]. Но, несмотря на это, слушателей, как правило, собиралось на кадетские выступления мало. Из Ярославля, например, жаловались, что на приезжающих из Москвы партийных лекторов собираются слабо, всего лишь по 50, 60, максимально 120 человек, в основном местные кадеты [22].

Согласно решению VII съезда в конце марта ЦК кадетов обсудил вопрос о работе агитационной комиссии и решил привлечь в её состав молодежь «с целью распространения в крестьянстве партийной литературы, чтения лекций, ведения популярных бесед и т. п.» [23] Кадетские пропагандисты из числа буржуазных студентов добирались в самые глухие углы, но похвалиться особыми результатами своей агитации они не могли. Нередко на их лекции и беседы вообще

никто не собирался или собиралась только зажиточная часть крестьянства.

Опорными пунктами кадетской пропаганды и агитации являлись партийные клубы, которые создавались на всех уровнях: в столицах, их районах, губернских городах и даже уездах. Помимо их кадеты открывали «народные» библиотеки, «народные» чайные и т. п.

Возможности кадетской пропаганды усиливались благодаря объединению идеологической деятельности различных буржуазных, политических и общественных организаций. Кадеты фактически являлись руководящим центром агитационно-пропагандистской деятельности таких буржуазных организаций, как Временный комитет Государственной думы, Совет Всероссийского союза торговли и промышленности (СВСТП), земский и городской союзы (Земгор), Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК), общество младших преподавателей Московского университета и ряда других.

Временный комитет Государственной думы кадеты нередко рассматривали как свой филиал, особенно в постановке пропаганды. 9 марта их ЦК принял решение «признать желательным сохранение Временного комитета для деловой работы, преимущественно для пропаганды» [24]. Кадеты использовали для этой цели и хорошо отлаженный технический аппарат Временного комитета и его большие материальные возможности.

Временное правительство оставило в распоряжении комитета государственную типографию, в которой бесплатно печатались стенограммы частных заседаний Государственной думы в количестве 200 тыс. экземпляров. При этом использовался весь аппарат типографии, её экспедиция и право на бесплатную очередную отставку до десяти пудов в день. На средства временного комитета рассылались преимущественно кадетские лекторы [25].

Особое внимание во всей этой деятельности обращалось на армию. Специальный отдел Государственной думы по сношению с войсками наладил постоянное чтение лекций и распространение литературы в ряде полков Петроградского гарнизона и систематически отправлял лекторов на фронт. В Москве подобной деятельностью занимался филиал отдела [26].

После прекращения деятельности Временного комитета в августе 1917 г. его место занял «Совет совещания общественных деятелей», в руки которого практически перешел и весь аппарат комитета.

Московские кадеты всю идеологическую работу тесно координировали с Советом Всероссийского союза торговли и промышленности, с его политическим отделом, половина членов ко-

торого была кадетами, а другая половина тесно к ним примыкала [27]. На заседании этого отдела 7 апреля, с участием представителей кадетской партии, Государственной думы и земского союза, был обсужден вопрос «об установлении контакта между политическим отделом и другими организациями, имеющими аналогичные цели». Кадет И. Н. Сахаров ознакомил собравшихся с тем, что делается «в смысле политического воспитания масс», и заявил, что считает необходимым «ведение политической агитации путем издания красных (областных) газет... распространения в армии и в деревнях дешевых брошюр и летучек, а также чтения лекций и выступлений на митингах» [28]. Было принято решение о координации всей агитационно-пропагандистской работы между организациями буржуазии и партией кадетов на основе лозунгов: «война до победного конца», «борьба с анархией и сокращение государственности России» [29]. Политический отдел СВСТП в качестве авторов выпускаемых им брошюр чаще всего привлекал кадетских идеологов: Н. Бердяева, П. Струве, С. Котляревского, В. Гессена и др. На своем заседании 19 апреля он рекомендовал отпечатать отдельной брошюрой речь кадетского министра земледелия Шингарева в защиту «Займа свободы» [30].

Программу журнала политического отдела «Народоправство» разрабатывали кадеты Н. Алексеев, Н. Бердяев и Г. Чулков. Руководство изданием журнала и всей издательской деятельностью отдела сосредоточивалось в редакционном бюро, состоящем почти целиком из кадетов и возглавляемом кадетом С. А. Смирновым, крупным фабрикантом, министром последнего состава Временного правительства. По просьбе кадетов политический отдел СПСТП неоднократно щедро субсидировал их издания. Так, было принято решение о материальной поддержке кадетского журнала «Народный вестник». По просьбе общестуденческой фракции кадетов оказал ей 23 июня денежную поддержку в сумме 2 тысяч рублей для издания брошюры [31].

Организации Всероссийского Земского союза и Союза городов (Земгора) кадеты широко использовали в борьбе за армию. Они имели разветвленную сеть баз снабжения, хорошо налаженный транспорт, связь, типографии. Только у Земского союза было до 5 тыс. учреждений на фронте, в том числе специальные книжные магазины и лавки. Через этот канал фронт был буквально завален черносотенной, буржуазной и меньшевистско-эсеровской литературой [32]. Один из солдат писал по этому поводу в «Правду»: «Мы, солдаты, сидящие в окопах, хотим, чтобы к нам на фронт доходили не только буржуазные газеты «Речь», «День» и пр. Они доставляются с большой исправностью. А наши ра-

бочие газеты, стоящие на страже наших интересов, как «Правда» и «Солдатская правда», к великому нашему горю, до нас не доходят. А ведь мы выписываем именно эти газеты» [33].

Помочь кадетам в их пропагандистских усилиях старались и организации, связанные с англо-французскими союзниками. В архивном фонде Милюкова хранится извещение от 5 мая 1917 г., в котором комитет Русско-английского общества уведомляет лидера кадетов о том, что «8 мая состоится соединенное заседание членов комитета Русско-английского общества и Англо-русского бюро для совместного обсуждения вопроса о пропаганде на фронте и среди рабочих» [34].

Кадеты широко использовали и такую форму расширения своего влияния на те группы населения, к которым они сами не решались подступиться открыто, как пропаганда близких им идей, партий и организаций. Кадетские газеты и журналы регулярно помещали материалы об этих партиях, публиковали их документы, афишировали их мероприятия (собрания, лекции, митинги), а также выпускаемую ими литературу.

В первую очередь это касалось правых народно-социалистических партий и группировок, плехановской группы «Единство» и т. п., которые по своей политической физиономии мало чем отличались от кадетов, особенно их «левого» крыла. Среди рекомендуемой кадетами литературы часто фигурировали, например, сочинения лидеров энесов и трудовиков В. В. Водовозова, А. В. Пешехонова и др. Пропагандистское сотрудничество кадетов с партией энесов дошло до того, что они даже помещали на страницах своих газет объявления с призывом о вступлении в её ряды [35]. «Чести» быть особо рекомендуемыми кадетами заслужили и некоторые сочинения Г. В. Плеханова, в частности его брошюра «Две линии революции». Представляли кадеты страницы своих газет и журналов и для афиширования пропагандистской деятельности других меньшевистско-народнических партий и групп.

Большое внимание в 1917 г. кадеты уделяли различным политическим партиям и организациям европейской буржуазии. Кадетские газеты были полны объявлений и сообщений об их митингах, собраниях, съездах, с непременным участием видных кадетских лидеров и чаще всего товарища председателя ЦК кадетов М. М. Винавера. О том, какую пропагандистскую линию вели кадеты на этих мероприятиях, свидетельствует выступление Винавера на многолюдном европейском митинге 8 июня в здании Фондовой биржи. Прежде всего под возгласы «верно» он заверил, что «евреи поддержат Временное правительство». Затем обрушился «против евре-

ев, участвующих в анархии и стыдящихся своего еврейства». Эти евреи, – продолжал он, – «являются предателями еврейства. Они всегда заявляют, что они не евреи, а интернационалисты» [36].

В то же время кадеты уделяли много внимания пропаганде сионизма вообще и позиции российских сионистов в частности. С явного благоволения кадетов в конце мая состоялся всероссийский сионистский съезд, который принял кадетского характера резолюции против большевиков, в поддержку Временного правительства, доведения войны до победного конца. Кадетская пресса широко освещала работу съезда и пропагандировала его материалы [37].

Многочисленные сионистские собрания, проходящие в разных районах страны, также принимали кадетские резолюции. Альянс кадетов с сионистами зашёл настолько далеко, что последние предлагали Милюкову свои услуги, чтобы помочь начать наступление русских солдат на фронте. Для этого сионисты намеревались создать особую «еврейскую армию» и двинуть её на «освобождение Палестины». Это, говорили они, изменит отношение союзников к русской армии и заразит русских солдат, и они тоже «ринутся освобождать свою страну» [38].

В преддверии выборов в Учредительное собрание, на IX съезде, состоявшемся в конце июля, кадетами был создан новый руководящий и координирующий центр идеологической работы – Всероссийская Агитационная комиссия с местопребыванием в Москве. В её состав были включены шесть видных членов кадетского ЦК и представитель от студенческой кадетской фракции. В задачу комиссии входила организация поездок кандидатов в Учредительное собрание и членов ЦК на места, посылка в провинцию лекторов, инструкторов и агитаторов, регулярное снабжение партийной литературой и предвыборной финансовой помощью местных комитетов, устройство всероссийских агитационных курсов и школ для обеспечения провинции партийными работниками, помощь губернским комитетам в устройстве курсов и школ местного значения, а также в оживлении всей партийной жизни путём устройства клубов, организации лекций, собеседований и т. п. Особое значение при этом комиссия придавала работе среди крестьянства [39].

Таким образом, на деле функции Всероссийской агитационной комиссии выходили за рамки организации только избирательной кампании. Кадеты преследовали цель воспользоваться благоприятной обстановкой, создавшейся для кадетов после июльских событий, расширить всю партийно-политическую работу, попытаться ещё раз вовлечь в сферу своего влияния отсталые в политическом отношении слои населения России

и в первую очередь крестьянство. Для решения всех этих задач необходимы были огромные средства. Как показывают протоколы Агитационной комиссии (некоторые из них сохранились), кадеты ими располагали. Так, на заседании комиссии 1 сентября было постановлено ассигновать до 3 тысяч рублей на покупку книг и устройство библиотеки и выдать по одной тысяче рублей Смоленскому комитету на печатание плакатов [40].

Главная ставка в идеологической борьбе с большевиками кадетами делалась на интеллигенцию.

Буржуазная интеллигенция играет особую роль как в формировании идеологии крупной буржуазии, так и в её распространении среди широких кругов населения, в первую очередь среди мелкой буржуазии. В. И. Ленин указывал, что влияние помещиков (а, следовательно, и крупной буржуазии. – В. К.) на народ не страшно, обмануть им надолго сколько-нибудь широкую массу не удастся, так как здесь до предела ясно, кто эксплуататор и кто эксплуатируемый. Но влияние буржуазной интеллигенции, непосредственно не участвующей в эксплуатации и возводящей своё междуклассовое поколение в принцип внеклассовых партий и внеклассовой политики на народ, опасно. «Тут и только тут, – подчеркивал Ленин, – есть налицо заражение широких масс, способное принести действительный вред, требующее напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой» [41].

Кадеты приложили все усилия, чтобы громадная идеологическая сила в лице интеллигенции целиком обслуживала их интересы, интересы эксплуататорских классов, а не эксплуатируемых, контрреволюции, а не революции. С этой целью они старались внедриться буквально во все слои и группы русской интеллигенции, взять их под свой идейный и организационный контроль. По инициативе кадетов в первые же дни революции созывались многочисленные собрания, съезды, конференции различных групп интеллигенции, создавались их профессиональные организации, всевозможные общества, союзы и т. п.

12 марта состоялось общее собрание журналистов Петрограда, на котором, по предложению инициаторов этого собрания – кадетов, была принята резолюция протеста против запрещения Советом рабочих и солдатских депутатов выхода черносотенных изданий [42]. 22–23 апреля под председательством редактора «Речи» видного кадета И. В. Гессена состоялся Всероссийский съезд редакторов ежедневных газет. Он избрал новое руководство Всероссийского общества редакторов ежедневных газет во главе с тем же самым Гессеном [43].

В начале апреля состоялся съезд так называемого «Пироговского общества», объединяюще-

го врачей России. По специальному решению ЦК кадетов на нём было организовано их представительство [44], под эгидой которого и прошёл весь съезд, переименовавший общество во Всероссийский союз врачей. Политическая платформа его отличалась от кадетской только некоторыми более либеральными формулировками.

Исключительное внимание кадеты уделяли завоеванию на свою сторону творческой интеллигенции. Только-только отгремели бои с самодержавием, а уже 9 марта кадеты созвали инициативное собрание литераторов, которое решило создать литературное общество под названием «Союз писателей». На Учредительном собрании, состоявшемся 19 марта, председательствовал член кадетского ЦК М. М. Винавер, присутствовали также члены ЦК В. Д. Набоков и И. В. Гессен [45]. О том, какую направленность старались придать писательскому союзу кадеты, свидетельствует повестка его второго собрания, состоявшегося 26 марта. Среди её пунктов – вопрос об учреждении редакционно-издательской комиссии для скорейшего создания популярной просветительской литературы «в связи с запросами исторического момента» и об организации публичных бесед и докладов по тому же вопросу [46].

Многие кадетские газеты, и в том числе «Речь», имели литературные отделы, в которых регулярно помещались установочные статьи, давались соответствующие аннотации на выходящую литературу. Так, в одном из своих номеров «Речь» обрушилась на тех поэтов, которые служили революции, назвав их «звонарями». Она требовала, чтобы они «ушли с колокольни», а тему революции передали «символистам», т. е. поэтам, пишущим заумным языком, непонятным для народа [47].

В марте же по инициативе и под руководством кадетов состоялись многочленные собрания деятелей искусства в Петрограде и Москве. На них было положено начало организации ряда других профессиональных организаций творческой интеллигенции, как, например, художественного союза [48]. Усилиями кадетов в июне был возрождён Академический союз [49], консервативная организация, объединявшая профессуру и доцентуру высших учебных заведений России. В 1917 г. он, находясь целиком на платформе кадетской партии, открыто защищал интересы крупной буржуазии.

В начале июня кадетами же была основана «Лига русской культуры», объединение, как они писали, «не классовое и не политическое». На самом деле оно было и классовым и политическим. Её учредителями были представители крупной буржуазной интеллигенции, кадеты А. В. Карташев, В. А. Маклаков, П. Б. Струве, А. С. Изго-

ев и ряд других, крупные помещики М. В. Родзянко, С. Ф. Ольденбург, Н. Н. Львов, религиозные деятели. «Лига» носила шовинистический, великорусский характер. Хотя учредители её декларировали «всеобщий характер», в то же время подчёркивали, что «к ней не могут примкнуть лишь те партии и люди, какие не приемлют сущность особой русской культуры». «Лига», как и «Союз писателей», ставила своей первоочередной задачей устройство лекций и издание книг, журналов, газет. Она сразу же выпустила два воззвания – «К русским гражданам» и «К русской молодёжи», явно кадетского содержания [50].

Таким образом, заявления кадетов о политическом «нейтралитете» науки, литературы и искусства, которые они особенно часто стали делать после революции [51], на поверку не оказывались верными. Под флагом «нейтралитета» и «свободы творчества» кадеты старались мобилизовать всю интеллектуальную мощь интеллигенции на свою сторону.

Объединения интеллигенции под своей эгидой кадеты старались создать по всей России. В этом смысле характерно следующее сообщение: «Объединение Воронежской интеллигенции произошло сравнительно поздно: первая проба была произведена партией Народной Свободы 17 марта... 18 марта объединились воронежские инженеры в количестве 300 человек, – всей своей массой они накануне присутствовали на собрании партии Народной Свободы. Очевидно, жизнь этого нового общества пойдёт под флагом этой партии» [52].

До сих пор мы вели речь в основном о крупной буржуазной интеллигенции, имеющей, как правило, весьма высокие доходы. Между тем когда-то «слитая, бессловная» российская интеллигенция в конце XIX – начале XX в. распалась на три течения: либерально-буржуазное, народническое, или революционно-демократическое, и социал-демократическое. После Февральской революции либерально-буржуазная интеллигенция, в лице в первую очередь кадетов, и социал-демократическая, в лице большевиков, заняли диаметрально противоположные позиции и повели борьбу за революционно-демократическую интеллигенцию. Кадеты понимали, что в условиях, когда после свержения самодержавия в политику были втянуты десятки миллионов людей, одной интеллигентской элиты для воздействия на эту огромную массу явно недостаточно. Тем более что простой народ и не всегда прислушивался к профессорам, врачам, адвокатам, причисляя их к эксплуататорским классам.

И кадеты делали всё, чтобы перетянуть на свою сторону, вовлечь в свои ряды народническую, революционно-демократическую интелли-

генцию: рядовых учителей начальной и средней школы, средний медицинский и технический персонал, студентов – выходцев из демократических слоёв населения, часть грамотных, но низкооплачиваемых служащих и т. п. В центре их внимания в этой категории интеллигенции был учитель, который и тогда являлся представителем довольно массовой профессии. По состоянию на 1913 г. в среднетехнических и общеобразовательных учебных заведениях министерства просвещения и в частных работало свыше 106 тысяч учителей и обслуживающего персонала [53]. Особое место в кадетских «идеологических» расчётах занимал сельский учитель, являвшийся нередко в российской глубинке единственным образованным человеком, авторитет которого среди окружающей неграмотной или малограмотной массы был весьма велик. Кадеты учитывали и влияние учителей на учащихся, особенно старших классов, которые обычно активно участвовали в происходящих событиях.

Недаром в первом же Временном правительстве кадеты взяли под свой контроль министерство просвещения, добившись назначения министром видного члена ЦК А. А. Мануйлова. Исходя из того, что удержанию учителей и учащихся вне рамок революционного влияния будет способствовать оставление в неприкосновенности старой школы с её реакционными порядками и консерватизмом в обучении, кадетское министерство всячески тормозило её реформу. Газета «Речь» в программной статье по средней школе писала, что общая её реформа может быть проведена не ранее чем через 2–3 года [54]. Обструкция министерства просвещения была настолько явной, что даже соглашательский Государственный комитет по реформе средней школы в конце июня заявил, что «его совместная работа с министром не может быть плодотворна при настоящих условиях» [55].

Кадеты с первых дней революции старались взять под свой контроль и процесс организации учителей, проведения их губернских, областных, уездных съездов. Так, из Читы сообщали, что на съезде учителей Забайкальской области председательствовал кадет. Съезд заявил о своей поддержке Временного правительства. В Лодейном поле на съезде учителей земских и церковно-приходских школ с приветствием выступил председатель местного комитета партии кадетов, который «встречен был очень сочувственно» [56].

Под преобладающим влиянием кадетов прошёл в начале апреля Всероссийский учительский съезд. О том, какое значение придавали ему кадеты, свидетельствует хотя бы тот факт, что они даже прерывали заседания своего ЦК, чтобы его члены принимали участие в работе съезда [57]. Съезд принял вполне кадетские резолюции об

оказании поддержки Временному правительству, об активной поддержке обороны, т. е. империалистической войны и т. п. Имея в виду эти его результаты, Н. К. Крупская писала: «Всероссийский съезд учителей с полной ясностью обнаружил, что учительские массы находятся под влиянием буржуазии, идут на поводу у октябристов и кадетов» [58].

Но, несмотря на то что кадетов поддерживала, особенно в начале революции, значительная часть интеллигенции, завоевать её целиком и до конца на свою сторону им не удалось. Социально-политические процессы, происходившие в стране и связанные с разочарованием рабочих и крестьян политикой буржуазного Временного правительства и поддерживавших его партий меньшевиков и эсеров, не могли не коснуться в той или иной мере и различных слоёв интеллигенции. Этому способствовала и энергичная работа большевиков среди интеллигенции, развёрнутая ими с первых же дней революции. В результате всё большая часть интеллигенции отходила от безоговорочной поддержки буржуазной политики, занимала позиции нейтралитета или даже переходила в лагерь сторонников социалистических преобразований.

По мере нарастания этих тенденций отношение кадетов к интеллигенции стало резко меняться. Если в первые дни и недели после свержения самодержавия они много распространялись о её заслугах перед буржуазной революцией, обществом и государством, льстили ей, называя «мозгом нации», «солью земли русской» и т. п., то позже, когда убедились, что интеллигенция не оправдала их надежд, стали критиковать её. В преддверии Октябрьской революции в «Речи» появилась серия статей, обвинявших русскую интеллигенцию в «излишней революционности», «разрушительстве», «анархизме», в том, что именно она повинна в продолжении революции в стране. «Не народ наш темен, – восклицала «Речь», – темны массы русской интеллигенции» [59]. О том, сколько недовольства и раздражения накопилось у кадетов за время революции против интеллигенции, свидетельствует хотя бы следующий отрывок из одной их статьи: «...при такой интеллигенции, какова интеллигенция русская, всякие народные массы, будь то англичане, французы, итальянцы или немцы, были бы такими же разрушителями, как и русские... Надо говорить о темноте и разрушительстве русской интеллигенции... книжной, сектантски слепой» [60].

С особой силой кадеты обрушивались на ту часть интеллигенции, которая в той или иной мере симпатизировала социалистическому переустройству общества, обвиняя её в том, что именно по её вине эта идея овладела простым народом.

«Неужели в трезвом уме тёмного человека может зародиться мысль о сегодняшнем социализме?» – вопрошала «Речь» и категорически отвечала: «Нет, социальная революция – это восторг нашей интеллигенции. А народ только по-своему пробует воплотить его в жизнь» [61].

Но кадеты выражали явное недовольство не только марксистской и народнической интеллигенцией, а и, как они писали, «образованной, трезвой», или «деловой», интеллигенцией, т. е. известной частью и крупной интеллигенции. «Она, – писала «Речь», – тоже жила в горячем, бредовом ожидании революции, когда будет сломлен царизм. Она тоже была заоблачной, не менее чем марксисты и народники». А когда самодержавие пало, «начался дикий разгул русской интеллигенции» [62].

Для позиции кадетов в вопросе о крупной творческой интеллигенции характерно их отношение к А. М. Горькому. В начале революции они обхаживали его, старались перетянуть на свою сторону, для чего использовали то, что он нередко занимал колеблющуюся, половинчатую позицию по таким важнейшим вопросам революции, как отношение к войне, Временному правительству. В начале революции, писала «Речь», казалось, что Горький «возьмёт на себя роль посредника между старым и новым миром... Вначале как будто так и было» [63]. Но надежды кадетов не оправдались.

И тогда кадетская пресса, а вслед за нею и другие буржуазные газеты развернули настоящую травлю Горького. Особое их недовольство вызывала статья Горького в первом номере газеты «Новая жизнь» под заголовком: «Не трогайте Ленина», написанная в самый разгар антибольшевистской кампании. Кадеты шли на всё, чтобы дискредитировать великого писателя. Они предоставили страницы своего официального органа известному фальсификатору В. Л. Бурцеву, на которых он выступил с явно подстрекательской статьёй: «Мы или немцы и те, кто с ними». Когда ряд газет даже не большевистского направления, встал на защиту Горького, «Речь» поместила новую статью того же Бурцева: «Не защищайте М. Горького!» [64].

Но ни клевета, ни запугивания уже не имели того результата, на который рассчитывали их инициаторы, не только у рабочих и крестьян, но и у большей части интеллигенции. Она всё более убеждалась в неспособности буржуазной власти решить назревшие проблемы дальнейшего развития страны, спасти её от национальной катастрофы, удовлетворить насущные нужды как рабочих и крестьян, так и её, интеллигенции. В то же время и в её среде всё больше рос авторитет большевистской партии за её чёткую и ясную позицию по этим проблемам.

Но следует ещё раз оговориться, что такой выбор интеллигенция сделала далеко не сразу и далеко не вся. На протяжении большей части периода от Февраля к Октябрю она в своём подавляющем большинстве верой и правдой служила буржуазии, оправдывала и защищала её классовое господство. Многие её представители – учителя, студенты, врачи, юристы – становились кадетскими пропагандистами, шли к рабочим, солдатам, крестьянам и призывали их поддерживать Временное правительство, продолжать войну, не верить большевикам.

Таким образом, кадеты имели сильную, хорошо отлаженную идеологическую машину, способную массированно воздействовать на большие массы населения, различные классы и слои общества.

Примечания

1. См.: Вестник Партии Народной Свободы (далее ВПНС). 1917. № 1. С. 13.
2. См.: Там же. С. 16.
3. См.: Там же. 1917. № 6–7. С. 27.
4. См.: Там же. 1917. № 3. С. 7.
5. См.: Там же. 1917. № 1. С. 18.
6. См.: Там же. 1917. № 2. С. 16.
7. Бугурусланский уездный комитет, например, издал и распространил около 50 тыс. разного рода брошюр, воззваний, объявлений, обращений и т. п.; кроме того, приобрел от губернского и Центрального комитета и распространил около 25 тыс. брошюр (ВПНС. 1917. № 31. С. 19).
8. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 807. Л. 3.
9. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 775. Л. 1–2; Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973. С. 181.
10. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 787. Л. 1; ВПНС. 1917. № 1. С. 17.
11. Свободный народ. 1917. 1 июня.
12. См.: ВПНС. 1917. № 3. С. 8.
13. См.: Там же. С. 13, 14–15, 16.
14. См.: Там же. 1917. № 4–5. С. 25; Астрахан Х. М. Указ. соч. С. 181.
15. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 216.
16. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. М., 1973. С. 11.
17. РГИА. Ф. 1358 (ПТА). Оп. 1. Д. 1160. Л. 132; Д. 4. Л. 45. В отношении последнего русский посланник предлагал в секретной телеграмме Терещенко «использовать его для создания сети русской контрразведки, как имеющего связи в эмигрантской среде». (Красный архив. 1927. № 1(20). С. 15–16).
18. Биржевые Ведомости. 1917. 6 июля.
19. День. 1917. 20 июля.
20. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 809а. Л. 1–1об.
21. Там же. Д. 732. Л. 1.
22. Там же. Д. 1033. Л. 2об.
23. ВПНС. 1917. № 3. С. 7.
24. ВПНС. 1917. № 1. С. 14.
25. РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 4. Л. 291об.
26. См.: Речь. 1917. 29 июня.
27. РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 424. Л. 81.
28. РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 424. Л. 117; Лаврычев В. Я. Всероссийский союз торговли и промышленности // Исторические записки. 1961. № 70. С. 42.

29. РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 424. Л. 117, 117об.
30. Там же. Л. 116, 118.
31. См.: Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. М., 1987. С. 233–234.
32. См.: Юлуб П. А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977. С. 123; ЦГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 2. Л. 38.
33. Правда. 1917. 10 июня.
34. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2533. Л. 372.
35. См., напр.: Речь. 1917. 7 апр.
36. Там же. 1917. 10 июня.
37. См.: Речь. 1917. 21, 25, 26, 27 мая.
38. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2038. Л. 1об.
39. См.: ВПНС. 1917. № 20 С. 7–8.
40. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 774. Л. 1.
41. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 40.
42. См.: Речь. 1917. 15 марта.
43. См.: Биржевые Ведомости (вечер. вып.) 1917. 24 апр.; Речь. 1917. 15 и 23 апр.
44. См.: ВПНС. 1917. № 3 С. 7–8.
45. ГАРФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 277. Л. 122; «Речь». 1917. 22 марта.
46. ГАРФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 277. Л. 124.
47. См.: Речь. 1917. 26 июля.
48. См.: Биржевые Ведомости. 1917. 19 марта (утр. вып.); Речь. 1917. 18 марта.
49. См.: Речь. 1917. 17 июня.
50. См., напр.: Речь. 1917. 22 июня и 20 авг.
51. См., напр.: Речь. 1917. 18 марта и 12 мая.
52. Там же. 1917. 31 марта.
53. См.: Востриков Н. И. Борьба за массы. М., 1970. С. 14.
54. См.: Речь. 1917. 21 марта.
55. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 30 июня.
56. См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий М., 1957. С. 381; ВПНС. 1917. № 2. С. 21.
57. См.: ВПНС. 1917. № 3. С. 9.
58. Правда. 1917. 9 апр.
59. Речь. 1917. 21 окт.
60. Там же. 1917. 7 окт.
61. Речь. 1917. 7 окт.
62. Речь. 1917. 21 окт.
63. Речь. 1917. 22 окт.
64. См.: Речь. 1917. 9 и 13 июля.

УДК 94(560+73)“1939”

И. В. Смольняк

ТУРЕЦКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ И ПОЗИЦИЯ США НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена американско-турецким отношениям накануне Второй мировой войны. Показано отношение США к политике нейтралитета, проводимой турецким правительством, а также рассматривается реакция Госдепартамента на неофициальное предложение турецкого посла Эртэгюна оказать помощь в создании блока из четырёх государств – СССР, Греции, Турции и Болгарии – для противодействия Германии на Балканском полуострове.

The article is devoted to the description of American-turkish relations on the eve of the Second World War. It is shown relations of the USA to a policy of the neutrality to pursue by the Turkish government, also it is shown reaction of the Department of State to informal suggestion of Turkish ambassador to provide help in creation of the block consist of four states – the USSR, Greece, Turkey and Bulgaria – for counteraction of Germany on Balkan Peninsula.

Ключевые слова: нейтралитет, внешняя политика США, правительство, Черноморские проливы, Турция.

Keywords: neutrality, foreign policy of the USA, government, Black Sea straits, Turkey.

Начало официальных отношений между США и Турцией датируется 1830 годом. На протяжении всего XIX столетия эти отношения не считались важными в двух странах. Даже улучшение средств коммуникации в начале XX в., сблизившее Европу и Америку, не исправило ситуацию. Турция и США фактически оставались обособленными мирами, имея минимальные культурные и экономические связи друг с другом.

С вступлением США в Первую мировую войну дипломатические отношения с Османской империей были разорваны, однако, благодаря влиянию некоторых американских филантропов, проживавших в Империи и друживших с президентом Вильсоном, США воздержались от официального объявления войны Турции. После завершения войны американский экспедиционный корпус участвовал в оккупации Константинополя, но во многом благодаря тактичности и даль-

Статья выполнена в рамках Федеральной программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». «Динамика политики СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг.» (Государственный контракт № П656 на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд).

© Смольняк И. В., 2009

новидности официального представителя США адмирала Марка Л. Бристоля, американцы после эвакуации союзнических войск оставили о себе хорошие воспоминания среди населения и у турецких официальных лиц [1]. Кроме того, хорошему отношению к США способствовала деятельность американской Организации помощи Ближнему Востоку, а также то обстоятельство, что США отказались участвовать в распределении мандатов на управление территориями, отторгнутыми от Османской Империи. Хотя внешняя политика США между двумя мировыми войнами заключалась в неучастии в решении международных проблем, это не мешало поддерживать отношения с Турцией, где жили и работали американские граждане.

Обращение к истории американо-турецких отношений в период, предшествующий началу Второй мировой войны, обусловлено тем, что на примере Турции, которая до войны находилась в зоне преимущественного влияния Великобритании и вне зоны непосредственных интересов США, можно проследить процесс вовлечения Соединённых Штатов в политические процессы удалённого от них региона.

Редкие комментарии историков, затрагивающие турецко-американские отношения, обычно пропускают период между двумя мировыми войнами, говоря о том, что в это время отношений между Турцией и США фактически не было. «До начала Второй мировой войны, – писал Томас В. Левис, – Турция оставалась для большинства американцев неизвестной землёй» [2]. Согласно другому автору, «политический подход США к Ближнему Востоку до 1941 г. может быть описан так – безразличие, доброжелательность и убеждённость в том, что это “заповедник” Великобритании, где у США нет интересов» [3]. Один из известных исследователей истории Востока Дж. Кирк писал: «Интересы Соединённых Штатов на Востоке, их образовательные и миссионерские учреждения к началу войны носили неполитический характер» [4]. Так ли это было на самом деле? Действительно, Соединённые Штаты в межвоенный период не рассматривали Турцию как государство, где у них есть особые интересы. Тем не менее в США были люди, которые допускали, что эта страна будет входить в сферу стратегических интересов Великобритании только до тех пор, пока там не нарушаются экономические и политические интересы США.

Когда в середине тридцатых годов турки добивались пересмотра режима Черноморских проливов, а позднее возвращения под свой контроль Александретты и Санджака, правительство США предложило турецкому правительству рассмотреть возможность заключения турецко-американской конвенции о проливах. Схожесть по-

зиций обеих стран по вопросу о целесообразности пересмотра режима Проливов была причиной того, что правительства США и Турции выступили с совместной инициативой об организации международного арбитражного суда, а также о применении двусторонних договоров для урегулирования возникающих межгосударственных споров [5]. Кроме того, своим присоединением к пакту Бриана-Келлога Турция дала понять Соединённым Штатам, что она придерживается тех же принципов в международных отношениях, что и они. Не имея ясных и постоянных политико-стратегических интересов в этой части мира, Соединённые Штаты были довольны подписанием в 1936 г. конвенции в Монтрё. В то время США были озабочены только сохранением принципов свободы мореплавания и торговли, а также свободного транзита грузов через Проливы [6].

Характеризуя американскую внешнюю политику в межвоенный период, к политике изоляционизма обычно добавляют и политику «добраго соседа», проводимую США по отношению к странам Латинской Америки. США пытались применить принципы добрососедства и в отношении Турции. В отличие от европейских стран они не пытались играть роль «большого брата». В отношениях Турции с другими европейскими странами правительство США придерживалось позиции строгого нейтралитета, кроме тех случаев, когда затрагивались интересы американских граждан. Как показывают комментарии турецких должностных лиц, политическая беспристрастность США в Турции была фактором, способствующим сближению двух стран.

Турецкие официальные лица благожелательно отреагировали на речь Госсекретаря Хэлла, посвящённую основным принципам американской внешней политики, с которой он выступил 16 июля 1937 г. «США, поддерживая сохранение мира, воздерживаются от использования силы для разрешения международных споров. США хотели бы избежать вступления в союзы или быть связанными обязательствами, но мы верим в совместные усилия и мирные средства», – отметил Хэлл [7]. Комментируя выступление Госсекретаря, министр иностранных дел Турции Тевфик Рюштю Арас заявил, что полностью согласен с теми идеями, которые были изложены Хэллом. В особенности турецкое правительство, – по его словам, – поддерживало предложение о проведении консультаций для мирного урегулирования спорных вопросов между государствами.

Незадолго до выступления Хэлла, 8 июля 1937 г. в Саадабаде Турция заключила с Ираном, Ираком и Афганистаном пакт, который сохранил принципы невмешательства, ненападения и совместных консультаций при разрешении воз-

никающих споров между сторонами. Этот пакт заметно укрепил позиции Турции на Ближнем и Среднем Востоке. Все договаривающиеся стороны подтвердили свою приверженность Лиге Наций и пакту Бриана-Келлога, обязались не вмешиваться во внутренние дела друг друга, уважать неприкосновенность общих границ, не допускать актов агрессии между собой. Хотя этот договор был заключён для обеспечения безопасности на Ближнем Востоке и непосредственно не затрагивал интересы Соединённых Штатов, принципы, закреплённые в нем, были созвучны внешнеполитическим декларациям Вашингтона [8].

В межвоенный период изоляционизм США не совсем последовательно выдерживался в отношении Турции. Расширение экономических и культурных связей между двумя странами указывает на увеличение интереса американских государственных и общественных организаций а также частных лиц к этой стране. Росло количество американских миссионерских учебных заведений. Технические специалисты американских компаний помогали развивать турецкую промышленность. Американские археологи во время экспедиций, проведённых на территории Турции, сделали несколько выдающихся открытий.

Начиная с 1923 г. Госдепартамент работал над улучшением американо-турецких отношений, содействуя расширению экономических и культурных связей [9]. Значительно способствовала укреплению турецко-американских отношений деятельность американских дипломатов в Турции.

Государственный департамент начиная с 1927 г. назначал на должность посла в этой стране исключительно профессиональных дипломатов. Самым квалифицированным был Джозеф Грю, который занимал должность посла с 1927 по 1932 г. В течение всего этого времени он добивался от Госдепартамента перехода от формального подхода в отношении Турции к дружественным отношениям. Посол Чарльз Хичкок Шеррил, преемник Грю в Анкаре, написал панегирическую биографию турецкого лидера, а после своего возвращения в США выступал с лекциями о Турции. Многие частные организации в США также способствовали улучшению отношений. Самой влиятельной из них группой была организация Американских друзей Турции, которая занималась распространением литературы, обменом студентами, спонсировала школы, приюты и клиники в Турции. Работа подобного рода стимулировала интерес к экономическим, культурным и политическим успехам Турецкой республики среди американцев. Результатом стало улучшение отношений, которое нашло отражение в Договоре о торговле и мореходстве, опубликованном 1 октября 1929 г., первом официальном договоре между двумя странами после окончания Первой мировой войны.

Одним из главных факторов, определяющих характер двусторонних отношений, был турецкий национализм, который усложнял отношения между двумя странами и был причиной ухудшения положения некоторых американцев, живу-

Таблица 1

Объём товаров, ввезённых в США из Турции с 1920 по 1939 г. (в долларах)

	1920	1929	1935	1939
Хромовая руда	—*	17,819	267,294	323,704
Листовой табак	19,422,318	10,366,000	3,666,000	11,212,204
Лесной орех (фундук)	917,991	234,089	153,062	285,886
Корень солодки	955,417	663,188	346,795	701,480
Мех куницы	—*	155,519	20,927	168,971
Опиум	1,191,129	244,617	63,292	289,059
Кожа	—*	553,000	160,000	265,211

* Данных нет.

Таблица 2

Объём товаров, ввезённых в Турцию из США с 1923 по 1939 г.¹ (в долларах)

	1923	1929	1935	1939
Растительные и непищевые продукты	75,010	259,298	344,985	350,872
Полезные ископаемые	514,570	207,341	713,945	1,710,268
Машинное оборудование и транспортные средства	252,682	2,900,286	1,830,945	3,979,865
Химикаты	33,612	109,524	126,198	236,038

щих и работающих в Турции, в особенности тех, кто занимался миссионерской деятельностью среди национальных меньшинств – армян и греков. Национализм был основой и идеологическим фундаментом, на котором Кемаль Ататюрк осуществлял свою программу экономических и политических реформ. Американцы, сами в своё время сражавшиеся за независимость, не упускали случая поговорить о праве народов на суверенитет и самоопределение. Кемалистский национализм они рассматривали как необходимый элемент развития Турции.

Несмотря на антитурецкую кампанию, организованную в США армянскими эмигрантами, американские официальные лица сочли возможным весьма хладнокровно отнестись к известиям о геноциде армянского населения в Турции и выступить с заявлением о том, что в данном случае право народов на самоопределение не может быть применено, поддержав в этом конфликте турецкое правительство.

Улучшение отношений поощряло коммерческую деятельность. Несмотря на то, что торговля с Турцией занимала незначительную часть в американском экспорте, торговля между этими странами была оживлённой.

О степени американского влияния в Турции в начале Второй мировой войны посол Мак Мюррей высказался так: «Я не думаю, что США имели какое-либо влияние на политику, проводимую Турцией в начале войны. Турки с подозрением смотрели на нацистскую Германию, и их симпатии были на стороне Великобритании. Британцы в свою очередь, опасаясь того, что Турция может выступить на стороне Германии и её союзников, как это уже было в 1914 г., всячески поддерживали позицию “дружественного нейтралитета”, которую занимала Турция. США не предпринимали никаких усилий, чтобы каким-либо образом влиять на турецкую позицию, хотя, конечно не делая секрета, что их симпатии находятся на стороне союзников» [10].

После смерти Ататюрка, 11 ноября 1938 г., Великое национальное собрание Турции избрало Исмета Инёню вторым президентом республики. Начиная с ноября 1938 г. руководство внешнеполитическим ведомством принял на себя Ш. Сараджоглу.

С приходом Инёню и Сараджоглу начался новый этап во внешней политике Турции. Главным фактором, обуславливающим действия её правительства на международной арене, был крепнувший союз Германии и Италии, которые открыто выражали свои притязания на юго-восточную Европу, и особенно на Балканские страны. Оккупация Албании Италией в апреле 1939 г. заставила Турцию серьезно призадуматься. Тогда же Англия и Франция дали гарантии безопас-

ности Греции и Румынии, было также объявлено, что эти гарантии могут распространяться и на Турцию. Становилось ясно, что началась борьба за Переднюю Азию и Ближний Восток.

Необходимо отметить, что тактика Германии напоминала политику Великобритании, охарактеризованную Мак Мюрреем. Целью германского посла Франца фон Папена было, с одной стороны, удерживать Турцию от вступления в войну, а с другой стороны, воспрепятствовать заключению военного союза между Турцией, Великобританией и Францией.

Папен сообщил Сараджоглу, что Германия готова предоставить Турции любые гарантии, а взамен не требует ничего, кроме соблюдения Турцией нейтралитета и сохранения на прежнем уровне экономических отношений. Со своей стороны Англия и Франция предложили Турции заключить с ними договор о взаимопомощи, обещая Турции защиту в случае нападения на неё какой либо из Европейских стран.

В результате начавшихся 15 апреля 1939 г. переговоров между Турцией и Англией 12 мая 1939 г. был заключён договор о взаимопомощи. А благодаря решению проблемы Хатая стало возможным заключение подобного договора с Францией².

В тот же день премьер-министр Турции Рафик Сайдам зачитал в парламенте текст англо-турецкого договора и в связи с этим сделал пространное заявление: «До сих пор турецкое правительство стремилось охранять свою страну от угрожающих событий, придерживаясь принципа “нейтралитета как верного выражения политики мира”. Однако с момента, когда угрожающие события распространились в район Балкан и вопрос безопасности Средиземного моря “снова дал себя почувствовать в национальной жизни Турции”, турецкое правительство пришло к выводу, что всё это крайне интересует его с точки зрения национальной безопасности и поэтому “для него было невозможно оставаться дальше нейтральными и индифферентными, если оно не хотело видеть свою нацию подвергаемой ужасной опасности”» [11].

Сайдам также подчеркнул, что декларация расценивается турецким правительством как серьёзный фактор мира и безопасности, уменьшая шансы возникновения войны. «Турецкое правительство, – заявил Сайдам, – будет так же продолжать поддерживать дружеские отношения с Советской Россией» [12]. Премьер-министр добавил, что в ближайшее время должны быть начаты переговоры между представителями Турции и СССР по конкретным вопросам для юридического оформления союза, уже и так существующего между двумя государствами. Однако начавшиеся в апреле – мае 1939 г. переговоры закон-

чились безрезультатно, потому что 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский договор о ненападении, что с тревогой было встречено в Турции.

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, а 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии. В сложившейся ситуации правительство Турции стремилось уберечь страну от втягивания в войну и военные операции, создать прочную оборонительную систему для подавления возможной агрессии и укрепить её путём заключения международных договоров. Политическая активизация на Балканах Германии и Италии, с одной стороны, и Советского Союза – с другой, а также территориальные требования, выдвинутые СССР к Румынии, не могли оставаться вне поля зрения Турции.

После начала войны президент Инёню заявил в Великом национальном собрании: «Кризис в Европе, временами дававший возможность надеяться на спасение мира, разгорелся окончательно, превратившись в военную трагедию... Правительство страны всё это время боролось за мир и обеспечение безопасности, видя в этом свою главную задачу» [13]. Подписанные соглашения Турции с Англией и Францией гарантировали ей территориальную целостность. Но турки хотели получить точно такие же гарантии от СССР и Германии.

Поэтому политика Турции в тот период заключалась в лавировании между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией и Советским Союзом – с другой, отдавая предпочтение Англии, Франции и СССР [14].

Сараджоглу считал, что если Италия нападёт на Турцию или Болгария нападёт на Грецию, Турция обязана будет воевать. Он считал, что оккупация Греции равносильна оккупации Турции. Кроме того, турки опасались, что если ситуация осложнится и советское давление на Румынию сделается невыносимым, то Болгария будет вынуждена присоединиться к Германии и её союзникам.

В таких условиях английские и французские официальные лица перешли к решительным действиям, с целью завершить начатые еще весной 1939 г. переговоры с Турцией. 19 октября 1939 г. в Анкаре был подписан англо-франко-турецкий договор о взаимопомощи сроком на 15 лет.

Одна из статей договора касалась помощи Греции и Румынии со стороны Турции в том случае, если Англия и Франция, выполняя свои обязательства по договору от 12 мая 1939 г., вступят в войну.

США играли незначительную роль в борьбе, которая развернулась вокруг Турции в конце 30-х гг. между Великобританией и Францией, с одной стороны и Германией и Италией – с дру-

гой, за увеличение своего политического влияния в этой стране. Тем не менее симпатии правительства США были на стороне Великобритании и Франции.

К началу Второй мировой войны между внешней политикой Турции и США можно было найти определенное сходство. Их объединяло стремление остаться нейтральными в разгорающемся конфликте. Поведение Турции резко контрастировало с её действиями в течение Первой мировой войны, когда она сражалась на стороне Центральных держав. Несмотря на то, что, как и перед Первой мировой войной, в Турции было сильно германское влияние, особенно в экономике, в 1939–1940 гг. она пыталась оставаться нейтральной в разгоравшемся конфликте.

К началу 1940 г. ситуация в Европе и на Балканах резко изменилась не в лучшую сторону для Анкары. Попытки мобилизовать балканские государства против германской или итальянской агрессии не увенчались успехом – одна часть балканских государств опасалась Германии, а другая часть желала с ней сотрудничать, и поэтому попытки турецкого правительства самостоятельно в рамках Балканской Антанты создать систему защиты против Германии оказались тщетными. Вступление Италии в войну против Франции вывело на повестку дня проблему обязательств, взятых на себя Турцией по договору от 19 октября. В связи с тем, что военные действия распространились на Восточное Средиземноморье, послы Англии и Франции в Анкаре потребовали от турецких официальных лиц вступления в войну в соответствии с союзным договором. Но пока длились переговоры, Франция капитулировала. Проблема возможного вступления Турции в войну стала предметом обстоятельного анализа в турецких политических кругах. Н. Менемеджиоглу (генеральный секретарь МИДа Турции) и Сараджоглу, ведущие фигуры турецкой внешней политики, нашли аргументы, чтобы удержать страну от участия в боевых действиях. МИД Турции заявил, что, во-первых, обещанные по договору с Великобританией и Францией вооружения и боеприпасы до сих пор не переданы Турции, во-вторых, если Турция вступит в войну, то военные операции распространятся и на Средний Восток, и, в-третьих, вступление Турции в войну может спровоцировать Советский Союз на ответные меры. На основании этих аргументов правительство приняло решение о сохранении нейтралитета [15].

В октябре 1940 г. Анкара предприняла еще одну попытку создания блока для противодействия Германии. 9 октября 1940 г. посол в США Эртэгюн в беседе с заместителем Государственного секретаря А. Берлом предложил правительству США оказать помощь в создании блока из

четырёх государств – СССР, Греции, Турции и, возможно, Болгарии для противодействия агрессии Германии и Италии на Балканском полуострове.

Турецкий посол заявил, что его страна всегда стремилась поддерживать дружеские отношения со всеми странами и, в особенности, с Советской Россией, несмотря на возникающие между ними время от времени разногласия. Однако в настоящий момент ситуация резко изменилась. Присутствие немецких вооружённых сил в Румынии создаёт угрозу для Турции. В сложившейся обстановке, заявил посол, необходимо создать блок из Балканских государств при участии Советского Союза для недопущения распространения зоны боевых действий на Балканах. В деле создания подобного союза, продолжал он, Турция хотела бы рассчитывать на поддержку США. В этом случае можно было бы избежать неминуемой катастрофы [16].

На вопрос Берла, является ли это предложение результатом инструкций, полученных послом из Анкары, он ответил отрицательно, заявив, что это его личная инициатива, но дал понять, что в случае предварительного согласия американской стороны его правительство обратится с официальным предложением.

Ближневосточный отдел Государственного департамента под руководством У. Мюррея внимательно следил за обстановкой на Ближнем и Среднем Востоке а также за ситуацией в Европе. Диапазон сведений, собираемых Ближневосточным отделом по различным аспектам международных отношений, был довольно обширным. В этот период американских дипломатов интересовала прежде всего трансформация отношений Германии и Советского Союза. И у них к тому времени сложилось собственное понимание проблемы.

Основываясь на информации, подготовленной Ближневосточным отделом, Берл изложил турецкому послу свое видение ситуации. Аналитики Госдепартамента полагают, – заявил Берл, – что, заключив договор о ненападении с СССР, Германия тем самым дала понять, что у неё нет стратегических интересов в Чёрном море. Однако недавнее подписание венгеро-румынского соглашения произошло при посредничестве Германии, которая выступила гарантом неприкосновенности румынских границ, а это на практике означает фактический выход немецких войск к Чёрному морю и включение Германией в сферу своего влияния территорий, которые СССР рассматривает как зону своих стратегических интересов.

В Госдепартаменте считали, что этот шаг мог быть сделан Германией без консультаций с Советским правительством, что впоследствии негативным образом может сказаться на состоянии германо-советских отношений [17]. Обстановка

на Дальнем Востоке также складывалась неблагоприятно для СССР. «Великая Азиатская сфера процветания», по мнению Японии, включала в себя территории, в настоящее время принадлежавшие Советскому Союзу. «Поэтому, оценивая сложившуюся ситуацию в германо-советских отношениях, аналитики Госдепартамента считают, – заключил Берл, – что Советский Союз может пойти на сотрудничество с государствами, не подконтрольными Германии» [18].

Эртэгюн согласился с точкой зрения Берла, добавив, что ситуация, сложившаяся в восточном Средиземноморье, очень серьёзная, поэтому он и выступил с предложением о возможности союза, даже несмотря на то, что, по его мнению, правительство Соединённых Штатов недостаточно внимания уделяет вопросам, связанным с Турцией [19]. Берл заверил турецкого посла, что Госдепартамент рассмотрит его предложение и даст ответ в скором времени. Но уже сейчас он (Берл. – И. С.) может сказать, что согласие Госдепартамента о поддержке нового союза будет зависеть от того, какими будут отношения США и СССР в ближайшее время. В настоящий момент, – сказал он, – эти отношения ограничиваются главным образом торговыми поставками и решением проблемы американских граждан, оказавшихся на территории СССР в результате присоединения Прибалтийских стран.

Действительно прочными отношения между странами станут только после того, как СССР прекратит пропаганду коммунистических идей в США и откажется от политики насильственного захвата территорий, как это произошло в Прибалтике и как он пытался сделать в отношении Финляндии. США всегда ратовали за независимость этих стран и находили для себя неприемлемым устанавливать действительно дружеские отношения со страной, которая в своей внешней политике исповедует принципы насилия [20]. На этом беседа закончилась.

После беседы Берл пригласил к себе начальника Ближневосточного отдела Госдепартамента У. Мюррея и попросил его дать оценку ситуации на Среднем Востоке, а также поинтересовался его мнением о том, стоит ли Соединённым Штатам соглашаться на предложение турецкого посла. Мюррей заявил, что он находит это предложение интересным, но, по его мнению, перед тем как дать своё согласие, необходимо прояснить несколько вопросов, которые будут обязательно подняты в ходе возможных переговоров. Первое: если Германия или Болгария нападут на Турцию, будут ли турки сопротивляться? Второе: если Турция решит сражаться, окажет ли ей помощь Россия или нанесёт удар в спину через Армению или Иран? Третье: располагает ли Турция достаточным потенциалом, чтобы стать лидером сре-

ди государств Ближнего и Среднего Востока, и не приведёт ли подобное лидерство к возрождению новой Османской империи? И наконец, главное, – какую позицию должны занять Соединённые Штаты в данной ситуации, а также какова будет степень их участия в возможном конфликте, следует ли оказывать Турции не только экономическую, но и военную поддержку [21]?

Тщательно проанализировав ситуацию, аналитики Ближневосточного отдела пришли к заключению, что если турецкая армия в случае нападения Германии окажет даже слабое сопротивление, она всё равно сможет на долгое время сдерживать немецкие армии, используя гористую местность Тавра в качестве естественной преграды. Даже при самом неблагоприятном исходе, если немцы выйдут к Суэцкому каналу и Иранским нефтяным месторождениям, они не смогут воспользоваться нефтью для снабжения своих армий, так как в окрестностях Мосула находится только один небольшой нефтеперерабатывающий завод. Правда, в этом случае они будут способны перекрыть снабжение нефтью британской армии, которое осуществлялось через нефтепровод Мосул-Хайфа [22].

Также в Госдепартаменте полагали, что в случае подобного развития событий Советский Союз всё-таки нападёт на Турцию. Это заключение основывалось на уверенности в том, что советские лидеры будут стараться получить под свой контроль Проливы только в том случае, если немецкое вторжение в Турцию будет иметь успех [23].

Что же касается создания военного союза из арабских стран во главе с Турцией, то такое развитие событий представлялось маловероятным. В Госдепартаменте сомневались в возможности Турции стать лидером в арабском мире. Арабы традиционно относились с подозрением к претензиям турок на возвращение им территорий, ранее принадлежавших Османской империи. Это подтверждалась тем, что в конце июня 1940 г. министр иностранных дел Ирака Нури Паша посетил с официальным визитом Анкару и добился гарантий, что Турция не будет посягать на территориальную целостность Сирии и Ирака.

По мнению сотрудников Ближневосточного отдела, позиции Великобритании в арабском мире были недостаточно сильны для того, чтобы подтолкнуть его лидеров к участию в боевых действиях против Германии и её союзников, даже несмотря на то, что Лондон контролировал ситуацию в Египте и Ираке и фактически управлял Палестиной. Вероятно, британцы всё-таки могли оказать существенное давление на правительства арабских стран, но в этом случае они должны были столкнуться с встречными требованиями о предоставлении независимости, на что Велико-

британия пойти не готова [24]. По этой причине, считали эксперты по Ближнему Востоку, Соединённым Штатам не следует активно вмешиваться в дела арабского мира и полностью поддерживать Великобританию в данном регионе.

Рассматривались два возможных варианта развития внешнеполитического курса Турции. Первый учитывал, что Анкара обладала влиянием на страны участницы Саадабадского пакта и, следовательно, могла побудить их выступить единым фронтом против германской угрозы. Второй вариант допускал, что турки смогут поддаться на уговоры Германии и заключить с ней договор, аналогичный тому, который был заключен с Англией и Францией в 1939 г.

В Госдепартаменте на основании этого анализа пришли к выводу, что США должны как можно дольше удерживать Турцию от союза с Германией и всеми доступными способами, кроме военных, содействовать сохранению ею статуса нейтральной страны.

В скором времени Берл пригласил к себе турецкого посла и, основываясь на рекомендациях своих подчинённых, сообщил, что, обдумав предложение, которое было сделано 9 октября, правительство Соединённых Штатов отклоняет его, однако он готов обсудить вопросы, касающиеся заключения торгового соглашения между Турцией и США [25].

Тем не менее Вашингтон дал понять, что в сложившихся условиях он не намерен брать на себя активную роль в организации антинацистского блока на Балканах и предпочитает ограничиться развитием торговых отношений, пользуясь для этого преимуществами нейтралитета, которого придерживались в этот момент обе страны.

Таким образом, в течение тринадцати лет, начиная с 1927 г., серией договоров и соглашений о торговле, образовании, статусе американских граждан отношения между Турцией и США были урегулированы по большинству спорных вопросов. Схожесть взглядов правительств двух стран на способы решения международных споров путем переговоров способствовала развитию дружеских отношений между ними. Ни одна из стран не жертвовала своими политическими принципами, принимая компромиссные решения для урегулирования спорных вопросов.

Могло показаться, что США сыграли решающую роль в том, что в начале Второй мировой войны Турция осталась нейтральной. Однако это не так. Для турецких лидеров национальные интересы Турции были главным определяющим элементом её внешней политики. В 1939 г. уроки Первой мировой войны, результатом которой стало унижение и расчленение на части Османской империи, не были забыты [26]. Позиция Тур-

ции в рассматриваемый период определялась главным образом политической ситуацией в Европе. Только с началом Второй мировой войны Турция стала занимать заметное место во внешней политике США. Основа для дружеских отношений между двумя странами была заложена в межвоенный период.

Примечания

1. *Lewis Thomas V., Frye Richard N.* The United States and Turkey and Iran / Cambridge (Mass.): Harvard University press, 1962. P. 139.
2. *Ibid.* P. 143.
3. *Lenczowski G.* The Middle East in World Affairs. Ithaca; N.Y., 1962. P. 671.
4. *Trask Roger R.* The United States response to Turkish nationalism and reform 1914–1939 / Minneapolis: The Univ. of Minnesota press, 1971. P. 219.
5. *Howard H.* Turkey, the Straits and U.S. Policy. Baltimore, 1974. P. 160.
6. *Trask Roger R.* *Op. cit.* P. 233.
7. Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1937. General Volume I. P. 697–802 (далее FRUS).
8. *Trask Roger R.* *Op. cit.* P. 233.
9. *Ibid.* P. 239.
10. *Ibid.* P. 242.
11. *Ласанлы Дж. П.* СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 48.
12. Там же.
13. Там же. С. 52.
14. *Поцхверия Б. М.* Советско-турецкие отношения и проблема Проливов накануне, в годы второй мировой войны и послевоенные десятилетия // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 444.
15. *Ласанлы Дж. П.* Указ. соч. С. 75.
16. FRUS, 1940, Turkey. Vol. III. P. 957.
17. FRUS, 1940, Turkey. Vol. III. P. 959.
18. *Ibid.*
19. FRUS, 1940, Turkey. Vol. III. P. 960.
20. FRUS, 1940, Turkey. Vol. III. P. 961.
21. FRUS, 1940, Turkey. Vol. III. P. 962.
22. *Ibid.*
23. FRUS, 1940, Turkey. Vol. III. P. 963.
24. *Ibid.*
25. *Ibid.*
26. *Trask Roger R.* *Op. cit.* P. 238.

¹ Данные взяты из: Trask Roger. The United States response to Turkish nationalism and reform, 1914–1939. Minneapolis, 1971. P. 106–107.

² Санджак и Александретта были частью Османской империи, отторгнутыми от неё после Первой мировой войны, и находились под управлением Франции. Около 40% населения этих территорий считали себя турками. Турция отказывалась признавать эти территории частью Сирии и вынесла решение этого вопроса на Совет Лиги Наций. В результате переговоров была достигнута договорённость о возвращении Турции этих территорий.

УДК 902(470.342)

А. А. Кряжевских

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ в 1950-е гг.

В статье рассказывается об археологических исследованиях, проведенных на территории Кировской области в 1950-е гг. и их месте в формировании современной картины исторического развития населения Вятского края. В ходе проведенных в это время в регионе масштабных археологических раскопок и разведок, являвшихся частью обширных исследовательских программ, была получена очень важная информация, существенно изменившая степень археологической изученности Кировской области.

In the article considers archeologic researches which have been lead in territory of the Kirov area in 1950th, and their place in formation of a modern picture of historical development of the population of territory Vyatka region considered. At this time in region have been lead archeological excavations and the investigations being a part of extensive programs of researches which have allowed to receive very important information have been lead and it is essential to improve a degree of an archeologic level of scrutiny of the Kirov region.

Ключевые слова: археологические исследования, Кировская область, разведки, раскопки, археологические памятники.

Keywords: archeologic researches, the Kirov region, investigations, excavations, archeological monuments.

Пятидесятым годам XX в. принадлежит особое место в истории археологического изучения Кировской области. С момента революции 1917 г. и до этого времени на территории Вятского края проводились в основном эпизодические исследования, которые имели ограниченные результаты, а с 1950-х гг. начались полномасштабные археологические работы, являвшиеся частью обширных исследовательских программ.

В 1955 г. экспедиция, организованная Удмуртским республиканским музеем и Удмуртским научно-исследовательским институтом, предприняла крупные археологические исследования на территории Кировской области. Основной задачей этих работ было изучение вопроса о роли древнего населения Вятского края в этногенезе народов, проживающих в настоящее время на территории Кировской области, и в первую очередь в этногенезе удмуртского народа. При этом можно выделить два основных направления исследований: разведка и небольшие рекогносцировочные раскопки двух вновь обнаруженных памятников (Буйской и Малмыжской стоянок) [1], а также раскопки Азелинского и Суворовского могильников и Буйского городища. Общее руко-

водство работами осуществлял В. Ф. Генинг. В исследовании погребальных памятников также принимали участие Кировский областной краеведческий музей и Антропологическая экспедиция Московского государственного университета [2].

Основной целью разведочных работ являлось выявление ранних археологических памятников по левому берегу р. Вятки и ее левому притоку р. Вое на территории Нолинского, Уржумского и Малмыжского районов Кировской области. В ходе разведки на протяжении около 120 км было выявлено пять стоянок, одно селище и пять различных местонахождений. После завершения разведочного маршрута руководителем одного из разведочных отрядов Удмуртской археологической экспедиции В. П. Денисовым были предприняты небольшие рекогносцировочные раскопки двух памятников. На многослойном поселении Буй I после предварительного изучения культурного слоя, выявленного при шурфовке и зачистке обнажений, исследователь заложил прямоугольный раскоп площадью 78 м². При этом удалось исследовать жилище эпохи бронзы размером 3×7 м и шесть хозяйственных ям. Керамика, обнаруженная на памятнике, четко делится на два различных комплекса: фрагменты неолитической посуды и фрагменты глиняных сосудов эпохи бронзы, в том числе несколько обломков керамики фатьяновского типа. На основании изучения материалов раскопа В. П. Денисов делает вывод о том, что поселение Буй I заселялось дважды: в конце III – начале II тыс. до н. э., а затем в третьей четверти II тыс. до н. э. [3]

Еще одним памятником, на котором в ходе исследований 1955 г. был заложен раскоп, стала Малмыжская стоянка. Площадь раскопа составила около 86 м². При раскопках кроме овальной ямы размером 1×1,5 м с чашеобразным дном, углубленной в материковый слой на 0,5 м, других сооружений обнаружено не было. В результате анализа обнаруженных фрагментов керамики, кремневых изделий и стратиграфии установлена принадлежность материала стоянки к одному культурному комплексу. В. П. Денисов относит его к предананьинскому времени и датирует первой четвертью I тыс. до н. э. [4]

На основании проведенных исследований и их сопоставления с более ранними изысканиями удалось сделать важные выводы о населении бассейна р. Вятки эпохи неолита и бронзы. Как считал В. П. Денисов, в позднем неолите эта территория была заселена племенами, близкими по культуре населению Прикамья, однако присутствовали и местные особенности, главным образом связанные с некоторыми отличиями в орнаментации и форме глиняных сосудов [5].

Более поздние исследования выявили неоднородность населения Вятского бассейна в период неолита, проявляющуюся главным образом в форме и орнаментации керамики, а также позволили выделить особенности кремневого инвентаря [6]. Однако и выводы, сделанные исследователем на основании своих изысканий, также имели важное значение для археологической науки.

В отношении эпохи бронзы Денисов высказывает предположение, что нижнее течение Вятки в это время было заселено племенами, родственными приказанским, на формирование которых определенное влияние оказали представители балановской культуры. Впоследствии местные племена эпохи бронзы оказали большое влияние на сложение ананьинской культуры [7]. С некоторыми уточнениями эти положения существуют и в современной археологической науке [8].

Для уточнения этногенеза удмуртского народа в 1955 г. Удмуртской археологической экспедицией также проводилось исследование двух могильников III–V вв.: у д. Азелино Малмыжского района и у д. Суворово Уржумского района Кировской области.

Азелинский могильник был обнаружен в 1929 г. во время рытья ямы для установления столба линии электропередач, после чего его обследовал местный краевед И. Г. Худяков, который и установил, что в данной местности находится погребальный памятник. Площадь раскопа 1955 г. составила 1080 м². В ходе исследований могильник раскопан полностью, он был очень небольшим и содержал всего 22 погребения. Из них 2 могилы разрушены еще в 1929 г., а остальные 20 исследованы Удмуртской археологической экспедицией. При этом никаких вещей вне погребений на площади могильника обнаружено не было [9].

Суворовский могильник был обнаружен также в 1929 г., однако уже не случайно, а в результате целенаправленных исследований, проведенных Антропологической экспедицией МГУ. Подробных сведений об этих исследованиях в литературе нет. Через площадку могильника ранее проходила грунтовая дорога, имевшая довольно глубокую колею. Во время таяния снега весной и во время дождей дорога сильно размывалась, в результате чего несколько погребений подверглись разрушению. Часть вещей из них была собрана жителями д. Суворово и передана в Кировский краеведческий музей.

Раскопки были начаты к югу от старой дороги, где было обнаружено и вскрыто 31 погребение. Полоса дороги шириной в 6 м не вскрывалась, а исследования к северу от дороги не дали никаких признаков погребений [10]. Общая исследованная площадь составила около 1500 м² [11].

В погребениях Суворовского и Азелинского могильников обнаружен богатый инвентарь, который позволил получить очень важную информацию о населении данной территории в эпоху великого переселения народов. Причем погребения довольно сильно отличались друг от друга по богатству инвентаря, помещенного в них, что позволяет сделать вывод о существовании имущественного расслоения у населения, оставившего данные памятники. Также были обнаружены определенные материалы, которые говорят о существовании специализации между отдельными членами данного коллектива. Например, по составу изделий в погребениях Азелинского могильника В. Ф. Генинг выделил могилы воина, кузнеца и охотника. В погребении воина обнаружены меч, топор, копье, уздечка и несколько украшений. В могилу кузнеца были положены его инструменты: клещи, молоток, напильник, ножи и более мелкий инструмент, а также отдельные экземпляры готовой продукции: железная кольчуга, железный ральник, копье. У охотника в могиле лежали 17 костяных и железных наконечников стрел, большой железный нож-кинжал, костяная втулка и кожаный пояс с медной пряжкой и наконечником. Рядом с гробом у его ног была захоронена собака [12].

В некоторых женских погребениях находились остатки очень богатых украшений костюма и головного убора. Причем располагались эти украшения и различные элементы костюма в том порядке, как они носились при жизни погребенного. Также обращает на себя внимание обилие предметов вооружения, помещенных в могилы, и отсутствие в них глиняной посуды [13]. Так, в 31 погребении Суворовского могильника найдено 3 шлема, 2 кольчуги, 4 меча, 9 топоров, 3 наконечника копий, 119 наконечников стрел и т. д.

В. Ф. Генинг считал исследованные могильники бескурганскими, однако в настоящее время Р. Д. Голдиной высказано предположение, что курганные насыпи, ограничивающие определенную площадь, все-таки были [14]. На основании исследования Азелинского и Суворовского могильников с привлечением данных о ранее известных памятниках III–V вв. Генинг выделил в Волго-Вятском междуречье самостоятельную археологическую культуру, названную им «азелинской». Он считал ее преемницей пьяноборской культуры, однако указывал на излишнюю скудость имеющихся данных для решения вопроса о том, в состав каких из современных народов вошли потомки азелинских племен [15]. Сейчас Р. Д. Голдина рассматривает Азелинский и Суворовский могильники как свидетельство проникновения в бассейн Вятки пришлого гото-славянского населения, причем датирует эти погребаль-

ные памятники не III–V вв., как Генинг, а второй половиной III–IV вв. [16]

Интересные результаты дали и исследования Буйского городища, проведенные В. Ф. Генингом в 1955 г. Впервые памятник, расположенный около д. Буйский Перевоз современного Уржумского района, был исследован еще А. А. Спицыным в 1888 г. [17], а в 1929 г. на нем провел разведочные работы М. В. Талицкий [18]. Первоначально на территории памятника была заложена траншея поперек площадки городища длиной 33 м и шириной 1 м. Она позволила получить разрез и профиль культурного слоя городища по всей южной стороне. Основной раскоп примыкал с северо-востока к траншее и имел ширину 11 м. Общая площадь вскрытого культурного слоя, таким образом, составила 396 м². В ходе исследований был вскрыт южный конец вала, где выявлены следы трехкратной подсыпки или даже возведения укрепления заново. Причем два раза насыпь вала разрушалась. В южной части вала, которая прикрывала склон городища (мысовую часть), его ширина в среднем равнялась около 2 м при высоте около 2–3 м. Основной вал с напольной стороны был более мощным. Ширина его основания в момент исследования достигала 15 м при высоте 2–3 м.

Раскопки принесли очень богатый вещевой материал, который В. Ф. Генинг разделил на две группы: ананьинскую (IV–III вв. до н. э.) и изделия середины I тыс. н. э. В соответствии с этим он выделяет и два периода в существовании самого городища [19]. В настоящее время памятник датируется V в. до н. э. – VII в. н. э.

В 1956–1957 гг. южная часть Кировской области подверглась разведочным исследованиям со стороны Марийской археологической экспедиции. Эти работы были частью масштабной программы исследований, реализуемой в 1956–1959 гг. на территории Марийской АССР и сопредельных районов Кировской и Горьковской областей. Основной целью экспедиции стало выявление и первичное изучение археологических памятников для составления археологической карты Марийской АССР и сбора материалов по древней и средневековой истории региона. Экспедиция была организована по инициативе Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при активном участии Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР и Марийского республиканского краеведческого музея.

Марийской археологической экспедицией был обследован целый ряд ранее известных памятников и выявлено большое количество новых объектов. На территории южных районов Кировской области было обнаружено одно городище, 3 се-

лица, 7 стоянок, 5 могильников, 18 местонахождений, 2 кургана, 2 мольбища и одно место добычи кремня. Также подверглись раскопкам 9 памятников в Кировской области: Кочергинский и Юмский могильники; Бурыгинское, Кузнецовское, Мальковское и Ройское городища; Синцовский курган, Сарапульское жертвенное место и Тюм-Тюмское кладбище [20]. Наиболее интересные результаты дали исследования следующих памятников.

При раскопках одиночного Синцовского кургана, расположенного около с. Синцово Лебяжского района, под насыпью были обнаружены кострища и подчетырехугольная площадка. В северной половине площадки лежали рядом 2 балановских глиняных сосуда, датированные А. Х. Халиковым и Г. А. Архиповым серединой II тыс. до н. э.

При исследовании Юмского могильника, находящегося около д. Загребино Свечинского района, была вскрыта площадь размером 494 м². При этом обнаружено 9 погребений, совершенных по обряду трупосожжения и трупоположения, в которых найдено большое количество украшений, орудий труда, а также остатки большого кострища. В ходе анализа обнаруженных материалов установлена принадлежность могильника древнемарийскому населению IX–XI вв.

На Ройском городище около д. Верхнее Шишкино Шурминского района заложен раскоп площадью 260 м². Здесь были выявлены очаговые ямы, фрагменты лепной керамики и различные изделия, относящиеся к ананьинской культуре и датированные авторами раскопок VII–V вв. до н. э.

На Кочергинском могильнике (около д. Дуброво Советского района) было вскрыто 270 м², однако следов погребений при этом не обнаружено. Между тем ранее, при раскопках М. В. Талицкого в 1929–1930 гг., археологические исследования на этом памятнике дали очень интересный древнемарийский материал IX–XI вв. [21]

В целом в результате работы Марийской археологической экспедиции на территории Кировской области в 1956–1957 гг. были получены очень важные данные, которые существенно дополнили багаж знаний по ранней истории Вятского края.

Исследования в 1950-е гг. на территории Кировской области проводились не только на ранних памятниках, но и на объектах, отражающих этапы освоения Вятского края русским населением. В частности, в 1956–1960 гг. состоялись археологические исследования в с. Никулячино, г. Кирове, г. Халтурине (совр. Орлов), а также на Подрельском II, Тороповском, Ковровском, Шабалинском и Котельничском городищах. Работы проводились совместно Кировским отрядом

Среднерусской археологической экспедиции Института истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР и Кировским краеведческим музеем под руководством научного сотрудника ИИМК, кандидата исторических наук А. П. Гуссаковского [22].

Исследования в г. Кирове проводились в двух районах: в кремлевской части Хлынова (Вятки) и на территории парка им. С. Н. Халтурина (совр. Александровский сад).

С 1956 по 1958 г. А. П. Гуссаковским на территории Хлыновского кремля было заложено два раскопа и шесть шурфов общей площадью около 180 м² [23]. Граница кремлевской части города на западе и северо-западе проходила приблизительно по линии современной улицы Динамовский проезд, на севере проходила примерно по линии современного дома № 4 по ул. Динамовский проезд, с востока кремль прикрывал высокий берег р. Вятки, а с юга – берег оврага Засора. Зафиксированная мощность культурного слоя в этом районе колебалась от 1,7 до 3,35 м, при этом наибольшая толщина прослежена в юго-восточной части кремля, наименьшая – в северной. В стратиграфии напластований четко выделяются два основных слоя: верхний, содержащий разнообразные прослойки строительного мусора, и нижний, имеющий интенсивную черную окраску. Вследствие нарушения естественного дренажа почвы из-за сооружения вала и рва нижний слой содержит большое количество воды, что обеспечило хорошую сохранность изделий из дерева, кожи, бересты и кости. Глубина залегания этого слоя колеблется от 0,5 до 1,1 м от современной дневной поверхности.

В шурфах и раскопах А. П. Гуссаковский выделил от трех до восьми строительных ярусов, самый ранний из которых датируется XII – серединой XIII в. В ходе обработки полученных материалов исследователь пришел к выводу, что г. Хлынов был построен во второй половине XIII в. и получил свое название по речке Хлыновице. При этом городской слой перекрывает русское поселение сельского типа, постройки которого не вписываются в более позднюю городскую планировку. В раскопах и шурфах была прослежена часть древней улицы с бревенчатыми мостовыми и остатками жилых и хозяйственных сооружений XIII–XIV вв. [24]

В 1959 г. А. П. Гуссаковский провел разведочные работы на территории парка им. С. Н. Халтурина, в результате которых ему удалось обнаружить в данном районе древнеудмуртское поселение (Вятское городище). Оно располагалось на мысу высотой 33–36 м, образованном коренным берегом р. Вятки и Раздерихинским оврагом, и было укреплено с напольной стороны земляным валом и рвом. Всего на Вят-

ском городище было заложено 15 шурфов общей площадью 66,5 м. В верхнем горизонте шурфов обнаружены следы сооружений XVII–XVIII вв. и культурного слоя XV–XVII вв. [25] В результате различных земляных работ древнейший культурный слой на городище был почти полностью уничтожен, и лишь около восточного края площадки небольшими участками сохранились его остатки мощностью от 5 до 15 см. Плохая сохранность слоя не позволила выявить жилые и хозяйственные сооружения этого древнего поселения. Однако находки позволили исследователю определить время существования городища как XI–XIII вв., причем были обнаружены как древнеудмуртские, так и древнерусские изделия. Данное поселение Л. П. Гуссаковский отождествил с «Вяткой» удмуртских легенд – центром удмуртского племени ватка, впоследствии занятым русскими поселенцами. Эту смену населения городища ученый датирует рубежом XII–XIII вв. [26]

В 1959 г. на территории между Вятским городищем и кремлем было вскрыто 4 шурфа общей площадью 76 м², в которых выявлены керамика и изделия XV–XVIII вв. [27]

В результате проведенных исследований в исторической части г. Кирова Л. П. Гуссаковский пришел к выводу, что в XIII в. в районе берега р. Вятки между Раздерихинским и Засорным оврагами существовало два русских населенных пункта: более древнее Вятское городище («Вятка») и г. Хлынов, построенный пришлым русским населением во второй половине XIII в. на месте поселка XII – первой половины XIII в. Последующее вхождение территории Вятского городища в посад г. Хлынова, по мнению исследователя, породило бытование двух названий (Вятка и Хлынов) у одного города [28].

Правда, интерпретации результатов исследований Л. П. Гуссаковского и использованию их при рассмотрении различных проблем ранней истории Вятского края препятствовало то, что сам исследователь опубликовал лишь предварительные итоги своих работ [29], а обнаруженный материал по сути не был введен в научный оборот. Ученые при обращении к итогам проведенных изысканий имели возможность использовать фактически только рукописи исследователя и текст отчетов. Лишь в 1999 г. на основании сохранившихся рукописных материалов Л. П. Гуссаковского заведующая сектором археологии Кировского областного краеведческого музея Л. А. Сенникова подготовила публикацию, отражающую основные результаты его археологических исследований в г. Кирове, а также в г. Халтурине (совр. Орлов) [30].

Уже в 1970-е гг. выводы Л. П. Гуссаковского относительно возраста г. Кирова и датировки ряда

находок были подвергнуты сомнению со стороны известного кировского ученого А. В. Эммаусского. Он ссылаясь на неточность и широкий диапазон археологических датировок, малочисленность предметов XII–XIII вв. и неверную, с его точки зрения, хронологию строительных ярусов Хлыновского кремля. Рассматривая такой признак, как смена бревенчатых мостовых, А. В. Эммаусский датирует нижний (седьмой) настил концом XV в., что, по его мнению, подтверждает точку зрения об основании города не ранее XIV в., которая им высказывалась на основании изучения письменных источников [31]. При этом ученый опирался на периодичность смены мостовых в Новгороде Великом, не учитывая, по мнению Л. Д. Макарова, ни особенности формирования культурного слоя Хлынова (Вятки), ни датировки обнаруженных в ярусах вещей [32].

В следующий раз проблема интерпретации результатов исследований Л. П. Гуссаковского в кремлевской части города была поднята в 1989 г. При этом озвучивались оба подхода, сформировавшиеся к этому времени. С. Д. Захаров, сторонник скептического отношения к результатам изысканий 1950-х гг., обосновывал свою позицию слабой методической базой проведенных работ. В частности, он указывал на очень небольшую площадь вскрытого культурного слоя (около 180 м²), что не позволяет, по его мнению, дать обоснованную характеристику стратиграфии и хронологии Хлыновского кремля, а также на спорные моменты в выделении строительных ярусов. В частности, ряд сооружений существовал в течение достаточно длительного промежутка времени, что не было учтено при датировке ярусов. Кроме того, определение хронологических рамок бытования отдельных предметов выполнено не совсем верно, имеются неточности и в типологии керамики. Датировка обнаруженных изделий производилась по материалам археологических исследований Великого Новгорода, однако в результате создания в 1958 г. дендрохронологической шкалы в Новгороде датировка различных вещей была изменена. При этом даты находок, обнаруженных в раскопах и шурфах на территории Хлыновского кремля, скорректированы не были [33]. Все это позволило С. Д. Захарову поставить под сомнение выводы Л. П. Гуссаковского, относящиеся к исследованиям в кремлевской части города.

В то же время Л. Д. Макаров полностью поддержал высказанный Гуссаковским тезис об основании Хлынова (Вятки) в середине – второй половине XIII в. и с некоторыми уточнениями присоединился к его датировке строительных горизонтов [34]. Позже он объяснял методические недочеты ученого тем, что археологические

исследования проводились в период становления современной методики раскопок древнерусского города, и, несмотря на все неточности, считал результаты его изысканий заслуживающими доверия за вычетом некоторых деталей [35].

Окончательно решить спор относительно возникновения города и стратиграфии его древнейших напластований могут лишь широкомасштабные археологические раскопки на территории его кремлевской части.

Остальные исследования, проведенные А. П. Гуссаковским в древнерусских городских центрах Вятского края, получили менее широкий резонанс в научных кругах, но при этом имели для вятской археологии не меньшее значение, чем работы в г. Кирове.

В 1958–1960 гг. проводились археологические раскопки на территории городища, расположенного в с. Никульчино Слободского района Кировской области. Еще начиная с экспедиции Н. П. Рычкова 1769–1770 гг. оно отождествлялось с «Чудь-Болванским городком» [36], покоренным русскими, согласно «Повести о стране Вятской», в 1181 г. [37] И хотя точные даты «Повести...» уже с конца XIX в. А. С. Верещагиным и А. А. Спицыным признаны недостоверными, скорее всего, эти известия отражают определенные реалии русского освоения бассейна р. Вятки.

На территории Никульчинского городища А. П. Гуссаковский выделил так называемое «малое городище», занимающее мысовую часть площадки, и большое городище, занятое огородами местных жителей, поздним кладбищем и развалом церкви постройки конца XVIII в. На большом городище был заложен лишь небольшой раскоп площадью 80 м², в котором обнаружены остатки жилых и хозяйственных построек XIII–XV вв. Основные работы проводились на территории «малого городища», где в течение трех сезонов было вскрыто более 1000 м².

Полученные результаты позволили А. П. Гуссаковскому охарактеризовать древний Никулицын как административно-военный и ремесленный центр, возникший на рубеже XII–XIII вв. Ведущее место среди обнаруженных находок занимали оружие и предметы военного снаряжения, в том числе пластинки от панцирных доспехов, шпоры, стремяна, наконечники стрел и т. д. Время расцвета русского Никулицына ученый датирует XIII–XV вв., а прекращение жизни на городище, которое датируется второй половиной XV в., он связывает с походом войск Ивана III на Вятскую землю в 1489 г.

При этом на «малом городище» был выявлен и дорусский слой, в отношении которого А. П. Гуссаковский высказал предположение о его принадлежности к ананьинской культуре [38]. Впоследствии существование ананьинского гори-

зонта на Никульчинском городище было подтверждено в ходе раскопок А. Д. Макарова на этом памятнике в 1979 и 1981 гг. [39]

В 1960 г. А. П. Гуссаковский провел разведочные работы на территории г. Халтурин (совр. Орлов). Исследования проводились в древнейшей части города на длинном узком мысу, образованном берегом р. Вятки и неглубоким оврагом. С напольной стороны мыс окружал ров и высокий земляной вал, по верху которого в древности проходила деревянная стена. Всего было вскрыто более 70 м² культурного слоя.

Во время исследований обнаружен ряд находок, который позволил А. П. Гуссаковскому датировать слой древнего города XIV–XV вв. Однако при этом появление первых русских поселенцев в районе Орловского кремля он относит к XIII в. В XIV в., по его данным, возводятся мощные укрепления, после чего вокруг кремля начинают группироваться неукрепленные посады с ремесленным и земледельческим населением. Среди ремесел особенно выделяются гончарное, кузнечное и косторезное дело, продукция которых широко представлена среди обнаруженного археологического материала. Хозяйственная деятельность жителей Орлова документируется находками обугленных зерен ржи, ячменя, овса и гороха, костей домашних животных (коровы, лошади, овцы и свиньи), лося, рыб, а также рыбьей чешуи.

Гибель городища Гуссаковский относит к XV в. и связывает это событие с взятием Орлова войсками воевод великого князя Василия II в 1459 г. После этого жизнь на территории кремля не возобновлялась, а сосредоточилась на посаде. В XVI–XVII вв. кремлевская часть была занята городским кладбищем, а в XIX в. здесь был разбит сад [40].

В ходе более поздних исследований наличие на Орловском городище культурного слоя XIV в. было подтверждено, однако более ранние находки так и не были обнаружены [41].

Более ограниченные по своим масштабам работы были проведены А. П. Гуссаковским на Подрельском II, Тороповском, Ковровском, Шабалинском и Котельничском городищах. Однако о работах на Ковровском, Шабалинском и Котельничском городищах в литературе есть лишь краткие указания, поэтому полно охарактеризовать исследования на данных памятниках не представляется возможным.

Тороповское городище (совр. название – Торпорковское) находится в 2 км к югу от г. Орлова. Известия о нем содержатся еще у А. А. Спицына [42]. А. П. Гуссаковским на территории городища был заложен шурф площадью 12 м² и разведочная траншея площадью 20 м². Обнаруженные при этом находки позволили исследова-

телю выделить основные этапы в функционировании городища: неолит, эпоха бронзы, дославянские племена X–XII вв., русское поселение XV–XVI вв. [43]

Подрельское (современное название – Подрельское II) городище располагается на окраине с. Подрельское и было открыто А. А. Спицыным в 1887 г. [44] Здесь был заложен раскоп площадью 56 м², материалы которого позволили Гуссаковскому датировать памятник XV–XVI вв. При этом были прослежены остатки оборонительных сооружений XVI–XVII вв., которые представляли собой фрагменты небольших истлевших бревен толщиной до 0,2 м, расположенные вдоль юго-западной границы городища. При этом отдельные находки указывали на существование жизни на городище еще в X–XII вв. и в эпоху бронзы, но слоев этого времени обнаружено не было [45].

В целом выводы Л. П. Гуссаковского в отношении Тороповского и Подрельского городища в более позднее время были подтверждены.

Таким образом, исследования Л. П. Гуссаковского, проведенные на древнерусских памятниках Вятского бассейна, позволили получить археологические даты основания ряда поселений и дали очень важную информацию о начале освоения Вятского края русскими поселенцами. И хотя некоторые результаты этих исследований впоследствии были скорректированы или поставлены под сомнение, они дали возможность более предметно охарактеризовать историческую обстановку на территории современной Кировской области в XII–XV вв. и создали ту базу, на которую опирались все последующие изыскания.

В целом в результате археологических исследований, проведенных в 1950-е гг., степень археологической изученности территории Кировской области существенно улучшилась. Был обнаружен целый ряд новых археологических памятников широкого хронологического и культурного диапазона, раскопкам подверглись очень интересные с исторической и археологической точек зрения поселения и могильники, причем материалы некоторых из них стали эталонными для последующих исследований, как, например, материалы Азелинского и Суворовского могильников, Буйского городища и некоторых других. Все это позволило сделать важные выводы в отношении населения Вятского края в прошлом и развернуть полномасштабные исследования археологических памятников Кировской области в будущем.

Примечания

1. Денисов В. П. Новые археологические памятники на р. Вятке // Советская археология. 1958. № 3. С. 111–118.

2. Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого пе-

реселения народов // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. Ижевск, 1963. С. 7.

3. Денисов В. П. Указ. соч. С. 111–118.

4. Там же. С. 118.

5. Там же. С. 119.

6. Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993. С. 182–223.

7. Денисов В. П. Указ. соч. С. 119.

8. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. С. 161.

9. Генинг В. Ф. Указ. соч. С. 96–98.

10. Там же. С. 107–109.

11. Генинг В. Ф. Исследования Удмуртской археологической экспедиции в среднем течении р. Вятки в 1955 г. // Отчет об археологических исследованиях в среднем течении р. Вятки в 1955 г. (Рукопись. Фонды Кировского областного музея краеведения. Ижевск, 1955. С. 6).

12. Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958. С. 90–91.

13. Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв. ... С. 10.

14. Голдина Р. Д. Указ. соч. С. 262.

15. Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв. ... С. 91–95.

16. Голдина Р. Д. Указ. соч. С. 264–266.

17. Спицын А. А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. Материалы по археологии Восточных губерний России. М., 1893. Вып. 1. С. 53–54.

18. Талицкая И. А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // Материалы и исследования по археологии СССР. № 27. М., 1952.

19. Генинг В. Ф. Отчет об археологических раскопках Буйского городища // Отчет об археологических исследованиях в среднем течении р. Вятки в 1955 г. (Рукопись. Фонды Кировского областного музея краеведения. Ижевск, 1955. С. 1–17).

20. Архипов Г. А., Халиков А. Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956–1959 гг.). Йошкар-Ола, 1960. С. 3–127.

21. Там же. С. 99–120.

22. Захаров С. Д. Характеристика раскопов Л. П. Гуссаковского на территории Хлыновского кремля // Вятская земля в прошлом и настоящем (К 500-летию вхождения в состав Российского государства): тез. докл. Киров, 1989. С. 18.

23. Захаров С. Д. Раскопы Л. П. Гуссаковского в Хлыновском кремле // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. (отв. ред. В. В. Низов). Киров, 1999. С. 41.

24. Гуссаковский Л. П. Из истории русской Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. (отв. ред. В. В. Низов). Киров, 1999. С. 34–36.

25. Макаров А. Д. История археологического изучения г. Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. (отв. ред. В. В. Низов). Киров, 1999. С. 52.

26. Гуссаковский Л. П. Из истории русской Вятки. С. 33–36.

27. Макаров А. Д. История археологического изучения г. Вятки (Хлынова). С. 53.

28. Гуссаковский А. П. Из истории русской Вятки. С. 36.
29. Гуссаковский А. П. Сколько лет г. Кирову? К некоторым итогам археологических работ 1956 года на территории г. Кирова // Комсомольское племя. 1957. 26 апр.; Он же. Что показали археологические раскопки в г. Кирове // Комсомольское племя. 1957. 27 окт.; Он же. Вятка или Хлынов? // Кировская правда. 1960. № 13 (16 янв.). С. 4; Воронин Н. Н., Гуссаковский А. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В. Среднерусская экспедиция // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 81. М., 1960. С. 92–94.
30. Гуссаковский А. П. Из истории русской Вятки. С. 33–40.
31. Эммаусский А. В. К вопросу о времени основания города Вятки (Кирова): учебное пособие. Киров, 1971. С. 14–15.
32. Макаров А. Д. Некоторые проблемы славянской колонизации бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья: сб. ст. (отв. ред. В. А. Кананин). Ижевск, 1992. С. 47–48.
33. Захаров С. Д. Характеристика раскопов А. П. Гуссаковского ... С. 17–19. Полный вариант статьи опубликован позже: Захаров С. Д. Раскопы А. П. Гуссаковского в Хлыновском кремле. С. 41–48.
34. Макаров А. Д. Город Вятка в свете археологических данных // Вятская земля в прошлом и настоящем (К 500-летию вхождения в состав Российского государства): тез. докл. Киров, 1989. С. 16–17.
35. Макаров А. Д. Некоторые проблемы славянской колонизации бассейна р. Вятки. С. 47–48. См. также: Макаров А. Д. История археологического изучения г. Вятки (Хлынова). С. 50–52.
36. Из «Дневных Записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства» (1770–1772) // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 г. Вятка, 1896. Отд. IV. С. 18.
37. Повесть о стране Вятской. Свод летописных известий о Вятском крае / сост. А. А. Спицын. Киров, 1993. С. 7.
38. Гуссаковский А. П. Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып. II. С. 118–121.
39. Ванчиков В. В. Памятники ананьинского времени бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья: сб. ст. (отв. ред. В. А. Кананин). Ижевск, 1992. С. 80–85.
40. Гуссаковский А. П. Из истории русской Вятки. С. 36–39.
41. Соколова Н. Е. Хозяйственные комплексы Орлова XIV–XVIII вв. // III Оборинские чтения: материалы археол. конф. Пермь, 2002. С. 68–73.
42. Спицын А. А. Указ. соч. С. 173.
43. Гуссаковский А. П. Дневник Кировского отряда Среднерусской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Кировского областного краеведческого музея (рукопись). Фонды КОМК. Киров, 1960. С. 25–29.
44. Спицын А. А. Указ. соч. С. 174.
45. Гуссаковский А. П. Дневник Кировского отряда Среднерусской археологической экспедиции ... С. 5–24.

УДК 343.1

А. В. Агутин

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В работе автор рассматривает проблемы понятия организации прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела. Раскрывая тему, автор обращается не только к работам ведущих российских криминалистов и процессуалистов, но и исследует работы филологов, философов, представителей западных школ права. Не останавливаясь на анализе действующего законодательства, автор последовательно прослеживает формирование проблем организации прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела, получая и обосновывая промежуточный вывод своего исследования.

The author considers the problems of organizing procuratorial supervision at the stage of opening a criminal case. Analysing the subject he makes references to the works of not only the leading Russian specialists in criminal law and pre-trial process but also to those of philologists, philosophers, representatives of Western schools of law. Alongside with studying the running legislation, the author analyses consecutively the problems of organizing procuratorial supervision at the stage of opening a criminal case and grounds the intermediary conclusion of the investigation.

Ключевые слова: организация работы органов прокуратуры, прокурорский надзор, возбуждение уголовного дела, стадия процесса, функциональная цель, промежуточные выводы.

Keywords: organizing the work of procuratorial organs, procuratorial supervision, opening a criminal case, pre-trial stage, functional goal, intermediary conclusions.

В литературе, посвященной в целом вопросам организации прокурорского надзора, под организацией работы в органах прокуратуры понимается: во-первых, своевременность постановки конкретных задач перед коллективом и каждым работником; во-вторых, верная расстановка сил; в-третьих, эффективное руководство вверенными силами как на отдельных участках работы, так и в целом коллектива. Например, В. Г. Бессарабов так и пишет: «Организация работы в органах прокуратуры – это прежде всего своевременная постановка конкретных задач перед коллективом и каждым работником, правильная расстановка его членов по участкам работы, эффективное руководство их

деятельностью, обеспечение работы коллектива как единого слаженного механизма» [1].

Такой подход к пониманию организации работы в органах прокуратуры с позиции методологии, а также науки управления следует признать неудачным. Его неудачность, на наш взгляд, состоит в том, что система органов прокуратуры является компонентом системы, а не наоборот. Поэтому при рассмотрении вопросов, связанных с организацией работы в органах прокуратуры, надо исходить из основных постулатов теории организации. Дело в том, что их игнорирование способно привести исследователей к абстрактно-эстетическим конструкциям, не имеющим ничего общего с тем, что называется «организацией».

Ситуация усугубляется еще и тем, что что-либо или кто-либо организуется не ради организации как таковой, а для достижения поставленной цели. «Целью процесса построения организации, – отмечают специалисты по теории организации, – является разработка заранее определенной схемы эффективных центров принятия и реализации решений, которые могли бы обеспечить координацию индивидуальных усилий в достижении коллективных целей» [2]. По своему статусу организация (организовывание), наряду с планированием, координированием, подготовкой и принятием управленческих решений (распоряжений), является функцией управления. Будучи управленческой функцией, она не может рассматриваться вне связи в целом с целью управления.

Управление в органах прокуратуры не застывшая субстанция, а динамически изменяющийся в пространстве и времени процесс системы управленческих функций, «целью которых является решение проблем и задач организации» [3]. Рассмотрение проблем и задач организации в органах прокуратуры немыслимо в отрыве от такого важного управленческого элемента, как коллектив прокуратуры. Дело в том, что в системе органов прокуратуры на решение проблем и задач организации оказывает существенное влияние и коллектив прокуратуры. Подобное влияние обусловлено тем, что коллектив прокуратуры оказывает самостоятельное управленческое воздействие, влекущее значимые организационные последствия. «Коллектив прокуратуры в целом либо его подразделения и даже отдельные сотрудники, – отмечает специалист по управлению в органах прокуратуры А. Ф. Смирнов, – имеют свои

внутренние цели и задачи организации и деятельности, мотивы, потребности и интересы, которые могут оказывать существенное влияние на возникновение, регулирование и прекращение управленческих отношений, и целенаправленную деятельность» [4].

Цель – это тот результат, к которому направлены действия. В отличие от цели задачи представляют собой более «частные обстоятельства, решение которых позволяет достичь поставленную перед субъектом управления цель» [5]. В этом смысле прав А. В. Дулов, когда полагает, что организовать расследование – это определить его иерархически упорядоченную систему целей [6]. Применительно к предмету нашего исследования суждение А. В. Дулова может быть интерпретировано следующим образом: организовать прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела означает определить его иерархически упорядоченную систему целей. От себя добавим: мало определить указанную систему целей, необходимо осуществлять саму деятельность, для того чтобы добиться желаемого результата. В понятие «результат» следует включать не только такие традиционные критерии, как человеческий фактор, творческие способности, развитое мышление, развитие организации, укрепление межличностных отношений, но и создание условий для свободного развития умственных и физических сил, стимулирования труда не приказами и разного рода инструкциями, а «самим трудом, его творческим содержанием, материальными и моральными факторами» [7].

Организация прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела является системным понятием. Отталкиваясь от системности явления, обозначенного нами в наименовании параграфа, мы солидарны с теми, кто определяет организацию как «создание необходимых условий взаимодействия людей, структурно объединенных в организационную систему для достижения определенных функциональных целей» [8] либо в качестве устойчивой системы «совместно работающих индивидов на основе иерархии рангов и разделения для достижения общих целей» [9].

Функциональная цель – это та цель, ради которой и осуществляется организация прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела. В основе функциональной цели заложены цели, стоящие перед системой органов прокуратуры. По своему статусу функциональная цель прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела по содержанию, как правило, совпадает с его предметом. Но в отличие от предмета надзора она обуславливается вышестоящими целями, в том числе и теми, которые ставятся не перед прокурорским надзором, а перед уголовным судопроизводством в целом.

Функциональная цель как неотъемлемая составляющая организации прокурорского надзора включает в себя и глубокую технологическую проработку, которая не только не исключает доверия к работникам прокуратуры, осуществляющим прокурорский надзор в данной стадии, уважение к их творческим способностям, «но, наоборот, средствами планирования, нормативных документов способствует их проявлению и развитию» [10].

Функциональная цель организации прокурорского надзора содержит в себе и потенциал практического обеспечения посредством освоения типичных ситуаций, связанных с прокурорским надзором в данной стадии, посредством предшествующего опыта и выработки на его основе алгоритмов (технологий) как осуществления прокурорско-надзорных действий, так и принимаемых в данной сфере решений.

Последнее обстоятельство позволяет вести речь об особенностях, которые присущи цели прокурорского надзора. Особенности цели организации прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела таковы. Во-первых, цель организации прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела является постоянной (неизменной), при условии неизменности вышестоящей системы целей. Во-вторых, в постоянстве (одинаковости) целей для всех прокуратур, их подразделений и прокуроров, осуществляющих прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела. С этой точки зрения особенности цели в организации прокурорского надзора представляют собой средство (способ) обеспечения согласованной деятельности всех органов прокуратуры «в направлении цели» [11].

Действенным методом обеспечения подобной согласованности является метод выдвижения гипотез и целей («древо целей»). По своему назначению метод «древа целей» в контексте настоящего исследования представляет собой способ формирования структуры организации прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела. Это с одной стороны. С другой – метод «древа целей» обеспечивает взаимосвязь, взаимообусловленность и взаимосогласованность множества целей различного содержания для достижения главной (единой) цели. Частично в свернутом, а частично в развернутом виде суть метода «древа целей» представители теории управления её определяют так. «Главная цель, – отмечают они, – направляет качественное развитие общности, системы социальных отношений. Главная цель находится на вершине пирамиды управления. Она расчленяется на отдельные составляющие – промежуточные цели (цели-средства), от реализации которых зависит достижение главной. Промежуточные цели в свою оче-

редь расчлняются на более частные и т. д. Так достигается максимальная конкретизация управленческой деятельности» [12].

Придание в сфере управления главной цели двух таких важных свойств, как ответственность за качество, системность и практическую осуществимость нижележащих целей, подталкивает нас к следующей мысли – необходимо определить не только её как таковую, но и показать ее место в организации прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела. В свою очередь установление места главной цели прокурорского надзора невозможно без определения роли прокурорского надзора в уголовно-процессуальной сфере. По нашему глубокому убеждению, прокурорский надзор в отечественном уголовном судопроизводстве выступает в роли общего условия досудебного производства.

Под досудебным производством в настоящем исследовании понимается уголовно-процессуальная деятельность, которая осуществляется с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу (п. 9 ст. 5 УПК РФ). В отличие от досудебного производства его общие условия по своей сути являются общими процессуальными правилами, которые должны исполняться при любой форме предварительного расследования, а также в стадии возбуждения уголовного дела. В презентабельном виде дефиниция общих условий досудебного производства может быть представлена следующим образом. Общие условия досудебного производства – это обусловленные главной целью уголовного процесса и вытекающие из его принципов условия, которые являются общеобязательными или общевозможными для всех производств, осуществляемых в досудебном производстве [13].

Одним из общих условий досудебного производства является прокурорский надзор. Под прокурорским надзором [14] в настоящем исследовании понимается осуществляемая от имени Российской Федерации специфическая деятельность государственных органов прокуратуры, состоящая в проверке: во-первых, точности соблюдения Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуального законодательства в части соблюдения прав и свобод человека и гражданина; во-вторых, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях; в-третьих, выполнения оперативно-розыскных мероприятий; в-четвертых, проведения расследования, а также законности решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Прокурорский надзор, будучи одним из общих условий досудебного производства, по от-

ношению к самому досудебному производству выполняет вспомогательную (подсобную) функцию, поскольку его механизмы непосредственно не направлены на достижение главной цели уголовного процесса. По своему статусу и предназначению цель прокурорского надзора является одной из задач не только относительно главной цели уголовного процесса, но и цели досудебного производства. Отмеченное дает нам основание для вывода о том, что главная цель уголовного процесса оказывает свое самостоятельное управленческое воздействие на прокурорский надзор посредством своей главной цели.

В контексте задач настоящего исследования речь может идти о решении проблем и задач прокуратуры в ходе осуществления прокурорского надзора. Причем цель организации прокурорского надзора в сфере уголовного судопроизводства не может рассматриваться в отрыве от иерархически упорядоченной структуры целей уголовно-процессуальной деятельности, которые в содержательном плане проявляются в качестве взаимосвязанной и взаимообусловленной системы целей уголовно-процессуального доказывания. При этом подцели, или цели нижележащего уровня иерархии, можно рассматривать как средства для достижения целей вышестоящего уровня. Они же (подцели) выступают в качестве цели для уровня нижестоящего по отношению к ним (свойство «двуликого Януса») [15].

Структура целей уголовного процесса такова: «...в качестве цели первого уровня (главной цели) уголовного процесса следует назвать назначение справедливого наказания или иных мер государственно-общественного воздействия, обеспечивающих в конкретных случаях достижение целей уголовного наказания без назначения наказания... Цель второго уровня уголовного процесса может быть представлена как определение меры вины. Цель третьего уровня – изобличение лица, совершившего преступление. Цель четвертого уровня – это цель конкретного процессуального действия...» [16]. От себя добавим, что цели организации прокурорского надзора, например, в стадии возбуждения уголовного дела обусловлены не только целями уголовно-процессуальной деятельности, но и целями прокурорского надзора в данной стадии.

Цель организации прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела при её конкретизации и переходе на нижестоящий уровень преобразуется в практические задачи. Смысл подобного преобразования состоит в том, чтобы соединить вышестоящую цель с нижестоящей целью и перевести саму цель организации прокурорского надзора в практическую плоскость, в плоскость результата «через конкретные структуры» [17]: объект, предмет, пределы

и методика надзора в стадии возбуждения уголовного дела.

Поливариантная обусловленность прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела указанными целями позволяет говорить о том, что организация прокурорского надзора в данной стадии не может быть бесцельной. В связи с этим мы полагаем, что правильное определение цели организации прокурорского надзора и выработка оптимального алгоритма ее достижение способны оказать весомое влияние на положение дел с прокурорским надзором в стадии возбуждения уголовного дела. В свою очередь позитивное изменение в прокурорском надзоре на стадии возбуждения уголовного влечет за собой и укрепление законности на данной стадии. Контроль же за тем, насколько эффективно цель трансформируется в результат, может осуществляться посредством метода «экспертной оценки (для проверяющих) и повседневного контроля за подчиненными со стороны опытного прокурора-руководителя» [18].

При определении дефиниции организации прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела нам не обойтись без указания на ее цель. Цель организации прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела: неотъемлемый признак понятия организации в рассматриваемом нами аспекте. Однако не менее важным является, с одной стороны, умение добиваться поставленных целей, а с другой – наличия на то соответствующих средств. Ибо цель «без определения средств не есть еще подлинная цель, в этом состоянии она лишь первоначальный мыслительный проект, не имеющий пока реальной опоры в самой действительности» [19].

Цель, подкрепив себя посредством конкретных средств, «приобретает законченную форму и становится действенным фактором человеческой деятельности» [20]. При организации прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела значение имеет не только определение системы её целей и наличие соответствующих средств достижения, но и умение прокуроров-руководителей добиваться поставленных целей. Последнее невозможно без умения объединять усилия как должностных лиц, осуществляющих производство в стадии возбуждения уголовного дела, так и подчиненных прокуроров. Данный признак в основном ответственен за такой фактор, как организационная культура.

Организационная культура в науке управления понимается как разделяемые «членами организации ценностные ориентации, нравственные нормы, представления о её месте и роли в обществе, набор приемов и правил решения проблем внешней адаптации и внутренней интеграции ра-

ботников» [21]. Содержательно она включает: во-первых, цели людей; во-вторых, структуры власти в организации и их отношение к работе; в-третьих, традиции, ценности и т. п. [22] С учетом сказанного сформулируем дефиницию организационной культуры прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела. Под организационной культурой прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела в настоящем исследовании понимается наличие у всех должностных лиц, причастных как к осуществлению прокурорского надзора, так и уголовно-процессуальной деятельности, общей мотивации [23], их непосредственное участие в выработке путей достижений этих целей, заинтересованность в достижении главной цели уголовного процесса (уголовно-процессуальной деятельности) [24].

Общая мотивация у лиц, задействованных в механизме осуществления прокурорского надзора на рассматриваемом этапе, обуславливается управленческим воздействием системы духовно-нравственных идей относительно должного и сущего в отечественном уголовном судопроизводстве. В роли такой системы может рассматриваться совокупность принципов уголовного судопроизводства, которая по отношению, например, к принципам прокурорского надзора выступает в качестве метасистемы. Причем дополнительно обращаем внимание на то, что регулирующее воздействие системы принципов уголовного судопроизводства является более действенным в том случае, когда она своим потенциалом опирается не на заморские, а на свои собственные традиции.

Значимость принципов уголовного судопроизводства в организации прокурорского надзора позволяет нам высказать следующую мысль. В силу того, что принципы уголовного процесса своим потенциалом при осуществлении прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела выступают в качестве мотивации, то дефиниция организации прокурорского надзора должна включать принципы в качестве одного из признаков понятия «организация прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела». В противном случае будет трудно вести речь о связанности целей работников прокуратуры, осуществляющих прокурорский надзор, с целями, возложенными как в целом на систему органов прокуратуры, так и на уголовное судопроизводство. В связи с этим хотелось бы отметить, что вполне справедливо утверждение, высказанное Д. Одиорном: «Если цели отдельного работника не связаны с целями организации и не способствуют достижению последних, то они имеют весьма ограниченное значение с точки зрения желаемых результатов...» [25] Высказанное Д. Одиорном дает нам основание для того, чтобы определиться с тем, что же скрывается под термином «организация».

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «организация» толкуется в четырех значениях. Согласно первому слово «организация» понимается в качестве глагола «организовать». Во втором – как организованность, планомерное, продуманное устройство, внутренняя дисциплина. В третьем – в качестве общественного объединения и государственного учреждения. В четвертом – в смысле организма [26]. Если не вникать в смысл слова «организация», то следует заключить, что третье и четвертое его значения не могут нам пригодиться в качестве инструментария исследования. В том же случае, когда мы осмыслим все четыре значения слова «организация», то должны прийти к следующему выводу: каждое его значение является проявлением наиболее существенных (значимых) свойств. Произвольно игнорировать их невозможно, поскольку нарушается целое единство.

Последнее обстоятельство позволяет вести речь о смысловых свойствах слова «организация». Согласно вышеупомянутому толковому словарю русского языка они образуют систему (совокупность) статистических и динамических свойств. К первым – следует отнести: 1) живое целое, обладающее совокупностью признаков, отличающее его (целое) от неживой материи; 2) совокупность физических и духовных свойств человека; 3) сложно организованное единство, целостность. К динамическим свойствам слова «организация» мы относим: 1) основать, учредить; 2) подготовить, организовать; 3) объединить и упорядочить для какой-либо цели [27]. Видно, что в контексте настоящего исследования может быть приемлемо значение слова «организация», обозначенное под номером три. Два других динамических значения данного слова, на наш взгляд, должны употребляться для выделения единого, сложного и целого из вышестоящих и параллельно сосуществующих совокупностей. В тех же ситуациях, когда подобное уже произошло, то основной акцент, как правило, должен делаться на объединение (упорядочение) внутрисистемных свойств единого целого для достижения поставленной перед ним цели.

Произведенное нами разграничение позволяет говорить о том, что слово «организация» может рассматриваться в двух смыслах: статистическом и динамическом. Тогда, когда мы употребляем слово «организация» в статистическом смысле, то подразумеваем сложно организованное, живое и единое целое, наделенное (объединенное) совокупностью физических и духовных свойств, позволяющим отличать целое от неживой материи. И не только от нее, но и человека от животного мира. В отличие от животного мира в поведении человека, по авторитетному сужде-

нию специалиста в области психологии мотивации Е. П. Ильина, «ведущая роль принадлежит не физиологическим, а психологическим механизмам, так как сознательно осуществляется анализ ситуации, выбор цели и построения плана действия» [28]. От себя добавим: и не только ими, но и духовно-нравственными установками личности, обусловленными культурно-традиционными ценностями, детерминирующими в обществе.

Мы дополнительно акцентируем внимание на том, что при употреблении слова «организация» в статике речь может идти только о живых лицах (людях), обладающих как собственными физическими и духовными свойствами, так и теми, которыми они наделяются, будучи членами того или иного коллектива, той или иной социальной группы. В отличие от статистического значения слова «организация» при его употреблении в динамическом смысле речь может идти об объединении (упорядочении) людей (лиц) во имя достижения поставленной перед ними цели(-ей).

Отмеченное позволяет по-иному взглянуть на подходы к понятию «организации», изложенные в литературе, посвященной как собственно организации прокурорского надзора, так и в целом управлению социальными процессами в правовой сфере. В ней процессы рассматриваются вне связи с тем, что организуются и упорядочиваются живые лица, наделенные определенными физическими и духовными свойствами, для достижения определенных целей. Присуще им и свое мироощущение, мировосприятие и миропонимание. Их игнорирование означает лишить науку управления её предназначения.

Невозможность рассмотрения организации прокурорского надзора в отрыве от мироощущения, мировосприятия и миропонимания того, кто подлежит организации и чья деятельность организовывается, приводит к тому, что организация как функция управления функционирует сама по себе, а субъекты управленческого воздействия – сами по себе. В подтверждение сказанному сошлемся на нижеследующее.

Своими истоками подобная двуликость организации опирается на алгоритм научного мышления, суть которого состоит в том, что вначале определяется содержание термина «организация», а впоследствии на основе установленного значения формулируется понятие «организации» в качестве последующего инструментария исследования. Под воздействием подобного понимания «организации» и в науковедческой литературе сложился подход, согласно которому организация является процессом (совокупностью действий), влекущим либо образование, либо совершенствование (либо то и другое одновременно) взаимосвязи между компонентами (частями) целого. Например, под организацией в методоло-

гической литературе понимается процесс или совокупность действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязи между частями целого (системы). Так, А. С. Петров пишет: «...Организацию можно охарактеризовать как процесс образования структуры системы и её качественного совершенствования» [29].

В дальнейшем данный подход был воспринят и на отраслевом уровне, включая и правоохранительную деятельность. В качестве примера укажем на работу В. Д. Зеленского «Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты» (1989). Так, В. Д. Зеленский указывает на то, что термин «организация» (франц. *organisation* от позднелат. *organiso* – сообщаю стройный вид, устраиваю) означает внутреннюю упорядоченность, согласованность, взаимодействие более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленного его строением [30]. Далее на основе установленного значения термина «организация» формулируется инструментальное научное понятие «организация»: «Как процесс, – отмечает В. Д. Зеленский, – организация состоит в целенаправленном упорядочении субъекта и объекта воздействия, в формировании их как целостных и управляемых систем. Организация выражается в формировании или уяснении цели деятельности, её расчленении применительно к конкретным исполнителям, персонифицированном подборе исполнителей, их инструктаже, в создании оптимальных условий для осуществления действий» [31].

В своем методологическом основании анализируемый подход опирается на одну из распространенных в наши дни научных теорий – теорию-гипотезу познания, именуемую «гносеологией». Подмяв под себя все остальные формы познания, она, претендуя на всеобщность, выдвигает как из науки, так из практической деятельности все, что отличает человека от животного. В руках умелых манипуляторов гносеологической инструментальной в управленческой сфере выступает в качестве надежного средства разобщения субъектов деятельности и самой деятельности. Причем гносеологическое миропонимание все чаще выступает в качестве эталона научных суждений, которые на методологическом уровне основательно вторглись не только в само миропонимание, но мироощущение и мировосприятие. В этом смысле системное мышление вместо прорыва в мышление «было возвратом к эпохам Возрождения и Просвещения, правда, на совершенно новом этапе развития науки» [32].

Представители отечественной науки управления социальными процессами в правовой сфере идут своим своеобразным путем. Они рассматривают вопросы организации в социальных системах (к одной из которых относится и прокура-

тура) в отрыве от того, что субъектами управления и субъектами управленческого воздействия являются живые люди, с присущими им физическими и духовными свойствами. Причину подобной своеобразности мы видим в том, что управление социальными процессами в юридической сфере находится в плену гносеологической парадигмы мышления. В силу чего даже системное мышление стало ими рассматриваться в качестве придатка гносеологии.

В подтверждение сказанному (наряду с уже изложенным) укажем на суждение авторитетного методолога в юридической науке Д. А. Керимова, который пишет: «Всеобщее определение системы, имеющее гносеологическую цель, должно включать в себя такой «набор» характеристик, который позволил бы ориентировать любое системное исследование, во-первых, на обнаружение составных частей системной целостности; во-вторых, на выявление специфических каждой из частей; в-третьих, на аналитическое изучение связей, отношений и зависимостей частей между собой; в-четвертых, на обобщение частей в их качественной определенности и взаимодействии, раскрывающем свойства системы как единого целого; в-пятых, на познание функционального назначения, роли и эффективности воздействия системы и каждой её части на среду и обратного влияния среды на систему» [33].

При таком подходе к пониманию организации основной акцент делается на установление (образование либо совершенствование) взаимосвязи в целом, но не учитывается: во-первых, сам замысел организации; во-вторых, её цель и средства; в-третьих, мировоззренческая и культурно-смысловая составляющая в организации. Их неучет приводит к потере субъективного фактора в организации и, как следствие, к отрыву средств от целей организации. Под субъективным фактором в настоящем исследовании нами понимается «совокупная сила человечества и отдельных его государственных и иных форм образований» [34]. Причем выявление и введение в действие субъективного фактора образует сущность самой организации. В анализируемом же подходе к пониманию организации фактически игнорируется её сущность. В контексте нашего исследования отмеченное позволяет сформулировать вывод: при разрешении вопросов, связанных с организацией прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела, должен учитываться субъективный фактор, который, безусловно, присущ коллективу работников прокуратуры. К тому же разработка вопросов организации прокурорского надзора без учета мировоззренческих и культурно-смысловых пластов является не только бессмысленным, но и бесполезным. Дело в том, что мировоззренческие и

культурно-смысловые пласты не могут быть объектами управленческого воздействия. Здесь, скорее, ситуация явно противоположная – мировоззренческие и культурно-смысловые пласты оказывают самостоятельное воздействие на организацию прокурорского надзора.

Подобное воздействие мы объясняем тем, что мировоззренческие и культурно-смысловые пласты нашей деятельности являются, в своей значительной части, порождением не разума, а традиции. «То, что освящено преданием и обычаем, обладает безмянным авторитетом, и все наше историческое конечное бытие определяется постоянным господством унаследованного от предков – а не только понятого на разумных основаниях – над нашими поступками и делами» [35].

Еще более категоричен в своих суждениях и другой авторитетный мыслитель. «Традиция, – отмечает Г. Зиммель, – поразительное и создающее, собственно говоря, всю культуру и духовную жизнь человечества явление, посредством которого содержание мышления, деятельности созидания, а также чувствования становится самостоятельным по отношению к своему первоначальному носителю и может передаваться им дальше как материальный предмет. Это освобождение духовного продукта от его создателя – даже если этот продукт чисто духовен, если он состоит только в учениях, в религиозных идеях, в возможности распространения чувства или в выражениях чувства, – есть подлинное условие роста культуры. Ибо культура прежде всего создает возможность суммирования достижений человечества, ведет... к тому, что человек – не только потомок, но и наследник» [36].

Мы не отрицаем всего того полезного, что было выработано (в отдельных случаях, вполне возможно говорить о выстраданности в процессе научного поиска) отечественной наукой управления. Наоборот, в предшествующих и последующих своих рассуждениях мы опирались и будем опираться на достижения данной науки. Однако, в отличие от своих предшественников полагаем, что сегодня в управленческой науке пора заявить о новой парадигме управления, утверждающей и предполагающей использование духовно-творческого потенциала в управлении, способной взять на себя принятие судьбоносных решений и поиск эффективных путей их реализации. В качестве, может быть, пробного шага в этом направлении надобно вернуть субъективный фактор в фарватер управленческой науки.

Потеря субъективного фактора в организации как функции управления влечет за собой еще одно значимое последствие – противопоставление друг другу двух взаимосвязанных явлений –

разума и традиции. Ведь сведение организации к системе без учета её субъективной составляющей является результатом мышления, основанного на рациональном (разумном) мышлении. В этом случае вне исследования системы остаются такие не менее весомые формы мышления, как интуиция, чувственное мышление, эвристическое мышление и ряд других, а также все то, что обычно обобщают либо подводят под явление, именуемого менталитетом.

В ходе же реальной, а не абстрактной организации прокурорского надзора следует исходить из того, что менталитет, мировоззрение и указанные формы мышления образуют единство (целое), способное оказывать самостоятельное регулирующее воздействие на организацию прокурорского надзора. Так, например, действующий УПК РФ обязывает следователя направлять прокурору копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ч. 9 ст. 172 УПК РФ).

Факт привлечения в качестве обвиняемого в досудебном производстве является одним из его важных этапов, влекущих важные как для цели, так и задач стадии предварительного расследования последствия. «С момента привлечения лица в качестве обвиняемого, – отмечает С. П. Ефимичев, – расширяются полномочия следователя по применению мер процессуального принуждения. Безличностные отношения, возникшие между государством и неизвестным до этого момента лицом, совершившим преступление, с этого момента персонализируются» [37]. Это с одной стороны.

С другой – при поступлении копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого прокурор проверяет его не только с юридической, но и с фактической стороны. «Прокурор надзирает за тем, – пишет А. П. Сафонов, – чтобы привлечение в качестве обвиняемого имело место лишь при наличии юридических и фактических оснований для привлечения лица к уголовной ответственности и чтобы при этом соблюдался установленный уголовно-процессуальным законом порядок» [38].

Видно, что организация прокурорского надзора при привлечении лица в качестве обвиняемого сочетает мировоззренческие и ментальные составляющие. Не случайно законодатель в ч. 4 ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу» исходит из того, что определения «суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными».

Мы обращаем внимание на мотивированность принимаемых в уголовном судопроизводстве решений, поскольку она в значительной степени

является продуктом внутреннего убеждения, основанного на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, законе и совести. Совесть, по нашему глубокому убеждению, трудно отождествлять с продуктом рационального мышления, тем более вне взаимосвязи с субъективной составляющей в организации прокурорского надзора. Таким образом, сам действующий уголовно-процессуальный закон исходит из диалектического единства объективного и субъективного в организации прокурорского надзора.

Система же, будучи продуктом рационального мышления, наряду с логическим мышлением, фактически является инструментом исследования, сложных социальных процессов и явлений. По своей сути система – это искусственно созданная(-ый) в исследовательских или иных целях модель (образ) процесса или явления, вследствие чего она и обладает определенной моделью своих связей и иерархичностью, т. е. «свойством каждого элемента образовывать из себя также систему; так что внутри целого может оказаться несколько уровней таких подсистем, кроме того, система как единое целое способна взаимодействовать со средой и даже является в этом взаимодействии активной стороной» [39].

Философский энциклопедический словарь объясняет нам, что система – это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют определенное целостное единство» [40]. Целостное единство является не пустой (абстрактной) формальностью, а содержит в себе важный смысл. «Целостность, – отмечает В. Н. Садовский, – это принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих её элементов и невыводимость из свойств последних целого; зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функции и т. д. внутри целого» [41]. Потенциал системы выступать во взаимодействии активной стороной вовсе не свидетельствует о том, что мы должны абстрагироваться от внутренних свойств ее внутрискруктурных компонентов. Наоборот, в данном случае они для нас должны выступать в качестве основы для организации той или иной деятельности, включая и организацию прокурорского надзора. Поэтому при организации прокурорского надзора уместно вести речь не только о внутрискруктурной организации связей и иерархической упорядоченности, но и с окружением системы.

Понятие «окружение системы» было введено Р. Аккофи и Ф. Эмери. По их мнению, окружение системы – это множество элементов и их существенных свойств, которые не являются частями системы. Изменение в любом из них может стать причиной или продуцировать изменение в состоянии системы [42]. Поэтому на фак-

тическое поведение лиц, осуществляющих организацию прокурорского надзора, способна оказать влияние возможная их разнородность. Она состоит в том, что лица, осуществляющие прокурорский надзор, могут быть разнородны по возрасту, полу, национальному, этническому происхождению, сексуальной ориентации, социально-экономическому положению, а также способностям, физическим или умственным недостаткам. Все эти элементы способны оказать самостоятельное регулирующее воздействие на уголовно-процессуальную деятельность в процессе достижения цели в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования [43].

В методологическом обрамлении [44] подобное воздействие разнородности лиц, как осуществляющих организацию прокурорского надзора, так и тех лиц, на которых направлено организующее воздействие, опирается на определенную управленческую закономерность. Её суть состоит в том, что если организацией прокурорского надзора будут заниматься лица одной и той же религии или одного социально-экономического положения, то типы возникающих взаимоотношений (вполне возможно, уголовно-процессуальных отношений) и типы уголовно-процессуальной деятельности будут также похожими. И наоборот, если прокуроры и лица, осуществляющие досудебное производство по уголовному делу, будут являться представителями разных религий или социально-экономического положения (например, существенная разница в денежном довольствии и месте на социальной лестнице), то, вполне вероятно, их типы поведения и взаимоотношений будут также различными.

Помимо осуществленного нами контекстуального обоснования убежденность в невозможности разработки вопросов организации прокурорского надзора без учета мировоззренческого и культурно-смыслового контекста дополнительно основывается на нижеследующем. Под базисной концепцией прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела мы понимаем систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, которые характеризуют лиц, его осуществляющих, и лиц, в отношении которых осуществляется прокурорский надзор.

С позиции управления в базисную концепцию организации прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела входят: во-первых, мировоззренческие и культурно-нравственные системы, господствующие в российском обществе, например обычаи и традиции. Так, по свидетельству А. П. Попова, проработавшего в правоохранительных органах Ставропольского края не один десяток лет, «по кавказским обычаям и адатам почти все поводы к возбуждению дела (уголовного преследования, уголовного иска) – спе-

циальные, жалоба должна быть подана специальным субъектом: пострадавшим от преступления. Отсюда и специфическое отношение общества к уголовному преследованию виновного...» [45]. В том же смысле об особенностях уголовного преследования пишет и другой знаток кавказских обычаев и традиций А. Х. Саидов: «Если умирающий от смертельной раны успел простить своего убийцу, то его воля священна для его родных и мщения быть не может, а, следовательно, обществу нет дела до происшедшего. Но если прощения не было и месть по народным понятиям была неизбежна, обществу не оставалось ничего более как помешать личному столкновению поссорившихся и заменить убийство кровника обычным выкупом» [46]. Во-вторых, собственно говоря, человеческая природа, как таковая: индивидуальные особенности, восприятие, целостность личности, мотивированное поведение, стремление к соучастию, ценность личности. В-третьих, природа самой прокуратуры: её место в социальной системе общества, а также принципы её организации и деятельности.

Ценность личности как элемент человеческой природы в теории управления предполагает, что все мы «заслуживаем того, чтобы с нами обращались немного не так, как с другими факторами производства (землей, капиталом, технологиями), поскольку мы – существа высшего порядка. Каждый сотрудник организации хотел бы внимательного и уважительного отношения со стороны руководства. Теория о том, что человек – один из экономических инструментов, давно утратила популярность. Сегодня в «моде» высокая ценность квалификации и способностей, возможности для саморазвития каждого работника» [47]. Актуальна потребность в «моде» на высокую ценность квалификации и возможности для саморазвития не только в процессе управления экономикой, но и в сфере прокурорского надзора, в том числе и в стадии возбуждения уголовного дела.

Произведенные нами рассуждения и полученные на их основе промежуточные выводы позволяют сформулировать понятие организации прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела. Оно таково. Организация прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела – это обусловленные целью и принципами уголовного судопроизводства усилия прокурора, позволяющие ему упорядочивать (объединять) субъективные (человеческие) ресурсы (силы и средства) прокурорского надзора для достижения целей прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела.

Примечание

1. *Бессарабов В. Г.* Прокурорский надзор: учеб. М., 2006. С. 162.

2. Теория организации: учеб. / под общ. ред. Г. В. Атаманчука. М., 2007. С. 90.

3. Управление организацией: учеб. / под ред. А. Г. Поршнева, З. П. Румянцевой, Н. А. Саломатиной. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 21.

4. *Смирнов А. Ф.* Правовые и организационно-управленческие основы деятельности прокуратуры в России // Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации: учеб. / под ред. А. Ф. Смирнова. М., 2005. С. 27.

5. *Смирнов А. Ф.* Проверка организации работы нижестоящих прокуратур с оказанием практической помощи: учеб. пособие. М., 1989. С. 7.

6. См.: *Дулов А. В.* Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979. С. 48–49.

7. Теория управления: социально-технологический подход: энцикл. словарь / под ред. В. Н. Иванова, В. И. Патрушева; Академия наук социал. технологий и местного самоуправления. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 580.

8. *Смирнов А. Ф.* Организация работы и функции управления в органах прокуратуры // Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации: учеб. / под ред. А. Ф. Смирнова. М., 2005. С. 37.

9. Теория управления: социально-технологический подход... С. 581.

10. *Калугин В. В.* Организация прокурорской деятельности и проблемы управления в органах прокуратуры // Проблемы теории и практики прокурорского надзора в современных условиях: в 2 ч. Ч. 1: тез. науч.-практ. конф. / Ин-т повышения квалификации кадров Генпрокуратуры РФ. М., 2005. С. 33.

11. *Кливер И. Я.* Организационно-правовые основы управления прокурорским надзором в СССР. М., 1991. С. 43.

12. Теория управления: социально-технологический подход ... С. 581

13. См.: Уголовный процесс России: учеб. / А. С. Александрова, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Серебров; науч. ред. В. Т. Томин. М., 2003. С. 316.

14. За основу нами взята дефиниция прокурорского надзора, сформулированная профессором Ю. Е. Винокуровым. См.: *Винокуров Ю. Е.* Прокурорский надзор: курс лекций и практикум. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Ю. Е. Винокурова. М., 2001. С. 16.

15. Подробнее см.: *Волкова В. Н., Денисов А. А.* Основы теории систем и системного анализа. СПб., 1997. С. 70.

16. *Азутин А. В.* Цель доказывания в контексте нового уголовно-процессуального законодательства // «Lex Russica» (научные труды МГЮА). 2004. № 3. С. 753–754.

17. *Кливер И. Я.* Организационно-правовые основы управления ... М., 1991. С. 43.

18. Там же.

19. Теория управления: социально-технологический подход ... С. 576–577.

20. Там же. С. 577.

21. Там же. С. 290.

22. Там же.

23. Под мотивацией в настоящем исследовании понимается динамический процесс формирования мотива (как основания поступка). Каждое действие в составе деятельности не имеет собственного мотива, но это

не означает, что эти действия не мотивированны. Просто для деятельности и действий имеется общий мотив. Однако цели деятельности и каждого действия не совпадают, хотя и те и другие обусловлены смыслом деятельности как своеобразным стержнем осуществления программы (А. Н. Леонтьев). Более подробно об этом с позиции психологии деятельности см.: Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002. С. 21–89. Исследование мотивации в уголовно-процессуальной сфере позволило А. В. Агутину сформулировать вывод о том, что в роли мотивации при осуществлении доказывания выступают принципы уголовного процесса, которые предстают перед нами в качестве идей, воплотивших в себе менталитет и мировоззрение российской общности, а также идеологию нашего государства. В этом смысле принципы представляют собой не что иное, как уголовно-процессуальные ценности, позволяющие субъектам доказывания ориентироваться в ходе доказывания, а также в среде функционирования, вследствие чего принципы уголовного процесса, с одной стороны, являются методологией уголовно-процессуального доказывания, с другой – способом его развертывания, то есть принципы становятся мотивами индивидуального поведения субъектов доказывания. См.: Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 25–31.

24. Об управленческой стороне этого явления подробнее см.: Управление организацией. С. 22.

25. Производительность труда «белых воротничков» / кол. авт. М., 1989. С. 84.

26. См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. С. 449.

27. Там же. С. 450.

28. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы... С. 17.

29. Петров А. С. Что такое организация управления. М., 1967. С. 16.

30. См.: Зеленский В. Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. Ростов н/Д., 1989. С. 30.

31. Там же.

32. Теория организации. С. 22, 20.

33. Кефилов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2001. С. 244.

34. Теория организации.

35. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1968. С. 331.

36. Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996. С. 535.

37. Ефимичев С. П. Привлечение в качестве обвиняемого. Предъявление обвинения и допрос обвиняемого // Уголовный процесс: учеб. для вузов / отв. ред. А. В. Грищенко. М., 2004. С. 234.

38. Сафонов А. П. Задачи прокуроров по борьбе с рецидивом преступлений в процессе судопроизводства. М., 1983. С. 15.

39. Чеснокова В. Ф. Предисловие // Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Беланского. М., 2002. С. 4.

40. Садовский В. Н. Система // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 610.

41. Там же.

42. См.: Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М., 1974. С. 27.

43. Подробнее об этом см.: Ануфриев С. Б. Соотношение прокурорского надзора и процессуальной

самостоятельности следователя в российском уголовном процессе // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2007. № 2. С. 440–444.

44. Подробнее о разнородности как одной из трудностей управления, см.: Джордж Дж. М., Джонс Г. Р. Организационное поведение. Основы управления: учеб. пособие для вузов / пер. с англ. Е. А. Климова. М., 2003. С. 18.

45. Попов А. П. Современный отечественный уголовный процесс: целеполагание, система целей, задач и функций, средства. Пятигорск, 2006. С. 223.

46. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение: учеб. пособие / отв. ред. В. А. Туманов. Ташкент, 1999. С. 350.

47. Ньютром Дж. В., Дэвис К. Организационное поведение / пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб., 2000. С. 22.

УДК 343.140.02:61

А. В. Сучков, А. Б. Коновалова

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ МЕДИКАМИ

В данной работе авторы рассматривают проблемы доказывания профессиональных преступлений, совершенных медиками. Раскрывая тему, авторы обращаются к работам ведущих российских криминалистов и процессуалистов. Не останавливаясь на анализе действующего законодательства, авторы последовательно прослеживают формирование проблем доказывания профессиональных преступлений, совершенных медиками, в отечественном процессуальном праве, предлагая пути их решения.

In this article authors consider the problems of proving professional crimes, committed by medical workers. Exposing the theme authors deal with to articles of leading Russian criminalists and trailers. Not analyzing current legislation, authors consistensly retrace the forming of problems of proving professional crimes, committed by medical workers in the criminal-trial law in our country, offered means of their decision.

Ключевые слова: расследование уголовного дела, специальные знания, эксперт, специалист, доказательства, показания и заключение специалиста, преступления, совершенные медицинскими работниками, источник доказательств.

Keywords: investigation of criminal case, special knowledge, expert, authority, evidences, depositions and conclusion of authority, professional crimes, committed by medical workers, source of evidences.

С появлением профессии врача и становлением медицины как отдельной отрасли деятельности возникла проблема взаимоотношения врача и пациента, которая на протяжении веков не теряла своей актуальности.

Начиная с 90-х гг. XX в. в России формируется сфера платной, то есть основанной на договорных отношениях, медицины, в связи с чем про-

блема взаимоотношения медицинских работников и пациентов еще больше обострилась.

На сегодняшний день в России остро стоит вопрос правового регулирования взаимоотношений, возникающих между медицинскими работниками и пациентами. Отсутствие законодательно закрепленных и обязательных стандартов (правил, методик) диагностирования и лечения заболеваний не дает возможности объективно решать вопросы качества и полноты предоставленных медицинских услуг и является основанием взаимных обвинений. Но, несмотря на непростую ситуацию, сложившуюся в российском законодательстве относительно уголовно-правовой оценки (характеристики) медицинской ошибки, теоретические и практические продвижения в этом направлении налицо. Так, в современной российской уголовно-правовой науке данная проблема официально была поднята кандидатом юридических наук, доцентом кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной академии права А. Г. Блиновым [1].

А вот проблема доказывания профессиональных преступлений, совершенных медиками, не затрагивается вовсе, при этом как медики, так и юристы отмечают эту проблему как наиболее актуальную и сложную. Этому способствует и сложившаяся экономико-политическая ситуация в Российской Федерации.

Почему так остро назрела проблема доказывания преступлений, совершенных медицинскими работниками?

На наш взгляд, этому способствовало несколько обстоятельств:

1) фактическая смена государственного режима, что повлекло за собой изменение в общественных отношениях (формирование класса собственников);

2) принятие Конституции РФ 1993 г., согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ);

3) изменение уголовного законодательства РФ, пересмотр ценностей, в связи с чем первоочередной задачей УК РФ стала охрана прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 ч. 1 УК РФ);

4) формирование рынка платных услуг в медицинской отрасли, а соответственно и необходимость регулирования данных отношений, возникающих между лечебным учреждением (организацией), медицинским персоналом, с одной стороны, и пациентом – с другой;

5) опасность потерять жизнь и здоровье при получении как платных, так и бесплатных медицинских услуг и помощи, не получив при этом ни материальной компенсации и не удостоверившись в том, что лицо, совершившее это деяние, понесло заслуженное наказание.

Самое главное, что уголовное наказание за совершение медицинским персоналом профессионального деяния вообще может и не последовать, так как отсутствует правовой механизм доказывания (реализации права) противоправного деяния, и основное – не установлен предмет доказывания.

В ходе анализа данной категории дел выделяется ряд проблем, не позволяющих не только направлять в суд для принятия решения по существу уголовные дела, но и возбуждать их, а именно: отсутствие законодательно закрепленных общеобязательных медицинских стандартов [2]; отсутствие методики расследования профессиональных преступлений, совершенных медицинским персоналом; отсутствие возможности самостоятельного и равнозначного использования такого вида доказательств, как «показания и заключения специалиста»; отсутствие законодательно закрепленной возможности назначения и проведения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела [3].

В современной медицинской и юридической литературе все чаще звучит вопрос о необходимости формирования отрасли медицинского права. При этом постоянно говорится о трудностях, с которыми приходится сталкиваться членам Национальной ассоциации медицинского права (НАМП), прилагающим усилия к ее формированию [4]. Однако также следует отметить, что, несмотря на актуальность проблемы формирования отрасли медицинского права, разрешить ее будет достаточно сложно до тех пор, пока не обозначен предмет отрасли медицинского права, то есть четко не сформулировано содержание общественных отношений, подлежащих регулированию данной отраслью права.

При этом возникает вопрос о включении стандартов диагностирования и лечения отдельных заболеваний в круг отношений, регулируемых отраслью медицинского права. На наш взгляд, при ответе на данный вопрос должно быть принято положительное решение, однако это создаст проблемы не только технического, но и юридического характера.

Проблема технического характера может возникнуть при большом объеме информации, которую необходимо будет внести в так называемый Медицинский кодекс. Превращение кодекса в многотомное «сочинение» будет неудобно при его применении на практике. Данная проблема существует, но, в конечном счете, она разрешима.

Что касается проблемы правовой, то она гораздо сложнее, так как связана непосредственно с деятельностью медицинского персонала в конкретных ситуациях при диагностировании и лечении заболеваний. На сегодняшний день суще-

ствуется множество «школ» диагностирования и лечения каждого отдельного заболевания. При этом следует помнить, что у них есть различия и они носят рекомендательный характер. Имеется в виду, что медицинский работник не обязан придерживаться какой-либо «школы», а сам, исходя из своих знаний, внутренних убеждений и практики, принимает решение при постановке диагноза и назначении лечения. Что касается объема полученных знаний и наличия медицинской практики по соответствующей специальности это немаловажный вопрос, подлежащий отдельному рассмотрению ввиду ограниченности объема статьи.

Как существующие на федеральном уровне, так и принимаемые в конкретном субъекте федерации медицинские стандарты не решают проблему, поскольку в резолютивной части каждый стандарт носит рекомендательный, а не обязательный характер.

При таком положении вещей страдают не только пациенты, лишенные возможности определения правильности действий медицинского персонала, но и сами медики, зачастую подвергаемые клевете с целью незаконного получения недобросовестными пациентами или их представителями денежной компенсации за якобы преступные действия медиков и причиненный ими физический и моральный ущерб.

Ответственности, в том числе уголовной, медицинских работников за совершение ими правонарушений, связанных с осуществлением профессиональной деятельности, посвящено много статей и монографий [5]. При этом авторы, формулируя основания наступления ответственности, используют такие понятия, как «врачебная ошибка», «врачебное дело», «врачебные преступления» [6], не указывая методы и способы доказывания преступлений, совершенных медицинскими работниками.

Сотрудники органов предварительного следствия (ОПС) и дознания МВД РФ в ходе осуществления своих функциональных обязанностей, при принятии решений в порядке, предусмотренном УПК РФ, по сообщениям о преступлениях, предусмотренных ст. 109 ч. 2, ст. 118 ч. 2, ст. 124 УК РФ, постоянно сталкиваются с необходимостью применения специальных познаний в области науки и техники.

Необходимость проведения исследования для принятия решения в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ, по данной категории дел неоспорима, так как без специальных познаний в области науки и техники нельзя сделать вывод, состоит ли в прямой причинно-следственной связи деяние субъекта с преступным результатом (ст. 109 ч. 2, ст. 118 ч. 2, ст. 124 УК РФ). Казалось бы, в чем проблема? Назначили и провели

исследование, по его результатам приняли решение. Однако при всей кажущейся простоте у практических работников на протяжении меняющихся уголовно-процессуальных кодексов и их редакций остается одна проблема: момент назначения судебной экспертизы. Сущностью этой проблемы является вопрос о возможности и целесообразности назначения в рамках проверки сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела судебной экспертизы [7].

Фиксация состояния объектов исследования по преступлениям, предусмотренным ст. 109 ч. 2, ст. 118 ч. 2, ст. 124 УК РФ, производится врачами-экспертами в Бюро судебно-медицинских экспертиз по направлению следователя (дознателя) [8]. К тому же, согласно требованиям ст. 131 ГПК РФ, в исковом заявлении должны быть указаны доказательства, подтверждающие обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, то есть к исковому заявлению должны быть приложены доказательства. Доказательствами по делу, согласно требованиям ст. 55 ГПК РФ, являются: полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов. Иначе говоря, к моменту возбуждения гражданского дела истец должен иметь заключение эксперта, на котором он основывает свои требования. А каковы действия следователя, дознавателя при обращении лица, считающего, что в отношении его совершено преступление, и прилагающего к заявлению заключение СМЭ, полученное в рамках гражданского дела. Следуя букве закона, следователь, дознаватель при наличии повода и основания возбуждают уголовное дело и назначают СМЭ.

Немаловажным обстоятельством, говорящим в пользу назначения и проведения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела, является факт, согласно которому при проведении исследования в рамках проверки лица, проводящее исследование, не может быть привлечено к уголовной ответственности за искаженные данные. При этом содержание исследования не меняется ни при первоначальном исследовании, ни при последующем проведении судебной экспертизы. Что касается проведения СМЭ по преступлениям, предусмотренным ст. 109 ч. 2, ст. 118 ч. 2, ст. 124 УК РФ, то исследования проводятся, в основном, по документам. Такое положение вещей, в свою очередь, создает ряд слож-

ностей следователю и дознавателю при принятии решения в соответствии со ст. 144 УПК РФ. В чем сложность? Имеется ответ, порожденный практическим применением действующего законодательства и сложившейся практикой относительно назначения первоначального исследования в рамках производства проверки по сообщению о совершенном преступлении. Так, лицо, производящее проверку сообщения о совершенном преступлении, признав необходимость применения специальных знаний для установления обстоятельств, влияющих на принятие законного и обоснованного решения в порядке ст. 144 УПК РФ, вынуждено назначить исследование, не являющееся судебной экспертизой и соответственно не относящееся к доказательствам.

Анализируя уголовно-процессуальное законодательство, следует иметь в виду, что с вступлением в силу ФЗ от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ ч. 4 ст. 146 УПК РФ претерпела существенные изменения. Так, согласно требованиям ч. 4 ст. 146 УПК РФ в ред. ФЗ от 29.05.2002 г. № 58-ФЗ, следователь и дознаватель в случае производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего, мог до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и получения согласия прокурора назначить судебную экспертизу. Однако и при действовавшей некоторое время новелле законодателем недостаточно четко были определены основания производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела. Также не была однозначно определена процедура производства судебной экспертизы при проведении проверки, тогда как судебная экспертиза, в указанных случаях, и призвана установить обязательные признаки объективной стороны. В пользу этого свидетельствует следующий факт: лишь в ст. 176 ч. 2 УПК РФ отмечено, что в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела. Глава 27 УПК РФ, посвященная производству судебной экспертизы, такого указания не содержала и не содержит. Указывая на возможность назначения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела (ст. 146 ч. 4 УПК РФ в ред. ФЗ от 29.05.2002 г. № 58-ФЗ), законодатель исходил из позиции соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса. Однако практика показывала, что данное положение требовало уточнений на законодательном уровне. Логичным было бы внесение дополнений в ст. 195 УПК РФ относительно момента назначения и производства судебной экспертизы, согласно которому судебная экспертиза назначалась и проводилась бы до возбуждения уголовного дела.

Существует точка зрения, согласно которой назначение судебной экспертизы возможно только по возбужденному уголовному делу, так как данное следственное действие в ряде случаев ущемляет права и интересы граждан [9]. Несомненно, истина в данном утверждении присутствует, но не нарушаются ли права гражданина, в отношении которого возбуждается уголовное дело, а в дальнейшем, после проведения экспертизы, будет выяснено, что оснований для возбуждений уголовного дела не было, так как согласно заключению эксперта будет установлено, что объект, направленный на исследование, не является предметом, запрещенным к свободному гражданскому обороту (например, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 222, 228 УК РФ).

Также не следует забывать, что при проведении исследования и оформлении его справкой или актом лицо, проводящее исследование, не несет ответственности, предусмотренной ст. 307 УК РФ, что, в свою очередь, в ряде случаев порождает производство первоначальных исследований, опровергнутых впоследствии заключением эксперта.

Еще один немаловажный фактор, говорящий в пользу назначения судебной экспертизы, – это время. Так, лицо, производящее предварительное расследование, обременено ожиданием результата дважды: первый раз ожиданием справки об исследовании; второй раз – заключения эксперта по уже проведенному исследованию. По ряду составов время еще играет роль «разрушителя», так как попросту объект исследования утрачивается.

В УПК РФ, введенном в действие с 01.07.2002 г. ФЗ № 177-ФЗ от 18.12.2001 г., законодатель предусмотрел процессуальную фигуру – «специалист», которого отнес к иным участникам уголовного судопроизводства (гл. 8 УПК РФ).

В первоначальной редакции УПК РФ как отдельный вид доказательств заключение и показания специалиста не учитывались. Однако по сравнению с УПК РСФСР (ст. 133.1) в УПК РФ (ст. 58) законодатель внес существенное изменение, расширившее функции специалиста.

Введение законодателем в ст. 74 ч. 2 пункта 3.1 (показания и заключения специалиста) УПК РФ должно было разрешить все вопросы. К сожалению, этого не последовало. Причиной тому, как мы видим, служит нечеткая и неясная законодательная регламентация производства специалистом заключений и сложившаяся практика использования в качестве доказательств лишь заключений эксперта.

Данная проблема особенно ощутима при расследовании профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками, где практически единственным источником доказа-

тельственной информации является заключение, данное врачами-экспертами БСМЭ.

Ущербность заключения специалиста как источника доказательств, просматривается и из анализа ст. 80 УПК РФ. Так, согласно требованиям данной статьи, заключение эксперта – это представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами. Тогда как заключение специалиста – это представленные в письменном виде суждения по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ст. 80 ч. 3 УПК РФ).

Исходя из этого следует, что отсутствие в определении понятия «заключение специалиста» указания на проведение исследования, а также отсутствие предусмотренной ответственности за дачу заведомо ложного заключения является причиной, по которой указанное доказательство не используется при доказывании как по преступлениям общеуголовной направленности, так и при доказывании вины медицинских работников, совершивших профессиональные преступления.

Данная позиция, по нашему мнению, необоснованна, так как специалист, разъясняя сторонам и суду входящие в его профессиональную компетенцию вопросы, предварительно должен будет прибегнуть к необходимым исследованиям. Для получения суждения по тому или иному вопросу специалисту необходима информация, которую он будет анализировать и сопоставлять с тем или иным производственным или технологическим процессом, входящим в круг его функциональных обязанностей.

Использование в качестве самостоятельного вида доказательств заключений и показаний специалиста при расследовании отдельных видов преступлений, в частности деяний, совершенных медицинскими работниками, на наш взгляд, является единственным способом преодолеть информационный вакуум и медицинскую корпоративность, практически не позволяющие лицу, ведущему проверку или предварительное расследование, установить истину по делу.

Согласно действующему законодательству, в рамках возбужденного уголовного дела, для установления причин смерти, характера и степени вреда, причиненного здоровью, лицу, ведущее расследование, обязано назначить судебную экспертизу (ст. 196 УПК РФ). Альтернативы нет. Возникает вопрос: кто проводит судебно-медицинскую экспертизу? Судебно-медицинскую экспертизу проводят врачи-эксперты бюро судебно-медицинских экспертиз. В свою очередь БСМЭ подчиняется департаменту или министерству здравоохранения субъекта РФ. Таким образом, круг замкнут.

Разорвать этот замкнутый круг и помочь правоохранительным органам в установлении истины поможет использование в качестве доказательств заключения и показаний специалиста. Подтверждение правильности занятой нами позиции мы находим в статье профессора В. Быкова, который указал, что «суд Ленинского района Саратова, рассматривая уголовное дело по обвинению врача Г. в мошенничестве и злоупотреблении должностными полномочиями, пригласил в судебное заседание доктора медицинских наук, профессора А. и предоставил ему возможность ознакомиться с заключениями всех проведенных судебно-медицинских экспертиз. Суд предложил профессору высказать свои суждения и мнения по поводу научной обоснованности судебно-медицинских экспертиз. Тот подверг состоявшиеся судебно-медицинские экспертизы обоснованной критике, указал на научную несостоятельность их выводов, что позволило суду признать заключения судебно-медицинских экспертиз недопустимыми доказательствами и обоснованно постановить по делу оправдательный приговор» [10].

Итак, в заключение можно сделать следующие выводы:

1. При отсутствии законодательно закрепленных общеобязательных медицинских стандартов исход дела известен: если вредный результат напрямую зависел от действий медицинского работника, то, возможно, в отношении его суд постановит обвинительный приговор. Если же необходимо будет доказывать неправильно поставленный диагноз, то, скорее всего, уголовное преследование будет прекращено за отсутствием состава преступления, то есть по основаниям, предусмотренным ст. 24 ч. 1 п. 2 УПК РФ.

2. Ведя речь о возможности назначения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела, следует отметить, что возможным выходом из сложившейся ситуации необходимо рассматривать внесение изменения в действующий УПК РФ. Также следует иметь в виду, что назначение специального исследования на стадии возбуждения уголовного дела нельзя считать выходом из сложившейся ситуации по ряду причин, невзирая на то, что:

– заключения и показания специалиста признаются в качестве доказательства (ст. 74 ч. 2 п. 3.1 УПК РФ);

– законодатель не определяет порядок назначения и производства исследования, отмечая лишь возможность назначения такого исследования при необходимости.

Таким образом, законодательное признание возможности, в случае необходимости, с целью получения и закрепления доказательственной базы, назначения и проведения судебной экспер-

тизы до возбуждения уголовного дела, считаем одним из выходов из сложившейся ситуации.

3. Что касается возможности и целесообразности использования в качестве самостоятельного и равнозначного доказательства «заключения специалиста», то выход может быть найден путем совершенствования законодательства, касающегося определения понятия «специалист», указания функций специалиста, четкой законодательной регламентации процессуальных возможностей специалиста. При внесении изменений в УПК РФ в ст. 58 необходимо указать на право и обязанность специалиста давать заключения по проведенным им исследованиям. В ст. 168 определить порядок истребования и представления специалистом заключения. Также следует добавить в УПК РФ статью «204.1 Заключение специалиста», в которой отразить все существенные элементы заключения специалиста, взяв за основу элементы заключения эксперта (ст. 204 УПК РФ).

Примечание

1. *Блинов А. Г.* Уголовно-правовая охрана прав пациента. Саратов: Изд-во Саратов. гос. академии права, 2004.

2. *Сучков А. В.* Правовые проблемы взаимоотношения медицинских работников и пациентов при совершении медиками профессиональных правонарушений // Вятский медицинский вестник. 2008. № 3–4. С. 77–80.

3. *Сучков А. В.* Проблемы назначения судебной экспертизы // Инновации в государстве и праве России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. С. 652–658.

4. *Смагин М.* Грядет эра медицинского права // Медицинский вестник. 2007. № 19–20.

5. *Бондаренко Д. В.* К вопросу о юридической ответственности медицинских работников // Медицинское право. 2006. № 4; *Мохов А. А., Мохова И. Н.* Врачебная ошибка как актуальная проблема судебной практики // Медицинское право. 2004. № 2; *Пашиных А. Г.* Анализ неблагоприятных исходов при оказании дерматовенерологической помощи // Медицинское право. 2004. № 2.

6. *Бондаренко Д. В.* Указ. соч.; *Мохов А. А., Мохова И. Н.* Указ. соч.; *Пашиных А. Г.* Указ. соч.; *Стеценко С. Г.* Врачебная ошибка и несчастные случаи в практике работ учреждений здравоохранения: правовые аспекты // Эксперт-криминалист. 2006. № 2.

7. *Коваленко Е. Г., Лукьянчиков Е. Д.* Судебные экспертизы в практике расследования органами внутренних дел хищений социалистической собственности: учеб. пособие. Киев: КВШ МВД СССР им. Дзержинского, 1988. С. 69; *Вульфим Г., Тевлин Р.* Освидетельствование или экспертиза? // Радянське право. 1965. № 2. С. 99–100; *Нагноиний Я. П.* О возможности назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1967. Вып. 4. С. 174–178; *Шаркова Т. Ф.* Использование специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1973. Вып. 10. С. 226–229.

8. В данной ситуации имеется в виду направление на освидетельствование, проводимое в рамках сбора первоначального материала по заявлению или сообщению, а не освидетельствование, предусмотренное ст. 179 УПК РФ. О правомерности проведения и допустимости проводимого в рамках сбора первоначального материала исследования однозначного мнения нет.

9. Уголовный процесс: учеб. для вузов / под общ. ред. Радченко В. И. Изд. 2-е, перераб., доп. М.: Юстицинформ, 2006. С. 366.

10. *Быков В.* Заключение специалиста // Законность. 2004. № 9. <http://www.lawmix.ru>

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2:8

И. А. Едошина

МИФ, МИФОЛОГЕМА, МИФЕМА В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА К ФЕНОМЕНАМ КУЛЬТУРЫ

Раскрытие сущностной специфики мифа, мифологема, мифемы подводит автора статьи к пониманию культуры как деятельностного феномена. Подчеркивается, что, несмотря на все различия, и мифологема, и мифема тесно связаны с мифом, вырастают из него и не могут быть адекватно восприняты вне своего источника.

Opening the essential specific of myth, mythologeme, mytheme is guide the author of the article to the consciousness of culture as an active phenomena. In spite of their differences, mythologeme and mytheme are closely connected with myth, grow up from it and couldn't be adequately interpret without it source.

Ключевые слова: миф, мифологема, мифема, деятельностный подход, культура.

Keywords: muth, mythology, mytheme, action approach, culture.

Миф в качестве понятия давно и устойчиво принадлежит области гуманитарных знаний. Однако определений того, что есть миф, ничуть не меньше, чем, например, того, что есть культура. никоим образом не ставя перед собой задачу обобщить все имеющиеся дефиниции, обращусь только к тем, которые являются базовыми для моих размышлений.

Известное определение О. М. Фрейденаберг – «миф... не в состоянии выразить ничего, кроме самого себя» [1], со всей очевидностью свидетельствует, что миф есть только то, что он есть. Миф в его архаическом варианте самодостаточен и замкнут на самом себе. Потому представляется важным (для корреляции оснований обозначенной в заглавии дифференциации) обратиться к лингвокультурологическому аспекту слова 'миф'.

Эта лексема – $\mu\theta\omicron\varsigma$ – греческого происхождения и обозначает 'слово'. Важным является его архаичность [2], что совершенно естественно, поскольку в данном слове фиксировалась такая значимая характеристика сознания, как

нерасчлененность. По этой причине в слове $\mu\theta\omicron\varsigma$ греки закрепили представления о целостности бытия. Вот почему в качестве слова $\mu\theta\omicron\varsigma$ не может быть понимаем как легенда или сказка. В этом слове отложились представления человека о мире: «Миф – древнейшая форма освоения мира, обобщающая в одном слове множественные конкретности жизни» [3]. Как способ постижения мира миф вечен и, например, по А. Ф. Лосеву или Б. Малиновскому, реален [4].

Однако в форму $\mu\theta\omicron\varsigma$ облекалась 'мысль', как и в однокоренном – $\mu\theta\epsilon\omicron\mu\alpha\iota$ 'говорю, беседую, обдумываю'. Отсюда явно следует, что мысль понималась греками как миф в двух аспектах. Первый связан с тем, что мысль способна схватить мир как целое, что, как уже отмечалось, присуще самой природе мифа. Второй – раскрывается в ситуации представления мысли как мифа в чувственно воспринимаемой форме. Иными словами, 'мысль' соотносится с мифом при условии, что в самой мысли отсутствует чистая абстракция.

Таким образом, *смыслообразующее ядро мифа определяется сущностной связью с миропониманием и чувственными формами его представления*. Именно по этой причине в классической филологии подчеркивается принципиальная разница между $\mu\theta\omicron\varsigma$ в качестве феномена архаического синкретизма и $\lambda\omicron\upsilon\omicron\varsigma$ как свидетельства развития аналитического мышления [5].

В греческом языке $\mu\theta\omicron\lambda\omicron\upsilon\gamma\eta\mu\alpha$ (мифологема) в прямом значении – 'слово, речь'. Далее следуют: 'разговор, беседа; совет, указание; предмет обсуждения, вопрос; замысел, план; изречение, поговорка; толки, слухи, весть, известие; рассказ, повесть, повествование; сказание, предание, миф; сказка, басня; сюжет, фабула'. Все перечисленные семантические оттенки сформировались на основе синтеза двух корней, восходящих к существительному $\mu\theta\omicron\varsigma$ 'слово' и глаголу $\lambda\epsilon\upsilon\epsilon\iota\nu$ в значении 'собирать воедино'. Собранные вместе слова дают текст, то есть мифологему, характерными признаками которой в таком случае становятся наличие сюжета и коммуникативная направленность. Обратимся к имеющимся определениям.

Так, О. М. Фрейденаберг усматривает в мифологеме поэтический пересказ [6]. Как видим, в этом определении при всей его краткости схва-

чены главные смыслы. В мифологеме отражается одна из существенных черт древнего мировосприятия, заключающаяся в придании ритму (а поэтический текст так или иначе ритмически всегда организован) функции своеобразной «скрепы» разных сторон познания мира. В слове ‘пересказ’ важную (для понимания сути дефиниции) функцию выполняет приставка ‘пере’. Эта приставка относится к словообразовательным элементам, но ими не ограничивается. Изменение формы неизбежно влечет новые смысловые оттенки. В данном случае при сохранении общей нарративности (*сказ*) указывается на ее *иное* изложение.

Наиболее развернутую характеристику мифологеме дает ученик и последователь К. Г. Юнга – К. Кереньи. Он прямо относит мифологему к повествованию «о богах и богоподобных существах, героических битвах и путешествиях в подземный мир» [7], соединяя таким образом мифологему с собственно мифом: «Миф – это воссоздание первобытной реальности в форме повествования» [8]. Мифологема принадлежит к особым повествованиям, хорошо известным, в чем, с точки зрения Кереньи, кроется потенциал для нового творчества. Известность предполагает множественность восприятий и интерпретаций, что придает повествованию некую содержательную незавершенность. Мифологема призвана закрепить обнаруженный смысл.

С другой стороны, «если речь идет о подлинной мифологеме, то этот смысл есть нечто, что не может быть так же хорошо и полно выражено немифологическим путем». Потому, даже «застывая в форме сакральных традиций, мифологемы сохраняют тем не менее свойства произведений искусства» [9].

В размышлениях Кереньи мифологема есть целое, в пределах которого самый процесс осмысления приносит удовлетворение, сопоставимое со смысловым наполнением музыки [10].

Наконец, «с помощью образов из области человеческой и растительной эволюции мифологемы... указывают подобно дорожным столбам на наше мифологическое “основание” – путешествие к *ἀρχαί*, путешествие, которое венчается открытием тех же самых символов заново» [11]. Мифологемы, пребывая в сюжетном поле мифа, призваны играть роль метасюжетов, вся задача которых заключается в вечном возвращении к мифологии происхождения истока жизни [12].

По С. С. Хоружему, слова ‘мифологема’ и ‘легенда’ являются синонимами, то есть опять-таки подчеркивается сюжетная природа исследуемого феномена. Далее уточняется, что мифологема, «воплощаемая в личной судьбе, облекаемая в конкретность поступков и обстоятельств определенной личности, неотделимо срastaется

с этой личностью, делает ее *персональной мифологемой*. Стоит отметить парадоксальный, антиномический характер этого понятия. Мифологемы, разумеется, принадлежат к области всеобщего, универсального, да и число их в обиходе любой культуры вовсе не безгранично; но в то же время они оказываются способом и орудием утверждения уникальной неповторимости человеческой судьбы» [13]. Антиномичная природа мифологемы отражает одну из характерных сторон бытия – прерывность. Мир не столько развивается прогрессивно (возрастая), сколько вращается в системе раз и навсегда заданных координат: жизнь изначально включает смерть в качестве неизбежной потенции бытия, смерть прерывает конкретную форму жизни, но жизнь в целом недоступна смерти. В мире что-то всегда завершается и одновременно что-то всегда рождается.

Самое определение «персональная мифологема» вполне укладывается в понимание мифологемы как семантического поля мифа. Поиск и нахождение смысла формируют креативный аспект личностного постижения мифа, который репрезентируется в мифологеме.

Содержание «персональной мифологемы» составляет житетворчество, реализация которого позволяет «увидеть въявь, как жизненные этапы и ключевые события, внутренние и внешние, воспроизводят эту мифологему» [14].

Таким образом, *мифологема придает универсальному содержанию мифа индивидуальные очертания, которые закрепляются в схваченных сознанием смыслах и получают художественную форму*. При этом «подлинная» мифологема всегда остается в пределах сущности мифа, «персональная» мифологема, сохраняя внешние приметы этой сущности, стремится наполнить их сугубо личностным содержанием. Подлинная мифологема взыскует обретения истока бытия, персональная мифологема в большей степени озабочена формами репрезентации собственной креативности.

Мифема (греч. *Μύθεμα* – повествование, предполагающее изложение [рассказ] не всего сюжета, а только эпизода) толкуется К. Леви-Стросом как «короткая фраза», содержащая «пучок отношений». Причем эта «короткая фраза» может определяться как усеченным до одной детали мифологическим сюжетом, так и непрямо передачей сути древнего мирозерцания.

Основой мифемы является надобность «замаскировать», скрыть связь между человеком и тотемом [15]. В свою очередь, эта связь находит опосредованное выражение в метафоре. В качестве примера: «Жизнь летучей мыши – это жизнь человека», варианты возможных «пучков отношений»: «вера в реинкарнацию каждого из по-

лов в соответствующую животную форму или дружеская либо братская связь» [16]. Или: «Близнецы “суть птицы” не потому, что они с ними смешиваются или им подобны, а потому, что относятся к другим людям, как “люди сверху” к “людям снизу”, и среди птиц выступают, как “птицы снизу” по отношению к “птицам сверху”... это связь метафорического характера... животный мир мыслится в терминах социального мира» [17].

Отсюда и мифологическое мышление полностью определяется мифемой как новым упорядочением уже имеющихся элементов, характер которых не меняется. Все эти «ансамбли структур» творятся посредством языка. Потому и миф, в определении Леви-Строса, есть «совокупность событий (поскольку во всяком мифе рассказывается какая-то история)» [18]. «Совокупность событий» легко может быть как собираемой, так и разбираемой. В таком случае мифема – это предельно малое общей структуры, пребывающее в поиске диалога с ней.

Таким образом, мифема полностью определяется интеллектуальной деятельностью сознания. В мифеме закрепляется понимание мифа как метафорической подвижной структуры.

В словесной «цепочке» миф – мифологема – мифема наглядно представлены возможные (и уже сформировавшиеся) подходы к пониманию культуры как деятельностного феномена. Универсальность и целостность мифа как способа постижения мира органически сочетается с чувственно воспринимаемыми формами его репрезентации, например в античной скульптуре. Чувственное начало, рождающее миф с человеком, подвигает его к художественной деятельности, а через нее к осознанию собственной уникальности. Эта разновидность деятельностного процесса закреплена в мифологеме. Усеченный до мифемы сюжет свидетельствует о его подвижности и способности к структурированию на диалогической основе. В результате рождается система метафорических именовании, которая напрямую зависит от планов содержания и выражения, контекста и функциональной специфики метафорического знака [19]. Отсюда и соответствующий тип деятельности – сугубо интеллектуальный.

Несмотря на все различия и мифологема, и мифема тесно связаны с мифом и не могут быть адекватно восприняты вне своего источника. Так все виды человеческой деятельности объединяются в культуре, осмысляются и оцениваются в ее пределах не плоско-фактографически, а объемно, на основе реконструкции коррелирующей эпохе внутренней логики. Культурная деятельность есть один из откликов человечества в формах мифологемы и мифемы на вызовы мифа.

В качестве ярких примеров такого рода деятельности можно назвать творчество Дж. Джой-

са и Дж. Фаулза, Х. Л. Борхеса и Х. Кортасара, А. М. Ремизова и В. В. Розанова. А также научные изыскания Дж. Фрэзера, Дж. Кэмпбелла, К. Г. Юнга, К. Кереньи, М. Элиаде, В. В. Латышева, Ф. Ф. Зелинского, А. Ф. Лосева, О. М. Фрейденаберга. В их работах на эмпирическом материале выявляются основные параметры мифологического мышления в его целостности и приводятся формы ее утраты. Эта неизбежность утрат придает всей культурной деятельности человечества горький привкус и определяет неизбежность ее драматического бытийствования.

Примечания

1. Фрейденаберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. С. 48–49.
2. Подробнее см. в кн.: Тахо-Годи А. А. Греческая мифология. М.: Искусство, 1989. С. 7–8.
3. Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос / сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 20. Приводимая цитата из вступительной статьи А. А. Тахо-Годи.
4. Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос. С. 28; Малиновский Б. Магия, наука и религия: пер. с англ. / сост. С. Л. Удовик; науч. ред. Ю. А. Артемова; пер. А. П. Хомика под ред. А. Ю. Артемовой. М.: Рефл-бук, 1998. С. 98.
5. См., например: Аверинцев С. С. Собр. соч. София – Логос. Словарь / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 277–278. Правда, О. М. Фрейденаберг придерживается иного мнения, см.: Фрейденаберг О. М. Миф и литература древности. С. 57–62. Ее понимание Логоса в большей степени коррелирует иудео-христианским воззрениям.
6. Фрейденаберг О. М. Миф и литература древности. С. 538.
7. Кереньи К. Прологомены // Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов: пер. с англ. / сост. В. И. Менжулина; пер. В. В. Науманова под общ. ред. А. А. Юдина. Киев: Гос. б-ка для юношества, 1996. С. 13.
8. Там же. С. 17.
9. Там же. С. 14.
10. Там же. С. 15.
11. Там же. С. 20.
12. Там же. С. 21.
13. Хоружий С. С. Философский символизм П. А. Флоренского // П. А. Флоренский: pro et contra / сост., вступ. статья, примеч. К. Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 1996. С. 527–528.
14. Там же. С. 528. В качестве персональной мифологемы Флоренского, по мнению Хоружего, выступает мифологема Эдема – первозданного, утраченного и вновь обретенного рая. Пониманию персональной мифологемы отца Павла и посвящена статья ученого.
15. Леви-Строс К. Первобытное мышление / пер., вступ. статья и примеч. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994. С. 50.
16. Там же. С. 62.
17. Там же. С. 91–92.
18. Там же. С. 134.
19. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007. С. 400–401.

Н. И. Поспелова

**ВОКРУГ И ПОСЛЕ «ПРОМЕТЕЯ»
А. Н. СКРЯБИНА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ СИНТЕТИЧЕСКИХ ФОРМ**

В статье дается эстетическое обоснование идеи синтеза в художественной культуре начала XX в., рассматриваются ее культурологические последствия в современной культуре.

In the article esthetic explanation of synthetic idea in artistic culture of the beginning of XX century is proved, culturological consequences in the context of modern culture are shown.

Ключевые слова: А. Н. Скрябин, идея синтеза, современная культура.

Keywords: A. N. Skryabin, synthetic idea, modern culture.

Тенденция постоянного сдвига разных видов искусства в сторону синтетических форм – одна из всеохватных и постоянных. Она обусловлена причинами как психологического, исторического, эстетико-стилевого характера (средневековый синтез, романтический универсализм, символистская идея всеединства и т. д.), так и онтологическим статусом «второй реальности» человека, в значении которой выступает мир художественных образов. Свойственная динамическим структурам процессуальность означает, что время, понятие и воспринимаемое как ритм, длительность и особенно развитие, взаимодействует с пространством, оформляясь в художественную целостность (приведем для примера контрапункт живописных и музыкальных приемов в композициях П. Клее и М.-К. Чюрлениса). Отсюда – извечное движение навстречу друг другу слова, музыки, живописи, архитектуры, танца.

Каким представляется культурологический потенциал синтетических форм со стороны музыкального искусства? Обреченность звука на рождение, жизнь, умирание – лишь одна из сторон глубинной и таинственной связи музыки с жизнью. Концепция времени, как и различные теоретические концепции музыки, отражает свойственные тому или иному историческому хронологу взгляды на особенности этой связи, отсылающие к смыслам музыкального события и дальше – к смыслам бытия. Звук как главный атрибут музыкального времени создает образную «картину» окружающего мира (статика живописи, как известно, отражает лишь одномоментный срез жизни, его одно «прекрасное мгновенье»). Но на психологическом и метафорическом уров-

нях восприятия между звуковой и зрительной формами нет непроницаемых границ – в рамках художественного целого как время способно разливаться в пространстве, так и пространство – во времени: видимое перетекает в слышимое и наоборот. Эта способность искусства создавать иллюзию *текучести* позволяет характеризовать интенцию к синтезу как свойство, феноменологически присущее всем видам художественного творчества. Культурно-исторический опыт развития музыки доказал огромную роль пространственно-архитектонического фактора при создании и восприятии музыкального произведения.

Истоки синтетических форм музыкальной культуры восходят к глубокой древности, к первобытному синкретизму слова и действия, мифа и ритуала. Становление отдельных видов искусства было диалектически сопряжено с поисками единого знаменателя (как правило, при доминанте одного из способов художественного высказывания – звукового, словесного или зрительного). В этих сложных и длительных взаимопереплетениях формировалась тенденция к художественному синтезу как одной из актуальных форм эстетической коммуникации. В единстве видимого и слышимого, статического и динамического происходило наращивание семантического потенциала и, соответственно, – развитие интеллектуальной оформленности музыки: феноменология ее все больше и больше ставилась в зависимость от воздействия, с одной стороны, абстрактных, а с другой – социально значимых, практико-ориентированных или технически новых и перспективных идей. Влияние внешних факторов повлекло за собой активную эволюцию системы музыкальных выразительных средств, композиционных основ, языка музыки, что в результате сформировало культуротворческую функцию музыки. Особенно востребованной она оказалась в ситуации смелых, интеллектуально значимых синтетических экспериментов начала XX в. – времени социальной диверсификации искусства.

В музыкальной культуре этого периода вместе с вхождением в художественную практику таких эстетических категорий, как *безобразное*, *ужасное*, *трагическое*, раздвигаются горизонты интеллектуального, даруя художнику еще большую свободу для творческого самовыражения. Результатом этого процесса становится появление интеллектуальной парадигмы, рассматривающей искусство не столько как чувственное наслаждение, приятное переживание, культивируемое романтизмом, но как значимое, исполненное глубинных символических смыслов, явление духовной жизни, носителем которой, в первую очередь, были объявлены язык и форма. Курс на эстетическую самоценность формальных аспектов искусства через изучение чистого замысла,

объявленный Эрнестом Кассирером, Генрихом Шенкером, Куртом Гольдштейном и другими представителями немецко-австрийской семантической школы, совпал с творческими экспериментами художников-модернистов в сфере радикального обновления традиции, в том числе посредством идеи синтеза.

Музыка как самое универсальное, высокое из искусств была выбрана в качестве идеала «чистой духовности» и потому стала объектом теоретических построений. Данный процесс совпал с рождением феномена массовой культуры и, соответственно, окончательным формированием так называемой широкой демократической аудитории слушателей, зрителей, читателей. Сьюзен Лангер, подчеркивая социальный характер этих процессов, а именно – «поразительное равнодушие масс к художественным ценностям» [1], в своей работе «Философия в новом ключе» констатирует, что в культурах прошлого «музыка, живопись и даже книги были источниками наслаждения богатых людей <...> Но в настоящее время, когда почти все могут читать, посещать музеи и слушать великую музыку <...> и суждение масс об этих вещах (произведениях высокого искусства. – Н. П.) сделалось реальностью, стало совершенно очевидным, *великое искусство не является непосредственным чувственным удовольствием*» [2] (курсив С. Лангер).

Что имела в виду Лангер, отказывая современному искусству в его онтологическом свойстве воздействовать на эмоции и вызывать наслаждение? В социально-психологическом аспекте, скорее всего, – неспособность широкой публики воспринимать высокую культуру (образцы высокого искусства) в их подлинности и адекватности. В эстетическом аспекте – возрастающую (в аристотелевском смысле) роль формы – формы как «субстанции истины». Анализируя наметившийся на рубеже XIX–XX столетий интерес современных художников, писателей, музыкантов к символизации и символикке, к экспрессивным средствам, к отчетливому выражению *идей* в поисках «значимой формы», С. Лангер объясняет подобный интерес логическими и психологическими причинами – в духе посткантианской метафизики: «Нам не нужно предполагать возможность существования трансцендентального «человеческого духа», если мы признаем, скажем, функцию *символического преобразования* как естественную активность, высшую форму реакции нервной системы, как характерное отличие человека от животных» [3]. Искусство, понимаемое как «идеалистическая интерпретация реальности» [4], выполняет, с одной стороны, роль резервуара этих «высших форм реакции», а с другой – реставратора, символически реконструирующего как самого человека

и его внутренний мир, так и окружающую действительность.

«Идеалистическая интерпретация», о которой говорит философ, – одна из форм познания, модальное свойство интеллектуального, которое обнаруживает себя в самых разных планах культурного самовыражения – на уровне первичного творчества (допустим, композиторского), исполнительского творчества (или вторичного), уровне восприятия художественного произведения. В «свернутом» виде эта познавательная процедура присутствует в произведении – из него выходит и в него возвращается. «Отпуская» сочинение в свободное плавание, автор не ограничивается одной своей ролью – ролью творца, а мгновенно превращается в интерпретатора. Он, безусловно, знает маршрут – заданный им самим сценарий восприятия музыкального произведения, его художественного мира. Но законы, по которым живет Галатея, Пигмалиону неизвестны.

«Интерпретация реальности» в эстетике рубежного времени означала то, что поиск идей и «значимой формы» происходил не только на территории очерченной традицией круга взаимодействия разных видов искусства, но и за его пределами. Заметим при этом: расширение границ художественного синтеза удовлетворяло одновременно задачам как элитарной, так и массовой культур. Не будет преувеличением считать, что ярко новаторское, перспективное, элитарное (и, одновременно, привлекательное для массового восприятия и понимания) рождается на стыке синтетических форм творчества (ситуация, кстати сказать, особенно показательная для рубежных хронотопов); рождается как сплав разных культурных форм – со своими убедительными и менее убедительными художественными результатами. Как показала художественная практика, дихотомия массового и элитарного – это всего лишь индикатор двух разнонаправленных движений культуры, сложно взаимодействующих друг с другом [5] и существовавших всегда, как онтологическое двуединство бытия человека.

С одной стороны, *идея синтеза* в XX в. обозначила демаркационную линию между элитарным и массовым, между «высшими формами» символической реконструкции и примитивными формами чувственного удовольствия. С другой – очертила пространство социальной гомогенности искусства. Вокруг этой идеи сосредоточились наиболее значимые для современной художественной культуры события.

Одно из них – премьера скрябинского «Прометея». Ее можно отнести, пожалуй, к самым ярким и многообещающим явлениям художественной жизни русского авангарда середины 1910-х гг.

Подогреваемые мифом об эстетической симультанности, свободе и жизнестроительной роли творца, авангардисты открывали все новые и новые эмпирии для творческого самовыражения. Конечной целью их было инкрустирование трансформированных художественных форм в жизнь. В результате подобных экспериментов, в каком-то смысле, под угрозой оказалась «чистота ремесла». А. Скрябин и М. Матюшин, А. Лурье и Н. Кульбин, В. Кандинский, Н. Кузмин, М. Волошин – никто из «культовых» фигур предавангарда и авангарда не идентифицировал себя с «просто» живописцем, «просто» поэтом или композитором. Каждый стремился к тому, чтобы реализовать свои экстраординарные (нередко утопические) замыслы за пределами жанрово-видовых границ искусства.

В. Хлебников, А. Крученых, К. Малевич совместно с М. Матюшиным развивают идею «видимой музыки». В своем докладе «О новой музыке», прочитанном на Первом всероссийском съезде поэтов-футуристов (1913), М. Матюшин говорит о новом способе отражения видимого через теорию «зоркого ведания», нашедшую практическое применение в опере «Победа над Солнцем». Прологовое уведомление, написанное В. Хлебниковым к либретто оперы, было ничем иным, как гимном звуковидению, прогнозом на комплексное чувствование в будущем:

Созерцобен есть уста!

Будь слухом (ушаст) созерцаль!

И смотряка [6].

Невидимую, таинственную связь между зрением и слухом автор музыки пытается закрепить с помощью применения контрапункта четвертиновой техники письма и цветового комментария «нот будетлянских».

В расширении эстетического поля музыки в сторону проникновения в сокровенные лабиринты звука М. Матюшин не был одинок. Аудиовизуальный эксперимент (правда, на теоретическом уровне) осуществлял автор манифеста «Свободная музыка» Н. Кульбин, занимавшийся разработкой ультрахроматики [7]. Двигался в аналогичном направлении и А. Лурье, зарекомендовавший себя в петербургской артистической среде влечением «ко всему редкому, терпкому, острому и стильному, потому что вдохновляется музеями, книгами и новыми открытиями» [8]. В своих фортепианных сочинениях 1910-х гг. – циклах «Синтезы», «Дневной узор» – он создает образ «звучащего пространства», предвосхищая технику додекафонного письма. Еще дальше в отношении визуализации звуковой материи композитор продвигается, работая над циклом «Формы в воздухе», посвященным П. Пикассо. Здесь им использован совершенно новый способ графической записи – в духе кубизма: без при-

вычных тактовых черт и обозначений размера, даже без стабильного нотоносца.

Происходил и встречный процесс: художники-авангардисты в поисках глубинных констант искусства создавали произведения, в которых использовали свойства и функции музыки, стремясь максимально приблизить колористическое богатство цветовых отношений к выразительности музыкальных ассоциаций. Показательны в этом смысле работы М.-К. Чюрлениса, М. Ларионова и особенно В. Кандинского – идеолога и практика авангардистского Gesamtkunstwerk. Его композиция «Желтый звук», созданная совместно с композитором Ф. Гартманом и танцовщиком А. Сахаровым, оказала большое влияние не только на современников.

Но, несомненно, главный вызов в культурологическом самоопределении синтетических форм в начале XX в. сделал гениальный русский композитор А. Н. Скрябин. Именно ему принадлежит произведение, где музыке впервые выпало предназначение быть *видимой*. «Прометей» – это квинтэссенция цвето-свето-звуковых исканий времени, символ предельного, художественно обоснованного сближения звука и света. Однако самому композитору так никогда и не удалось увидеть свою световую симфонию, как не удалось осуществить еще более грандиозный синтез в Мистерии. Тогда, в 1911-м, попытки С. Кусевицкого исполнить «Прометей» («Поэму огня») с меняющимся светом, как задумывал автор, разбились об ограниченные возможности электро-механического устройства. Вместо невидимого источника света, наполняющего зал «светящейся материей», автор изобретения, профессор А. Э. Мозер, предложил Скрябину далеко не хроматический, а прямолинейный и грубый свет электрических лампочек, покрытых цветной бумагой. Но это было начало, первая попытка соединения в XXI в. музыки и науки. Интуиция подсказывала Скрябину, что будущее светомузыкальной идеи будет зависеть от научно-технической обеспеченности исполнения. Композитор мечтает о «движущейся архитектуре», громадных «огненных столбах», новом «священном празднестве» [9] о световых контрапунктах, когда «свет идет своей партией, а звук – своей» [10]. Все это получит реальное воплощение в последующих экспериментах XX в.

Как художественно-эстетический феномен, скрябинский «Прометей», безусловно, явление уникальное и одновременно культурологически обусловленное. В начале 1910-х гг. идеи звукозрительного синтеза буквально витали в воздухе. Отказавшись от бесплодных попыток искать музыку там, где ее нет, то есть в беспредметных формах абстрактной живописи, начинает создавать свои оригинальные цветомузыкальные ком-

позиции английский художник А. Клейн, опубликовавший фундаментальное исследование «Искусство света» [11]. Лидер нововенской композиторской школы А. Шенберг создает свою монодраму «Счастливая рука» – прямую параллель В. Кандинскому, в которой использует световой комплекс, соответствующий оркестровой динамике и динамике развития сюжета. Повинуясь общей атмосфере творческого подъема, подогреваемой процессом демократизации общества, желанием преодолеть границы искусства, художники с наивной искренностью стремились выйти в массы. Не понимая всей утопичности своих планов и стремясь реализовать их «сегодня и сейчас», они пребывали в полной уверенности осуществления задуманного. Однако в реальности большинство идей так и осталось на уровне проектов.

Авангард в тех условиях развития техники и состояния умов широкой публики, создавая атмосферу эпатажа, смог предложить только единичные, пробные варианты своих культурологических экспериментов. Но и они оказались далеко не идентичными задуманному. На что была нацелена упоминаемая опера «Победа над Солнцем»? По замыслу авторов, опера предназначалась для того, чтобы «взорвать пошлость общественного вкуса» [12]. Она была рассчитана на вселенский скандал (подчеркнем, *вселенский*, т. е. массовый, но в то же время – *скандал*, т. е. эпатаж). И зрители – неведомо для них самих – откликнулись на эту провокацию, включившись в представление как своеобразные соучастники. Сработал механизм психологии толпы: люди жаждали скандала, и он у них был. Никто не задумывался над содержанием, над тем, что происходило на сцене. Сами авторы, оценивая значение спектаклей, вынуждены были «срывать маски» с далеко не тривиального смысла, о чем свидетельствует, например, разъяснение М. Матюшиным замысла своего футуристического опуса: «Опера имеет глубокое внутреннее содержание, издеваясь над старым романтизмом и многупустословием: вся Победа над Солнцем есть победа над старым привычным понятием о солнце как о красоте» [13]. К. Малевич в своей статье «Театр», написанной в 1917 г., подчеркнул оглушительное новаторство спектаклей, которые никто не понял: «Звук Матюшина расшибал налипшую, засаленную аплодисментами кору звуков старой музыки, слова, и буквозвуки Алексея Крученых распылили вещевое слово. Завеса разорвалась, разорвав вопль сознания старого мозга, раскрыв перед глазами дикой толпы дороги, торчащие и в землю, и в небо. Мы открыли новую дорогу театру» [14].

В случае с «Прометеем» не было подобного эпатажа, хотя без критики, которая, по обыкновению, всегда выражает настрой определенной части публики, не обошлось: «Не лежит сердце к

этим теософическим претензиям стать сверхчеловеком... к истерически-мистическому шаманству, – словом, ко всем дебрям того тупика идеи и формы, куда, думается, заводит Скрябина “Прометей”», – не скрывая своего раздражения, писал в «Русских ведомостях» о премьере Ю. Энгель [15].

Как показала практика, синтетические формы, отшлифованные в культурных драгах модернизма и авангарда, пройдя испытание временем, уже на другом конце XX столетия сложным образом десимилировались и поставили высокое искусство в борьбе с масскультом на грань выживания, в ситуацию, которую В. Мартынов, развивая постмодернистскую концепцию «смерти автора», назовет «концом времени композиторов» [16]. В результате синтез искусств стал местом расхождения и одновременно местом схождения массовой и элитарной культур, а художественные эксперименты – спасением от усиливающейся кастовости высокого искусства и примитивизации его низовых форм. То была своеобразная уступка невозвратному, необратимому движению «искусства для избранных» и массового искусства друг от друга.

Идея светомузыки, впервые использованная в «Прометее», получила своеобразную путевку в жизнь в прикладных сферах творчества, в таких, к примеру, как абстрактное кино. Это довольно специфическая область кинематографа – явление, пограничное между киноискусством и музыкой. В отличие от традиционного кино с его «репродукционным» характером технологии, абстрактное тяготеет к «продуктивному» методу, когда на экране воспроизводятся придуманные художником абстрактные образы посредством анимации, мультипликации, а в последнее время и компьютерной графики.

Динамичность, выразительные свойства изображения, высокое значение ритма, пластики и игры света делают абстрактное кино, по мнению Б. Галева, «эквивалентом видимой музыки». Контрапункт бессюжетного монтажа движущегося фотоизображения с «продуманным» (или придуманным) музыкальным рядом и есть отличительный признак того экспериментального феномена, который сами экспериментаторы от кинематографа и инженерной оптики именуют *видимой музыкой* (или новым звукозрительным искусством, «музыкой света», «зрительной симфонией»). Наиболее удачные опыты в области теории и практики цвето-свето-звукового связаны с именем С. Эзенштейна – автора концепции так называемого «вертикального монтажа», а также англоканадского художника П. Мак-Лорена (1914–1987), еще при жизни заслужившего титул «гениального» мультипликатора, и О. Фишингера (немецкого мультипликатора), создате-

ля «Оптической поэмы» на музыку Второй венгерской рапсодии Ф. Листа и «Движущейся живописи» на музыку Третьего Бранденбургского концерта И. С. Баха.

Среди отечественных авторов опыты внесюжетной визуализации музыки осуществляли А. Архангельский («Сентиментальный романс»), Н. Воинов (Прелюдия Рахманинова *cis-moll*), Б. Галеев и сотрудники возглавляемого им КБ «Прометей» («Маленький триптих»). Художественно-эстетическая ценность подобных экспериментов достаточно сомнительна. Выключенная из историко-культурного контекста, «видимая музыка» (или видеомузыка), по большому счету, являет собой модель препарированного синтеза, при котором собственно музыка отступает на второй план либо (в силу своей художественной самодостаточности) сама вытесняет экранно-изобразительный элемент. В этом случае мы имеем дело с еще одной маргиналией, недооценивать которую нельзя – это сегодняшняя реальность, сегодняшний уровень «взаимоотношений» культуры и цивилизации. Растущая популярность фестивалей экспериментального искусства (назовем лишь наиболее значимые из них: *Ars electronica*, *Impakt*, *Siggraph*, в России – «Аниграф», «Третья реальность» и другие) свидетельствуют о том, что видеоарт и видеомузыка, возможно, и есть та ниша, где таятся резервы для «световых контрапунктов», о которых мечтал Скрябин.

Скрябинский эксперимент с аудиовизуальным синтезом обернулся, в конечном итоге, «джином, выпущенным из бутылки» и перепутал карты социальной прописки музыки: элитарный по своей генетической родословной проект со световой симфонией стал эксплуатироваться где угодно и кем угодно. Произошло то, что и должно было произойти в эпоху господства высоких технологий – ошеломляюще новаторская для своего времени художественно-эстетическая идея, подхваченная многочисленными производителями индустрии развлечений с благословения производителей *High light* и *High figh*, «вышла в тираж». Сегодня мы имеем дело с парадоксальными трансформациями того, что когда-то в среде художественной элиты приветствовалось как музыка будущего, а в итоге стало достоянием масс.

Эстетическая рамка целого столетия – это сеть «преодолений» звуком – времени, цветом – мертвой статике пространства. В плотной вязи этих взаимовоплощений зафиксированы два полюса: на одном – одиноко и горделиво возвышается гениальный «Прометей»; на другом – его экранно-лазерный потомок.

Можно ли примерить ситуацию столетней давности к нынешнему времени с точки зрения соотношения элитарного и массового в фокусе культурологической жизнеспособности синтети-

ческих форм? И да, и нет. Да, ибо по-прежнему искусства «догоняют друг друга», застывают, тиражируются, «уходят в неискусство» [17]. Нет, ибо дрейф синтетических экспериментов качнулся в сторону масскульта с его технократическим идопоклонством, которого на заре XX в. не было, как не было такой развитой индустрии развлечений, какую мы наблюдаем в настоящее время. Проекты, подобные светомузыкальной феерии Жана-Мишеля Жарра, светопиротехнического шоу Герта Хофа с участием группы *Skorpions*, Томаса Андерса и Президентского оркестра в честь Дня города Москвы (2003) или оформленные праздника с участием лазерного шоу, посвященного 300-летию со дня основания Санкт-Петербурга, – это не что иное, как имитация искусства, рассчитанная на восприятие миллионов (в 1997 г., в частности, лазерное шоу в честь 850-летия Москвы созерцало более 2,5 миллионов человек), но не само искусство. Всякие имитации, по наблюдению Ю. М. Лотмана, «усваиваются легче», поскольку «они понятнее» [18].

Не стоит большого труда отличить эстетику массового зрелища от элитарной эстетики. Опыты, имеющие околхудожественный характер (современные мультимедийные приложения, цветомузыкальное кино, поп-механика С. Курехина и др.), не моделируются на – пусть даже весьма спорные по концептуальному замыслу, но все же элитарные по своим культурологическим целям – перформансы Д. Пригова, В. Мартынова или Дитера Шнебеля (типа «Вивальди – мобильный римейк» или *Maulwerke*). Гораздо сложнее понять причины и логику движения художественных идей. Что происходит с ними на самом деле? Выносимые на крыльях научно-технического прогресса, они покидают свои элитарные родовые пристанища и перемещаются к массовому зрителю, вкус которого – в силу своей массовости (усредненности) – находится по ту сторону традиционного представления о красоте и предназначении искусства. Тест на истинность таких продуктов дает исключительно время. Но как бы то ни было, и элитарный, и массовый слушатель и зритель являются единственными потребителями продуктов современного творчества, внутри которого трудно, даже почти невозможно провести социальную дефиницию. Сегодня мы имеем дело с такими формами культурной диффузии, к разряду которых следует, очевидно, отнести и феномен новых синтетических форм. «Истощенная, слабая музыка и цветущая, всепобеждающая наука – это то, что реально характеризует положение в XX веке» (П. Шеффер).

Новый синтез – это новое интеллектуальное искусство, *искусство без имени*, вырастающее из накопленной временем критической массы синтезированных и ассимилированных в недра тех-

ники форм, о котором ученые (заметим: не музыканты или художники) пророчествуют в духе профессора А. Майкельсона: «...я решаюсь предсказать в недалеком будущем возникновение аналогичного искусству сочетания звуков нового искусства красок. В этом искусстве исполнитель будет иметь перед собой хроматическую шкалу в самом подлинном смысле этого слова, и он будет в состоянии играть красками спектра в какой угодно последовательности или в любом сочетании их между собой и по желанию будет вызывать самые изящные и нежные вариации света и красок или самые страшные и волнующие контрасты и цветовые аккорды» [19]. Сбудется ли это предсказание? – Покажет время.

Примечания

1. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. Пер. с англ. С. Евтушенко / общ. ред. и послесл. В. Шестакова. М.: Республика, 2000. С. 184.
2. Там же.
3. Там же. С. 4.
4. Там же.
5. Г. С. Кнабе определяет два типа культуры как «движение «вверх», к отвлечению от повседневных забот каждого, к обобщению жизненной практики людей в идеях и образах, в науке, искусстве и просвещении, в теоретическом познании, и движение «вниз» – к самой этой практике, к регуляторам повседневного существования и деятельности». Кнабе Г. С. Двуетность культуры // Кнабе Г. С. Древо познания и древо жизни. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 19–20.
6. Крученых А., Матюшин М. Победа над солнцем. Либретто. СПб., 1913. С. 2.
7. Т. Левая подчеркивает особую роль эстетики Н. Кульбина в ее влиянии на практику междисциплинарных контактов. Подробнее об этом см.: Левая Т. Артур Лурье и петербургский авангардный миф // Русская культура в текстах, образах, знаках 1913 года: материалы межрегион. науч.-теор. семинара «Культурологические штудии». Вып. 3. Киров, 2003. С. 143–148.
8. Оценка М. Волошина. Цит. по кн.: Левая Т. Указ. изд. С. 144.
9. Бальмонт К. Светозвук в природе и световая симфония Скрябина. М., 1917. С. 21.
10. Сабанеев Л. Воспоминания о Скрябине. М., 1925. С. 205.
11. Klein A. The art of light. London, 1926.
12. Шацких А. Футуристическая опера «Победа над солнцем» // Казимир Малевич. М., 1996. С. 38.
13. Там же. С. 39.
14. Там же. С. 40.
15. Энгель Ю. Концерт Кусевицкого // Русские ведомости, 1911. № 50 и № 51 от 3 и 4 марта.
16. Название актуальной книги. См.: Мартынов В. Конец времени композиторов. М.: Русский путь, 2002.
17. Лотман Ю. О природе искусства // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 437.
18. Там же. С. 439.
19. Майкельсон А. Световые волны // Галеев Б. Скрябин и Эйзенштейн. Кино и видимая музыка. <http://www.otkakva.ru>

УДК 7.01

В. Г. Власов

ИЗ ИСТОРИИ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Обилие справочников и энциклопедических изданий по изобразительному искусству, выпущенных за последние десятилетия, сделало актуальными и дискуссионными вопросы методики и структуры трудов в этом жанре искусствоведения. В статье рассматриваются названные вопросы на примере обширного исторического материала.

Plenty of references and encyclopaedic books for visual arts from recently years makes actuality and a basis for discussion of the methods and structure of this kind of researches. In this article examines this subjects from historian one.

Ключевые слова: изучение, метод, искусство, энциклопедия.

Keywords: study, art, method, encyclopedia.

Междисциплинарный и энциклопедический подходы к изучению одного предмета находятся в сложных отношениях связи и различия. Если междисциплинарный подход предполагает изучение предмета с разных сторон представителями разных наук, а согистический – одним исследователем на разных уровнях и в разных аспектах, то энциклопедический подразумевает уровень полного, законченного знания независимо от количества и специализации исследователей. Соответственно энциклопедии делятся по жанрам – на авторские и коллективные.

Суть энциклопедического метода лишь отчасти раскрывает этимология (лат. *encyclopaedia*, от греч. *egkyklios paideia* – «обучение по кругу знаний»). Главная антиномия энциклопедического метода, не нашедшая успешного разрешения до настоящего времени, состоит в следующем. Конечная цель энциклопедических исследований – полнота изучения предмета и исчерпанность знаний о нем – предполагает (как необходимое условие достижения этой цели) строгое ограничение предмета, что исключает анализ внешних связей и, следовательно, отвергает преимущества полноценного системного подхода. Это противоречие усиливается постоянным притоком новых знаний, развитием и усложнением самого предмета. В результате энциклопедическое знание оказывается пленником собственного метода. Проще говоря, невозможно все знать, даже об одном предмете.

Мудрые древние греки понимали энциклопедию иначе, буквально как «обучение по кругу

знаний», т. е. как минимальный, замкнутый и гармоничный «круг» предметов.

В Древней Греции энциклопедий не писали, греческие философы, главным образом софисты V–IV вв. до н. э., стремились к полноте определенной области знаний. Литературный жанр энциклопедий считают римским изобретением. Прагматичные римляне первыми догадались не просто заимствовать и усваивать лучшие достижения покоренных стран, но систематизировать их и системно излагать.

Самый знаменитый из римских энциклопедистов – Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н. э.), автор 74 произведений (в 620 книгах) о сельском хозяйстве, о латинском языке, о свободных искусствах, о знаменитых людях.

На основе опыта первых римских энциклопедистов работали знаменитые латинские писатели-компиляторы. Авл Корнелий Цельс, римский писатель в правление императора Тиберия (14–37 гг. н. э.), составил, используя труды греческих писателей, энциклопедию «Искусства» (лат. *Artes*). Сохранились лишь 8 книг по медицине (другие книги посвящались сельскому хозяйству, военному искусству, риторике, философии, праву).

К энциклопедическому жанру относят обширное сочинение Плиния Старшего (23–79), называемое «Естественной историей» (в 37 книгах) [1]. Новый перевод заглавия: «Естествознание» (лат. *Naturalis Historia*). Этот колоссальный труд, в котором изложено около 35 тысяч фактов, составлен необычно – разнообразные предметы излагаются Плинием не в качестве отдельных дисциплин, а как взаимосвязанные компоненты природы (лат. *naturalia*) – «священной родительницы и божественной искусной созидательницы всего». Основная идея грандиозного труда – показать, что природа дает человеку все материалы – минералы, целебные вещества, красители, а человек должен их искусно использовать. Автор сообщает также все известные к тому времени сведения по геологии, ботанике, минералогии, имена художников и названия их произведений. Объясняет, из чего и каким образом они сделаны. Сам Плиний в своем труде сообщает, что использовал 20 тысяч фактов, достойных внимания, включил их в 36 книг, предварительно прочитав 2 тысячи томов из «ста тщательно отобранных авторов», добавил к ним «очень много вещей» от себя, о том, что он узнал сам, но многое ему осталось неизвестным, «ведь он всего лишь человек, обремененный разными обязанностями».

В указателе источников у Плиния названо 146 римских и 327 греческих и иных авторов – от Гомера до современников. Плиний посвятил свой труд Титу (в то время соправителю Веспасиана) и отметил, что никто до него не писал

такое сочинение один. Но тут же пояснил, что составлял «Естествознание» не для ученых, а для простых людей: «земледельцев, ремесленников» и для тех, «кто занимается науками на досуге». Таким образом, Плиний Старший совмещает в одном лице энциклопедиста и просветителя. К этому следует добавить, что выдающийся труд Плиния безусловно компилятивен, как и вся используемая им греческая и латинская литература, но именно в этом его непреходящая ценность – он представляет собой «сумму знаний» всего античного мира.

Близким к античным энциклопедиям является литературный жанр *periaiges* (греч. *periaiges* – «охватывающий землю») – описания земли «по кругу».

Самым знаменитым литературным произведением в этом жанре является труд Павсания «Описание Эллады» (греч. *Periēgēsis tēs Elladōs*, лат. *Descriptio Helladis*), составленный им во II в. н. э. и состоящий из 10 книг. Он сохранился полностью, и значение его, в частности для истории искусства, огромно. В этом труде представлена ясная и цельная картина Древней Греции, какой она была во II в. н. э. Другого, столь детально-го описания не существует.

«Описание Эллады» впервые издано на латинском языке в эпоху Итальянского Возрождения, в Венеции в 1516 г. Позднее переводилось на многие языки. Споры историков заключались главным образом в том, видел ли автор все своими глазами или же он компилировал литературные источники; в научной терминологии: является ли его труд аутопсией (от греч. *autos* – «сам», *opsis* – «видение») или мифографией (греч. *mythographia* – «описание, пересказ мифов»). Возможно, Павсаний использовал неизвестные нам сочинения, но точность и конкретность сообщаемых им сведений уникальна. Делались даже попытки на основе текста восстановить маршруты его путешествий [2].

Для историков искусства труд Павсания имеет особенно важное значение. В нем подробно описаны здания, статуи, колонны и храмы, картины с указанием размеров, материала, мифологического источника. Названы авторы произведений.

Испанский епископ Исидор Севильский (570–636) написал «Начала» (лат. *Origines*), или «Этимологии» (греч. *Etymologiai* – «Учения об истинности»), в 20 книгах. Книги 1–3 посвящены семи свободным искусствам античности [3]. Вопреки первому названию Исидор не анализирует начала, или происхождение вещей, его больше интересуют этимологии: почему тот или иной предмет так называется и откуда происходит данное слово. Поэтому к труду Исидора, в частности разделам, посвященным архитектуре, нельзя под-

ходить как к «реальной» энциклопедии. Труд Исидора – это энциклопедия не «реалий», а энциклопедия слов [4]. О самих предметах автор сообщает немного, сведения им почерпнуты у античных авторов, прежде всего у Плиния Старшего и Сервия, комментатора Вергилия. К этому Исидор добавляет толкования трудов Отцов Церкви, понятия из Вульгаты (перевод Библии на латинский язык, выполненный Св. Иеронимом в 384–405 гг.), и собственные, совершенно фантастические этимологии. Книги 15 и 19 отведены для терминов живописи, украшений, одежды, строительства и различных материалов.

Для историков искусства сочинение Исидора интересно тем, что показывает, как менялось содержание терминологии от античности к Средневековью, проясняет символический смысл средневековой иконографии.

Около 844 г. аббат Рабан Мавр (Raban Maur), бывший в 822–842 гг. настоятелем бенедиктинского монастыря в Фульде (Германия), переработал труд Исидора в энциклопедию «О Вселенной» (De Universo), посвятив книгу королю Людовику I, который изъявил желание иметь «книгу о значении слов в мистическом смысле вещей» [5].

Около 1245 г. создан «Словарь, или О темных речениях» (лат. Dictionnarius sive de dictionibus obscuris) Иоанна из Гарланда, в 1229–1231 гг. профессора Тулузского университета. Брунетто Латини (1230–1294), родом из Флоренции, учитель Данте Алигьери, в 1260-х гг. создал энциклопедию «Сокровище» (на французском языке), находясь в изгнании во Франции. Брунетто Латини интересовали не столько названия, сколько сами предметы и их полезность (в современной терминологии: утилитарная функция). Вообще многие произведения той эпохи, включая выдающиеся произведения Данте Алигьери (1265–1321), его «Божественную комедию», несут в себе энциклопедическое начало (соответственно представлениям того времени), мы бы сказали: рисуют «картину мира». Это свидетельствует о несложившихся границах жанра и недостаточной определенности его предмета, что отражает состояние научных представлений позднего Средневековья.

В 1244–1260 гг. Винсент (Венсан) из Бовэ (Франция) составил энциклопедический труд «Великое зеркало» (лат. Speculum majus). Вначале книга состояла из трех частей, озаглавленных «Зерцало природное» (лат. Speculum naturale), «Зерцало вероучительное» (лат. Speculum doctrinale) и «Зерцало историческое» (лат. Speculum historiale), излагающее историю от Сотворения мира до 1254 г. В 1310–1325 гг. Винсент добавил «Зерцало нравственное» (лат. Speculum morale). Последнее представляет собой

краткое изложение трудов Фомы Аквинского (ок. 1225–1274), одного из Отцов Церкви.

Эпоха Возрождения вопреки логике не расширила круг знаний Средневековья, а напротив, сузила его, придав познавательному процессу целенаправленный характер – поиск гуманистического идеала в обращении к античности. Однако это временное сужение подготовило почву для будущей специализации наук.

В эту же эпоху возрождается слово «энциклопедия». В 1501 г. Джованни Валла (приемный сын Джорджо Валлы, сына Лоренцо Медичи Великолепного), издал в Венеции труд своего отца «О вещах, к которым следует стремиться, и о тех, которых следует избегать». В написанном им предисловии Джованни называет это сочинение энциклопедией.

Швейцарский ученый-медик и натур-философ Конрад Геснер (1516–1565), с 1557 г. профессор философии в Цюрихе, в 1545–1555 гг. работал над сочинением «Универсальная библиотека», которое считается первой научной библиографией. Именно Геснер попытался в этом и других сочинениях вернуться к античной идее «обучения по кругу знаний», т. е. соединить многообразие с цельностью.

В 1620 г. слово «энциклопедия» вынес в заглавие своей книги протестантский богослов и педагог Иоханн Хайнрих Альштед (1588–1638). «Энциклопедия по курсу философии» увидела свет в г. Херборн, Германия (переиздана в 1630 г.). Во втором издании автор дал определение термина: «Энциклопедия есть систематический охват всех вещей, подлежащих в этой жизни человеческому изучению». В этом определении существенны все слова: систематический, охват, изучение. Альштед расположил материал книги не в алфавитном порядке, а именно систематически (на основе иерархических связей). Многие издания в XVII в. называли энциклопедиями, однако по содержанию и структуре они таковыми не являлись. Их содержание обычно ограничивалось одним предметом, а изложение было произвольным.

Во второй половине XVII – начале XVIII в. подлинных энциклопедий не появлялось, чему есть научное объяснение. Круг знаний стремительно расширялся, и это затрудняло установление границ и систематизацию накопленного материала. Не находилось людей, которые могли бы взять на себя столь тяжкий труд. Классификация наук и формирование морфологических систем находились тогда в стадии развития. Эпоха универсальных знаний отошла в прошлое. В Академиях, которые в XVII в. постепенно занимали место средневековых богословских школ и теологических университетов, более актуальной была задача углубления и специализации знаний. По-

этому в заголовках изданий снова исчезает слово «энциклопедия», чаще используют названия «Словарь» или «Толковый словарь».

Отдельный жанр, близкий историческим, естественнонаучным следованиям, составляли иконографические сборники. Так, в 1531 г. в немецком г. Аугсбурге итальянский иконограф из Милана Андреа Альчато (1492–1550) выпустил «Сборник эмблем» (лат. «Emblematum Uber»). В 1565 г. в Антверпене, столице старой Фландрии, издана книга «Эмблемата» (Emblemata), сочинение А. Юния (1511–1575). В Риме в 1593 г., а затем в Падуе в 1611 г. издавалась знаменитая и любимая художниками барокко «Иконология» Чезаре Рипы. В 1758–1760 гг. издание повторяли в Аугсбурге. Эмблемы, символы и аллегории из этой книги многократно воспроизводились граверами, орнаменталистами, декораторами в разные годы и в разных странах. В 1590–1604 гг. в Нюрнберге и в 1668 г. в Майнце издавалась книга Иоахима Камерарио (1534–1598) «Избранные эмблемы и символы» («Emblemata et Symbola selecta») в 4 томах, представляющая собой иллюстрированный сборник латинских, итальянских, французских и немецких пословиц, разделенных по предметам: растения (сто эмблем), животные (такое же количество), птицы, насекомые, морские существа... Иллюстрации выполнены гравюрой на меди и скомпонованы в круглых рамках. Книга была очень популярна. В России при Петре Великом ее выпускали дважды: в 1705 г. (перевод с Амстердамского издания) и в 1719 г., затем в 1788 и 1809 гг. Примечательны слова, вынесенные в качестве эпиграфа к этой книге: «Как тело и душа, будучи воедино сопряжены, содействуют естественную связь человека: так известные образы и слова, вместе сложены будучи, составляют совершенный смысл, и человеческим очам представляют вразумительные эмблемы и символы».

В Петербурге с 1735 г. главным толкователем эмблем, символов и аллегорий был секретарь Академии наук, немец Якоб Штелин (1709–1785), в дальнейшем создатель Рисовальной палаты при Петербургской Академии наук (прообраз Академии художеств) и автор заметок – первой истории русского искусства XVIII в. Книги эмблем XVI–XVIII вв. представляли собой своеобразные художественные энциклопедии, на них учились многие художники. Сообразно эстетике и философии своего времени, в них приводились персонализации традиционных образов, мифологических персонажей, сюжетов, давали объяснения атрибутов, костюмов, аксессуаров.

В 1728 г. в Англии появилось издание Эфраима Чемберса (1680–1740) «Универсальный словарь искусств и наук», оно пользовалось популярностью и издавалось пять раз вплоть до 1746 г.

В 1745 г. французский издатель Ле Бретон получил королевскую привилегию на перевод английской энциклопедии Чемберса. Для перевода и добавления необходимых комментариев издатель привлек Дени Дидро (1713–1784) и Жана Д’Аламбера (1717–1783). Первый редактировал перевод, второй добавлял статьи по точным наукам. В результате появился оригинальный труд, который мы до сих пор называем французской Энциклопедией, или просто Энциклопедией (единственное произведение в этом жанре с большой буквы), а ее авторов именуем энциклопедистами.

Первый том знаменитой в дальнейшем французской Энциклопедии вышел в 1751 г. и имел пространный заголовок: «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел, составленный обществом писателей, отредактированный и опубликованный г-ном Дидро, членом Прусской Академии наук и искусств, а в математической части – г-ном Д’Аламбером, членом Парижской и Прусской Академии наук и Лондонского Королевского общества». Для дальнейшей работы Дидро решил привлечь многих авторов вопреки традиции и, в частности, словарю Чемберса, предполагающего компилятивный труд одного составителя. В статье «Энциклопедия» Дидро писал, что авторы «должны быть связаны между собой общими интересами человечества и чувствами взаимного благорасположения» [6].

В «Предварительном рассуждении» Д’Аламбер подчеркнул два основных назначения Энциклопедии: она должна отобразить «порядок и взаимную связь человеческих знаний», а как «толковый словарь» – «указать общие начала и наиболее важные детали». Дабы обосновать название «энциклопедия», Дидро и Д’Аламбер после «Предварительного рассуждения» привели обширную классификацию наук.

Издание проходило с большими трудностями, и последний том вышел в 1765 г. В итоге получилось 17 томов статей «ин-фолио» и 4 тома таблиц.

Издание Энциклопедии отражало идеи эпохи Просвещения во Франции второй половины XVIII в. Авторы не ставили перед собой задачу, вопреки названию, создать картину «полного круга» знаний. Они расположили статьи по алфавиту, но без видимой логики, что повлекло за собой множество повторов. Причем текст носит эклектический характер: суждения авторов перемежаются с извлечениями из других сочинений, скрытыми или явными цитатами и компиляцией. Главное заключалось в просветительском характере издания и его критической направленности. Предвзятость суждений очевидна, а во многих случаях – нескрываемая враждебность авторов статей к традиции – политической, нравственной, религиозной.

Примечательно, что в статье «Искусство» Дени Дидро остался на консервативных позициях, отражающих, скорее, идеологию средневековых ремесленных цехов и ранних мануфактур, чем новации века промышленных революций.

Дидро писал: «Каждое искусство обладает и своей теоретической и своей практической частью... Во всяком искусстве имеется громадное количество всяких обстоятельств, относящихся к сырью и материалам, к инструментам, труду, которые можно узнать только на практике... Одни искусства являются в большей мере произведениями человеческого ума, чем рук, другие же – человеческих рук, чем ума; отсюда разделение искусств на свободные и механические. Но неверно отдавать предпочтение одним перед другими – это значит принижать достоинство человеческого ума». В заключение Дидро отдает первенство именно механическим искусствам и предлагает приглашать в Совет Академий взамен напыщенных резонеров и бесполезных созерцателей представителей мануфактур, ткачей, стеклоделов, часовщиков, картографов и механиков [7].

Таким образом, термин «энциклопедия» постепенно обогащался новыми значениями. Однако в отличие от современного смысла термина под энциклопедическим знанием еще долго понимали лишь классификацию наук. Поэтому энциклопедии появлялись в разных областях знаний. Выходили также «Большие», «Малые», «Краткие» энциклопедии, что, естественно, противоречит сути энциклопедического издания. Таким же нонсенсом следует считать словосочетание «специальная энциклопедия».

С другой стороны, как показала история, компилятивный метод является неотъемлемой составляющей энциклопедических сочинений. Над энциклопедиями работают не специалисты, эксперты в какой-либо одной области знаний, а широко, «панорамно мыслящие» люди. Это особый дар. Но при этом понятно, что энциклопедический ум не может знать все. Поэтому в энциклопедиях, как замечал французский писатель Шарль Нодье (1780–1844), «плагиат почти неизбежен, ведь их задача – изложить общепринятые идеи, которые однажды уже были выражены, и выражены прекрасно, теми, кто их изобрел. В каком-то смысле всякий словарь не что иное, как плагиат в алфавитном порядке, где всю фактическую сторону – определения, даты, события – составитель неминуемо наследует от предшественников» [8].

Основной методологической проблемой составления энциклопедий в XVIII–XIX вв. оставалась проблема организации материала. В отличие от словаря энциклопедия предполагает подробный, максимально полный и структурированный обзор содержания каждого понятия.

Таким образом, внутри каждой энциклопедической статьи возникает определенный порядок изложения, как правило, иерархический или системно-логический. Однако последовательность статей в энциклопедии удобнее выстраивать по сквозному алфавитному принципу. В результате возникает эклектичность и трудноразрешимая задача увязки разных структурных принципов, связей, отсылок. С этой задачей не справились Дидро и Д'Аламбер, поскольку в их время не была еще разработана соответствующая методика.

Соответственно большинство изданий в справочном жанре чаще называли словарями, или лексиконами.

В 1796–1808 гг. в Лейпциге немецкий книготорговец и издатель Фридрих Арнольд Брокгауз (1772–1823) выпустил Энциклопедический словарь в 6 томах. Во второй половине XIX в. в Германии выходило множество справочников, указателей местонахождения памятников искусства (нем. *Kunstdenkmäler*).

В 1852 г. французский писатель, филолог и педагог Пьер Ларусс (1817–1875) основал в Париже книжное издательство. В 1865–1876 гг. в этом издательстве выходил «Большой универсальный словарь XIX века» в 15 томах (два дополнительных тома вышли в 1878 и 1888 гг.). Этот словарь и в наше время является незаменимым пособием для историков, философов, искусствоведов, поскольку содержит обширные, подробные статьи на темы, которые позднее не рассматривались в энциклопедических изданиях. Можно сказать, что «Большой Ларусс» – это словарь исторических раритетов. Позднее в этом издательстве выходили и другие справочные издания: в 1906 г. был выпущен однотомный «Малый Ларусс».

В 1809–1811 гг. издательство Ф. А. Брокгауза в Лейпциге выпустило «*Konversationslexikon*». Затем акционерное общество Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон в Петербурге приступило к переводу словаря на русский язык, но качество перевода оказалось столь низким, что пришлось изменить начальный план и в результате общество в 1890–1907 гг. осуществило грандиозный проект издания Энциклопедического словаря в двух вариантах: 41 основной том (и 2 дополнительных) и 82 основных тома (и 4 дополнительных). Всего 121 240 статей на самые разные темы. В 1899–1902 гг. был выпущен «Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» (в 3 томах), в 1907–1909 гг. – второе издание (в 4 томах). В 1911–1916 гг. – «Новый энциклопедический словарь». Издательство привлекло к написанию статей многих авторов, выдающихся русских ученых, среди которых были Д. И. Менделеев, философ В. С. Соловьев. Статьи по истории западноевропейского искусства писал знаток и

коллекционер Андрей Иванович Сомов (1830–1909), отец знаменитого художника. В 1883–1890 гг. Сомов был редактором журнала «Вестник изящных искусств», с 1886 г. работал хранителем Картинной галереи Императорского Эрмитажа.

Отличительными чертами словаря Брокгауза и Ефрона являются подробный, детальный анализ тем с большим количеством фактологических данных и свободная, живая манера изложения. Элементы беллетристики довольно необычно включены в сугубо научные статьи. В результате все статьи читаются как увлекательный рассказ. У словаря не было единой редакции, поэтому в нем проявились элементы субъективизма, авторских оценок и качества индивидуального литературного стиля. Именно по этим причинам, несмотря на то что содержание большинства статей ныне безнадежно устарело, энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в наше время читается с увлечением.

Русский журналист, писатель, издатель Федор Ильич Булгаков (1852–1908) в 1878–1880 гг. выпускал альманах «Памятники древней письменности и искусства», с 1887 г. – «Альбомы русской живописи». В 1890 г. выпустил в свет русский перевод «Иллюстрированной истории искусств» (1868) немецкого историка искусства Вильгельма Любке (1826–1893). Ф. И. Булгаков был автором «Художественной энциклопедии» (в 1886–1887 гг. вышло только два тома: от «А» до «О») и популярного в свое время биографического словаря «Наши художники» – по материалам академических выставок 1764–1889 гг. (1889–1890, в 2 т.).

С 1926 по 1990 г. специально созданным издательством «Советская энциклопедия» (ныне издательство «Большая Российская энциклопедия») осуществлялось издание многотомной, одной из самых больших в мире, «Большой советской энциклопедии», выдержавшей три издания (последнее в 30 томах). Дополнительно выпускались однотомные «Ежегодники». В 1928–1960 гг. вышло три издания «Малой советской энциклопедии» (в 10 томах).

Для составления статей Большой и Малой советской энциклопедии собирались большие коллективы авторов, назначались ответственные редакторы разделов, в функции которых входил контроль за идеологической направленностью статей, даже естественнонаучных. Результатом подобного подхода стала, с одной стороны, безликость и казенный стиль изложения материала, а с другой – необходимость постоянных изменений, переписывания многих статей в связи с изменениями политического курса коммунистической партии и политики советского государства.

С 2004 г. в нашей стране издается «Большая Российская энциклопедия» (в 30 томах). Важное значение имеют специальные энциклопедии (при всей противоречивости названия): например Энциклопедия Санкт-Петербурга. В 1962–1981 гг. в Москве издавался пятитомный словарь «Искусство стран и народов мира», содержащий иллюстрации и развернутые исторические очерки по искусству разных национальных и региональных школ, персоналии (биографические сведения о художниках), описание архитектурных памятников и музеев.

Георг Каспар Наглер (1801–1866), писатель, антиквар и книготорговец из Мюнхена в 1835–1852 гг. выпустил «Новый всеобщий словарь художников» (*Neues allgemeines Künstlerlexicon*) в 25 томах, который спустя время стали называть «наглеровским словарем». Второе издание словаря 1858–1879 гг. именовалось «Монограммисты» (в 5 томах) и содержало указатель монограмм художников.

Наиболее авторитетным для своего времени был Словарь биографий художников, составленный парижским антикваром Эммануэлем Бенези (1854–1920) в 3 томах (1911–1923; вт. изд. в 8 т.: 1948–1955, последующие: 1976, 1999, 2006). Словарь снабжен факсимиле подписей живописцев и граверов, что особенно важно для атрибуции художественных произведений.

Самый объемный словарь подобного рода: «Всеобщий лексикон художников от античности до современности» немецких издателей У. Тиме и Ф. Бекера (*Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart*). Словарь издан в Лейпциге в 1907–1950 гг. в 37 томах. Это издание замечательно тем, что в него, вопреки академической традиции, включены имена и максимально подробные сведения о творчестве не только живописцев, граверов и скульпторов, но и мастеров других видов искусства: архитекторов, декораторов, граверов-орнаменталистов, ювелиров, резчиков по камню и дереву, мастеров-мебельщиков, живописцев по эмали и фарфору.

В 1953–1962 гг. Лейпцигское издательство выпустило продолжение «Всеобщего лексикона» – «Лексикон художников XX века» в 6 томах (*Vollmer H. Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler des XX Jahrhundert*).

В 1893 г. историк искусства, литератор и библиограф Николай Петрович Собко (1851–1906) предпринял грандиозное издание «Словарь русских художников с древнейших времен до наших дней». В 1893–1899 гг. удалось выпустить только три тома: буквы «А», «И» и «П».

Во второй половине XX в. во многих странах мира были выпущены разнообразие энциклопедии по искусству. Однако в этих изданиях собранный материал не является исчерпывающим

даже по отдельным вопросам (что ставит наименование «энциклопедия» под сомнение), кроме того, в сквозном алфавитном порядке следуют статьи исторического и биографического характера. Например: наименования эпох, направлений, стилей, школ в искусстве разных стран, имена художников, названия материалов, технических приемов, специальные термины и т. д. Отсутствие определенного метода и ясной структуры только подчеркивает характер случайности и неполноты информации.

В 1930–1940-х гг. над «Историей европейских энциклопедий» трудился русский ученый, историк и библиограф Константин Романович Симон (1887–1966), но его труд остался незавершенным, издано лишь «Введение». Над классификацией словарей и энциклопедий работал классик отечественной библиографии Лев Владимирович Щерба (1880–1944). Он противопоставил типологические характеристики, расположив их по шести парам понятий.

Однако до настоящего времени можно говорить лишь о классификации, но не о типологии (в трудах по библиографии эти понятия неправомерно отождествляют).

Основным типологическим признаком словарей является алфавитная структура. Слово – лексическая единица языка, а словарь, по известному выражению Вольтера, – это Вселенная в алфавитном порядке. Согласно принятой классификации словари делятся на лингвистические (переводные, толковые, орфографические, грамматические, орфоэпические, этимологические, синонимические и т. д.), идеологические, или тезаурусы (греч. *thesauros* – «сокровищница, запас»), по какой-либо области знаний и специальные (терминологические), или глоссарии.

Предметом лингвистических словарей является лексема (слово и его смысловые варианты), если в таких словарях и дается объяснение, толкование понятия, то только в связи с анализом лексем. В отличие от словарей в энциклопедиях рассматриваются не слова, а предметы знаний. Именно поэтому для составления словарей требуются специалисты (эксперты), для написания энциклопедий – эрудиты.

Переходная форма – энциклопедический словарь. Такие словари обычно содержат краткую (неполную) информацию о предмете, обозначаемом тем или иным словом или выражением (лексемой), приводят начальные сведения исторического, теоретического, биографического характера. Энциклопедические словари могут быть «Большими» или «Малыми», но во всех случаях не претендуют на «полный круг знаний».

Краткий обзор истории энциклопедий и, в частности, формирования энциклопедического метода изучения искусства, позволяет сделать главный вывод: в жанре классической энциклопедии XVII–XX вв. остались нерешенными существенные методологические проблемы. К ним следует отнести:

- способы и нормы сочетания компилятивного и эвристического методов работы;
- взаимодействие объективных фактов, полноты их описания с авторской интерпретацией и мерой субъективной (идеологической) оценки;
- формы сочетания авторского изложения и использования коллективной «базы данных»;
- методы структурирования и композиции статей.

Примечания

1. *Плиний Старший*. Естествознание. Об искусстве. М.: Ладомир, 1994 (перевод, предисловие и комментарии Г. А. Тароняна). В новом издании собраны отрывки (труд Плиния сохранился не полностью), относящиеся к искусству в современном значении этого слова. Первое, сокращенное издание: *Варнеке Б. В.* Плиний об искусстве. Одесса, 1918.
2. *Кошеленко Г.* Павсаний // Источниковедение Древней Греции. М., 1982; *Чистяков Г.* Павсаний как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; *Павсаний*. Описание Эллады: в 2 т. М.: Ладомир, 1994.
3. *Исидор Севильский*. Этимологии, или Начала в XX книгах. Книги I–III: семь свободных искусств. СПб.: Евразия, 2006.
4. *Зубов В.* Труды по истории и теории архитектуры. М.: Искусствознание, 2000. С. 175.
5. *Зубов В.* Указ. соч. С. 179.
6. *Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера*. М.: Наука, 1994. С. 304–307.
7. *Нодве Ш.* Читайте старые книги: в 2 т. М.: Книга, 1989. Кн. 1. С. 106.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 141.4

О. С. Кренжолек

ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕКОБОГА У Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И Ф. НИЦШЕ

Рассматривается теория *человекобога* в свете параллели Достоевский – Ницше. Доказываются сходства и различия позиций авторов в этом вопросе в аспекте общей проблемы русской духовности.

The theory of *Man-God* seen as a parallel between Dostoevsky and Nietzsche is presented here. Similarities and differences of the authors' attitudes towards the issue are discussed within the framework of Russian spirituality.

Ключевые слова: человекобог, сверхчеловек, русская духовность, Ф. М. Достоевский, Ф. Ницше.

Keywords: Man-God, superman, Russian spirituality, F. M. Dostoevsky, F. Nietzsche.

Раскрывая суть идеи человекобога у Достоевского, невозможно обойти личность и учение Ф. Ницше. Для российских литературоведов эта тема уже перестала быть закрытой, каковой являлась вплоть до последних десятилетий прошлого столетия [1]. В. В. Дудкин, один из первых обратившийся к изучению параллели *Достоевский – Ницше*, приводит убедительные факты, свидетельствующие о значительном влиянии русского писателя на формирование теории сверхчеловека. В частности, анализируется мнение зарубежных ученых о значении образа князя Мышкина для истолкования немецким философом Иисуса Христа в трактате «Антихристианин». Однако «безоговорочно констатировать факт влияния не представляется возможным из-за отсутствия каких-либо свидетельств или указаний на то, что Ницше читал роман «Идиот», – пишет В. В. Дудкин [2]. Тем не менее исследователь не отрицает возможности хорошего знакомства Ницше с творчеством Достоевского, а главное – с его личностью, о чем говорят некоторые мемуаристы. Но не только биографические, прямые или косвенные, доказательства важны для нас. Гораздо «уместнее все же говорить о философско-психологическом «фоне» Достоевского, наслаивающемся на аналогичный ход мыслей Ницше» [3].

В самом деле, теорию сверхчеловека можно рассматривать как модификацию теории человекобога, и не случайно в архиве Ф. Ницше был обнаружен его конспект романа «Бесы», датированный ноябрем 1887 – мартом 1888 г., т. е. тем самым временем, когда он работал над трактатом «Антихристианин». Вводя в ницшеанский контекст антинигилистический и антиреволюционный роман Достоевского, В. В. Дудкин усматривает наличие общего и сходного круга проблем в обеих книгах, ссылаясь на то, что сам Ницше не только упоминал имя русского автора, но и напрямую объяснял название своего трактата прямым влиянием «Бесов» [4].

Ницше, как подчеркивает Дудкин, – особо выделил «классическую формулу» Кириллова у Достоевского: «Я обязан неверие заявить <...> Для меня нет выше идеи, что бога нет. За меня человеческая история. Человек только и делал, что выдумывал бога, чтобы жить, не убивая себя; в этом вся всемирная история до сих пор. Я один во всемирной истории не захотел первый раз выдумывать бога» [5]. Философ под рубрикой «Логика атеизма» выписывает и другое высказывание героя: «Если бог есть, то вся воля его, и без воли его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие <...> самый полный пункт моего своеволия – это убить себя самому» [6]. Оправдание самоубийства – один из аспектов темы бесовства, поэтому ницшеанский идеал сверхчеловека напрямую спроецирован на идею человекобога. Но если Ницше пророчествует последнему блистательное будущее, то Достоевский не предвидит ничего, кроме провала.

Как и Ницше, Достоевский был занят проблемой человеческого своеволия, старался уяснить, не может ли зло иметь благие последствия, не является ли оно изнанкой добра, не заслуживает ли оправдания или хотя бы сочувствия, понимания, заинтересованности. Вспомним: Раскольников объясняет необходимость преступления и стремлением помочь близким людям, униженным и оскорбленным, а все, кто хоть как-то сталкивался со Ставрогиным, были не в силах избежать зачарованности им. Безнравственность и зло могут привлечь незрелые ум и сердце апологией могучей свободы, презрением к условностям, которые объективно являются формой выражения внутреннего рабства, абсолютной зависимости от собственной порочности. Понимая это,

незаурядный Ставрогин решает исповедоваться в своих преступлениях в монастыре, старцу, оканчивающему свои дни на покое. Ставрогин не скрывает, что не верует и пришел вовсе не из чувства раскаяния. Между исповедником и исповедующимся проистекает показательный диалог:

«— А можно ли веровать в беса, не веруя совсем в Бога? — засмеялся Ставрогин.

— О, очень можно, сплошь и рядом, — поднял глаза Тихон и тоже улыбнулся.

— И уверен, что такую веру вы находите все-таки почтеннее, чем полное безверие... О, поп! — захохотал Ставрогин. Тихон опять улыбнулся ему.

— Напротив, полный атеизм почтеннее светского равнодушия, — прибавил он весело и протодушно.

— Ого, вот вы как.

— Совершенный атеист стоит на предпоследней верхней ступени до совершеннейшей веры (там перешагнет ли ее, нет ли), а равнодушный никакой веры не имеет, кроме дурного страха» [7].

«Неистовая и звериная» сила, перечаящая Богу из иррационального чувства противоречия, присуща человеческой природе вообще, как доказывает Достоевский. Не случайно отец Паисий сказал Алеше, что в Карамазовых есть что-то особенное; *что такое* эти Карамазовы, это «сернистое семейство», если не род Адамов? Приведем диалог между Иваном и Алешей:

«— Есть такая сила, что все выдержит! — с холодной уже усмешкой проговорил Иван.

— Какая сила?

— Карамазовская... сила низости карамазовской.

— Это потонуть в разврате, задавить душу в растлении, да, да?» [8]

Ответ Ивана: «Да». И сам Алеша, хорошо осознавая, что он — *Карамазов*, иногда откровенно сомневается в возможности ухода в монастырь, в своем будущем монашестве, что, несомненно, мучит героя.

Зигмунд Фрейд в трактате «Достоевский и отцеубийство» объяснял метания героев между верой и неверием вселенским чувством сыновней вины, некой сверхличной силы, которую писатель до конца дней не смог победить. Но дело, разумеется, не в одной психологии, тем более не во фрейдистских комплексах. По мысли Л. Шестова, Достоевский, как и Л. Толстой, «на весах Иова» взвешивал удел человеческий: на одной чаше весов — бессловесное, слепое и глухое человеческое естество, на другой — человек, просветленный великой истиной Христа [9].

Н. А. Бердяев перенес образ «весов Иова» на параллель *Достоевский — Ницше*. Он считал, что в Достоевском есть всё, что будет в Ницше, — и это то, что положено на первую чашу весов; но

есть в нем и еще нечто большее [10]. И действительно, вспомним основные этапы богоискательства Достоевского.

«Сто четыре рассказа из Ветхого и Нового Завета» — так называлась любимая книжка его детства. Арестованный и заключенный поначалу в Петропавловскую крепость, Достоевский пишет брату, прося его прислать несколько книг и среди них прежде всего — Библию (оба Завета), на французском и славянском языках [11]. Каторжная жизнь («Мертвый дом») отрезала его от мира живых, книги были запрещены. Тем не менее единственное исключение было сделано для Евангелия, которое он получил из рук М. Д. Фонвизиной. В «Дневнике писателя» Достоевский позднее вспоминал, как вечером, возвратившись с принудительных работ, устав от тягостного труда, он находил эту книжечку, превратившуюся для него в сокровище, которое он всегда держал под подушкой. Как только режим заключения смягчается, он снова обращается с просьбами к брату о присылке книг и заказывает творения Отцов Церкви, чтобы лучше понять евангельскую мудрость [12]. С евангельским изречением ушел писатель из жизни.

В этих фактах скрыто главное: находясь на каторге, Достоевский испытал *личную* встречу с Христом. «И все-таки, — пишет он Фонвизиной, — Бог иногда посылает мне минуты полной безмятежности. Это бывает в такие минуты, когда я сочиняю про себя исповедание веры, когда все ясно и свято. Это исповедание веры — очень простое: верую, что нет ничего прекраснее, глубже, милосерднее, разумнее, отважнее, совершеннее, чем Христос; и не только ничего нет, но, говорю я себе с ревнивой любовью, и быть ничего не может и не должно. Более того: доказывай мне кто-либо, что Христос — вне истины, и пусть он и в самом деле докажет, что истина — вне Христа, я лучше останусь с Христом, чем с истиной» [13].

В 1871 г. Достоевский в письме к Страхову с раздражением и негодованием писал о В. Г. Белинском: «Этот человек ругал мне Христа по-матерну <...> Ругая Христа, он не сказал себе никогда: что же мы поставим вместо Него, неужели себя, тогда как мы так гадки. Нет, он никогда не задумывался над тем, что он сам гадок» [14]. Его раздражали прогрессисты, «иссушенные либерализмом», которые кичатся своим атеизмом. Раздираемым сомнениями умам радикалов противопоставлял душевный мир, которым обладают простые верующие и т. п.

Все отмеченное — достаточно веское объяснение, почему автор «Бесов» никогда не отделял веру в Бога от веры в Личность Христа. Бог, торжествовавший в его душе, не идеологема, не безличное, хотя и Высшее начало, но Сын Челове-

ческий, обладающий двуединой природой. И в этом с ним сходен Ницше, хотя логика рассуждений немецкого философа основана на негативизме.

Объявить Бога умершим («Веселая наука») мог только человек, верящий в Него как в Личность, Чьи черты запечатлены в Евангелии и веру в Которого сообщает Церковь. И у русского писателя, и у немецкого философа речь идет об одном и том же Боге – Иисусе. Но если у Достоевского за Христом стоят прошлое, настоящее и будущее, то у Ницше – только прошлое. Откликнувшись на Евангелие «Заратустрой», «Антихристом» и сочинением «Се человек», Ницше старался изобрести противовес Христу и оказался жертвой собственных богопротивных намерений.

Он не отрицал, что «Заратустра» – это повторение Нагорной проповеди, попытался сочетать Диониса с Иисусом, пародировал Тайную Вечерю. Разумеется, подобные эксперименты не могли пройти безнаказанно.

Однако любопытно: Ницше (на что обратил внимание В. В. Дудкин) выписывает следующие слова Кириллова: «Я еще только бог поневоле, и я несчастен, ибо обязан заявить своеволие. Все несчастны потому, что все боятся заявить своеволие. Человек потому и был до сих пор так несчастен и беден, что боялся заявить самый главный пункт своеволия и своевольничал с краю, как школьник. Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь. Страх есть проклятие ч е л о в е к а» [15]. Комментируя эту выписку, В. Дудкин замечает: «У Достоевского выделено слово “обязан”, Ницше акцентировал последние слова о страхе» [16].

На первый взгляд, продолжает В. Дудкин, образ Кириллова вписывается в семантическое поле «сверхчеловека». «По-кирилловски» звучат и некоторые афоризмы Заратустры: «Но открою вам все сердце свое, друзья мои: если бы боги существовали, как бы вынес я, что не бог? Итак, никаких богов нет! Бог – это вымысел: но кто испил бы всю муку этого вымысла и не умер?» [17]. Или: «Умерли все боги: ныне хотим мы, чтобы жил Сверхчеловек» [18]. Исследователь приводит ряд других совпадений: Кириллов занимается обоснованием законности самоубийства, а в «Заратустре» есть глава «О вольной смерти». Заратустра не устает повторять о том, что человек – это «мост», Кириллов – инженер по строительству мостов и др. [19] Тем не менее тождества между героями Достоевского и пророками Ницше нет и не может быть в силу указанных причин.

Любовь к Христу вольно или невольно передается у Достоевского даже тем героям, которые по логике должны быть далеки от нее (в лучшем случае). Это понял Алеша Карамазов, слушая откровения Ивана, способные довести до

душевных судорог. Слушая безмолвно, предельно переживая, несколько раз он хотел перебить брата, но сдерживался. Однако в конце концов воскликнул: «Но... это нелепость! – вскричал он, краснея. – Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того» [20]. Такая любовь атеиста вряд ли является преднамеренным итогом изощренного умения. Скорее она произвольна, без принуждения. Как бы то ни было, Достоевский раскрывает здесь глубинные недра сердца персонажа. И сам Иван, как он в конце концов признает, поражен величием и истинностью Спасителя.

Красноречиво также молчание Христа, которое явно тяготит Великого Инквизитора. Но и мы зададим вопрос: почему в самом деле Он молчит? Разве Слово – не Его орудие? Ответ очевиден, если мы обратимся к традиции восточно-христианского исихазма: глубокая в своей сокровенности религиозная вера не поддается словесному выражению. Великий же Инквизитор спорит, доказывает, раздражается, уговаривает именно потому, что не обладает Истиной. А против бессловесности Христа все доводы бессильны.

Произведения Достоевского изобилуют безбожниками. Но это безбожники «разного уровня», ставшие таковыми по разным причинам, в том числе – и по меркантильным. К последним относится Федор Павлович, отец братьев Карамазовых, совершенно уверенный в том, что это он убедил Ивана, что нет ни Бога, ни бессмертия. Однако, по сути, вопрос этот его беспокоит отнюдь не по идеологическим соображениям. В самом деле, если нет никакого Бога, то, значит, есть основания избавиться от монахов, чьи земли по соседству с его владениями. Старик явно растерялся, оказавшись между «прогрессом», который следовало бы подгонять, и «цивилизацией», которую надо укреплять. Свою совесть он успокаивает очередной рюмкой. Это один тип атеиста, если так можно выразиться, атеиста на бытовом уровне. Разумеется, ни о каком *человекобоге* Федор Карамазов не собирается помышлять.

Раскольникова можно считать наиболее наивным из «человекобогов» Достоевского. Петербургский студент, ютящийся в комнатенке, похожей на гроб, вынашивает «капитальную идею». Она становится темой статьи, которая попадает много позже к судебному следователю Порфирию Петровичу, и Раскольников кратко излагает суть размышлений, истолковывая их в умиротворяющем духе. По Раскольникову, люди делятся на два разряда: на «низший», материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и на собственно людей, могущих сказать человечеству новое слово. Первые не должны ничего, как только повиноваться; вторые мо-

гут преступать закон, разрушая настоящее во имя лучшего будущего. Следовательно, в этом случае речь должна идти об идеологическом (теоретическом) атеизме. Страшные последствия этой теории на практике не были учтены героем. Поэтому, как только свершилось убийство и он осознал истинную реальность происходящего, стал оправдываться, исходя из теоретических постулатов: не человека убил я, а принцип. Раскольников так и не смог стать «истинным хозяином, которому все позволено»: уже потом, когда он сознается и окажется на каторге, эта мысль будет мучить его, пожалуй, больше других. Он поставил опыт, и результат эксперимента обернулся против самого героя.

Раскольников пересматривает свою историю, воспринимая ее как кошмар, в котором так никогда и не удастся раскаяться. И хотя он жаждал покаяния, оно не приходило. Голова была занята другими вопросами: Зачем он *тогда* себя не убил? Зачем предпочел явку с повинной? Неужели так трудно преодолеть желание жить?

Напомним, что Ницше считал преступление залогом человеческого величия. С этой точки зрения Раскольников – ницшеанец, но ницшеанец слабый, немощный, в нем слишком мало от Наполеона и Магомета. Скорее всего, под настойчивым воздействием Сони сердце приговоренного возродится к жизни, и он начнет искать истинное раскаяние.

Ницшеанца же в полном смысле этого понятия частная неудача петербургского студента не заставила бы поставить под сомнение правоту самой идеологии. Характер, закалившись, сможет выдержать преступление, и воля к власти будет удовлетворена. «Смогу ли я переступить или нет?» – вполне ницшеанская формула.

Однако закономерно, что и другие персонажи Достоевского, одержимые люциферовской гордыней, более сильные и последовательные, чем петербургский студент, также терпят поражение. Ставрогин свое существование завершает самоубийством, и это самоубийство не столько физическое, сколько духовное, произошедшее от нежелания наслаждаться своей опустошенностью. К неверующему в Бога Ивану Карамазову приходит черт, дух лжи. Не важно: обман ли это зрения или призрак, родившийся в больном уме. Важно то, что фантом-двойник ведаёт тайные мысли героя, главная из которых – мысль о позволительности стать «новому» человеку человекобогом, чтобы «в новом чине, с легким сердцем» преодолеть любую нравственную преграду «раба-человека».

Однако ни у кого искушение, похожее на ницшеанский соблазн, не проявляется столь явственно, как у Кириллова. При этом учтем, герой не чужд мистике. Зажигая ночник перед иконой, он

испытывает чувство мистического страха-любви, хотя, оправдываясь, говорит, что возжигает огонь в память о старой женщине. Он жаждет самоотречения и, решаясь на самоубийство, идет на это в сознании свершаемого долга. Крайняя форма безбожия сопряжена, таким образом, с альтруистическими наклонностями. *Атеист-безумец* – так можно охарактеризовать этот тип. И Достоевский показал, что в подобном атеизме также налицо обреченность на неудачу. В самом деле, постулаты, из которых исходит Кириллов, как будто логически просты: «Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен. Теперь все боль и страх. Теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит. И так сделали. Жизнь дается теперь за боль и страх, и тут весь обман. Теперь человек еще не тот человек. Будет новый человек, счастливый и гордый. Кому будет все равно жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам бог будет. А тот Бог не будет» [21].

Новая, вторая фаза человеческой истории и есть фаза человекобожества, чтобы она началась, надо убить страх перед смертью, т. е. убить себя, чтобы убить Бога.

И здесь вновь возникает имя Ницше, который полностью реабилитировал самоубийство, утверждая, что философски его опровергнуть невозможно. Конспектируя и комментируя роман «Бесы», Ницше выписывает следующие слова Кириллова, в которых он оправдывает свой уход из жизни: «<...> это спасает людей и в следующем же поколении переродит физически ибо *в теперешнем физическом виде*, сколько я думал, *нельзя быть человеку без прежнего бога никак*. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою» [22]. (Курсив наш. – О. К.)

«*Сверхчеловек – не бог*. «Вы можете создать Бога? – Риторически вопрошает Заратустра. Так не говорите тогда ни о каких богах! Но Сверхчеловека создать можно» [23]. Анализируя подобные афоризмы, В. В. Дудкин замечает, что Заратустра подчас говорит так, словно пересказывает «Бесов» [24] (Курсив наш. – О. К.).

Более того, с точки зрения Ницше, Христос сам провоцирует свою гибель («что делаешь, делай скорее»), он «еще торопит весь этот ужас», т. е. его убийство есть в какой-то степени и самоубийство [25]. Интересно также, что немецкий философ называл Христа «политическим преступником», «анархистом», произносившим речи, «за которые и сегодня упекут в Сибирь» [26]. «Слово “Сибирь” – это еще один след “фона” Достоевского» – пронизательно замечает В. В. Дудкин [27].

Как говорилось выше, некоторые западноевропейские исследователи видят «мышкинские»

черты в ницшеанской интерпретации Христа. Но они есть и в Кириллове: детская улыбка, любовь к детям, а дети любят его (при виде Ставрогина начинают плакать). Так что «мышкинские» черты в ницшевском Христе могли иметь и другой источник – «Бесов». В. В. Дудкин заметил еще одно совпадение «Бесов» и «Антихриста». Решив пойти на самоубийство, Кириллов объясняет Ставрогину, что это не мешает ему любить жизнь. Сопоставим диалог героев Достоевского с размышлениями Ницше.

Кириллов: «– Жизнь есть, а смерти нет совсем».

Ставрогин: «– Вы стали веровать в будущую вечную жизнь?».

Кириллов: «– Нет, не в будущую вечную, а в здешнюю вечную. Есть минуты, вы доходите до минут. И время вдруг останавливается и будет вечно <...> Когда весь человек счастья достигнет, то времени больше не будет, потому что не надо» [28].

У Ницше сказано следующее: «Понятие о естественной смерти вообще отсутствует в Евангелии: смерть – не мост, не переход, совсем нет смерти, потому что она принадлежит лишь кажущемуся миру <...> И “смертный час” – тоже не христианское понятие; для проповедывающего “радостную весть” нет “часа”, нет времени, нет и физической жизни с ее кризисами» [29]. Только, – пишет исследователь, для Кириллова смерть – реальность, «тогда как для Христа Ницше она – призрак, атрибут фиктивного мира» [30]. Возможны и другие точки соприкосновения и расхождения русского писателя и немецкого философа.

Кириллов – одновременно и теоретик, и практик человекобожеской идеологии. Он намерен провозгласить человекобога, чтобы доказать людям *напрасность жертвы человекобога*. Отсюда его девиз: «Нет в мире никакой тайны, которую не следовало бы разоблачить <...> Я выкажу свою волю; я заставлю твердо поверить, что я не верую. Я научу, я кончу и я отворю врата. И я спасу. Этим только спасутся все люди и преобразятся телесно в ближайших поколениях; ибо в их нынешнем телесном состоянии пока, как мне кажется, человек не может превзойти старинного Бога...» [31]. Это и есть позиция *сверхчеловека*. Во многом герой «Бесов» похож на Раскольникова, но он более одержим своей идеей, хотя бы потому, что Раскольников решился убить другого, а Кириллов – себя. Именно поэтому смерть Кириллова противоположна смерти Христа. Как пишет Н. Бердяев, «Христос исполнил волю Отца. Кириллов исполняет свою волю <...> Христос открывает вечную жизнь в ином мире. Кириллов хочет утвердить здешнюю вечную жизнь <...> Путь Кириллова оканчивает-

ся смертью и не знает Воскресения. Смерть торжествует на пути человекобога <...> В Кириллове Достоевский показывает последние пределы человекобожества, внутреннюю гибель идеи человекобога <...> обнаруживается внутренняя гибельность человекобожества для образа человека» [32].

Критика рационализма и безрелигиозного гуманизма, осуждение позитивистских теорий прогресса, нетерпимость к идее безраздельного царствования точных наук и нелепых утопических проектов, презрение к цивилизации, которая цела снаружи и треснула внутри, предчувствие грядущей катастрофы – все эти черты были присущи не только русской, но и западноевропейской мысли, что мы видели на примере сопоставления Достоевского с Ф. Ницше. Параллель прослеживается весьма отчетливо: если Ницше восставал против ханжеской буржуазной морали, то Достоевский отрицал то, что называл «женевскими идеями». И тот и другой предсказывали гибель рационализма; иконоборческий пафос германского мыслителя играл ту же роль, что и апокалиптические пророчества русского автора. Засилье научного позитивизма и атеизма привело к тому, что человечество по сей день ищет надежного духовного убежища, желая вырваться из тюрмы современной цивилизации. Известны презрение Ницше к счастью, а также та важная роль, которую он придавал страданию и болезни в формировании духовного героизма. И точно так же Достоевский полагал, что не озабоченный высшими материями человек, считающий себя здоровым, приговорен к заурядному существованию и ограничен рамками заурядной повседневности. Все семейство Карамазовых, изображение которого выражает авторскую позицию, одержимо «жаждой жизни», «бешеным алканием жизни», которое часто принимает уродливые формы, объясняемые именно чрезмерностью, интеллектуальным и эмоциональным «зашкаливанием» персонажей. Родственность критики объясняется, как мы видим, рядом общих мировоззренческих установок. На наш взгляд, во многом прав Л. Шестов, который пытался доказать, что Достоевский был ницшеанцем задолго до появления этого понятия [33]. Но, конечно, под ницшеанством следует понимать не расхожие и потому искаженные представления о сверхчеловеке как «белой бестии», но весь тот комплекс антибуржуазных и антипозитивистских идей, о котором говорилось выше.

Оба – и немецкий философ, и русский писатель – не усыпляли человеческую совесть, обещая райские кущи на земле, они показывали людей такими, какими они являются в действительности, проклиная лживость великих мечтателей. Оба доказали и своим творчеством, и сво-

ей судьбой, что, противясь Богу, человек восстает против смысла мира сего и всей человеческой истории, высшее назначение которой – быть ступенью к Царству Небесному. Афоризмы Ницше и великое пятикнижие Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы») созданы по принципу *pro et contra* и менее всего предполагают безапелляционность ответов на поставленные вопросы. В поисках истины человек должен отринуть путь духовной безмятежности и бесцельного прожектерства.

Но если Достоевский вкладывает богоборческие пассажи в уста своих героев, то Ницше как бы сам становится в этот ряд, будучи одним из них.

Примечания

1. Кантор В. К. Достоевский, Ницше и кризис христианства в Европе конца XX века // Вопросы философии. 2002. № 9. С. 54–67.
2. Дудкин В. В. О влиянии Достоевского на Ницше // Достоевский и современность: тез. выст. на «Старорусских чтениях». Ч. 2. Новгород, 1991. С. 48.
3. Ницше Ф. Из наследия // Иностранная литература. 1990. № 4. С. 195.
4. Дудкин В. В. Указ. соч. С. 48.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 10. С. 471.
6. Там же. С. 470.
7. Там же. Т. 11. С. 10.
8. Там же. Т. 14. С. 240.
9. Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 1. На весах Иова (Странствования по душам). М., 1993.
10. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага, 1923. С. 30.
11. Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 28. Кн. 1. С. 158–159.
12. Там же. С. 179.
13. Там же. С. 176.
14. Там же. Т. 29. Кн. 1. С. 215.
15. Ницше Ф. Указ. соч. С. 192.
16. Дудкин В. В. Указ. соч. С. 50.
17. Ницше Ф. Указ. соч. С. 74.
18. Там же. С. 68.
19. Дудкин В. В. Указ. соч. С. 51.
20. Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 14. С. 23.
21. Там же. Т. 10. С. 198.
22. Ницше Ф. Указ. соч. С. 192.
23. Там же. С. 73.
24. Дудкин В. В. Указ. соч. С. 51 и сл.
25. Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж. П. Сумерки богов. М., 1989. С. 46.
26. Там же. С. 44–45.
27. Дудкин В. В. Там же. С. 53.
28. Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 10. С. 188.
29. Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж. П. Указ. соч. С. 53.
30. Дудкин В. В. Указ. соч. С. 54.
31. Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 10. С. 472.
32. Бердяев Н. Смысл творчества. М., 2004. С. 512.
33. Шестов Л. Указ. соч. С. 69–109.

УДК 82(091)

Т. В. Щербакова

ТРАКТОВКА ГЕРОИЧЕСКОГО КОДЕКСА В ТРАГЕДИИ «СПАСЕННАЯ ВЕНЕЦИЯ» Т. ОТУЭЯ

В статье на основе текстологического анализа трагедии Томаса Отуэя «Спасенная Венеция» выявляются отклонения от героического кодекса, характерного для пьес периода Реставрации, в результате которых возникло новое направление в английской драматургии.

The article reveals on the basis of textual analysis that Thomas Otway in his tragedy «Venice Preserved» has radically departed from the heroic world view typical to Restoration plays and has given them a new direction in English drama.

Ключевые слова: героический кодекс, «Спасенная Венеция», Томас Отуэй, период Реставрации, жанр трагедии.

Keywords: heroic code, «Venice Preserved», Thomas Otway, Restoration, tragedy genre.

Театр и драматургия Англии периода Реставрации отличались ярко выраженной политической тенденциозностью и чутко реагировали на все происходящие в стране события и процессы. В определенной степени все постановки этого периода содержат в завуалированной форме «сюжеты» общественной и политической жизни государства. В художественном плане они представляли собой пеструю картину разнородных эстетических пристрастий и устремлений.

С одной стороны, «Спасенная Венеция, или Раскрытый заговор», шестая и последняя из трагедий Томаса Отуэя (1652–1685), была поставлена на сцене Дорсет Гардена 19 февраля 1682 г. и стала выражением политического кризиса 1678–1682 гг. [1] С другой стороны, этой и несколькими более ранними пьесами («Дон Карлос» 1676, «Сирота» 1680) Отуэй дал трагедии периода Реставрации новое направление, которое станет очевидно через поколение в творчестве Николаса Роу (1674–1718). Может показаться, что дилемма главного героя напоминает ситуацию выбора между любовью и честью, типичной для героической драмы, но герои Отуэя отличаются от героев Драйдена: они больше страдают, чем действуют. Акцент смещается на судьбу и обстоятельства, которые наносят удары по благородному и честному герою, который не может справиться с силами, ополчившимися на него.

В 1678 г. никому не известный Тит Оутс под присягой заявил о заговоре католиков, будто бы замышлявших убить короля и возвести на пре-

стол его брата Якова. Парламент исключил из своего состава всех католиков, объявил Якова лишенным прав на престолонаследие и требовал суда над министрами. Карл распустил парламент, который из крайне роялистического превратился под конец чуть не в революционный, и назначил новые выборы. В новой палате оппозиция вновь получила большинство, и сформированный ей кабинет во главе с Шефтсбери продолжал требовать от короля устранения Якова от престолонаследия. Но в этом вопросе король выказал несвойственную ему твердость и снова распустил парламент, который, прежде чем разойтись, издал 27 мая 1679 г. знаменитый «*Nabeus Corpus Act*», ограждавший личную неприкосновенность граждан. Шефтсбери был лишен своих должностей. Однако и следующий парламент оказался малостоворчивым, и в ноябре 1680 г. нижняя палата вновь приняла билль о лишении Якова права на престол, но палата лордов отвергла его. Приверженцы билля сплотились вокруг герцога Йоркского и получили название вигов, а противники его, сторонники короля, стали известны под именем тори. В январе 1681 г. король смог назначить перерыв в работе беспокойного парламента. Немногие проникательные люди понимали суть происходящих событий, для большинства англичан стране грозило вторжение Франции, Испании, Ирландии и Уэльса, которые хотели убить короля, сжечь Лондон, казнить протестантов и восстановить Римскую католическую церковь. Под угрозой террора Англия стала чрезвычайно протестантской.

Все это время Отуэй был с армией за границей и, вернувшись в Англию в начале 1679 г., застал нацию на пике антикатолической паники. В феврале 1679 г. в разгар народных волнений появилось второе издание перевода на английский язык «Истории испанского заговора против республики Венеции» Цезаря Вишарда, аббата из Св. Риала [2]. Однако весной 1679 г. Отуэй был занят другими проектами, в частности он заканчивал трагедию «Сирота», которая была поставлена в марте 1680 г. Только после этого он приступил к работе над «Спасенной Венецией».

В это время в театре произошло событие, имевшее важное значение для пьесы Отуэя. В 1678 г. в театр Дорсет Гарден пришел Натаниэль Ли и поставил три безобидные пьесы, затем он поддался настроениям вигов и в декабре 1680 г. выпустил пьесу о республиканском заговоре в Древнем Риме – «Люций Брут». К несчастью для Ли, только что в ноябре был отвергнут второй Билль об исключении, и время было неблагоприятным для представления республиканского идеализма. Пьеса была запрещена к постановке на сцене из-за «очень резких выражений и выпадов про-

тив правительства» и слишком сочувственного изображения мятежника. За более чем годовой промежуток между премьерами «Брута» и «Спасенной Венеции» у Отуэя было достаточно времени, чтобы извлечь урок из фиаско своего коллеги-драматурга. Пьеса Отуэя имела ярко выраженную антивиговскую направленность, и не существовало опасности, что ее постановку запретят. Действительно, на премьере «Спасенная Венеция» получила королевскую поддержку, а впоследствии ее называли «пьесой тори», и даже манифестом партии [3].

Сюжет пьесы свидетельствует о стремлении Отуэя расширить содержательную сферу трагедии. Равновеликое внимание он уделяет как индивидуальной судьбе героев, так и общественной среде, социально-бытовым обстоятельствам. Двое друзей, Джаффиер и Пьер, участвуют в заговоре против Венецианской республики. Джаффиер, поддавшись уговорам своей жены Бильвидеры, выдает друга и остальных заговорщиков Сенату с условием, что им сохранят жизнь, но их приговаривают к смертной казни. На эшафоте в качестве искупления своей вины Джаффиер закалывает Пьера и себя. Бильвидера сходит с ума. Заговор раскрыт, сенат спасен. Таким образом, параллельно истории любви и семейной жизни Джаффиера и Бильвидеры развивается, переплетаясь с ней, история антиправительственного заговора.

В «Спасенной Венеции» находят воплощение две линии развития трагедийного жанра, тяготевшие к определенной дифференциации в драме Реставрации: героическая пьеса и любовно-психологическая. Если в пьесах, предшествовавших «Спасенной Венеции», в пределах одного произведения можно обнаружить жанровую доминанту каждого из отдельных жанров, то в этой пьесе Отуэй приходит к художественному синтезу двух жанровых начал [4].

Положение, в котором оказывается главный герой, во многом напоминающее противостояние любви и чести в героических драмах, заставляет некоторых исследователей считать, что трагедия просто повторяет форму героической драмы [5]. Действительно, Отуэй сохраняет основные черты героической драмы, которые, согласно Драйдену, сводятся к эпически возвышенному стилю и глубокому конфликту любви и чести в душе великого человека [6]. В центре трагедии конфликт любви и чести, она изобилует клятвами в дружбе и во многом основывается на героической концепции личной чести. Однако в изображении характеров, их отношений, мотивов и действий Отуэй выходит за рамки героического кодекса.

Говоря о мотивах поступков своих героев-заговорщиков, Отуэй удержался между двух крайностей, каждая из которых могла бы разрушить

его пьесу в 1682 г. Два его героя участвуют в заговоре, но, очевидно, что, с одной стороны, они делают это не по политическим причинам, что напоминало бы политику вигов, а с другой стороны, нет оснований полагать, что они делают это без каких-либо причин, как простые солдаты удачи, жаждущие добычи, которую обещает государственный переворот. У героев-заговорщиков есть причины, но они личного характера и основываются на кодексе чести. Все главные герои стремятся соответствовать этому кодексу.

В самой первой сцене Джаффиер сообщает, что жил жизнью героя и описывает спасение Бильвидеры. Когда Пьер просит у него помощи в заговоре, он отвечает: «Я выполню любую самую тяжелую задачу чести» (II, 148) [7]. Но уже в третьем акте Джаффиер начинает сомневаться в преданности заговорщиков, задаваясь вопросом, по своей ли воле они вступили в заговор. После того, как он узнает, что предводитель заговора Рено пытался изнасиловать Бильвидеру, он говорит:

Небеса! Где я? Окружён отвратительными друзьями,
Которые ждут момента, чтоб проклясть меня: что
за дьявол человек,
Когда забывает о своей природе. (II, 302–304)

Вступив в предательский заговор, Джаффиер утратил свой героизм, но попытался восстановить его. Он выполняет последнюю просьбу своего друга и убивает его на эшафоте.

Сам Пьер постоянно заявляет о приверженности героическому кодексу. Так, стоя перед Сенатом в оковах, он обращается к сенаторам:

Пока Вы, великий Герцог, дрожите в своем Дворце...
Разве не я вышел вперед и показал вашим распу-
щенным венецианцам
Урок чести и путь к величию? (IV, 236–240)

Большинство зрителей и читателей принимали его пылкость и храбрость за настоящий героизм. Человек целеустремленный и храбрый, он кажется полностью положительным героем, чрезвычайно остро чувствующим зло и несправедливость жизни. В своем первом появлении он раскрывает перед Джаффиером мир всеобщего лицемерия и врожденной человеческой жадности. Кажется, его предназначение – улучшить человечество. Все же его виденье мира затуманено отношением к заговорщикам, его верой в то, что они преданы «цели». Он так захвачен предстоящими событиями, что отказывается увидеть зло, скрывающееся в заговоре, и не хочет осознать, что вступил в заговор только по личным причинам – Антонио завоёвывает его возлюбленную и подает жалобу в Сенат, который публично

осуждает его за превышение сенаторской «привилегии». Накануне казни Пьер отказывается от исповеди священнику, поскольку думает, что священник желает «ввести мой разум в заблуждение» (V, 384–385). Он чувствует, что прожил хорошую жизнь, потому что никогда не нарушал мир с небесами, он не верит в жестокость, грабеж, лжесвидетельство и мерзкий обман (V, 376–377). Только он не может признать, что, если бы заговор успешно осуществился, то он оказался бы ответственным за те преступления, которых пытался избежать.

Даже прекрасная Бильвидера чувствует на себе всю тяжесть героического кодекса, и ее нельзя назвать совершенством. Ее любовь к Джаффиеру неизменна, но она не может понять причину, которая толкает Джаффера на участие в заговоре, поскольку она одна из всех героев видит насквозь сущность заговора. Узнав о нем, она предчувствует конфликт любви и долга: любви к мужу и долга перед отцом, но повинуется последнему и убеждает мужа раскрыть тайну заговора. В заключительном акте она лжет, когда просит у отца прощения для Пьера. Она не говорит, что хочет помилования Пьера, чтобы сохранить спокойное будущее для себя и Джаффиера. Вместо этого она играет чувствами отца, заявляя, что Джаффиер убьет её, если она не исполнит его волю (V, 80–111). Кроме того, она не понимает, что они не смогут вернуться к прежней жизни после его предательства (V, 275–278). Даже притом, что она талантлива в мастерстве убеждения, ей не хватает способности понимать чувства людей.

Заговорщики, в целом, представлены неоднозначно. С одной стороны, они искренне желают ликвидировать тиранию, взяточничество, разврат правительства, они стремятся к идеалу – «всеобщему благу». Когда их казнят, все они мужественно принимают смерть. С другой стороны, Джаффиер осознает, что организаторы заговора сами не до конца уверены в своих действиях. В первом же разговоре их намеки свидетельствуют о неуверенности. Пьер упоминает Брута как «отважного человека», и Рено подхватывает эту мысль, практически пародируя заговор:

Да, и Катилина тоже:
Его оклеветали: он вступил в заговор,
Чтобы поддержать пошатнувшуюся славу своей
страны;
Цель его была благородна... (II, 247–250)

Даже если храбрость Брута можно оправдать, то Катилина далек от совершенства. Таким образом, заговорщики осуждают сами себя и подтверждают это собственными обличительными речами.

Даже злодеи у Отуэя имеют зачатки достоинства. Приули появляется в первом акте как беспощадный гонитель своей дочери и ее мужа, но в заключительном акте он смягчается и заявляет: «Я буду впредь настоящим отцом» (V, 116). Сенаторы, такие, как Антонио, представлены развращенными личностями, они используют предательство и злоупотребляют доверием, но могут иногда действовать и благородно. Когда разоблачают заговор, Приули от лица Сената смело заявляет:

Не дадим убить себя безмолвно, а поступим так,
Чтобы сказали люди по прошествии лет,
Что уничтожено не наше достоинство, а только
мы. (IV, 126–128)

Герои Отуэя живут в мире, где добро и зло неразрывно связаны, где человеческий разум не всегда способен отличить их, и этим объясняется двойственность их характеров.

В героической драме невозможен отказ героя от своего слова, в «Спасенной Венеции» количество преданных обетов поразительно. Например, Джаффиер в I акте клянется мстить за горе Бильвидеры, изгнанной из дома, в действительности же дает ей ещё больший повод для печали: отдает ее заговорщикам в качестве залога своей добросовестности, осознавая, что в случае если он окажется недостойным их доверия, её казнят. Несмотря на предательство Джаффиера, казнь не происходит. Бильвидера уверяет мужа, что сохранит любую тайну, гнетущую его, но когда узнает о заговоре, то умоляет мужа немедленно раскрыть его. Сенаторы клянутся простить заговорщиков в обмен на признание Джаффиера, но нарушают слово и вешают заговорщиков. Пьер клянется никогда больше не иметь «ничего общего, в том числе и дружбу» с Джаффиером (IV, 365), но в следующем акте они примиряются.

Таким образом, радикальным отходом Отуэя от героического взгляда на мир стал тот факт, что чувства его героев не находятся под абсолютным контролем разума, они вступают в борьбу с силой воли и часто побеждают ее.

Успех «Спасенной Венеции» был незамедлительным и продолжительным [8], в том числе и из-за политического подтекста, который был весьма интересен зрителям эпохи Реставрации, а сама пьеса учила, что заговор против правительства — грех и зло чрезвычайной тяжести, и что он безоговорочно карается смертью.

«Спасенная Венеция» Отуэя неоднократно признавалась одной из самых прекрасных трагедий периода Реставрации и стала итогом творческих исканий и высшим достижением автора в трагедийном жанре [9].

Примечания

1. *Roswell G. H.* Otway and Lee. New Haven, 1931. P. 185.
2. *Taylor A. M.* Venice Preserv'd // Restoration drama: modern essays in criticism. N. Y., 1966. P. 198.
3. *Taylor A. M.* Next to Shakespeare. Durham, 1950. P. 39–40.
4. *Микед Т. В.* Жанрово-стилевое своеобразие драматургии Т. Отвея: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1987. С. 11.
5. *Sypher W.* Four stages of Renaissance style. N. Y., 1955. P. 263.
6. *Dryden J.* An essay on heroic plays // Essays of John Dryden / ed. by W. P. Ker. Oxford, 1900. Vol. 1. P. 150.
7. *Otway T.* Venice Preserved // Restoration Tragedies ed. by J. Sutherland. Oxford, 1977. Все последующие ссылки на это издание с указанием действия и строк.
8. Профессор Гош дает подробный отчет о театральной истории пьесы: *The works of Thomas Otway / ed. by J. C. Gosh.* Oxford, 1932. Vol. I. P. 54–56.
9. *Gosh J. C. P.* 60; *Ebb J. D.* The principle of poetic justice illustrated in Restoration tragedy. Salzburg, 1973. P. 140; *Johnson S.* The Critical Heritage. L., 1971. P. 313.

УДК 821.161.1-311.1

Ю. В. Булдакова

ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ЖАНРОВОЙ СТРУКТУРЕ ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ)

В статье представлен анализ проявлений лирического начала как элемента сложной дискурсивной структуры дневникового текста: от онтологических основ стиля до художественно-эстетической функции детали, синтаксиса и графики.

The article presents the analysis of display of lyric basis as an element of the complex structure of a text of a diary: from ontological basis of style to artistic-and-aesthetic functions of detail, syntax and script.

Ключевые слова: лирическое начало, дневник писателя, литература русского зарубежья.

Keywords: lyrical genre; writer's diary; Russian-language literature abroad.

Субъектно-объектная организация дневника писателя предполагает особое проявление синтета жанровых структур в системе его поэтики. Это относится и к формам лиризма, который, в отличие от субъективности классического дневника, связывает текст дневника писателя с традицией художественной литературы. А для писателей с уже сложившейся писательской мане-

рой дневник становится особенно пронизан для художественно-стилевых доминант их творчества.

Поэтому восприятие явлений и событий в дневнике приобретает не просто субъективный характер, но и художественно-символический подтекст. Одной из форм выражения художественной символизации в дневнике писателя является особый тип хронотопа. Его специфика заключается в близости к феномену лирического хронотопа: объективное время дневника дополняется субъективно-лирическим типом времени. В дневнике писателя время пульсирует: то растягивается, вмещая в себя и прошлое, и будущее, то сжимается до мгновения. И в этом мгновении автор дневника различает множество деталей окружающего мира. В художественном пространстве дневниковой прозы «лирический» тип времени выражается в ретроспекциях, хронологических деформациях, использовании приема «потока сознания», лирической рефлексии окружающего мира.

Ретроспекции связывают дневник писателя с художественной прозой – как с ее драматическим, эпическим (сюжетность, объективация автора, диалоги, ремарки), так и с лирическим началом (рефлексия изображенных событий, субъективное восприятие и оценка событий прошлого, субъективные ассоциации с ретроспективными фрагментами). Поэтому в ретроспективных фрагментах субъективную окраску получают художественное время и пространство.

Такое субъективно-лирическое время-пространство возникает в дневнике И. А. Бунина. Так, ретроспективная часть записи 1922 г. вызвана ассоциативной связью двух событий: смертью брата Ю. А. Бунина в одиночестве и ощущением одиночества самого И. А. Бунина в момент создания записи в дневнике. Контраст между прошлым (молодость, друзья-единомышленники) и настоящим (зрелость, разлука с братом) подчеркивается противопоставлением элементов пейзажа (дождь – солнце). Последовательность субъективных деталей реальности организует время («пятый час»), пространство («солнце, Арбат»), человека в этом художественном пространстве («толпа»), движение («идем к Юлию») [1]. Конкретные знаки хронотопа выстроены в последовательности от абстрактного времени к конкретике движения – тем самым создается эффект «потока сознания», суггестивности, непосредственных впечатлений автора дневника, спонтанной речи.

По такому же принципу ассоциативной связи ретроспективного фрагмента и основной части дневниковой записи построен портрет Л. Андреева в дневнике И. А. Бунина [2]. Соединение конкретных, натуралистичных деталей («стискивающий зубы»), необычных цветовых эпитетов

(«синеватые волосы»), избыточность («грива волос»), необычные, непривычные сочетания качеств («умные», «сметливые», «строгие» глаза, «играющие тайным весельем») создает импрессионистический, модернистский портрет (субъективность в передаче объективных черт внешности). Антитеза в образе Андреева – на публике и в интимной беседе – соотносится с трагедией России. Этот символизм судьбы героя и судьбы страны также возникает из портрета: подчеркнутые восточные, азиатские черты внешности и характера Андреева, которые отсылают к образу кочевника (живой, сильный, дерзко уверенный в себе, синеватые волосы, смуглый цвет лица, блеск глаз, юность), позволяют противопоставить восточное и западное начала в культуре России. Причем западное, европейское оценивается отрицательно и ассоциируется с образом М. Горького («дживая и напыщенная атмосфера, что дошла до России из Европы»). Символический смысл портрета определяется субъективным началом дневника И. А. Бунина и является выражением лирического начала. Символичность фрагмента определяет его лирический характер, отражает субъективное восприятие И. А. Буниным истории России, причин эмиграции.

Ретроспективный фрагмент может включать и элементы драматического диалога (как, например, в дневнике З. Н. Гиппиус). Но при этом авторкомментарии («еще бы!», «допустить грубое “желание” – тоже глупей глупого, слава Богу, что я на “мужчинский” вкус из себя представляю?»), стиль реплик позволяют видеть здесь лирическое начало. Графические средства письменной речи (многоточия, тире, восклицательные и вопросительные знаки, выделение абзацев), парцелляции, вставки («это было, в сущности», «в его интуитивной силе, утешающей и поддерживающей», «его собственное объяснение, очень индивидуальное, свойское»), инверсии («я не понимаю близости духовной только») передают субъективное восприятие событий, их индивидуальную интерпретацию и осмысление («он в меня не влюблен», «он, не понимая, ответил») [3].

Субъективно окрашенные художественные детали – характерная черта ретроспективных фрагментов З. Н. Гиппиус (сирень и соловьи в Мордах, звук каблучков, Карла «в предчувствии материнства») [4]. Описываемая ситуация получает определенное индивидуально-личностное восприятие из-за психологического параллелизма, эффекта синестезии, ассоциативности деталей. Явление синестезии вводит измененное пространство в ретроспективные фрагменты и позволяет говорить об их лирическом характере. Элементы пейзажа включают ассоциативно-лирические художественные детали для достижения эффекта суггестивности. Предельно личност-

ное, субъективное переживание событий, подчеркнутое стилем, создает особое художественное пространство, когда события личной жизни подаются как символические. С этой же целью используется тематический параллелизм (описание жизни и быта в Мордах соотносится с красотой природы; Рузя, «милая, нежная» – с веткой сирени, расцвет женщины во время беременности уподоблено цветущим кустам сирени). Образ сирени получает символическое значение гармонии мира и человека, женской красоты.

Противоположный символический смысл приобретают детали пространства (солнечный день, звук шагов, землястый тротуар) в другой записи; лирическое сознание автора дневника выражено с помощью постепенной конкретизации пространства (сад, ближайшая аллея, пересекающая сад аллея; пруд, землястый тротуар, звук шагов), экспрессивного синтаксиса (парцелляции) и графики (многоточия) [5]. Конкретика пейзажа, эмоциональные паузы создают контраст между ясностью, понятностью природы и запутанностью, незаконченностью отношений героев.

Художественные детали акцентируются цветовыми эпитетами, передающими индивидуальное восприятие реальности, сложные оттенки цвета в пейзажных зарисовках задают импрессионистический характер описаний [6]. Осязаемость предметного мира, соединенная с метафоризацией действительности, приводит к усложнению символического плана текста.

Пространственные трансформации, характерные для дневниковых пейзажных описаний, реализуют идею двоимирия, перехода в иномирие, что характерно для дневников писателей русского зарубежья. Так, образ открытого окна в дневниковых записях Б. К. Зайцева – символ перехода в мир гармоничной природы и мир прошлого: в ночном пейзаже появляются метафорические «окна» («звезды в глубине провалов, также открываются они»), метафора облако-ладья символизирует переход между мирами. Образ березовой щепочки с помощью метафор («дрожит», «монашенка», «девственница», «заступница», «французская сестра») получает символический смысл, связывает настоящее и прошлое в сознании автора [7].

Помимо расширения хронологических границ совершения дневниковой записи, время в дневнике писателя сжимается до мгновения. Ведущую роль в этих временных трансформациях играет подвижность пространственных образов. Лирический характер описаний придает субъективные ассоциации («солнечно, с шумом деревьев» [8]; «солнце, летние туалеты, эта влага рыбная и лопотание – вызывают дальнее и вечное» [9]), черты импрессионистского пейзажа, которые создают эффект суггестивности.

Импрессионистический характер создает синестетическое восприятие цвета («бледный лунный ледок, снеговая вершина не нашей планеты, или в Чистилище, под вечер, так освещает таинственный свет» [10]; «нарядное, с красненьким, веселое, легкое, беззаботное» (птица) [11]; «что-то церковное – густо насыпанные белого блеска огни в Сене – русск[ие] национал[ьные] флаги» [12]), оттенки («серое, чуть сиреневое небо» [13]; «розово-пепельные полосы на небе» [14]; «шелковисто-сиреневое, влажно дышащее, с белым кружевом море» [15]) и сложные цвета, в определении которых присутствуют нецветовые характеристики («светло-холодная струйка» [16]).

Лирический и импрессионистический характер описаний реализуется и в передаче динамики явлений (выбор времени суток – рассвет, закат, сумерки), объектов, данных в движении и изменении. Ощущение движения появляется с помощью средств синтаксиса: ряды однородных членов, инверсии (постепенное появление разных частей изображаемого объекта) [17]. Объекты в движении не просто позволяют передать мимолетные непосредственные впечатления реальности, но выражают идею перехода в иномирие.

Пространство иномирия создается с помощью инверсии – по контрасту с прямым порядком слов в предыдущих частях [18]. Использование инверсии в сочетании с тропами – эпитетами («пышущая зелень леса Булонского», «мгла серо-синешная») и метафорами («тусклое дыхание гиганта» – вечерний воздух, опал – лучи солнца) [19] – подчеркивает необычность объектов, их уникальность в окружающей действительности.

Для фрагментов, построенных по принципу «потока сознания», характерны средства экспрессивного синтаксиса. Лирический характер хронотопу здесь придают хронологические сдвиги (онтологическое время соединяется с внутренним восприятием времени). Но здесь, в отличие от ретроспекций, автор обращается не к прошлому, а к воображаемому будущему, либо выходит во вневременной план, ассоциативно связанный с моментом создания записи [20].

Лиризм «потока сознания» создается с помощью ритмически организованных синтагм. Ритм поддерживается анафорами («в злобу падаю, в боль одиночества, в омертвление»; «а потом опять, тихонько <...> а вот тебе пылинки. А ты их люби, как горы»), синтаксическим параллелизмом («Кому долго, как Илюше, тому хорошо. А кому не долго, тому плохо добывать»), парцелляциями («Без связи. Без цели. Так»; «Они – твое. Твоя доля», «Немножечко, немножечко»).

Существенное значение имеют также детали портрета («пухлая рука» священника [21]), изображение внутреннего мира героя («и угасают раны, боли, нет морщин» [22], «затрепетать от

власти его, унизиться перед ним, как перед Богом... почувствовать его как отца» [23]), лексических средств («под любящей материнской рукой безвинно *хрюснет* [курсив мой. – Ю. Б.] шейный позвонок» [24]).

При этом указанные художественные средства получают субъективное осмысление, индивидуальный символический смысл, который раскрывается в дальнейшем тексте записи.

Таким образом (по принципу ассоциативно-символической связи) лирические фрагменты встраиваются в текст дневниковой записи. Лирическое начало в дневнике выражается в трансформациях дневникового хронотопа, метафоризации, возможностях синтаксиса и графики. В этом случае сам автор дневника, описываемые события, люди и окружающая действительность теряют свою бытовую, сиюминутную значимость, приобретают символический подтекст.

Таким образом, лирические фрагменты в системе субъектно-объектной организации дневника свидетельствуют о его жанрово-стилевой свободе. В дневнике писателя эта *свобода письма* становится одной из художественных доминант текста, встраивает дневник в систему творчества автора.

Примечания

1. Бунин И. А., Бунина В. Н. Устами Буниных. Дневники / сост. М. Грин, с предисл. Ю. Мальцева: в 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 66: «5/18 февраля. Дождь. Стараюсь работать. И в отчаянии – все не то! // Опять Юлий [Ю. А. Бунин – покойный брат И. А. Бунина. – Ю. Б.] во сне. Как он должен был страдать, чувствуя, что уже никогда не увидится нам! Сколько мы пережили за эти четыре года – так и не расскажешь никогда друг другу пережитого! // Вдруг вспоминаю – пятый час, солнце, Арбат, толпа, идем к Юлию... Этому конец навеки!» 1922 г.

2. Там же. С. 14: «Париж, 19 авг[уста] 1920 г. Прочел отрывок из дневника покойного Андреева. «Покойного»! Как этому поверить! Вижу его со страшной ясностью, – живого, сильного, дерзко уверенного в себе, все что-то про себя думающего, стискивающего зубы, с гривой синеватых волос, смуглого, с блестящим умных, сметливых глаз, и строгих, и вместе с тем играющих тайным весельем; как легко и приятно было говорить с ним, когда он переставал мудрствовать, когда мы говорили о чем-нибудь простом, жизненном, как чувствовалось тогда, какая это талантливая натура, насколько он от природы умней своих произведений и что не по тому пути пошел он, сбитый с толку Горьким и всей этой лживой и напыщенной атмосферой, что дошла до России из Европы и что так импонировала ему, в некоторых отношениях так и не выросшему из орловского провинциализма и студенчества, из того Толстовского гимназиста, который так гениально определен был Толстым в одной черте: «Махин был гимназист с усам...».

3. Гиттис З. Н. Дневники: в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 326–327: «<...> Конечно, он [Б. В. Савинков. – Ю. Б.] в меня не влюблен (еще бы!). Я даже нарочно, говоря о прошлом, подчеркнула: “Я ведь никогда не

была влюблена в вас”, – на что он тотчас ответил: “Вот и я тоже”; допустить грубое “желание” – тоже глупей глупого, слава Богу, что я на “мужчинский” вкус из себя представляю? Несмотря на известную молодость – подумаешь!!! Я соображаю, что это было, в сущности, все опять то же стремление к близости “женского” в его интуитивной силе, утешающей и поддерживающей; его собственное объяснение, очень индивидуальное, свойское, как будто этому не противоречит... “Я совсем не грубый в этом смысле... Меня не знают... И не “брачник”...” “Неужели вы думаете, что если бы я хотел женского тела... Нет, я не понимаю близости духовной только. Вместе видеть смерть лицом к лицу – это сближает действительно, физически...” – “Но я не думаю так. Я не могу”. – “Тогда не нужно целовать в уста...” – сказал он, слегка отодвигаясь. Думая все о том же, о тупике, который все равно грозит, раз уж такое случилось и он так думает, я взволнованно сказала: “Я ведь ничья...” Он, не понимая, ответил: “И я ничей...” // Смотрел прямо, мимо меня <...>» 26 марта 1921 г. Речь идет о свиданиях с Б. В. Савинковым в Варшаве в июне 1920 г.

4. Там же. С. 306: «Раз Чапский по-детски описывал, как в Мордах хорошо, как теперь там цветут сирени... <...> О Мордах у меня главное воспоминание – сирени, сирени, и день, и всю ночь напролет пение соловьев в этих сиренях. Милая, нежная, как ветка сирени, – Рузя, младшая сестра. Красивая Карла, в предчувствии материнства <...>» 1 ноября 1920 г.

5. Там же. С. 327–328: «<...> В этот день я ушла до ужина, и мне удалось сделать это, как хотелось, без тени разрыва... Без “да”, без “нет”... // Помню, как я шла через сад домой, по ближайшей аллее, мимо пруда. Было солнечно, каблуки моих туфель стучали по земляному тротуару этой пересекающей сад аллеи... А исхода не было <...>» 26 марта 1921 г. Речь идет о свидании с Б. В. Савинковым в июне 1920 г.

6. Бунин И. А. Указ. соч. С. 70: «11 апреля. Все дождь, дождь, к вечеру теплее, мягче, слаже. Не могу слышать без волнения черных дроздов <...>» 1922 г.; Там же. С. 234: «30.VII.33. Grasse. Проснулся в 4 1/2. Довольно сумрачно – рассвет совсем как сумерки. В синеватых тучках небо над Эстрел[ем], над Антиб-ск[им] мысом по тучкам красноватое, но солнца нет. // Вечером гроза. Лежал, читал – за окнами содрогается, голубое, яркое, мгновенное. // Ночью во мне пела «Лунная Соната». И подумать только, что Бог все это – самое прекрасное в мире и в человеческой душе с любовью к женщине, а что такое женщина в действительности?»

7. Зайцев Б. К. Собр. соч. М., 2000. Т. 9. С. 68: «Отворив окно, приятно высунуться, поглядеть сверху на каштаны, над собой увидеть белые и пухлые лады на темном небе, так же бесшумно пролетающие, как над Москвой и над Филипповским. И так же светлы звезды в глубине провалов, так же открываются они. <...>» 10 июня 1926 г. Там же. С. 53–54: «Здесь топят углем, а растапливают щепочками – ligots. На днях среди своих лигошек встретил одну, в белом. Боже мой, береза! Белая кора, с коричневыми черточками, с оторванной, тончайшей кожей – всегда она трепещет, нежно дрожит в ветерке – Россия. <...> Монашенка и девственница, и заступница. Брошу ли тебя в печь, французская сестра? Нет, лежи, спрятанная. Память, вздох, надежда. // Когда-нибудь и на родной земле я обниму свой ствол <...>» 21 ноября 1925 г.

8. Бунин И. А. Указ. соч. С. 80.

9. Зайцев Б. К. Указ. соч. С. 66.
10. Там же. С. 69.
11. Бунин И. А. Указ. соч. С. 80.
12. Там же. С. 70.
13. Там же. С. 68.
14. Зайцев Б. К. Указ. соч. С. 69.
15. Там же. С. 69.
16. Там же. С. 76.
17. Там же. С. 43: «Над Сеною Нотр-Дам, огни мостов, дрожание воды, красные змеи в ней [курсив мой. – Ю. Б.], лари букинистов и каштаны, вечное гудение, мельканье, грохот, сизый дым и перлы фонарей <...>» 3 октября 1925 г.; Там же. С. 60: «<...> Поезд выходит, весною из кругов Парижа, в духоту вагона вдруг ляжет золотой, закатный луч [курсив мой. – Ю. Б.], и с равнины к Орлеману донесет – цвет яблонь, милую зелень пшеницы, пестрые куски цветов и маков – медленно *вращается над ними трубка оросительная* [курсив мой. – Ю. Б.] – крестообразно. Хоть кусочек воли, небо, золота неподдельного <...>» 6 февраля 1926 г.; Там же. С. 47: «За *стиной моей* [курсив мой. – Ю. Б.] фиолетовый закат. Сена серебряная, сухое зеркало асфальта <...>» 10 окт[ября] 1925 г.
18. Там же. С. 54: «Вечер, у решетки сада Люксембургского. Еще светло. Из-за Пантеона наползает рыжая, мрачная туча. Сразу темнеет. И придавлено все, верно, и в Помпеи, перед гибелью вот так же было. Запад еще чист. Даже звезда над Сенатом. А уж зажгли огни в старом дворце, так бледен, тонок свет их, и так четко режется крыша на еще ясном, древнем – латинском – небе. Мгла с Востока. Старый дворец, крепкий, вычерченный – и печален свет в его окнах. Берегись! Но как изящен весь его рисунок, с ним красиво можно умереть <...> // Солнце покраснело, и зашло. Синеет сквозь решетку. Славный снег, отдых!» 1 декабря 1925 г.
19. Там же. С. 67: «Вблизи он [Париж. – Ю. Б.] виден ясно – бесконечные дома, мало церквей, пятна садов и влево пышная зелень леса Булонского. Но дали смутны. Туман ли, мгла серо-синеющая, тусклое дыхание гиганта. Оно колеблется, и точно медленно переползает. Вот одолел сноп света вечеряющего, – из ошала теплом выхвачен Монмартр, и забелел храм его многоглавый <...>» 9 июня 1926 г.
20. Гиппиус З. Н. Указ. соч. С. 347: «26 марта 1921 г. Париж // Без связи. Без цели. Так. // Мне непонятно: куда исчезает все, что происходит через душу. Невысказанное. Себе – без слов. Но *бывшее*. Значит, и сущее. Или даже очень «словное», и не мелькающее, а пребывающее, запомнятое, только никому не переданное, – куда оно? Вот, я умру. И куда оно? Где оно? // Притом оно, такое, не сделано, чтоб не передаваться. И оно никому, навсегда, неизвестно. И столько, столько его! // Пойдет, может, к Богу и у Него разберется. Да, мне и своего не разобрать, а ведь у всех – пропадает! Очевидно, к Богу. // Бог уж по одному этому неизбежен. Только у Него не пропадет, и только Он в силах разобраться. Потому что на многое как-то требуется *ответить*, иначе невозможно и бессмысленно. // В разлуке вольной также ложь // Уходить так сладко. Я, кажется, во сне видела уход <...>»; Там же. С. 358: «Дек[абрь] 1923 Я ощупью пробираюсь. И падаю. В злобу падаю, в боль одиночества, в омертвение. А потом опять, тихонько. Кому долго, как Илюше, тому хорошо. А кому не долго, тому плохо добывать. Все на горы смотрела, а вот

тебе пылинки. А ты их люби, как горы. Они – твоё. Твоя доля. Немножечко, немножечко. Если я так доведу, ускромнюсь так, – я знаю, что мне Бог простит многое. Только надо еще никого не обижать <...>».

21. Зайцев Б. К. Указ. соч. С. 45: «Оттого вот – самый гордый с такой облегченностью прикладывает ко кресту в церкви, и целует пухлую руку, держащую его. В эту минуту он нисходит, распускается, как кусочек сахара в горячей воде, и угасают раны, боли, нет морщин» 6 окт[ября] 1925 г.

22. Там же. С. 45.

23. Бунин И. А. Указ. соч. С. 62: «Ночью вдруг думаю: исповедаться бы у какого-нибудь простого, жалкого монаха где-нибудь в глухом монастыре под Вологдой! Затрепетать от власти его, унизиться перед ним, как перед Богом... почувствовать его как отца...» 10/23 января 1922 г.;

24. Зайцев Б. К. Указ. соч. С. 56: «Если жизнь вся основана на «удобстве», и ничего нет (nihil, Базаров), так отчего ж не придушить младенчика в несколько часов? Он не поймет. Милый мир, куда не по своей вине он прибыл, сразу же покажет ему, как он мил. Под любящей материнскою рукой безвинно хряснет шейный позвонок, а маме будет посвободнее <...> Маме не опасно. По закону не поставят ее к стенке <...>» 26 ян[варя] 1926 г.

УДК 81'37

М. В. Сандакова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ РЕАЛЬНОГО И НЕРЕАЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

Статья посвящена семантическому развитию прилагательных и наречий русского языка в начале XXI в. В центре внимания – слова *реальный, реально, нереальный, нереально, виртуальный*.

The article is devoted to semantic development of Adjectives and Adverbs in the Russian language in the 21th century. The words *реальный, реально, нереальный, нереально, виртуальный* are in the centre of attention.

Ключевые слова: лексическое значение, семантический неологизм, семантическая оппозиция, оценочность, синоним.

Keywords: lexical meaning, semantic neologism, semantic opposition, assessment, synonym.

Развитие русского языка на рубеже веков и в начале XXI в. происходит весьма динамично. Многие активные процессы, наблюдаемые в языке новейшего периода, уже нашли своё описание в лингвистических исследованиях, см., например, [1]. Наиболее заметны изменения, происходящие в лексике и в семантике слова, поскольку именно лексика первой чутко реагирует на все события в социальной, политической, культурной и других сферах жизни общества.

© Сандакова М. В., 2009

Некоторые языковые инновации новейшего периода берут своё начало в языке СМИ. Это относится, в частности, к целому ряду семантических неологизмов конца XX – начала XXI в., см. [2] и др. СМИ являются своего рода средством трансляции разнообразных социальных оценок, формирующихся на основе политических, идеологических и моральных установок, принятых в современном обществе. Подвижность ценностной шкалы, обусловленная экстралингвистическими факторами [3], вызывает и движение в сфере оценочной лексики: слова меняют оценку с положительной на отрицательную и наоборот, безоценочная лексика обретает оценочность.

Дискурс СМИ служит источником модной лексики, поскольку именно журналисты тиражируют употребления многих новых модных слов и значений. Мода на отдельные слова отражает происходящие на наших глазах изменения в русской языковой картине мира [4]. Например, прилагательные *культовый*, *гламурный*, *глянцевый*, *знаковый*, *стильный*, *элитный*, *эксклюзивный* и др., выражающие характеристику объекта с точки зрения его потребительских достоинств, говорят об утверждении в сознании современного общества идеологии потребления и наслаждения, см. [5].

Другая сфера зарождения инноваций – разговорная речь, см. [6].

Эта статья посвящена словам *реальный* – *нереальный*, *реально* – *нереально*, претерпевающим заметные семантические и сочетаемостные изменения, что находит проявление в языке современных СМИ и в разговорной речи. В оппозиции *реального* и *нереального* отражаются такие процессы, как семантическая деривация слова, изменение сочетаемости, формирование новых парадигматических отношений: пополнение синонимических рядов и образование новых антонимических пар, развитие оценочности, вхождение слова в круг модной лексики, движение частотного слова в сторону десемантизации.

1. Семантическая деривация слов *нереальный*, *нереально*

По данным толковых словарей, прилагательное *нереальный* имеет два значения, ср. в МАС: 1. «Не существующий в действительности». 2. «Такой, который не может быть осуществлён из-за отсутствия реальной основы; неосуществимый. *Нереальное предложение*» [7].

На рубеже XX–XXI вв. происходит семантическое развитие прилагательного. Появляются значения, которые не выражают отрицания реальности существования или отрицания осуществимости чего-либо. На наш взгляд, в значении семантического неологизма *нереальный* можно выделить три компонента, которые могут проявляться словом и как самостоятельные значения, и совместно:

1) ‘необычный, удивительный; такой, который кажется нереальным’;

2) ‘такой, который имеет предельно высокую степень/интенсивность проявления свойства/процесса’;

3) оценочный компонент (обычно положительная оценка).

Первое из значений, вероятно, развилось на базе сравнения с миром фантастического, ср. формулировку оттенка значения в толковом словаре (МАС): «Не похожий на действительность; фантастический, сказочный. [*Горы*] *выглядывали друг из-за друга... делая местность декоративной, сказочной, нереальной*» [8].

Приведём примеры употреблений, показательных для дискурса СМИ и разговорной речи: *Я чувствовал, что именно так и бывает, и связывал сухую информацию с тем, что называется сок художественности: таким образом можно добиться нереального результата*. (Российская газета. 2005. 16 сент.) *Интересно, что в первые же дни своего приезда в Нижегородскую область Шанцев побывал на игре «Локомотива», и тот выиграл с нереальным счётом 7:0*. (Известия. 2006. 28 февр.) Ясно, что характеристика *нереальный* для результата или счёта вовсе не содержит смысла отрицания реальности этих явлений, а означает некие их удивительные свойства, не укладывающиеся в обычные представления.

Нереальный может характеризовать свойства и явления, а также предметы, поражающие воображение: *Под шоу для двух тысяч зрителей... построят какой-то нереальный зал. Он будет с восьмизатный дом, площадью 1800 кв. м, весом 200 тонн, аналогов не имеет*. (Известия. 2005. 1 сент.) Возможно (хотя реже) и употребление применительно к людям, ср. восторженный отзыв о Вячеславе Зайцеве: *Нереальный, космический человек*. (Известия. 2008. 18 апр.)

Оценочный компонент присутствует в значении не всегда. Обычны контексты, где *нереальный* выражает положительную оценочность. Но возможно и безоценочное употребление, ср.: *Из помещения расчётно-кассового центра управления инкассации были украдены... более 17 млн руб. <...> – Преступление вызвало шок в банковской среде и среди клиентов, – признался Спицын. – Это преступление рассматривается как патология, нереальный случай...* (Известия. 2008. 6 марта). *Через минут пять фрехот стоит нереальный, некоторых выносит прочь из красной китайской беседки...* (Известия. 2002. 28 июля) *Бардак они там у себя развели просто нереальный* (Устное высказывание).

Изменяются и системные лексические связи прилагательного: происходит формирование новых синонимических и антонимических отношений. Новое значение пополняет синонимические

ряды: *удивительный, изумительный, поразительный, дивный, чудный; необыкновенный, необычайный; небывалый, невиданный, неслыханный; невероятный, неимоверный, невообразимый, немислимый, несусветный* (синонимические ряды приводятся по словарю синонимов под редакцией А. П. Евгеньевой (ССЕ) [9]).

Как бывает свойственно модным оценочным словам, они, становясь частотными на определённом историческом отрезке, вытесняют из употребления другие слова своего синонимического ряда. Нечто подобное наблюдается и у прилагательного *нереальный*, активизация которого очевидна. В ряд *необычный, удивительный, изумительный, поразительный, потрясающий* прилагательное *нереальный* вписывается как высшая градационная ступень (очевидно, что этому способствует и новизна, и яркость внутренней формы).

Новое значение не участвует в антонимическом противопоставлении *реальному*, поскольку *нереальный* уже не означает 'не существующий'.

Инновации в употреблении прилагательного *нереальный* пока нельзя считать узуральными; они не получили фиксации в словарях. Но в дискурсе СМИ, а также в естественной речи их появление весьма показательно и говорит о происходящем на наших глазах семантическом развитии слова.

Наречие *нереально* унаследовало семантические изменения от производящего прилагательного. Его употребления для обозначения высокой степени/интенсивности проявления свойства/процесса, пожалуй, более частотны, чем у *нереальный*. Например: *Люди, будьте добрее к своим детям, им нереально, нечеловечески тяжело! И никаких перспектив на отдых, только в 65 лет.* (М. Жванецкий. АиФ. 2008. 15 окт.) *И с тех пор я нереально люблю слушать хоры, собираю пластинки с хоровой музыкой.* (АиФ. 2008. 12 ноября) *...Я бы особенно выделил «Тридцать три» – прекрасную картину потрясающего Георгия Данелии. <...> ...По тем временам это была нереально смелая картина...* (Известия. 2006. 25 авг.) *Как бы ни кричали коммунисты об отставке правительства, как бы ни был облегчён импичмент, при всём облегчении есть Конституция, которая делает это нереально затруднительным.* (АиФ. 2008. 3 сент.)

Значение интенсивности у наречия *нереально* пополняет класс интенсификаторов: *очень, чрезвычайно, страшно, ужасно, потрясающе, дико, безумно* и др. Ср.: *Это было очень / потрясающе / ужасно / безумно / нереально интересно.* Как и прилагательное *нереальный*, наречие означает предельно высокую степень интенсивности.

В предикативной функции у наречия *нереально* также наблюдаются некоторые изменения.

При обычном употреблении в высказывании выражается неосуществимость, нереальность са-

мого действия: *Для команды нереально выиграть чемпионат мира.* Но если обычно «с инфинитивом могут сочетаться только те безлично-предикативные слова, которые выражают ту или иную оценку действия, выраженного в инфинитиве» [10], то в недавно появившихся употреблениях модальная оценка нереальности оказывается спроецированной с названного действия на результат, с целью которого оно осуществляется. Само действие вполне осуществимо, «реально», однако говорящий считает его нецелесообразным, поскольку оно не приведёт к нужному результату. Таким образом, производить действие *не следует, не целесообразно, бесполезно.* Ср.: *Нереально просить его о помощи* (потому что «Он не поможет»). *Сейчас нереально класть деньги в банк* (потому что «Это не принесёт прибыли»). *Нереально обсуждать этот вопрос* (потому что «Обсуждение не даст полезных результатов»). Причины неосуществимости желательного результата иногда могут быть объяснены в последующем контексте: *И ценовую политику этих магазинов довольно сложно контролировать. И нереально ставить им в вину завышение цен, так как они всегда смогут его обосновать...* (Российская газета. 2008. 21 февр.)

2. Семантические оппозиции прилагательного *реальный*

Привычное противопоставление *реального реальному*, выражающееся в соответствующих антонимических соотношениях, заметно изменяется не только в связи с развитием новых оценочных значений слов *нереальный* и *нереально*. В последнее время усложнилось само представление человека о реальности, что привело и к усложнению этого противопоставления.

Свойство *реальный* в современной картине мира приобрело особую актуальность, о чём говорит частотность употребления слов *реальный, реально*. По словарю, *реальный* – 'существующий на самом деле, действительный, не воображаемый' (МАС). Определение *реальный* в тексте используется как подтверждение действительного существования объекта: *Реальной нефти в мире в разы меньше, чем фьючерсов... на неё.* (Известия. 2009. 29 янв.) *Массы остаются косными, становятся лёгкой добычей демагогов и авторитарных вождей в тех случаях, когда им не предлагаются иные альтернативы, учитывающие их реальные интересы...* (Новая газета. 2009. 21 янв.) *По мнению наблюдателей, новая система назначения губернаторов будет более прозрачной и публичной. К тому же она более соответствует реальному волеизъявлению электорального большинства.* (Известия. 2008. 24 дек.) *...Газета становится реальным медиа-усилителем общественного мнения.* (Новая газета. 2009. 1 июня)

Реальные объекты противопоставляются *фантастическим, мифическим, воображаемым, несуществующим* и др.

Кроме того, в сегодняшнем мире быть *реальным* означает не просто иметь место в действительности. Распространение разнообразных имитаций, суррогатов, подделок во многих областях жизни (в частности, в сфере торговли) актуализирует оппозицию настоящего и поддельного, в которую вписывается и понятие *реальный*. У прилагательного актуализировалось значение 'подлинный, истинный, настоящий' (отмечено в МАС как оттенок первого значения прилагательного). *Реальный* мыслится в контексте противопоставления настоящего ненастоящему: *реальный, настоящий, подлинный, истинный, действительный, неподдельный – ненастоящий, поддельный, ложный, мнимый, номинальный*. При таком противопоставлении *реальный* обычно выражает положительную оценку.

Для текстов СМИ органичны антитезы: *Он действительно думает, что такая партия – это реальная, новая правая оппозиция «Единой России», а «Союз правых сил» во главе с Никитой Белых – старая, ненастоящая, продажная*. (Российская газета. 2007. 28 февр.) *Как можно отличить реального лидера партии от «подставного»?* (Российская газета. 2007. 28 февр.) *Предстоит сократить разрыв между номинальными христианами и реальными. Это огромная работа*. (Известия. 2009. 29 янв.)

Заметим, что *реальный* как положительная характеристика объекта поддерживается жаргонными значениями. Ср. данные «Большого словаря русского жаргона» (БСРЖ): *Реальный*: «1. Качественный, вызывающий одобрение (о предмете). *Вот реальный пейджер, секи.*»; «2. Обладающий положительными качествами, достойный уважения (о человеке). *Я думала, фуфел, а он – реальный мэн.*» [11].

Характерно распространение наречия *реально*, которое, подчёркивая действительность какого-либо предмета или явления, является синонимом к *действительно, на самом деле, по-настоящему*, ср.: *Да, человек может жить по совести, но он не может без помощи Божией реально справиться со злом, которое присутствует в мире не только вокруг нас, но и в самом сердце человека*. (Патриарх Кирилл. АиФ. 2009. 21 янв.) *Перед страной реально стояла опасность ядерной войны с США, в которой у нас не было шансов победить без такого оружия*. (Известия. 2009. 14 янв.)

Нередко в СМИ можно встретить употребление, близкие жаргонным. Ср. жаргонные значения по БСРЖ: «*Одобр.* 1. Отлично, превосходно. *Реально оттянулись*»; «2. Легко, без труда. *Я его реально сделаю одной левой.*» [12].

В контекстах, где роль наречия сводится к акцентированию реальной модальности, происходит размывание границ между нормативным и ненормативным использованием слова. Например: *Так что, на мой взгляд, правильно отменили обязательный ЕГЭ по литературе*. <...> *Надо что-то другое придумать, чтобы народ... главные книги всё-таки прочитал. Реально стыдно будет, если литература превратится в «факультативчик»*... (Известия. 2009. 27 янв.) *Вот реально не знаю, что делать*... (Известия. 2009. 15 янв.) *Реально сдам квартиру*. (Из текста объявления.) В этих высказываниях очевидно противоречие литературной норме и сближение с жаргонами. Можно предположить, что употребление наречия *реально* в субъективно-модальной функции для «усиления эффекта реальности» приводит к постепенному дрейфу слова в направлении десемантизации, итогом чего становится превращение в слово-паразит.

Оппозиция *реальный – нереальный* на рубеже веков усложнилась и дополнилась в результате появления нового понятия – *виртуальный*. Развитие информационных технологий, Интернета резко изменило мир на рубеже XX–XXI столетий. Появилась новая *виртуальная реальность* и успела прочно войти в жизнь человека. Она дополняет «привычную» реальность, а порой теснит и даже замещает её.

Прилагательное *виртуальный*, давно известное языку, сейчас переживает процесс семантического развития, который находит лексикографическое отражение. В словаре Л. П. Крысина (ТСИС) зафиксировано новое значение с пометой «*инф.*» [13]. В словаре под редакцией Г. Н. Скляревой (ТСАЛ) выделяется два значения: «*Информ.* Не имеющий физического воплощения или реализованный в компьютере иначе, чем в реальности; логический. *Виртуальное устройство. Виртуальный терминал. Виртуальный диск. Виртуальный файл*» и «*Информ.* Созданный средствами интерактивных компьютерных программ, реализованный, происходящий в компьютере, компьютерной сети. *Виртуальный вернисаж художника. Виртуальная экскурсия по Лувру*» [14].

Виртуальная реальность, созданная человеческим разумом, составляет часть действительности. Однако виртуальный мир представляется как другая действительность, противопоставляемая обычному физическому миру. Уже само наличие определения *виртуальный* в контексте сигнализирует об этом противопоставлении. Имена предметов и явлений обычного мира, как правило, употребляются либо вообще без определения, либо с определениями *реальный, обычный* или с определениями, представляющими собой узкую характеристику объекта в зависимости

ти от его специфики. Ср.: а) *коллекция – виртуальная коллекция, биржа труда – виртуальная биржа труда*; б) *реальная/обычная экскурсия – виртуальная экскурсия, реальное общение – виртуальное общение*; в) *печатные СМИ – виртуальные СМИ*.

Свойство *виртуальный* в значении ‘такой, который связан с компьютерными технологиями, Интернетом’ противопоставлено свойству *реальный*. Ср.: *Сколько бы ни предупреждали психологи о том, что виртуальные сужения в реальной жизни далеко не принцы, невесты, кажутся, их не слышат.* (АиФ. 2009. 4 февр.)

От информационного значения прилагательного *виртуальный* образовалось метафорическое, ср. в ТСАЛ: «Иллюзорный, умозрительный, не существующий в реальности» [15]. *Виртуальный* в этом значении составляет антонимическую пару с *реальный*: *реальный* ‘действительный, существующий’ или ‘настоящий, истинный, подлинный’ – *виртуальный* ‘не существующий в реальности, иллюзорный’ или ‘ненастоящий, ложный, поддельный’. Эта метафора широко используется в СМИ: *Сейчас, в разгар экономического кризиса, мы наблюдаем конец виртуального мира, мира дутых ценностей и дутых цен на них...* (Новая газета. 2009. 30 янв.) *И мало кто задумывался тогда, что проценты были по большей части виртуальны. Государство не имело возможности расплатиться по своим обязательствам «живыми», хоть и неконвертируемыми деньгами...* (Новая газета. 2009. 23 янв.) «*Всё, что мы делаем в этом направлении, должно делаться только исходя из того, чтобы улучшить ситуацию, а не для достижения каких-то виртуальных целей*», – указал Медведев. (Российская газета. 2009. 12 янв.)

Отметим, что противопоставление *реальный – ирреальный* продолжает существовать в языке без изменений. Прилагательное *ирреальный* с значением «нереальный, не существующий в действительности» (МАС) не обнаруживает заметной активизации, его употребление по-прежнему ограничено книжной речью.

Итак, в настоящее время, когда в сферу представлений о реальности оказались вовлечёнными новые понятия, соотношение *реального и нереального* в языке заметно трансформируется и усложняется.

Примечания

1. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. А. П. Крысин; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.

2. *Какорина Е. В.* Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 67–89; *Ермакова О. П.* Активные процессы в лексике и семантике. Семантические процессы // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. А. П. Крысин; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 33–99.

3. *Клушина Н. И.* Особенности публицистического стиля // Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 479–495.

4. *Шмелёв А. Д.* Лексические изменения как показатель сдвига в языковой картине мира // Активные процессы в современной лексике и фразеологии / гл. ред. Н. А. Николина. М.; Ярославль: Ремдер, 2007. С. 250–256.

5. Шмелёв А. Д. Указ. соч.; *Кронгауз М. А.* Семантические сдвиги в семантике оценочных прилагательных // Язык в движении / отв. ред. Е. А. Земская, М. А. Каленчук. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 345–356; *Хан-Пира Эр.* Знаковая фигура и культовый боевик // Культура речи. 1999. № 3. С. 69–73; *Новиков Вл.* Новый словарь модных слов. М.: АСТ: Зебра Е, 2008.

6. Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. А. П. Крысин; Рос. Академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.

7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой (МАС). М.: Русский язык, 1986.

8. Там же.

9. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева (ССЕ). Л.: Наука, 1970–1971.

10. *Галкина-Федорук Е. М.* Безличные предложения в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958.

11. Словарь синонимов русского языка...

12. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона (БСРЖ). СПб.: Норинт, 2000.

13. *Крысин А. П.* Толковый словарь иноязычных слов (ТСИС). М.: Эксмо, 2005.

14. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской (ТСАЛ). М.: Эксмо, 2006.

УДК 81'373.4

О. С. Рублёва

СЛОВО «ПОРЯДОЧНОСТЬ» В СЛОВАРЯХ РАЗНЫХ ТИПОВ

Целью настоящей работы является анализ словарных статей словарей разных типов. В статье рассматриваются словарные статьи слова «порядочность» и его английских коррелятов в двуязычных, толковых, ассоциативных словарях.

The purpose of the article is the analysis of dictionary entries in different dictionaries. Dictionary entries «decency», «honesty» и «probity» are discussed in the article.

Ключевые слова: порядочность, двуязычный словарь, толковый словарь, ассоциативный словарь, электронный словарь.

Keywords: decency, honesty, probity, monolingual dictionary, bilingual dictionary, associative dictionary, electronic dictionary

В современном мире наблюдается усиление межэтнической и религиозной напряженности. В этих условиях особую роль играют вопросы нравственности. Понимание нравственного фона очень важно для обеспечения спокойствия и взаимопонимания в мире. Различные аспекты нравственности находят отражение в словарных дефинициях. Однако за одинаковыми словарными дефинициями могут лежать различающиеся для тех или иных лингвокультур оценки и эмоциональные переживания, что побуждает искать новые пути лексикографирования, которые позволили бы более полно раскрыть специфику «жизни» слов-коррелятов в разных языках.

Прежде всего наша задача заключалась в отборе корпуса слов, именуемых различными аспекты нравственности. Надежность отношения слов к данной тематической группе можно оспаривать, но они были отобраны из источников, где рассматриваются проблемы нравственности и называются ее аспекты [1]. Всего нами было выявлено 26 аспектов нравственности: активность, взаимоуважение, дисциплинированность, доброта, жизнерадостность, искренность, коллективизм, независимость, образованность, обязательность, организованность, ответственность, порядочность, рациональность, самостоятельность, свобода, смелость, справедливость, счастье, тактичность, творчество, терпимость, трудолюбие, уверенность, честность, чуткость.

Далее необходимо было выбрать слово, анализ словарных статей которого будет проведен в словарях различных типов. Для этого мы составили анкету и предложили ее пятидесяти испы-

туемым – сотрудникам компаний «Горэлектросеть» и «Аква-ДСК». В результате было получено 50 анкет и выбрано наименование нравственного качества «порядочность».

Ход дальнейшего исследования включал пять последовательно выполняемых этапов (рис. 1).

На первом этапе исследования (см. рис. 2) мы обратились к двуязычным русско-английским словарям с целью выяснить, как слово «порядочность» переводится на английский язык.

В словарных статьях слова «порядочность» пяти словарей данного вида было выделено три английских коррелята русского слова «порядочность» (см. рис. 3).

К пяти англо-русским словарям мы обратились с целью выявления всех возможных переводов выбранных английских именованных. Так, в словарных статьях «decency» были выделены следующие значения:

- 1) приличие, благопристойность;
- 2) вежливость, любезность, порядочность;
- 3) правила хорошего тона.

В словарных статьях «honesty» были выделены следующие значения:

- 1) честность;
- 2) правдивость, искренность, прямодушие, чистосердечие, прямота;
- 3) целомудрие, добродетельность, порядочность.

В словарных статьях «probity» были выделены следующие значения:

- 1) честность;
- 2) неподкупность.

Словарная статья слова «порядочность» электронного словаря «ABBY Lingvo», созданного на основе бумажных словарей, содержит данные четырех словарей: «Русско-английский словарь общеупотребительной лексики», «Словарь политической лексики», «Психологический словарь» и «Объяснительный словарь русского языка». Данная статья содержит два из выделенных коррелятов слова «порядочность» – «decency» и «honesty». Отметим, что слово «probity», которое мы выделили ранее как коррелят слова «порядочность», в данной словарной статье не названо.

Анализ данных русско-английских и англо-русских словарей позволил выделить только два коррелята слова «порядочность» – «decency» и «honesty», которые имеют значение «порядочность». Отметим, что русско-английские словари содержат коррелят «probity», среди значений которого значения «порядочность» мы не обнаружили.

На втором этапе исследования (см. рис. 4) мы обратились к английским и русским толковым словарям, основная задача которых дать полную дефиницию, раскрыть понятие, обозначаемое словом.

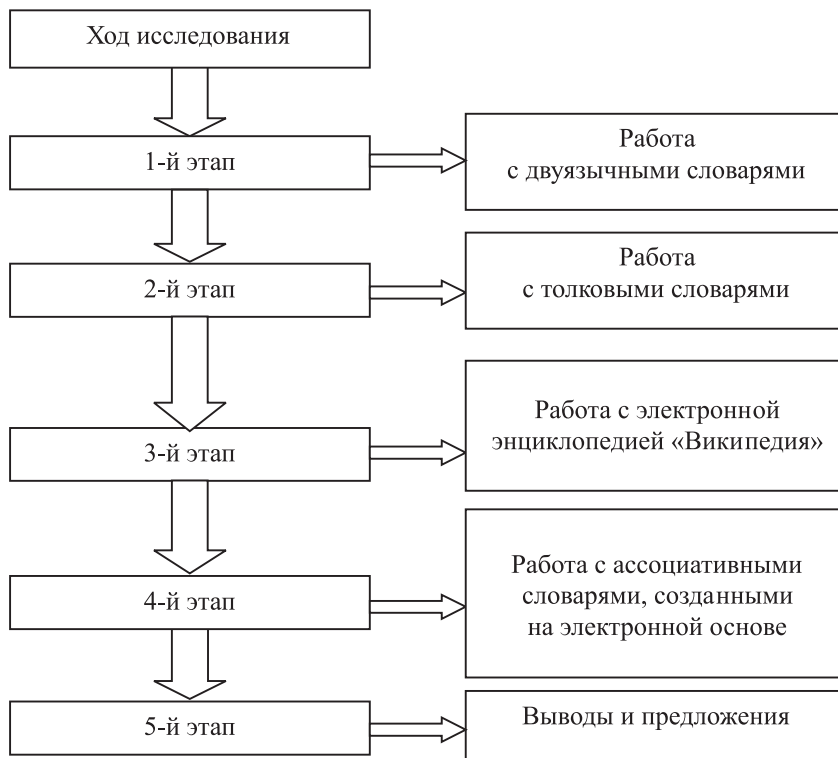

Рис. 1

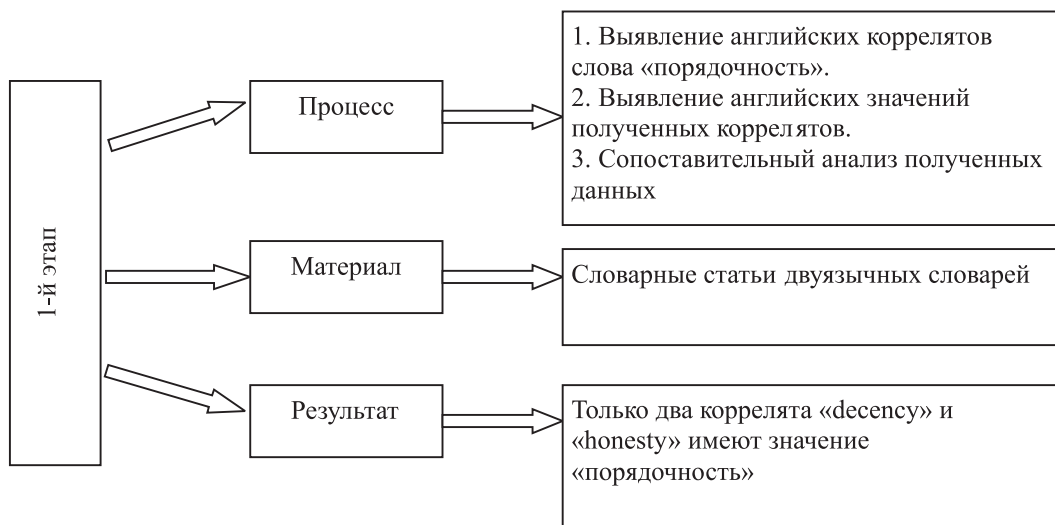

Рис. 2

Рис. 3

В толковых словарях русского языка мы выделили четыре словарных статьи слова «порядочность», которые имеет в каждой из них одно значение. В результате анализа словарных статей мы построили обобщенную дефиницию: «Порядочность – честность, благородство, неспособность к низким, аморальным, антиобщественным поступкам, поведение в соответствии с принятыми в обществе нормами».

Далее мы работали с толковыми словарями английского языка, рассматривали словарные статьи слов «decency», «honesty» и «probity».

В результате анализа словарных статей слова «decency» была построена обобщенная дефиниция: «Decency – propriety of conduct and speech; proper and acceptable behavior, modesty, courtesy, good taste, becomingness, decorum» (правильность поведения и речи, должное приемлемое поведение

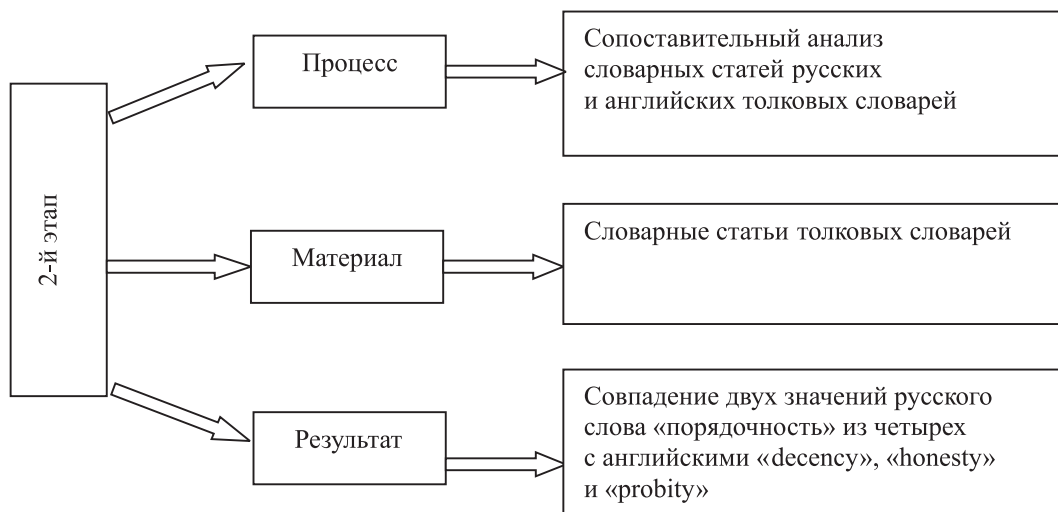

Рис. 4

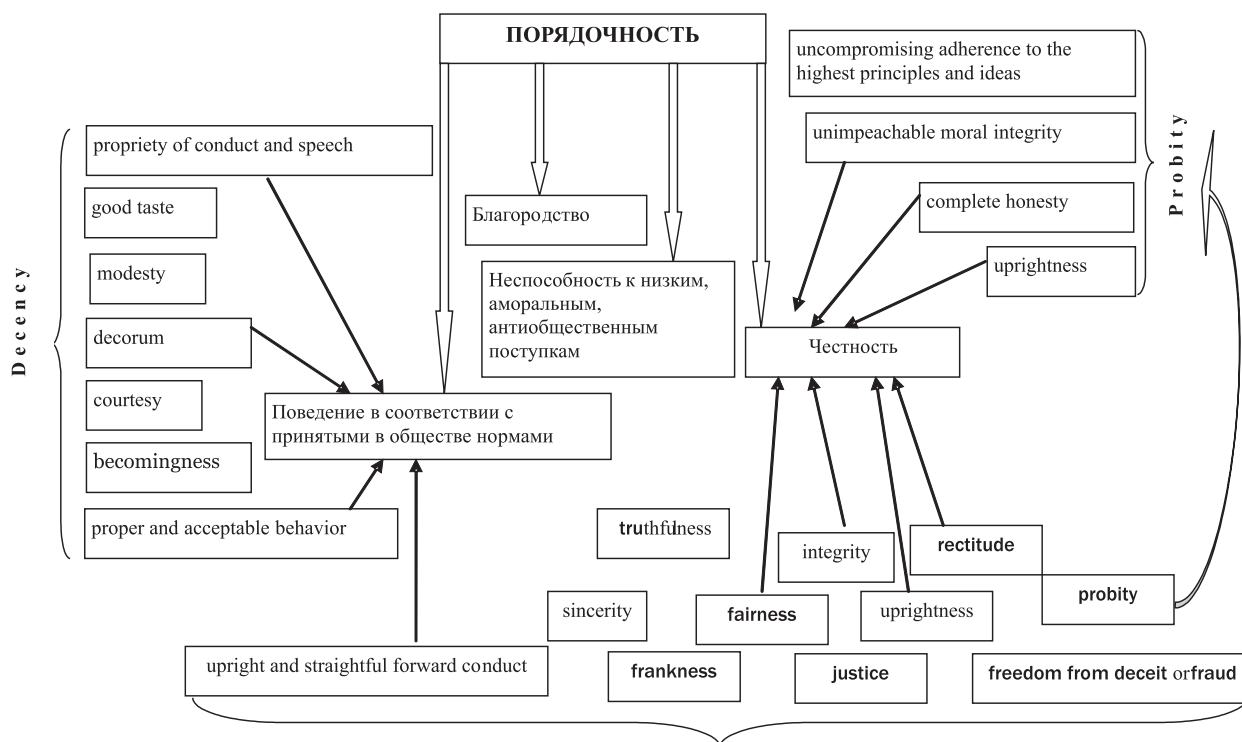

Рис. 5

ние, скромность, вежливость, тонкий вкус, соответствие, благопристойность).

В результате анализа словарных статей слова «honesty» мы построили обобщенную дефиницию: «Honesty – upright and straightful forward conduct, integrity, sincerity, uprightness, probity, truthfulness, frankness, freedom from deceit or fraud, fairness, justice; rectitude» (честное и правильное поведение, честность, неподкупность, правдивость, откровенность, свобода от хитрости и мошенничества, справедливость).

В результате анализа словарных статей слова «probity» мы построили обобщенную дефиницию: «Probity – uncompromising adherence to the highest principles and ideas, uprightness, unimpeachable moral integrity, complete honesty» (бескомпромиссная верность высоким принципам и идеям, безупречная полная нравственная честность). В обобщенной дефиниции слова «порядочность» мы выделили четыре значения, слова «decency» – семь, «honesty» – одиннадцать, «probity» – четыре.

В первом значении ‘поведение в соответствии с принятыми в обществе нормами’ русское слово «порядочность» совпадает с тремя из семи выделенных значений английского слова «decency» и с одним из одиннадцати выделенных значений английского слова «honesty». Во втором значении ‘честность’ русское слово «порядочность» совпадает с четырьмя из шести значений английского слова «honesty» и с тремя из четырех значений английского слова «probity». Два значения русского слова «порядочность» – ‘благородство’ и ‘неспособность к низким, аморальным, антиобщественным поступкам’ среди значений английских слов «decency», «honesty» и «probity» не были обнаружены (см. рис. 5).

Словарная статья слова «decency» электронного словаря «АВВУ Lingvo» содержит данные пяти словарей, слова «honesty» – семи словарей.

Отметим, что среди этих словарей есть словари общеупотребительной лексики, специальные словари и толковые словари русского и английского языков, всего данная версия электронного словаря «АВВУ Lingvo» содержит сорок семь словарей разных типов. Таким образом, электронный словарь «АВВУ Lingvo» является универсальным словарем, который содержит огромные объемы информации и имеет удобный доступ к ней.

На третьем этапе исследования мы работали с электронной энциклопедией «Википедия» (рис. 6).

Электронная энциклопедия «Википедии» предполагает наличие страницы словарной статьи и страницы обсуждения. На странице словарной статьи слова «порядочность» мы обнаруживаем историю развития понятия, которая помимо определения, данного автором статьи, включает данные толковых словарей под редакцией Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова, примеры словоупотребления этого слова, ссылки на корреляты этого слова в свободном словаре «Вики словарь», ссылки на источники, которые использовались при составлении этой статьи.

Лексикографическая статья «порядочность» электронной энциклопедии имеет 26 внешних ссылок, которые связывают данную статью со смежными понятиями, словарные статьи которых построены сходным образом.

На странице обсуждения пользователи, прочитавшие эту статью, могут оставить свои замечания и комментарии по поводу ее содержания. В ходе работы было выделено десять комментариев к словарной статье «порядочность», непо-

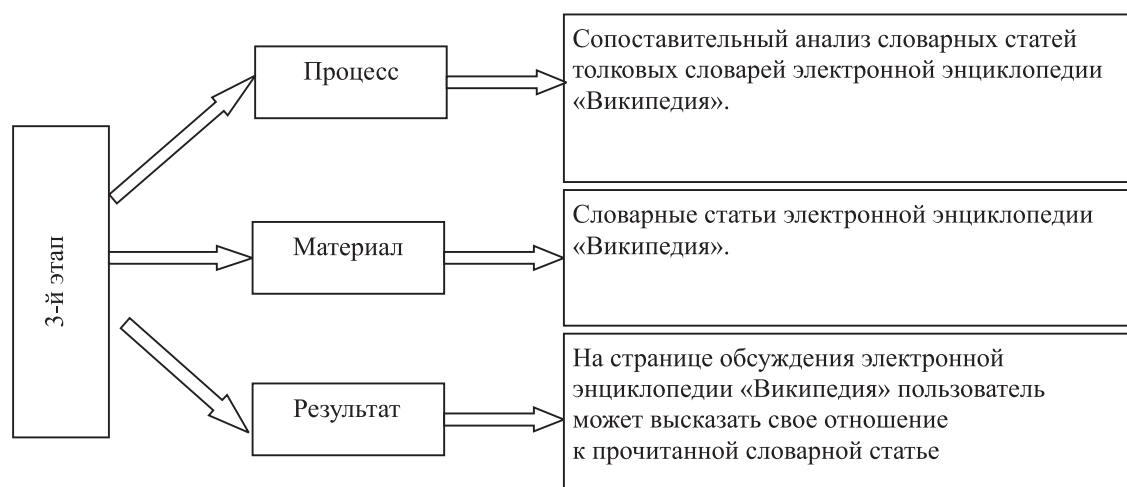

Рис. 6

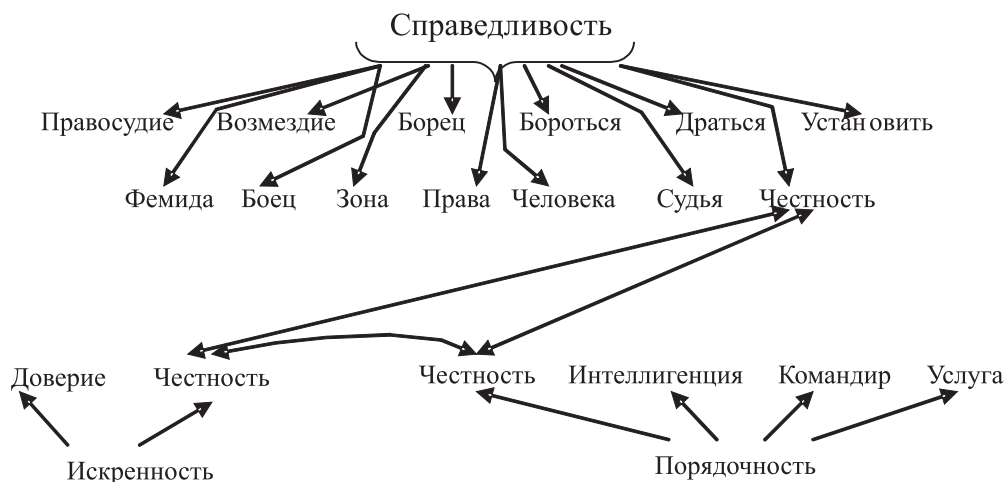

Рис. 7

Рис. 8

средственно связанных с переводом этого слова на английский язык, например:

1. «...Знатокам английского: *descenty* – это не порядочность, и это не про нее и не про непорядочность говорится в английских законах».

2. «...Порядочность – очень специфическое российское понятие, по крайней мере, мне не приходит в голову *ничего* ни из английского, ни из немецкого языков».

3. «...То Вы утверждаете, что *descenty* нельзя переводить как «порядочность», хотя ВСЕ самые авторитетные словари именно так и переводят это слово. Более того, Оксфордский словарь именно так и трактует это понятие».

Наличие подобных комментариев позволяет сделать вывод о том, что на странице обсуждения электронной энциклопедии «Википедия» пользователи могут оставить свое мнение, выразить отношение к содержанию словарной статьи, согласиться или не согласиться с автором словарной статьи, выразить пожелания и эмоциональные переживания, связанные с этим понятием.

На четвертом этапе исследования мы работали с ассоциативными словарями, созданными на электронном основе: «Русский ассоциативный словарь» и «Славянский ассоциативный словарь». Среди слов-стимулов исследуемых словарей слово «порядочность» не было выделено. В обратном словаре «Славянского ассоциативного словаря» было выделено слово «порядочный», которое явилось реакцией на слова-стимулы «муж» и «человек». В обратном словаре «Русского ассоциативного словаря» было выделено слово «порядочность», фрагмент связей которого со словами, именуемыми некоторые аспекты нравственности, представлен на рисунке (см. рис. 7).

Ассоциативная лексикография развивается в направлении от фиксации отдельных фрагментов ассоциативной сети к более полному ее отражению. Самый полный из опубликованных ассоциативных словарей – «Русский ассоциативный словарь» – содержит 6624 стимула и более 100 тысяч реакций [2]. Безусловно, это далеко не самый полный список возможных слов-стимулов. В настоящее время существует большое число исследований, которые проводятся с испытуемыми разных социальных групп, разного уровня одаренности, разных психологических типов, с носителями разных языков. Эти исследования могут дополнить данные существующих ассоциативных словарей.

Шестой этап исследования заключался в подведении итогов исследования.

Существующие электронные словари обладают рядом преимуществ (см. рис. 8), но являются недостаточными для раскрытия «жизни» слова в разных языках и культурах. Чтобы получить пол-

ную информацию о слове, выяснить все, что лежит за ним, мы должны воспользоваться всеми средствами доступа к нему: данными всевозможных типов словарей, в том числе двуязычных, толковых и ассоциативных.

В настоящее время единого источника полной всесторонней информации нет, хотя необходимость создания такого источника есть. Поэтому необходимо создание широкой сети электронных словарей и справочников разных видов – нового типа электронного многофункционального многоязычного словаря, способного объединить достижения современной лексикографии в глобальную справочную лексикографическую сеть (ГСАС). ГСАС должна объединять все типы словарей и их возможности, должна быть построенная на широком исходном материале, содержать ссылки на типовые для культуры тексты, исследования, связанные с носителями языка и культуры. Безусловно, такая сеть может существовать только в электронном виде, предоставлять возможность самостоятельного выбора источников, по которым будет построена итоговая словарная статья.

Словарь нового типа должен показать то, чего нельзя увидеть при совпадении словарных дефиниций. Так, например, ГСАС должна описывать не только фразеологизмы, которые содержатся во фразеологических словарях, но и давать культурный ореол их употребления; не только все возможные комбинации употребления слова, которые дают словари сочетаемости, но и все возможные ситуации, в которых те или иные сочетания можно использовать.

Примечания

1. Воспитание патриотизма в современных условиях // <http://newspaper.ifmo.ru/article.php?id=723&pid=109>; Какие морально нравственные качества вы знаете? // <http://otvet.mail.ru/question/4135205/>; *Сластенин В. А., Исаак И. Ф., Шиянов Е. Н.* Общая педагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. Ч. 2. 256 с.

2. *Черкасова Г. А.* Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // *Этнокультурная специфика языкового сознания* / под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 1996. С. 181–190.

Список использованных словарей

1. *Аракин В. Д.* Англо-русский словарь. М.: Рус. яз., 1999. 592 с.

2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. 1536 с.

3. Большой толковый словарь существительных: идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. А. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.

4. Википедия // ru.wikipedia.org

5. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т. 2.: П – Я. 1088 с.

6. Комплексный словарь русского языка / под ред. А. Н. Тихонова. М.: Рус. яз., 2001. 1229 с.

7. Мюллер В. К. Большой англо-русский словарь. Екатеринбург: У-Фрактория, 2006. 1536 с.

8. Новый большой англо-русский словарь. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1. 523 с.

9. Русский ассоциативный словарь. Кн. 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. III / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М.: «ИРЯ РАН», 1998. 204 с.

10. Русский ассоциативный словарь. Кн. 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. III / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М.: «ИРЯ РАН», 1998. 324 с.

11. Русско-английский словарь: Ок. 55 000 слов. М.: Рус. яз., 1991. 768 с.

12. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасова. М.: Ин-т языкознания РАН, 2004. 792 с.

13. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1988. 1549 с.

14. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 1774 с.

15. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2000. 720 с.

16. Шалаева Г. П. Большой современный англо-русский словарь с транскрипцией. М.: Филол. о-во «Слово»: ООО «Изд-во «ЭКМО», 2004. С. 220.

17. Abby Lingvo 12.

18. Cambridge International Dictionary of English: Guides you to the meaning. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1699 p.

19. Cassell's English Dictionary. Cassell – London: Cassell & Company Ltd, 1969. 1374 p.

20. Oxford Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 1996. 1080 p.

21. The Oxford Russian Dictionary. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 1993. 1340 p.

22. The Universal Dictionary of the English Language / ed. by Cecil Wyld. L., s.a. 1447 p.

УДК 811.11'36

Т. А. Лопарева, С. В. Ленина

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В рамках данной статьи представлен сопоставительный анализ грамматических систем трех контактирующих языков (а именно русского, английского и немецкого) на примере грамматической категории наклонения, в частности сослагательного наклонения, чьи формы, категории и функциональные особенности определяются, соотносятся и противопоставляются с позиции коммуникативной маркированности.

Inside the given article there is a comparative analysis of grammatical systems of three communicating languages (to be exact, Russian, English, and German) taking the grammatical mood category as an illustrated example, in particular, the Subjunctive Mood, whose forms, categories, and functional peculiarities are defined, correlated, and contrasted from the position of communicative marking.

Ключевые слова: грамматическая система, глагольная форма, категория наклонения, сослагательное наклонение, оппозиционный анализ, языковые модели.

Keywords: a grammatical system, a verbal form, a mood category, the Subjunctive Mood, an oppositional analysis, language models.

Для уяснения студентами различных форм наклонения представляется целесообразным дать описание структурных, семантических и функциональных особенностей глагольных форм немецкого, английского и русского языков в их соотношении со значением, ситуацией и употреблением. Из многочисленных моделей анализа систем языков, имеющих в лингвистической литературе, к анализу привлечены модели, предложенные рядом ученых: А. И. Смирницким, Л. С. Бархударовым, Д. А. Штелингом (английский язык); Е. И. Шендельс, О. И. Москальской, (немецкий язык) и А. В. Бондарко (русский язык). Их модели построены на близкой теоретической концепции, что обеспечивает адекватность сопоставления. Принцип оппозиционного анализа, положенный в их основу, позволяет выделить существенные семантические признаки сопоставляемых систем [1].

Категория наклонения относится к языковым универсалиям, присутствующим в большинстве языков мира. Наличие универсальных языковых категорий создает особый вид лингвистических знаний, которые, будучи однажды приобретенными, облегчают усвоение другого языка. Выясним, каким образом опыт в изучении английско-

го языка (в частности, изучение системы наклонений английского глагола) может помочь в обучении аналогичной теме в немецком языке как втором иностранном. Сопоставим данное грамматическое явление во всех трех языках.

Наклонение как морфологическое средство выражения значения модальности различается на основе противопоставления таких маркированных значений мнимости события, как побуждение и гипотетичность (соответственно побудительное и сослагательное наклонения), немаркированному значению изъявительного наклонения. В отличие от передаваемой глагольными формами модальной семантики, которая воспринимается достаточно четко, внешняя маркированность наклонений оказывается не так очевидна. Так, А. Л. Зеленецкий считает, что в английском языке «вообще едва ли возможно усматривать морфологическую категорию наклонения» [2]. В соответствии с полевым принципом в английском языке модальная семантика передается лишь периферийными (неморфологическими) средствами и не имеет выраженного инварианта. В русском языке четко противопоставляются друг другу формы повелительного и изъявительного наклонений. Явление, классифицируемое традиционно как русское сослагательное наклонение [3], не имеет никакого отношения к морфологии [4]. Тем самым с точки зрения морфологической типологии русский следует считать языком с двумя наклонениями, отличающимся также высокой степенью аналитичности при передаче модальных значений. Немецкий язык явно различает формы трех наклонений: индикатив (изъявительное наклонение), императив (повелительное наклонение) и конъюнктив (сослагательное наклонение). Система форм сослагательного наклонения немецкого языка в целом симметрична системе форм индикатива и опознается вполне однозначно. Л. С. Ермолаева выделяет, кроме того, комментатив (конъюнктив косвенной речи) в качестве четвертого наклонения [5].

В своих основных функциях наклонения в трех сопоставляемых языках соотносятся примерно так (см. таблицу).

Значение каждого члена субкатегории отличается сложным характером и представляет собой результат комбинации в его структуре тождества, по которым глагольные формы и наклонения сближаются, и различия, по которым на-

клонения противопоставляются для выражения коммуникативного намерения.

В немецком языке, где аналитические и агглютинативные маркеры выступают на фоне сравнительно хорошо сохранившейся флексии, система наклонений представлена противопоставлением реалис/ирреалис при сохранении в системе реалиса отраженных категорий косвенности высказывания и волеизъявления. В английском языке, где представленность флективных маркеров сведена до минимума, аналитические и агглютинативные маркеры создают возможность существования двучленной оппозиции индикатив (= реалис)/ирреалис.

Рассмотрим субкатегорию сослагательного наклонения в каждом из сопоставляемых языков.

В русском языке имеется только одна форма сослагательного наклонения, аналитическая по своей структуре. Она образуется из формы прошедшего времени (форма на «л») и неизменяемой частицы «бы» (образовавшейся из формы 2-го и 3-го лица единственного числа аориста глагола «быти»). В силу своей единственности эта форма не может выражать времени. Время в русском языке выражается только в изъявительном наклонении. Если же сказуемое выступает в форме сослагательного наклонения, то время выражается только лексически, т. е. косвенным образом: «Он *приехал бы* вчера; Он *приехал бы* сегодня (*сейчас*)», или же оно устанавливается из контекста.

Форма сослагательного наклонения в русском языке не может дифференцированно выражать основные оттенки общего значения возможности и желательности – реальность (осуществимость) или нереальность (неосуществимость) действия. Правда, для дифференциации этих оттенков отчасти используется единственная возможность модификации – подвижность частицы «бы». При выражении нереального значения «бы» подвижно, обычно оно стоит непосредственно после глагола или перед глаголом:

Он приехал бы обязательно, но он болен. – Он бы приехал обязательно... Но и: он бы обязательно приехал.

При выражении реальной возможности или желания частица «бы» становится, как правило, неподвижной. В большинстве случаев она сливается с союзом «что», в результате чего возника-

Немецкий язык	Indikativ	Kommentativ (Konjunktiv I)	Konjunktiv II	Imperativ
Английский язык	Indicative	Subjunctive I, II Suppositional Conditional		Imperative
Русский язык	Индикатив	Сослагательное наклонение		Императив

ет союз «чтобы», после которого обязательна, именно в силу его происхождения, форма на -л, ср.:

Мы послали ему денег, чтобы он приехал. – Мы хотим, чтобы он приехал.

Но частица «бы» может только примыкать к союзному слову, не сливаясь с ним. Это имеет место в уступительных предложениях типа:

Когда бы он ни приехал, мы всегда ему рады.

Ср. также: *Что бы он ни говорил... Как бы он ни старался...* [6].

Все сказанное относится также к специфичной русской форме – инфинитиву с частицей «бы». В русском языке в отличие от немецкого и других западноевропейских языков возможно выражение сослагательного наклонения в инфинитиве, что непосредственно связано, с одной стороны, со способом образования формы сослагательного наклонения (при помощи частицы «бы»), с другой стороны, с распространенностью инфинитивных предложений как особого структурного типа [7].

В русском языке употребление условного наклонения более ограничено, чем в немецком. Например, нельзя сказать, что для русского языка характерно использование условного наклонения при изложении чужой речи, мнения в форме косвенной речи. Э. Дюнфорт рассматривает следующие случаи употребления сослагательного наклонения в русском языке в значении нереальности [8]:

а) Воображаемое, не существующее в действительности условие вместе с относящимися к нему последствиями:

Он, впрочем, знает, что если б он разорвал все, но сам, один, не ожидаемого слова и даже не говоря мне об этом, без всякой надежды на меня, то я бы тогда переменяла мои чувства к нему и, может быть, стала бы его другом [9].

б) Образное сравнение:

Он говорил одно, но так, как будто бы этими самыми словами хотел сказать совсем другое [10].

в) Мысленно устраненная мешающая причина:

Я бы все равно сделал это, даже если бы мир перевернулся! [11].

г) Выражения вежливости:

Если бы вы дали мне взглянуть, может быть, мог бы вам что-нибудь и сказать.

Лев Николаевич! Мог бы он у тебя ночевать, чтоб его в Петербург не тащить сегодня? [12].

д) Задуманная цель, намерение:

И чего бы я ни дал, чтобы эти глаза взглянули бы на меня с прежнею ласкою [13].

е) Предположение:

Девушка знает больше, иначе она не смеялась бы.

Я как будто бы видел все это вчера [14].

В русском языке сослагательное наклонение не встречает функционально-стилевых преград [15]. Оно употребляется и в разговорной речи, и в книжных стилях. Однако потребность в нем в силу экстралингвистических факторов появляется нечасто, поскольку модальность гипотетичности действия встречается гораздо реже, чем модальность реальности действия или побуждения к нему.

В русском языке чужая речь, т. е. речь другого лица или самого автора, но сформулированная им ранее, при иных обстоятельствах, может включаться в текст по-разному. Это может быть прямая речь, несобственно-прямая или варианты косвенной речи. В книжных стилях обычно прибегают к цитации [16].

В английском языке внутри сослагательного наклонения выделяют:

а) Subjunctive II *were, came* – для настоящего времени и *had been, hade come* – для прошедшего;

б) Subjunctive I – архаичная форма сослагательного наклонения, совпадающая с инфинитивом (*it be, he come*);

в) the Conditional Mood (условное наклонение) – аналитическая форма, т. е. сочетание инфинитива с *should/would*;

г) the Suppositional Mood (предположительное) – сочетание глагола *should* с инфинитивом.

Формы Subjunctive II и the Conditional по своему содержанию не различаются. Выбор одной из этих форм обусловлен лишь формально-синтаксическими факторами: the Conditional употребляется в главном предложении, Subjunctive II – в придаточном. В тех случаях, когда глагол не допускает аналитической формы с *should/would*, исчезают и эти формальные отличия; ср.:

If you could talk to my boss about me, it might help, где в обеих частях предложения используется одна и та же форма Subjunctive II [17].

Сослагательное наклонение, в терминологии Л. С. Ермолаевой, соответствует ирреалису, а изъявительное – реалису [18]. Пользуясь данной терминологией, охарактеризуем ирреалис с точки зрения его употребления. Реалису противопоставит ирреалис в своей парадигматической значимости (нереальность). Противопоставленность обеих форм может быть проиллюстрирована на следующих примерах [19]:

To go on like this was dangerous. To lose a minute would be fatal (J. Galsworthy).

Обычно выделяются несколько случаев употребления ирреалиса в значении нереальности, создающих оттенки данной значимости:

1) нереальные условные периоды: “As an engineer”, Kirby said, “if I were you I’d think a lot more about that”. Well, I’d look into it if I were you (D. Carter);

2) следствие нереального условия, где условие может быть выражено контекстом: Kirby! A line on Kirby. That would be something (D. Carter). Sure he wouldn't make a fool of himself like that (B. Shaw);

3) нереальное желание: "If you wouldn't always be Alan Baird!" she said, crying and smiling. "If you wouldn't always go against things!" (D. Carter) I wish you'd call me Alan. (Там же);

4) нереальное сравнение: Their marriage had survived three years, and now they found themselves back in Mickey's, waltzing as if the stuffy little place were somewhere in the Vienna woods. (D. Carter) I am tired of being turned on as if I were in the wrong. (B. Shaw) For an instant it seemed as if Ivory would knock him senseless of the fender... (A. Cronin);

5) в придаточных определительных после отрицательного главного предложения: There are not many men who would have taken the whole thing so calmly (G. Greene);

6) в придаточных уступительных (нереальных): I will go as far as this: that if a position is admittedly unkind, uncomfortable, unnecessary, and superfluously useless, although it were as respectable as the church of England, the sooner a man is out of it... (R. L. Stevenson).

Таким образом, парадигматическое значение и случаи употребления ирреалиса в современном английском языке в принципе не отличаются от значения и употребления ирреалиса в других современных языках.

Более значительные различия наблюдаются при транспозиции «реалис – ирреалис», которая носит двусторонний характер. Как и в немецком языке, транспозиция ирреалиса в сферу употребления реалиса (маркированного члена оппозиции в сферу употребления немаркированного) чаще всего придает высказыванию определенные эмоциональные оттенки и, напротив, транспозиция реалиса в сферу употребления ирреалиса (т. е. транспозиция немаркированного члена оппозиции в сферу употребления маркированного члена) направлена на преодоление языковой избыточности.

Примеры транспозиции ирреалиса в сферу употребления индикатива:

а) в вежливом обороте I should like: I should like him to be free. "Would you like to see the stables?" "Rather" (Galsworthy);

б) в некатегорических утверждениях: There are few callings, I should say, where a man gives up less of his liberty in return for regular meals (R. L. Stevenson);

в) в побудительных предложениях: Would you come in a minute, Doctor Manson? The Committee would like to see you again (A. J. Cronin). – (ср. пункт а);

г) при выражении досады, недовольствия: "Well, and what did they say to you?" "Nothing – They were very polite." "They would be." (Galsworthy);

д) в риторических вопросах: "How do you like my place, Annette?"... "Who would not like it? It is so beautiful!" (Galsworthy).

Без какого-либо стилистического оттенка ирреалис может употребляться в дополнительных придаточных предложениях после глаголов говорения, мысли и т. д. для выражения предстоящего действия (так называемое «будущее в прошедшем»): Late that evening he wrote to the Chelsea flat, asking if Irene would see him.

She saw that her sun would be against her unless he was told everything; and, yet, how could she tell him? (Galsworthy) Вместе с тем в подобных предложениях возможно употребление ирреалиса и в значении нереальности: Don't you know that if you were on the High Veldt I could see you ten miles off? (R. Kipling).

Стилистически обусловлено употребление кондиционалиса в несобственно-прямой речи: ...and the thought that he must go back to Littlehampton on the morrow, and to Oxford on the twelfth – "to that beastly exam", too – without the faintest chance of first seeing her again, caused darkness to settle on his spirit even more quickly than on the evening. He should write to her, however, and she had promised to answer. Perhaps, too, she would come up to Oxford to see her brother. That thought was like the first star... (Galsworthy).

Анализ транспозиции реалиса в сферу употребления ирреалиса затруднен тем, что флективный вариант ирреалиса омонимичен реалису у большинства глаголов. При любой трактовке данных случаев (омонимия или транспозиция), необходимо отметить решающее значение элементов контекста, среди которых первое место принадлежит, по-видимому, временной соотносительности указанных форм (соотносительность формы Past Indefinite с настоящим или будущим указывает на значение нереальности и т. д.):

"You had better tell me", he said; "it's to your advantage to be free as well as to mine. That old matter is too old." "I have told you."

Now I think you had better go (Galsworthy).

Показательно, что даже глагол to be, имеющий форму ирреалиса «were», как правило, допускает замену данной формы претеритом индикатива «was»: Oh come, Sartorius! Don't talk as if you was the only father in the world! You talk as if I was under an obligation to him for marrying me (B. Shaw). – придаточные нереального сравнения. No doubt he would share his friends last shilling if his friend was fool enough to let him (B. Shaw). – придаточное нереального условия. I wish I was four years older. I wish I was grown up (J. Lindsay) [20] – нереальное желание.

Таким образом, современный английский язык характеризуется меньшей избыточностью средств выражения нереальности, чем современный немецкий: транспозиция реалиса в сферу употребления ирреалиса в современных языках может рассматриваться как средство преодоления «избыточности» в выражении нереальности [21].

В немецком языке конъюнктив представляет собой целую систему форм, в которую входят шесть форм, имеющих соответствия в индикативе (фактически пять, так как футурум II конъюнктива практически почти не употребляется), а также две описательных формы кондиционалиса – кондиционалис I и кондиционалис II.

Формы конъюнктива подразделяются на конъюнктив I и конъюнктив II.

К формам конъюнктива I относятся презенс, перфект и футурум.

Презенс конъюнктив: *Der Richter sagte, er glaube das nicht.*

Перфект конъюнктив: *Er sagt, er habe das nicht gesehen.*

Футурум конъюнктив: *Sie sagt, sie werde morgen kommen.*

Конъюнктив I называют конъюнктивом косвенной речи, так как он передает чужую речь, мнение другого человека.

Конъюнктив II (ирреалис, или конъюнктив недействительности) употребляется для выражения нереальных условий, желаний и действий.

Конъюнктив II имеет две временные формы – форму настоящего (претеритум конъюнктив) и форму прошедшего времени (плюсквамперфект конъюнктив). Трех формам прошедшего времени индикатива в Конъюнктив II соответствует лишь одна – Plusquamperfekt Konjunktiv.

Претеритум конъюнктив: *An deiner Stelle würde ich das nicht behaupten.*

Плюсквамперфект конъюнктив: *Fast hätte ich den Bus nicht mehr erreicht.*

Исходя из двух основных функций конъюнктива (выражения возможного и воображаемого действия), а также из двух различных способов формообразования, В. Флеминг различает два вида конъюнктива: конъюнктив I и конъюнктив II. Эти грамматические формы рассматриваются им как единое наклонение [22]. Й. Буша также выделяет презентный и претеритальный конъюнктив [23]. Конъюнктив I обозначает действие, которое может, но не обязательно должно соответствовать действительности. Главная функция конъюнктива I состоит в выражении косвенного высказывания. Конъюнктив II служит для выражения нереального действия, существующего только в представлении говорящего. Это его основная функция. Дополнительная функция проявляется в обозначении неосуществимого желания и косвенного высказывания.

Употребительность конъюнктива I и конъюнктива II в зависимости от литературного жанра также различна. Конъюнктив I наиболее употребителен в научно-популярной и общественно-политической литературе. При этом функции конъюнктива I и в том и другом случае разные: в научно-популярной литературе он служит для выражения предположения и указания, наставления. В общественно-политической литературе он служит главным образом для обозначения косвенной речи.

Конъюнктив II чаще используется в художественной литературе (как в диалогической, так и в монологической речи). Анализ, проведенный Т. И. Колобовой, показал, что в художественной литературе конъюнктив широко представлен в двух видах предложений: в предложениях нереального условия и следствия (72% от общего количества всех проанализированных предложений) и в предложениях нереального сравнения (18%). В остальных видах предложений конъюнктив используется крайне редко [24].

К. Дуден выделяет следующие сферы употребления конъюнктива:

I. Требование и пожелание.

Помимо косвенной речи и модального относительного придаточного предложения, конъюнктив I играет лишь незначительную роль. Он служит для выражения желания, просьбы или требования – функции не всегда можно четко разграничить – и встречается как в главном, так и в придаточном предложении [25].

Главное предложение:

Для выражения желания или требования в конъюнктив I употребляется, прежде всего, глагол sein: *Dem Autor sei Dank...* (Die Zeit). *Ein Redner sei kein Lexikon!* (Tucholsky).

Из модальных глаголов употребляются прежде всего mögen, sollen, wollen: *Man möge es verstehen oder verurteilen* (Kantorowicz).

Смысловые глаголы также встречаются:

Man meine nicht, dass das Schauspiel komisch sei (Koeppen).

Конъюнктив I встречается относительно часто в математических текстах, в инструкциях, в указаниях к рецептам, в устойчивых выражениях и выражениях-штампах.

Man nehme täglich dreimal eine Tablette. Er lebe hoch! Gott sei Dank!

Придаточное предложение:

Если конъюнктив I выступает в зависимых придаточных предложениях желания или цели, то речь идет о косвенном изложении желания, просьбы или требования, выраженных прямой речью. Формой прямого выражения может быть императив, конъюнктив I или инфинитив с sollen.

1) Придаточное предложение, выражающее желание.

Придаточное предложение, выражающее желание, зависит от главного предложения, которое содержит глагол или существительное со значением желания, просьбы, требования. Придаточное предложение, выражающее желание, вводится союзом *dass* или без союза. Во втором случае в качестве изменяемой части сказуемого употребляется глагол *mögen*. Он занимает второе место в предложении. В первом случае глагол *mögen* является избыточным.

...und so bat ich Gott, er möge es doch einrichten, dass Jerome kein Pferd von mir verlangte (Bergengruen; auch möglich: *...und so bat ich Gott, dass er so einrichte...*).

2) Придаточное предложение цели.

Придаточное предложение цели выражает цель или намерение и вводится союзом *damit*, *auf das*, реже просто *dass*.

(Die Kinder) ... dürfen noch ein wenig aufbleiben, auf dass ihnen das Erwachsenengespräch zum Vorteil gereiche (Böll).

В придаточном цели может употребляться и индикатив. Если говорящий/пишущий выбирает конъюнктив, то этим он сигнализирует, что он сообщает намерение другого и что речь идет не о его собственном высказывании, а о косвенном ее изложении.

Необходимо отметить, что в русских предложениях, соответствующих немецким предложениям, в которых употребляется презентный конъюнктив, сослагательное наклонение не встречается [26].

В целом употребление конъюнктива в этой сфере соответствует описанной выше транспозиции ирреалиса в сферу реалиса в английском языке.

II. Нереальность и потенциальность.

Конъюнктив II служит показателем того, что говорящий/пишущий хочет, чтобы его высказывание было понято не как высказывание о чем-то реальном, существующем в действительности, а как мысленная конструкция, как высказывание лишь о чем-то представляемом, лишь возможно существующем [27]. В этом смысле Конъюнктив II – наклонение ирреальности и потенциальности.

Конъюнктив II используется как в главном, так и в придаточном предложении.

В главном предложении:

1. Для выражения нереального (неисполнимого или неисполнившегося) желания.

Ich habe keine Zeit. Ich wünsche mir: – У меня нет времени. Я желаю:

Wenn ich nur mehr Zeit hätte! – Если бы у меня было больше времени.

Hätte ich nur mehr Zeit!

Mein Freund hat mir nicht geschrieben. Ich wünsche: Мой друг мне не написал и я желаю: Hättest du mir doch nur geschrieben!

Ich habe Annas Adresse vergessen und wünsche mir: Я забыл адрес Анны. Мое желание: Wüsste ich doch ihre Adresse! – Если бы я знал ее адрес!

Könnte ich dir nur helfen! – Если бы я только мог тебе помочь.

Предложение, выражающее нереальное желание (*irrealer Wunschsatz*), может вводиться при помощи союза *wenn*. В этом случае сказуемое стоит в конце предложения. Если предложение строится без союза *wenn*, то сказуемое или его спрягаемая часть стоит в начале предложения.

В предложениях, выражающих нереальное желание, употребляют слова *doch*, *bloß*, *nur*, *doch nur*. В конце предложения стоит восклицательный знак.

Wenn sie jetzt doch da wäre! Täte es doch nur nicht so weh!

2. В нереальном повествовательном и вопросительном предложении.

1) Для выражения нереального условия в простых предложениях служат различные предложные группы. Самые распространенные из них: *an deiner Stelle* – на твоём месте, *unter anderen Umständen* – при других (иных) обстоятельствах, *ohne dich* (*deine Hilfe, deine Unterstützung*) – без тебя (твоей помощи, поддержки) и т. п.

2) В сложносочиненных предложениях с *sonst* и *andernfalls* (иначе бы, в противном случае бы).

Er mußte ein Taxi nehmen, sonst wäre er zu spät gekommen. Ему пришлось сесть на такси, иначе бы он опоздал.

Wir haben keinen freien Platz im Wagen, andernfalls (sonst) nähmen wir dich mit.

У нас нет места в машине, иначе мы бы взяли тебя с собой.

3) Для обозначения действия, которое не состоялось (ожидавшееся действие не произошло). Вследствие этого употребляется форма прошедшего времени Конъюнктив II. В таких предложениях обязательно присутствуют слова *fast*, *beinah(e)* (почти не, чуть было не):

Например:

Ich hätte beinahe mein Geld verloren. – Я чуть было не потеряла свои деньги.

Das Schiff wäre fast untergegangen. – Пароход чуть было не утонул.

4) Для выражения вежливой просьбы, обращения, часто сформулированных как вопрос:

Wären Sie so freundlich, mir zu helfen? – Не будете ли вы так любезны помочь мне?

Könntest du mir vielleicht sagen, wie ich zum Bahnhof komme? – Не мог бы ты сказать, как мне пройти на вокзал?

Würden Sie vielleicht gegen zehn Uhr noch mal anrufen? – Может быть, вы позвоните еще раз около десяти часов?

Ich hätte gern eine Tasse Kaffee. – Я выпила бы чашечку кофе.

Ich hätte gern Herrn Schneider gesprochen. – Я хотел бы поговорить с господином Шнайдером.

Würden Sie mir bitte einen Gefallen tun? – Не окажете ли Вы мне любезность?

5) В вопросах, выражающих недоверие, сомнение: *Sollte es wirklich so spät sein?* – Неужели так поздно?

Würdest du mir tatsächlich Geld leihen? – Ты мне действительно одолжишь денег?

Das wäre ihr Bruder? – Это ее брат?

6) Если говорящий стремится очень осторожно выразить свое предположение. Здесь употребляется глагол *dürfen*.

Sie dürfte etwa zwanzig sein. – Ей, наверное, около двадцати лет.

Zum Einkaufen dürfte es zu spät sein. – Пожалуй, поздно ходить за покупками.

7) Если говорящий сообщает о том, что часть какого-то действия закончена:

So, das wäre für heute! – На сегодня, пожалуй, все.

Das hätten wir geschafft. – С этим мы справились.

Endlich wären wir zu Hause! – Ну, наконец-то мы дома.

8) Если выражается совет, поучение.

Здесь употребляется глагол *sollen – sollte*.

Du solltest es nie vergessen! – Тебе никогда не следовало бы этого забывать.

Du hättest früher daran denken sollen. – Тебе следовало бы раньше об этом подумать.

В придаточных предложениях:

1. Для выражения нереального условия. В этом случае используются нереальные условные придаточные предложения (*irreale Konditionsätze*), союзные и бессоюзные. В нереальных условиях речь идет о неисполнимом или неисполнившемся плане, пожелании. В главном и придаточном предложениях стоит Конъюнктив II.

Придаточное предложение может стоять перед главным или после главного предложения, например:

Wenn ich Zeit hätte, käme ich zu dir. Ich käme zu dir, wenn ich Zeit hätte.

Если бы у меня было время, я пришел бы к тебе (настоящее время).

Wenn ich gestern Zeit gehabt hätte, wäre ich zu dir gekommen.

Если бы у меня вчера было время, я бы к тебе пришел (прошедшее время).

Условное предложение может употребляться и без союза *wenn*. В этом случае сказуемое в придаточном перемещается на первое место, а главное предложение может начинаться с *dann* или *so* и всегда стоит за придаточным.

Hätte ich gestern Zeit gehabt, so wäre ich zu dir gekommen.

2. Для сравнения нереальных кажущихся действий в нереальных придаточных сравнительных предложениях. Предложения этого типа вводятся союзами *als ob*, *als wenn* или *als* (как будто бы). После союзов *als ob*, *als wenn* спрягаемая часть союза стоит на последнем месте, например:

Sie schaut mich an, als ob sie mich nicht verstanden hätte.

Если придаточное присоединяется к главному союзом *als*, спрягаемая часть сказуемого стоит сразу за союзом.

Er hat solchen Hunger, als hätte er seit Tagen nicht gegessen.

Главное предложение содержит реальное высказывание и стоит в индикативе.

Sie schaut mich an, als ob sie mich nicht verstünde. Она смотрит на меня так, как будто не понимает меня. (Одновременное действие.)

Sie schaut mich an, als ob sie mich nicht verstanden hätte. (Разновременное действие.)

3. Для выражения нереального действия, которое могло бы последовать в нереальных придаточных предложениях следствия. Нереальные придаточные предложения следствия вводятся союзами: *zu ... als dass*, *so dass*, *ohne dass*.

В предложениях с наречием *zu* или *allzu* *zu* означает, что действие или состояние выходят за границы возможного или переносимого, поэтому следствие, называемое в придаточном предложении, не может осуществиться. В придаточном предложении всегда стоит Конъюнктив II.

Es ist zu spät, als dass wir noch bei ihm anrufen könnten. Уже слишком поздно, чтобы звонить ему.

Ich habe das Tier allzu gern, als dass ich es weggeben könnte. Я слишком люблю это животное, чтобы отдать его.

Следствие, называемое в предложении с *so... dass* никогда не наступит, поэтому придаточное предложение стоит в Конъюнктив II.

Sie hat so viel Energie, dass sie das alleine schaffen könnte. У нее столько энергии, что она могла бы сама справиться с этим.

В предложении с союзом *ohne dass* тоже стоит Конъюнктив II, так как ожидаемое следствие не реализуется.

Er ging weg, ohne dass er sich verabschiedet hätte. – Он ушел, не попрощавшись.

4. Часто, но не обязательно, Конъюнктив II употребляется в предложениях, которым предшествует главное предложение с отрицанием (придаточные относительные). Например:

Ich kenne kein Schiff, das schneller fähre. – Я не знаю ни одного судна, которое плавало бы быстрее.

Наряду с обычными формами Конъюнктив II существует особая форма, состоящая из глагола *würde* + *Infinitiv*. Это описательная, универсаль-

ная форма Konjunktiv II, которая может заменить почти все формы Konjunktiv II от слабых и сильных глаголов.

Эта описательная форма называется Konditionalis и образуется при помощи глагола werden в Konjunktiv II – würde и Infinitiv I или Infinitiv II основного глагола.

Konditionalis I – ich würde schreiben, du würdest schreiben, er würde schreiben usw.

Konditionalis II – ich würde geschrieben haben, du würdest geschrieben haben, er würde geschrieben haben usw.

Замена описательной формой происходит в тех случаях, когда форма Konjunktiv II Imperfekt совпадает с формой Indikativ Imperfekt слабых глаголов.

Wenn er regelmäßig trainierte, erreichte er mehr, (совпадение форм Indikativ и Konjunktiv II).

Wenn er regelmäßig trainieren würde, erreichte er mehr. – Если бы он регулярно тренировался, он достиг бы большего.

Форма würde + Infinitiv используется и в тех случаях, когда мы имеем дело с малоупотребительными формами Konjunktiv Imperfekt некоторых сильных глаголов.

Wenn ich Zeit hätte, helfe ich dir. – Wenn ich Zeit hätte, würde ich dir helfen. – Если бы у меня было время, я бы тебе помог.

В сложных предложениях würde может употребляться только один раз в первой или второй части предложения:

Wenn ich Karin fragen würde, berichtete sie mir von ihrer Tätigkeit.

или:

Wenn ich Karin fragte, würde sie von ihrer Tätigkeit berichten. Если бы я спросил Карин, она сообщила бы о своей работе.

Не всегда употребление würde обозначает замену Konjunktiv II. Würde может быть в предложении частью составного именного сказуемого или вспомогательным глаголом для образования Passiv:

Wenn er doch bald gesund würde! – Если бы он скорее выздоровел!

Er sieht so aus, als würde es Winter. – Выглядит так, как будто зима.

Wenn ich gefragt würde, wüßte ich auch keine Antwort. – Если бы меня спросили, я бы тоже не знал ответа.

III. Косвенная речь

Самая важная область применения конъюнктива – это косвенная речь. В косвенной речи наряду с формами индикатива могут употребляться формы конъюнктива I и II. При этом в обыденном общении (устном и письменном) употребляются преимущественно формы индикатива, напр.: *Er sagt, dass er heute später nach Hause kommt.* / *Er sagt, er kommt heute später nach*

Hause. – Он говорит, что придет сегодня домой позже.

В письменной форме литературного языка (официальном общении) более привычным является конъюнктив I, который при совпадении с соответствующими формами индикатива заменяется соответствующими формами конъюнктива II (презенс на претеритум, а перфект на плюсквамперфект), напр.: *Sie sagten, sie hätten das nicht gewußt* (вместо формы “haben ... gewußt”, совпадающей с перфектом индикатива). – Они сказали, что они этого не знали. Важным является то, что конъюнктив позволяет продолжить косвенную речь за рамками придаточного предложения, напр.: *Er sagte, er habe Anna gestern nicht gesehen.* Er sei den ganzen Tag in der Universität gewesen. – Он сказал, что вчера он не видел Анну. Он был весь день в университете.

Индикатив и конъюнктив I служат для передачи слов третьего лица в нейтральной форме. В том же случае, если говорящему необходимо дистанцироваться от слов третьего лица, употребляются формы конъюнктива II, напр.: *Er sagt, ich hätte das Buch genommen.* – Он говорит, что я якобы (будто бы) взял эту книгу. (А я хочу сказать, что я ее не брал, а это обвинение абсурдно.)

Как и в придаточных предложениях нереального сравнения, в косвенной речи перфект и плюсквамперфект конъюнктива обозначают предшествование действию главного предложения, презенс и претеритум конъюнктива – одновременность с действием главного предложения, а футур I и кондициональ I используются тогда, когда действие придаточного предложения следует за действием главного предложения, напр.:

Er sagte, er habe (hätte) sie heute gesehen. – Он сказал, что видел ее сегодня.

Er sagte, er sehe (säbe) sie die Treppe hinuntergehen. – Он сказал, что видит, как она спускается по лестнице.

Er sagte, er werde (würde) sie heute unbedingt sehen. – Он сказал, что обязательно увидит ее сегодня.

Так, анализ материала показал, что сослагательное наклонение в трех контактирующих языках выполняет схожие функции. Во время формирования программы высказывания в плане наклонения проявляется неосознанный перенос из родного языка, имеющий результатом интерференцию. В этом случае необходимо сопоставление немецкого и английского языков.

Примечания

1. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984. 134 с.; Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. М.: Высш. шк., 1963. 428 с.;

- Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970. 207 с.; Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высш. шк., 1981. 183 с.; Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка. М.: Изд. центр «Академия», 2004. 352 с.; Смирницкий А. И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков / под общ. ред. О. С. Ахмановой. Изд. 2-е. М.: Высш. шк., 1975. 378 с.
2. Зеленецкий А. А. Сравнительная типология основных европейских языков. М.: Изд. центр «Академия», 2004. 252 с.
 3. Русский язык: энциклопедия / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН; науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия»; гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом «Дрофа», 1998. 703 с.
 4. Зеленецкий А. А. Указ. соч.
 5. Ермолаева А. С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М.: Высш. шк., 1987. 128 с.
 6. Русский язык...
 7. Там же.
 8. Дюнфорт Э. Грамматическое строение языка как произведение искусства. М.: Парсифаль, 1997. 320 с.
 9. Достоевский Ф. М. Идиот. М., 1987.
 10. Там же.
 11. Там же.
 12. Там же.
 13. Там же.
 14. Там же.
 15. Глуб И. Б. Стилистика русского языка. 6-е изд. М.: Айрис-пресс, 2005. 448 с.
 16. Там же; Солганик Г. Я. Практическая стилистика русского языка. М.: Изд. центр «Академия», 2006. 304 с.
 17. Гуревич В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2003. 168 с.; Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка, М.: Высш. шк., 1981. 285 с.
 18. Ермолаева А. С. Указ. соч.
 19. Цит. по: Бархударов А. С., Штелинг Д. А. Указ. соч.
 20. Цит. по: Там же.
 21. Ермолаева А. С. Там же.
 22. Flätig W. Zum Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1959.
 23. Buscha J., Zoch I. Der Konjunktiv. Leipzig: Leipzig Langenscheidt, 1992.
 24. Колобова Т. И. Методика работы над конъюнктивом на втором курсе языкового вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1974. 21 с.
 25. Duden Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / Duden. Leipzig: Dudenverlag, 1998.
 26. Абрамов Б. А. Избранные работы по немецкой грамматике и общим проблемам языкознания / под общ. ред. Н. Н. Семенюк. М.: «Кругъ», 2003. 424 с.; Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. 286 с.
 27. Duden Grammatik der deutschen Gegenwartssprache.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.14

Е. А. Злобина

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ И ВЫЯВЛЕНИЕ УРОВНЕЙ ЕЕ СФОРМИРОВАННОСТИ

В статье рассматриваются современные подходы к определению гражданской ответственности. Выявлены отличительные особенности концепций воспитательной работы физико-математического факультета РГУ им. С. А. Есенина, ВятГГУ и ЧГПУ им. И. Я. Яковлева и уровни сформированности гражданской ответственности студентов данных вузов.

The article deals with modern approaches to determine civic consciousness. The distinctive features of concepts of educational work on physics and mathematics department of RGU named after S. A. Esenin, VyatGGU and CHGPU named after I. Ya. Yakovlev and the levels of civic consciousness formation of students.

Ключевые слова: гражданственность, концепция воспитательной работы, политическая, правовая и нравственная компетентности, патриотизм, педагогическая специальность.

Keywords: civic consciousness, concept of educational work, political, law and moral competences, patriotism, pedagogical speciality.

Решение многих актуальных проблем современного общества существенным образом зависит от уровня сформированности гражданской ответственности подрастающего поколения, поэтому гражданское развитие личности представляет важнейшую составляющую образовательного процесса.

Система высшего образования обладает потенциальными возможностями для формирования гражданской ответственности у студентов, так как не только формирует соответствующие мировоззренческие ориентации, но и осуществляет становление необходимых качеств личности, которые обеспечивают жизнедеятельность будущего специалиста как гражданина.

В процессе толкования понятия «гражданственность» возникает немало трудностей как теоретического, так и практического характера. Они обусловлены исключительной сложностью

явления и неопределенностью категории. Главная трудность – это отсутствие научного обоснования термина «гражданственность», который на повседневном уровне всем, как правило, знаком и понятен.

Рассмотрим дефиниции понятия «гражданственность» с точки зрения подходов, применяемых к ее исследованию.

Приверженцы политологического подхода (И. Н. Руссу и др.) определяют гражданственность как совокупность политических, юридических и моральных качеств и свойств личности, которые интериоризируются в личности, характеризуют ее как гражданина, обуславливая его характер, степень проявления отношений к обществу, государству и представляют собой органическое единство. Гражданственность – это развитое осознание общественного долга, возрастание моральной личной ответственности за порученное дело коллектива, всего общества [1].

Представители компетентностного подхода (В. А. Болотов, А. А. Пинский, Б. Д. Эльконин, И. А. Зимняя и др.) дают определение гражданской ответственности как одной из ключевых компетентностей современного человека, заинтересованного в успешной собственной адаптации и самоактуализации в условиях государства и гражданского общества, мотивированного на развитие, укрепление статуса общества и государства в мировом сообществе [2].

Сторонники правового подхода (А. Б. Гутников, Н. И. Элиасберг и др.) определяют гражданственность как отношение гражданина к власти, государству, обществу, наличие гражданской позиции, членство в общественных организациях, общественных движениях, чья деятельность направлена на защиту прав и свобод, на укрепление гражданского общества и правового государства, на совершенствование демократии [3].

В рамках деятельностного подхода (Р. Р. Гаязов, В. В. Давыдов, В. В. Репкин и др.) гражданственность определяется как интегральное личностное качество, обладающее полифункциональностью. Это означает, что гражданственность разнонаправлена и ее формирование у студенческой молодежи должно осуществляться не только при изучении дисциплин гуманитарного, общественного, правового и психолого-педагогического циклов, но и в процессе активной социализации личности в общественно-политической действитель-

ности, в профессиональном самоопределении. При формировании гражданской ответственности весомую роль приобретает основополагающий принцип связи сознания и деятельности, когда необходимо изучать, как складываются жизненные отношения человека в тех или иных общественно-исторических условиях и каково особое строение деятельности, которое данные отношения порождает. Через деятельность реализуются нравственные качества личности и одновременно осуществляется форма связи с обществом, с системой ее ценностей. Процесс формирования гражданской ответственности подразумевает под собой обращение к внутренней деятельности, потому что она способствует воспитанию важных и нужных качеств гражданина посредством вовлечения субъектов обучения в деятельность, в ходе которой у них закладываются в сознание определенные образцы и модели поведения, знания [4].

Исследователи системного подхода рассматривают гражданственность как интегративное качество личности, развивающееся в целостном интегрированном педагогическом процессе, в котором все компоненты в максимальной степени взаимосвязаны. Данный подход позволяет раскрыть взаимосвязь субъектов воспитательно-педагогического процесса (педагоги, студенты, ученики), всех компонентов гражданской ответственности (политический, правовой, патриотический, нравственный), учебной и внеучебной работы [5].

С точки зрения этнопедагогического подхода гражданственность представляет собой нравственное качество личности, которое формируется с опорой на национальные традиции народа, его культуру, национально-этническую образованность, обычаи, ритуалы и с учетом этнической идентичности воспитуемого, что помогает воспитать культурно образованную личность. Данный подход предполагает личностное освоение студентом этнопедагогических ценностей, ценностей, знаний и умений воспитания подрастающих поколений как представителей определенного этноса. Гражданственность – это высшая форма патриотизма, а патриотизм проявляется в любви к своей родине, к своим культурным и генетическим корням [6].

В данном исследовании мы рассматриваем гражданственность как интегративное качество личности, включающее личностно значимые, нравственно-правовые и политические знания, мировоззренческие и культурные ментальные ценности, любовь к Родине, способность и готовность реализовать на практике права и обязанности члена демократического государства [7].

В нашем понятии мы опираемся на идеи вышеназванных подходов:

– на основе анализа идей компетентностного подхода мы выделяем в понятии «гражданствен-

ность» способность и готовность реализовать на практике знания и умения, права и обязанности гражданина;

– на основе анализа идей политологического подхода мы выделяем в политической компетентности политические знания и умения, овладение мировоззренческими политическими установками, проявление стойкости в их проведении в жизнь, политическую сознательность, способность глубоко осмысливать политические события, давать им оценку, делать правильные тактические и стратегические выводы, проявлять готовность к активному участию в управлении государством;

– на основе анализа идей правового подхода мы выделяем в правовой компетентности правовые, коммуникативные, трудовые и профессиональные знания и умения, глубокое уважение к закону, правовую грамотность, чувство гражданской совести, умение оценивать замыслы, поступки, поведение людей с точки зрения норм права, правоупотребительное поведение, гражданскую потребность в осуществлении правового просвещения и борьбы с правонарушениями, осознание прав, обязанностей гражданина и правовую ответственность;

– на основе анализа идей этнопедагогического подхода мы выделяем такие патриотические качества, как любовь и преданность Родине, безграничная вера в будущее России, гордость за свою страну, чувство долга, выражающееся в готовности к защите Отечества, приверженность идеалам, ценностям и традициям своего народа, социальный оптимизм;

– на основе анализа концепций нравственно-педагогического воспитания ведущих российских педагогов к составляющим нравственной компетентности мы относим отношение к личности как к наивысшей ценности, проявляющееся в таких нравственных качествах, как уважение к правам, свободе и достоинству личности, справедливость, ответственность, толерантность, отзывчивость, соизмерение личных интересов с общественными, сплоченность, гуманность, милосердие.

Специфика формирования гражданской ответственности будущего учителя заключается в учете ментальных особенностей ее формирования при организации образовательного процесса высшего учебного заведения. Осознание личной принадлежности к своей национальной культуре является важной характерной чертой будущего учителя, так как это определяет его мировоззрение. Патриотизм рассматривается как необходимая составляющая часть личности гражданина демократического государства и будущего специалиста.

Анализ концепции воспитательной работы физико-математического факультета Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, Вятского государственного гуманитарного универси-

тета и Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева позволяет отметить, что политическое образование студентов осуществляется в ходе изучения предмета «Политология» на старших курсах. Политическая сознательность будущих учителей проявляется в участии в политической жизни страны: проведение государственных акций (выборы президента РФ, депутатов Государственной Думы), добровольное оказание помощи в проведении агитационных и выборных кампаний. Правовое образование осуществляется, прежде всего, через ознакомление студентов с их правами и обязанностями, которые определены Уставом университета, а также в ходе изучения таких предметов, как отечественная история, основы российского права, политическая культура. В рамках патриотического воспитания проводятся факультетские, университетские и общегородские мероприятия, связанные со знаменательными датами в истории Отечества (празднование Дня Победы), осуществляется участие в праздновании знаменательных и юбилейных дат в истории университета и факультета и в спортивных соревнованиях, организуются встречи с ветеранами.

В концепциях воспитательной работы вузов заложены компоненты политического, правового, патриотического и нравственного воспитания. Различия в их реализации в рамках учебно-воспитательного процесса позволяют нам говорить о национально-региональных особенностях концепций воспитательной работы РГУ им. С. А. Есенина, ВятГГУ и ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. Для вы-

явления уровня сформированности гражданственности студентов была проведена диагностика. Полученные результаты обобщены в табл. 1–4.

На основе анализа полученных данных выявлен низкий уровень проявления интереса к политическим событиям у студентов РГУ им. С. А. Есенина и ВятГГУ. Изучая политологию, студенты слабо осознают необходимость наличия политических знаний для своей будущей педагогической профессии, поэтому они неактивно проявляют интерес к политическим событиям. Более высокий уровень по данному показателю прослеживается у студентов ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. Мы объясняем данные результаты тем, что в концепции воспитательной работы ЧГПУ им. И. Я. Яковлева предусмотрено проведение круглых столов по актуальным вопросам политики и общественной жизни, парламентских дебатов, деловых и интеллектуальных игр, организация встреч с общественными и политическими деятелями. Студенты данных вузов активно принимали участие в выборах президента и депутатов Государственной Думы. В связи с этим данный показатель является у всех студентов самым высоким. Низкие результаты по остальным показателям свидетельствуют о недостаточной работе в рамках политического воспитания студентов.

Проведенное исследование показало, что лучший уровень правовых знаний демонстрируют студенты РГУ им. С. А. Есенина. Данный результат объясняется наличием глубоких правовых знаний студентов, которые они приобрели в ходе

Таблица 1

Уровень сформированности политической компетентности студентов

№	Показатели	Количество студентов, в %		
		РГУ им. С. А. Есенина	ВятГГУ	ЧГПУ им. И. Я. Яковлева
1	Интерес к политическим событиям	4,2	1,6	50
2	Участие в выборах	100	100	100
3	Участие в митингах	–	6,4	–
4	Участие в политических движениях	1,4	–	5

Таблица 2

Уровень сформированности правовой компетентности студентов

№	Показатели	Количество студентов, в %		
		РГУ им. С. А. Есенина	ВятГГУ	ЧГПУ им. И. Я. Яковлева
1	Наличие правовых знаний	94,4	68	80
2	Вера в построение правового государства в РФ	67,2	56	70
3	Обязанность хорошо учиться	7	12,8	60
4	Ответственность за будущую профессиональную деятельность	7	12,8	60
5	Правовая ответственность	28	27,2	65
6	Участие в органах самоуправления	12,6	12,8	5

изучения отечественной истории, основ российского права и политической культуры. Участие в органах студенческого самоуправления (студенческий совет, профком) способствует практическому усвоению прав и обязанностей студентов. Низкие результаты по данному показателю свидетельствуют об отсутствии у большинства студентов интереса к деятельности органов студенческого самоуправления и желания реализовать свои студенческие права через систему самоуправления. Веру в построение правового государства и участие в деятельности, имеющей гражданскую направленность, продемонстрировали студенты ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. Одной из причин этого мы считаем участие студентов в конкурсе социальных проектов «Я – гражданин» и конкурсах учебных судов.

Высокий уровень идентификации себя в качестве патриота России объясняется, на наш взгляд, тем, что в ЧГПУ им. И. Я. Яковлева уделяется внимание изучению культурных и этнопедагогических традиций чувашского народа в процессе преподавания таких предметов, как культура родного края, история педагогики, чувашский язык, так как изучение культуры своего народа является основой патриотического отношения к малой Родине. Для формирования патриотического сознания организуется посещение музеев педагогического университета. Данному направлению уделяется внимание также в концепции воспитательной работы ВятГГУ, а именно для раз-

вития любви к своей родной земле на IV курсе преподается такой предмет, как история Вятского края. Однако менее половины студентов считают себя патриотами. К возможным причинам низких результатов можно отнести слабо осмысленную студентами необходимость проявления патриотических чувств, которые должны быть присущи студентам как будущим учителям.

Более развитым нравственным качеством у студентов вышеназванных вузов является коллективизм, который проявляется в готовности к сотрудничеству. С нашей точки зрения, высокий уровень сформированных нравственных качеств толерантности и ответственности студентов ЧГПУ им. И. Я. Яковлева был достигнут благодаря преподаванию предмета «Имидж и деловой этикет учителя», в процессе изучения которого у студентов формируются нравственные качества и гражданские ценности, необходимые будущему учителю. Недостаточное понимание важности сформированности данных качеств для будущего педагога проявляется в отсутствии необходимости реализовывать их в деятельности (участие в благотворительных акциях), поэтому результаты также незначительны.

На основе разработанных критериев и показателей мы попытались определить уровни сформированности компонентов гражданской ответственности студентов.

Среднего уровня сформированности политической компетентности по показателям деятельност-

Таблица 3

Уровень сформированности патриотизма студентов

№	Показатели	Количество студентов, в %		
		РГУ им. С. А. Есенина	ВятГГУ	ЧГПУ им. И. Я. Яковлева
1	Личностная идентификация в качестве патриота России	84,6	42,4	90
2	Социальный оптимизм	67,2	56	95
3	Готовность к защите Отечества	15,4	17,6	70
4	Верность традициям страны	19,6	20,8	45
5	Участие в общественной деятельности	15,4	14,4	55

Таблица 4

Уровень сформированности нравственной компетентности студентов

№	Показатели	Количество студентов, в %		
		РГУ им. С. А. Есенина	ВятГГУ	ЧГПУ им. И. Я. Яковлева
1	Коллективизм	95,8	90,4	90
2	Толерантность	11,2	12,6	60
3	Ответственность	8,4	9,6	100
4	Соизмерение личных интересов с общественными	28	27,2	70
5	Участие в благотворительных акциях	1,4	3,2	15

ного критерия достигают студенты вышеназванных вузов; по показателям эмоционально-ценностного критерия – студенты ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. На низком уровне по показателям эмоционально-ценностного критерия находятся студенты РГУ им. С. А. Есенина и ВятГГУ.

Высокого уровня сформированности правовой компетентности по показателям деятельностного критерия достигают студенты ЧГПУ им. И. Я. Яковлева; по показателям когнитивного критерия – студенты РГУ им. С. А. Есенина. Средний уровень по показателям когнитивного критерия достигнут студентами ВятГГУ; по показателям эмоционально-ценностного критерия – студентами ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. На низком уровне по показателям эмоционально-ценностного критерия находятся студенты РГУ им. С. А. Есенина и ВятГГУ; по показателям деятельностного критерия – студенты ЧГПУ им. И. Я. Яковлева.

Высокий уровень сформированности патриотизма по показателям эмоционально-ценностного критерия достигнут студентами РГУ им. С. А. Есенина и ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. На среднем уровне по эмоционально-ценностному критерию находятся студенты ВятГГУ; по деятельностному критерию – студенты ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. На низком уровне по показателям деятельностного критерия находятся студенты РГУ им. С. А. Есенина и ВятГГУ.

Высокий уровень сформированности нравственной компетентности по показателям эмоционально-ценностного критерия достигнут студентами ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. Средний уровень по показателям эмоционально-ценностного критерия достигнут студентами РГУ им. С. А. Есенина и ВятГГУ; по показателям деятельностного критерия – студентами ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. На низком уровне по показателям деятельностного критерия находятся студенты РГУ им. С. А. Есенина и ВятГГУ.

Таким образом, результаты исследования позволяют определить уровни сформированности гражданственности студентов педагогических специальностей физико-математического факультета Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, Вятского государственного гуманитарного университета и Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.

Примечание

1. Руссу И. Н. Воспитание гражданственности у учащихся общеобразовательной школы. Кишинев: Штиинца, 1976. 192 с.

2. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результатов образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42.

3. Скалина А. Н. «Политическая культура» и «гражданственность»: содержание понятий // Становление и развитие политической системы Российской

Федерации: материалы «Круглого стола». Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. С. 39–43.

4. Степанов Е. Н., Лузина Л. М. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания. М.: ТЦ СФЕРА, 2003. 150 с.

5. Там же.

6. Лебедева О. В. Воспитание патриотизма и культуры межнационального общения школьников: учебное пособие. М.: ТЦ СФЕРА, 2007. 168 с.

7. Лебедева О. В. Гражданское образование в России (историко-педагогическое исследование). М.: ТЦ СФЕРА, 2004. 242 с.

УДК 159.922.1

Т. В. Малова

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ГЕНДЕРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье на основе анализа имеющихся базовых понятий «гендер» и «самоопределение личности», установления между ними связей и зависимостей сформулировано новое понятие «гендерное самоопределение личности», охарактеризованы его структурные компоненты. Сквозь призму общенаучных подходов раскрыта педагогическая сущность процесса гендерного самоопределения личности.

In this article, based on general notion analysis of “gender” and “personal self-determination” the author gives a new definition to the term “person’s gender self-determination”. The characteristics of structural components are given. Considering different scientific approaches the author reveals the pedagogical essence of the process of person’s gender self-determination.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентичность, гендерная педагогика, гендерные идеалы, гендерные роли, гендерные стереотипы, гендерная индивидуальность, педагогическое сопровождение, самоопределение.

Keywords: gender, gender identity, gender pedagogics, gender ideals, gender roles, gender stereotypes, gender individuality, pedagogical assistance, self-determination.

Гендерные исследования в последнее время достигли довольно широкого размаха в различных областях науки, особенно в психологии, социологии, гендерологии и феминологии. Актуальными они стали и для педагогики, в рамках которой сравнительно недавно наряду с общенаучными методологическими подходами выделился гендерный подход (Е. Н. Каменская, Л. И. Столярчук и др.).

Оснований для обращения к гендерной проблематике со стороны педагогической науки и практики вполне достаточно. Отмечается массовое нарушение здоровья мужчин и женщин: физического, психического, сексуального. Ученые пытаются охарактеризовать проблемы гендерно-

© Малова Т. В., 2009

го развития личности, установить их связи и зависимости с социальной средой, найти причины различных девиаций в мужском и женском образах жизни (В. А. Геодакян, И. С. Клецина, И. С. Кон, Д. Майерс, И. Г. Малкина-Пых и др.).

Социологические исследования о ценности семьи и выполняемых в ней гендерных ролей мужчины и женщины свидетельствуют о том, что остро стоит проблема сексуальной свободы личности. Это способствует возникновению ранней беременности, распространению венерических заболеваний, росту числа брошенных детей, аборт, суицидов, сексуальных преступлений и т. д., т. е. нравственному падению общества вообще. Кроме того, нет единого мнения в вопросах социального равенства, власти и подчинения между мужчиной и женщиной как в сфере общественных отношений, так и в семье. Однако самой главной причиной возникновения имеющихся проблем является снижение уровня нравственности мужчин и женщин, несовпадение ценностных ориентаций молодежи с общечеловеческими ценностями, отсутствие ответственности за свои поступки перед обществом. Безусловно, все это негативно влияет на развитие современной семьи (И. В. Бестужев-Лада, А. Н. Захарова, Н. А. Рюриков, А. К. Юрциня и др.).

Нормативно-правовые правительственные документы указывают на необходимость оптимизировать процесс гуманизации образования, в рамках которого культура рассматривается как связующий фактор между социальным и генетическим началами мужчины и женщины. Культура является первичной по отношению к образованию, создает систему общественного воспитания, определяя в нем основные ценностные ориентации (С. В. Бадмаева, И. Е. Видт, В. А. Караковский, И. А. Колесникова, А. В. Коломийченко и др.); однако «гендерное самоопределение личности» как педагогическая категория в аспекте гуманистической парадигмы образования недостаточна изучена.

Поэтому целью нашего исследования является теоретическое обоснование сущности и структуры гендерного самоопределения личности в педагогическом аспекте.

Для ее решения рассмотрим понятия «гендер» и «самоопределение», затем сформулируем определение «гендерное самоопределение личности» и, наконец, охарактеризуем его структурные компоненты.

Осмысление категории «гендерное самоопределение личности», определение ее сущности как педагогического явления необходимо начать с выделения базового понятия – «самоопределение», достаточно подробно проанализированное Т. В. Машаровой в контексте философских, психологических и педагогических исследований

(А. И. Божович, О. С. Гребенюк, В. Н. Дружинин, Т. В. Машарова, В. Ф. Сафин, М. И. Рожков и др.).

Самоопределение личности – это способность определять себя в мире, понять собственные возможности, осознать свое место и назначение в жизни, в избранной сфере общественной и трудовой деятельности, в личной жизни и карьере, стремление позитивно изменить социум [1].

По данным отечественных источников, самоопределение личности в целом проявляется в виде следующих форм: конвенционально-ролевое; ценностно-смысловое; профессиональное; семейное; социальное; жизненное [2]. Каждый вид самоопределения по своему объекту соотносится с определенной сферой жизни, которой овладевает личность. Но в гендерном аспекте самоопределение личности практически не изучено.

Это объясняется тем, что первоначально в отечественной науке использовали понятие «пол», а не «гендер». Оно применялось для обозначения анатомо-физиологических особенностей мужчины и женщины. Биологический пол человека рассматривали как фундамент и первопричину психологических и социальных различий между мужчинами и женщинами. Однако в процессе исследований стало ясно, что с биологической точки зрения между мужчинами и женщинами гораздо больше сходства, чем различий [3].

Ученые установили, что представления о «типично мужском» и «типично женском» весьма условны. Они проявляются в чертах характера, поведении, выборе профессии и др. Это явилось основанием для возникновения понятия «гендер» и использования его для обозначения совокупности социальных и культурных норм, которые общество предписывает людям, в зависимости от их биологического пола [4].

Что же такое «гендер»? Гендер рассматривается с разных позиций. Гендер как социально-психологический пол человека, представляет собой совокупность его психологических характеристик и особенностей социального поведения, проявляющихся в общении и взаимодействии. Базовым образованием в гендере является психологический пол личности, т. е. достижение определенного уровня полового самосознания и половой идентификации, реальное овладение мужской или женской ролью [5].

Кроме того, гендер – это сложный социокультурный процесс формирования (конструирования) различий в мужских и женских ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках, и сам результат этого процесса – социальный конструкт гендера. Важными элементами конструирования гендерных различий являются противопоставление «мужского» и «женского» и подчинение женского начала мужскому [6].

Безусловно, гендер является важной характеристикой личности, в рамках которой особое место занимает гендерная идентичность, понимаемая как разновидность социальной идентичности, характеризующая человека с точки зрения его принадлежности к мужской или женской группе. Гендерная идентичность – осознание себя в связи с культурным содержанием мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности) [7].

Однако в современных условиях развития общества у людей прослеживается неадекватная гендерная идентичность, так как представления о мужественности и женственности весьма размыты. Человек имеет возможность выбора своего пола посредством операционного вмешательства. Среди современной молодежи распространен отказ от гендерных норм и стереотипов, соответствующих гендерных ролей. Практикуется сексуальное сожительство с людьми одного пола и др. Следовательно, человек имеет право выбора. Он хозяин своей судьбы и самоопределяется в гендерном развитии.

В науке уже выявлены понятия «гендер», «гендерная идентичность», «гендерное самосознание», «гендерные стереотипы», «самоопределение», «социальное самоопределение», «жизненное самоопределение» и др. Однако отсутствует понятие «гендерное самоопределение личности», раскрывающее субъективную позицию гендерного развития человека. В связи с этим возникла необходимость сформулировать авторское понятие «гендерное самоопределение».

Гендерное самоопределение личности – это сознательное и свободное выявление, выбор, обоснование и утверждение человеком собственной жизненной позиции в роли мужчины или женщины в различных проблемных ситуациях; выбор траектории собственного развития по маскулинному, фемининному или андрогинному типу личности на основе самоосмысления и переосмысления мужских или женских стереотипов, оценки ресурсных и потенциальных гендерных возможностей личности, учета их сильных и слабых сторон. Одновременно в процессе собственной деятельности в зависимости от социальной ситуации в индивиде (юноши или девушки) экстерииорируются качества, присущие ему как мужчине или женщине.

Опираясь на исследования В. Ф. Сафина, в структуре гендерного самоопределения можно условно выделить четыре взаимосвязанных компонента: «хочу», «есть», «могу», «надо» [8]. Охарактеризуем более подробно каждый из этих компонентов.

Ценностные ориентации составляют мотивы и устремления молодежи («хочу»). Ценностные ориентации – элементы внутренней структуры

личности, сформированные и закрепленные жизненным опытом индивида в ходе процессов социализации и социальной адаптации. Это устремления к собственному идеалу мужчины/женщины, который определяется в первую очередь под влиянием семьи, общества сверстников, средств массовой информации.

Ценностные ориентации, являясь одним из центральных личностных образований, выражают сознательное отношение человека к социальной действительности. Они не всегда соотносятся с возможностями человека, и тем более с гендерными требованиями и нормами общества.

Следующим компонентом гендерного самоопределения является *гендерная идентичность* («есть»), т. е. осознание человеком своих качеств маскулинности/фемининности, представление о своем реальном «Я» как представителе конкретного пола. Очевидно, что гендерная идентичность – это базовая структура социальной идентичности, которая характеризует человека (индивида) с точки зрения его принадлежности к мужской или женской группе, при этом наиболее значимо как сам человек себя категоризирует в связи с культурными определениями мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности).

Не менее важное место занимает *гендерная самооценка потенциальных возможностей и способностей* («могу») мальчика (юноши) и девочки (девушки), которая определяется степенью полового созревания и стремлением стать взрослым. В данном случае интересна предложенная С. Бем классификация типов личности по степени самооценки мужчинами и женщинами своих качеств маскулинности и фемининности (табл. 1). Данная классификация свидетельствует о том, что по своей физиологической сущности человек может быть либо мужчиной, либо женщиной. Однако по социально-психологическим признакам в рамках мужского и женского начал весьма много индивидуального [9].

Результаты наших исследований показали, что наибольшее распространение среди современной молодежи получил андрогинный тип (см. табл. 1).

Последним в структуре гендерного самоопределения являются *гендерные нормы и стереотипы* – культурно и социально обусловленные, стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера мужчин и женщин, соответствующие понятиям «мужское» и «женское».

Гендерный стереотип, по мнению Т. Е. Ломовой, представляет собой многоуровневый феномен, включающий в себя три компонента социально разделяемых в рамках определенной социокультурной общности или социальной группы представлений, неравномерно изменяющихся

во времени: гендерные идеалы (совершенство мужчин и женщин, выраженное в образах маскулинности и фемининности); гендерные диспозиции (социальные статусы и роли мужчин и женщин, предписанные им в рамках определенной гендерной системы); гендерные нормы (паттерны поведения, обязательные или желательные для мужчин и женщин) [10].

Зарубежные исследования в области семейных отношений указывают на многообразие моделей гендерных ролей, которые провозглашаются современной системой общества и являются гендерными ориентирами молодежи:

- нетрадиционная модель: женщина работает вне дома для заработка, но основной сферой деятельности для нее становится семья;

- трехфазная модель: женщина работает, потом рождает и растит детей, затем снова работает;

- модель симметричных ролей – двухкарьерная семья: оба супруга делают карьеру и поровну делят семейные обязанности;

- идентичные роли: свобода, справедливость и равенство отношений;

- андрогинная модель, универсальная или монополюсная: каждый человек должен обладать как мужскими, так и женскими качествами;

- радикально-феминистская модель: отказ женщин от выполнения традиционных семейных ролей и передача этих функций обществу [11].

Данные модели не чужды и российской семье, однако гендерный стереотип патриархальной семьи является более устойчивым, так как в его основе лежит гендерный идеал, выражаемый в выполнении мужчиной и женщиной гендерных ролей.

Культурологическая модель содержания идеальных образов мужчины и женщины, разработанная нами на основе исследования С. В. Бадмаевой и анализа произведений искусств, является, на наш взгляд, достойным гендерным ориентиром для современной молодежи. Данные образы не противоречат естественному развитию мужчины и женщины, соответствуют истине и способствуют развитию гармоничной семьи.

Во-первых, по данной модели с точки зрения физической силы мужчина «сильный», а значит, от него ждут помощи, защиты, выполнения более трудной работы. Женщине же предстоит поллярная роль «слабого», предполагающая проявление заботы о том, кто ее защищает; принятие помощи от того, кто ей помогает; выполнение более легкой работы. Во-вторых, мужчина с точки зрения психологии прежде всего «лидер». Он определяет позиции, принимает ответственное решение, проявляет инициативу, решает стратегические задачи, выдвигает новые решения. Значит, в качестве показателя мужской роли высту-

пают ответственность, инициативность и умение руководить. Женщина же призвана быть «ведомой», и, следовательно, от нее ожидают исполнительности, терпимости, умения пойти на компромисс. В-третьих, мужчина «почитатель» женщины – прародительницы всего человеческого рода. Это проявляется через знаки внимания, признание значимости женской природы и ее великодушия. А женщина, являясь «почитаемой», должна признавать значимость своей уникальности и важность мужского превосходства, уметь принимать знаки внимания со стороны более сильной половины человечества, быть доброй и внимательной, являясь образцом нежности и красоты. Такие сочетания, как «сильный» – «слабый», «лидер» – «ведомый», «почитатель» – «почитаемая», являются высшей гармонией человеческих взаимоотношений. Мужественность и женственность в данном случае не исключают, а дополняют друг друга. Стремление к единству мужского и женского начала является источником дальнейшего развития личности мужчины (мальчика) и женщины (девочки). При этом идеал мужчины по содержанию гендерных ролей отличается от женского идеала. Идеал мужчины составляет совокупность образов: хозяин, глава семьи; отец, воспитатель; воин, защитник; труженик, добытчик; рыцарь, почитатель женщин. Идеал женщины – это мать, воспитательница; хозяйка, труженица; красавица, почитаемая мужчинами; хранительница домашнего очага [12].

Охарактеризовав каждый компонент гендерного самоопределения личности, попытаемся представить каждый из них как автономное образование, а также как целостную систему развития личности (табл. 2).

Какова же взаимосвязь между выделенными компонентами? Самоопределение как выработка своей собственной позиции и программы действий в образе мужчины/женщины начинается с «хочу», т. е. со своих желаний и устремлений. Затем возникает вопрос, достаточен ли у меня уровень гендерной идентичности для того, чтобы осуществить желаемое. И лишь на этой основе происходит оценка – могу ли я достичь гендерного идеала, созданного собственным воображением. Последним этапом является соотнесение трех предыдущих взаимосвязанных компонентов с гендерными стереотипами и нормами общества.

Отсюда следует, что движущей силой гендерного самоопределения личности выступает совокупность противоречий между компонентами, определяющими структуру самоопределения: «хочу – могу – есть – требуют». Характер разрешения этих противоречий определяет индивидуальность личности.

Таким образом, на основе проведенного анализа структурных компонентов становится оче-

видным, что гендерное самоопределение личности с педагогической точки зрения выступает как непрерывный, двусторонний процесс и результат субъект-субъектных отношений.

Гендерное самоопределение личности как непрерывный процесс начинается с формирования Я-концепции ребенка дошкольного возраста. Сначала другие люди действуют по отношению к ребенку (гендерные установки), затем он сам вступает во взаимодействие с окружающими (гендерная идентичность), наконец, он начинает действовать относительно себя (гендерное самоопределение).

Гендерное самоопределение личности как двусторонний процесс – это, с одной стороны, форма самоорганизации, самовоспитания и самореализации личности мальчика/юноши или девочки/девушки в определенной гендерной роли, с другой стороны, результат педагогического сопровождения взрослых (родителей, учителей, воспитателей) с опорой на гендерные нормы и стереотипы.

Гендерное самоопределение личности выступает и как результат субъект-субъектных отношений (ребенок – взрослый), наивысшей формой которого является гендерная индивидуальность. Мужская/женская индивидуальность, как указывает Е. Н. Каменская, – это интегральный целостный «образ Я» мужчины/женщины, который включает личностные качества: активное, осознанное освоение гендерных ролей, соответствующие ожиданиям общества, и индивидуальные – самореализация богатства внутреннего мира, женское/мужское своеобразие, ощущение самоценности, мужское/женское достоинство, наличие неделимого «Я» (ядра), включающего ориентацию на гендерное совершенствование [13]. Гармоничность гендерного самоопределения личности возможна лишь в случае совпадения индивидуального гендерного идеала с идеалами общества.

Примечания

1. Машарова Т. В., Сырцова Е. А. Социальное самоопределение учащейся молодежи: возможности и проблемы. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. 70 с.

2. Абдуевская Е. П., Араканцева Т. А. Проблемы юношеского самоопределения в практике школьной психологической службы // Введение в практическую социальную психологию / под ред. О. М. Жукова, Л. А. Петровской, О. В. Соловьевой. М.: Смысл, 1996; Бутковская С. А. Становление гендерной идентичности в процессе профессионального самоопределения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2007; Заев С. В. Взаимосвязь супружеских сценариев и гендерных характеристик личности в процессе семейного самоопределения молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006; Машарова Т. В., Сырцова Е. А. Указ. соч.; Столярчук Л. И. Теория и практика воспитания школьников в процессе полоролевой социализации: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1998; Скютнева С. В. Гендерные аспекты жизненного самоопределения молодежи // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 73–78.

3. Клецина И. С. Гендерная социализация. СПб.: Алетейя, 2004. 92 с.

4. Каменская Е. Н. Гендерный подход в педагогике: дис. ... д-ра пед. наук. М.: Изд-во РГБ, 2005. С. 39.

5. Малкина-Пых И. Г. Гендерная терапия. М.: Эксмо, 2006. С. 11.

6. Клецина И. С. Указ. соч.

7. Бутковская С. А. Указ. соч.; Малкина-Пых И. Г. Указ. соч.

8. Сафин В. Ф. Психология самоопределения личности. Свердловск: Изд-во СПИ, 1986. 142 с.

9. Малкина-Пых И. Г. Указ. соч.

10. Ломова Т. Е. Стереотипы в гендерных установках современной российской молодежи: дис. ... канд. культурологии. М.: Изд-во РГБ, 2005. С. 15.

11. Малкина-Пых И. Г. Указ. соч.

12. Малова Т. В. Эстетизация полоролевого воспитания детей старшего дошкольного возраста посредством изобразительного искусства. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. 139 с.

13. Каменская Е. Н. Указ. соч.

УДК 373.012

О. Б. Даутова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКА

Автор определяет основные черты и принципы современного образования, что позволяет разработать теоретические основы для исследования феномена учебно-познавательной деятельности, как одному из компонентов иерархической системы: образование – обучение – учебно-познавательная деятельность – учебно-познавательная компетенция. Представлена многомерная модель учебно-познавательной деятельности школьника.

The Author defines the basic features and principles of modern education that allows to prove the theoretical bases of the study of the phenomenon of the student's cognitive activity as to one of components of hierarchical system: education-learning-cognitive activity-cognitive competence. The multivariate model of the student's cognitive activity is presented.

Ключевые слова: принцип социокультурной динамики, современное школьное образование, учебно-познавательная деятельность, система отношений «человек – я – мир», позиция школьника, субъект познания, субъект коммуникации, субъект метапознания, субъект активности.

Keywords: principle of social and cultural dynamics, contemporary school education, student's cognitive activity, the system of attitudes "The person-me-the world", the student's position, the subject of cognition, the subject of communication, the subject of metacognition, the subject of activity.

Одной из задач современной дидактики выступает определение новой модели учебно-познавательной деятельности. В статье описываются

© Даутова О. Б., 2009

результаты диссертационного исследования по решению одной задачи: определению основных идей и принципов современного образования, являющихся теоретической основой для проектирования новой модели учебно-познавательной деятельности современного школьника.

Противоречивость и многомерность современной культурной эпохи вызывает необходимость изменений как современного школьного образования, так и учебно-познавательной деятельности, старая модель которой вызревала и развивалась в индустриальном мире, основанном на рациональности, жесткой иерархичности и предопределенности. Новая социальность вступает в противоречие с формами жизненных практик, транслируемых школой, что порождает отчуждение обучающихся от школы и от знаний.

Чрезвычайно важным становится вопрос: как именно должна измениться учебно-познавательная деятельность современного школьника, чтобы обеспечить новое качество образования, отвечающее «вызовам времени».

Анализ современных исследований проблем учебно-познавательной деятельности школьника (О. В. Акулова, С. Н. Горычева, Е. С. Заир-Бек, В. В. Краевский, Г. Д. Кириллова, А. М. Новиков, В. В. Сериков, А. П. Тряпицына, А. В. Хурторской и др.), системных изменений школьного образовательного процесса и самой школы (О. В. Акулова, Е. И. Казакова, А. Г. Каспржак, Г. С. Ковалева, О. Е. Лебедев, А. П. Тряпицына и др.) свидетельствует о возрастающем интересе к проблеме учебно-познавательной деятельности школьника.

Анализ современных подходов к определению сущностных характеристик учебно-познавательной деятельности школьника, анализ ее качества, а также изучение практики ее реализации позволили определить группу противоречий *между*:

- многообразием индивидуальных возможностей и потребностей школьников, разнообразием образовательных запросов и отсутствием свободы выбора форм, методов и стратегий обучения,
- потребностью растущего человека в принятии и поддержке и авторитарно-дисциплинарной моделью обучения,
- необходимостью целостного развития человека и сохраняющейся когнитивной направленностью образования,
- потребностями выбора и сохраняющимся отсутствием вариативности и условий для реализации индивидуальных образовательных маршрутов.

Данные противоречия позволяют сформулировать **проблему исследования и определить ведущую идею** – компетенции человека постиндустриального информационного общества осно-

ваны на ориентации человека на активное построение индивидуальной образовательной траектории в течение всей жизни; в период школьного образования учебно-познавательная деятельность приобретает новое качество, которое заключается в выстраивании значимых отношений в системе Я – Мир и, как следствие, изменении *позиции* школьника в *системе* учения.

На основе принципа социокультурной динамики П. Сорокина выявлены тенденции изменения современного образования, проанализированы его основные черты и принципы. П. Сорокин выделяет два подхода к социокультурным изменениям. Первый сложился в XIX в. как линейная закономерность, и автор дает образное описание этому подходу: «*Вся история была распланирована как школьная программа, по которой “первообытный” человек или общество – первоклассник – заканчивает начальную школу, затем среднюю (или проходит другие ступени, если их в классификации больше 4, и, наконец, оказывается в выпускном классе, который называется «позитивизм», или «свобода для всех», или еще как-нибудь в зависимости от фантазии и вкусов автора*» [1].

Второй был обоснован самим П. Сорокиным на основе *принципа предела* в линейной тенденции изменения. «Согласно данному принципу, линейно развиваются лишь некоторые социокультурные явления на протяжении ограниченных отрезков времени, которые различны для разных социокультурных единиц. Из-за постоянных изменений самих единиц, изменения и непрекращающегося воздействия огромного числа внешних по отношению к ним сил временно линейный характер их движения нарушается и сменяется «поворотами и отклонениями»; в результате глобальный процесс социокультурного изменения приобретает нелинейный характер» [2].

Для нашего исследования являются значимыми признаки изучения социокультурных изменений, предложенные П. Сорокиным:

- увеличение веса социокультурных переменных как факторов социокультурного изменения;
- придание все большего значения и особой роли имманентным, или внутренним, силам каждой данной социокультурной системы в ее жизнедеятельности и в придании меньшего веса и лишения особого значения факторам, внешним по отношению к данной социокультурной системе;
- возрастание внимания к роли отдельных факторов (переменных) в отдельных социокультурных изменениях, особенно к роли социокультурных факторов, и большая точность в их изучении;
- отказ от применения естественных методов и методик (статистических методов, методов индукции др.), не учитывающих «*значимую составляющую*» социокультурных явлений.

Изменение социокультурных факторов в последние десятилетия, развитие общества и развитие культуры оказывают существенное влияние на образование в целом.

Революция средств массовой информации, увеличение роли телевидения, Интернета, средств связи, прессы позволяет констатировать усиливающуюся влияние различных культур, норм, ценностей на сознание подрастающего поколения, на формирование их картины мира и поведение. Мозаичность культур, отсутствие культурных канонов, отвержение правил, абсурд и безобразное в культуре, манипуляция сознанием являются прямой угрозой развитию нравственной личности современного школьника. Современный подросток более открыт разнообразию культурных влияний, чем подросток середины XX в., – современный подросток нуждается в защите, и этот «охраняющий пояс» призван создать образование нового типа: образование антропоориентированное, гуманистическое, культуросообразное.

Школа как социокультурный институт начинает утрачивать свои образовательные функции, все более превращаясь в институт социализации. В свою очередь другие культурные институты, средства массовой информации, система Интернет, учреждения дополнительного образования все в большей мере берут на себя образовательные функции, что порождает новую образовательную реальность, имеющую как положительные, так и негативные черты.

Поколение учащихся, выросших в постсоветский период, становится все более свободным и независимым по отношению к авторитетам вообще и авторитету школы и учителя в частности, что требует выстраивания новой симметричной коммуникации в образовании, основанной на равенстве позиций и диалоге, анализ образовательной практики свидетельствует о том, что авторитарно-дисциплинарная модель взаимоотношений и знаниевая парадигма уже исчерпали свои возможности. Несоответствие процесса обучения – процесса передачи знаний современным потребностям школьников, их образовательному запросу и образовательному запросу их родителей, несоответствие коллективно-групповых форм обучения/классно-урочной системы потребности личности школьника в освоении индивидуального образовательного маршрута обуславливают поиск и новых моделей обучения – учения современного школьника, и новых форм и стратегий реализации их учебно-познавательной деятельности.

Образование становится формой существования человека, формой его жизни в складывающемся «мире изменений», позволяющей ему стать субъектом истории. Мартин Хайдеггер считает, что рушатся старые идеалы образованности как образца для формирования человека, и связыва-

ет кризис современного образования с наступлением новой эпохи – «век образования идет к концу не потому, что необразованные приходят к власти, а потому, что становятся видны знамения такой эпохи мира, когда достойное вопроса снова открывает двери к существованию всех людей и судеб» [3].

М. Шелер утверждает, что образование **есть категория бытия**, а не знания и переживания. Эта идея выводится им из понимания того, что образовательная деятельность человека управляет и направляет все его психофизические проявления (выражение и действие, речь и молчание), все «поведение» человека. «Образование – это отчеканенная форма, оформление совокупного человеческого бытия; только оформление не материального вещества, как это имеет место в скульптуре или картине, а отчеканивание, оформление живой целостности в форме времени как целостности, состоящей исключительно из ряда последовательностей, из протекания процессов, из актов. И этому образовавшемуся бытию субъекта соответствует всегда один мир, «микрокосм», – сам по себе целостность...» – писал М. Шелер [4].

Шелер показывает, что «микрокосм» отражает целостность мира и является «универсумом», именно это дает возможность человеку постичь «сущностную структуру всего мира». Это положение выводится из традиции идеи «микрокосма» Фомы Аквинского, Николая Кузанского, Джордано Бруно, Лейбница, Гете. Согласно этой идее человек сущностно идентичен миру, и задача образования соответственно заключается в том, чтобы человек преобразовался до мира. «Мир преобразовался *realiter* до человека, человек же должен *idealiter* преобразоваться до мира». Таким образом, происходит становление «макрокосмоса» в одном индивидуально-личностном духовном центре «микрокосмосе» как миростановление человеческой личности в любви и познании. Источником процесса образования в человеке, по Шелеру является – **любовь к сущностному** как жажда, как устремление, как объективность [5].

Очевидно, идеи философской антропологии (М. Шелер и др.) вызывают к жизни новое понимание образования, в котором знания сливаются с ценностями, информация – с личностными смыслами и содержание базового образования выступает основой жизнестроительства личности и развития сущностного потенциала человека.

Если понимать образование как категорию Бытия, то задача человека и его насущная потребность одновременно – это миростановление в себе и обретение себя в мире. Это два процесса, которые протекают одновременно. Человек познает мир и одновременно познает себя в этом

мире. С другой стороны, человек познает себя, лишь познавая мир.

В ходе анализа философской, социологической, психологической и педагогической литературы выявлены теоретические идеи и основные положения, определяющие стратегию трансформации процесса образования и процесса обучения на современном этапе:

– отказ от представления о субъекте как абстрактном индивиде (М. Мамардашвили);

– личность рассматривается как «проект», как веер возможностей: возможности развития и становления личности, достижения подлинного существования, реализации творческого потенциала человека;

– мир личности школьника – это структура значимых отношений, внутри которых существует человек и внутри которых он действует;

– образование рассматривается как поле жизнедеятельности индивида, пространство обретения «подлинного существования», понимаемое как рефлексивное, открытое выбору и принятию решения, обладающее модусом свободы;

– образовательное пространство – пространство возможностей, развитие и саморазвитие школьника осуществляется как некий «проект», реализация которого происходит как совершенные человеком выборы;

– задачами образования выступают: помощь обучающемуся в обретении ценностей, смыслов, в обретении личностного способа существования; стимулирование собственной активности личности, образование подспудно становится самообразованием; учащийся является не только субъектом учебной деятельности, сколько, причем в первую очередь, субъектом жизнедеятельности;

– условиями достижения личностного, бытийного способа существования выступает расширение сферы самосознания человека и построение конструктивного межличностного взаимодействия на основе симметричной коммуникации.

Данные положения обуславливают изменение принципов образования, понимания современной учебно-познавательной деятельности, изменения позиций современного школьника, его места и роли в процессе обучения.

Обоснование принципов современного образования основано на определении направлений социокультурной динамики: эволюция образования должна соответствовать эволюции культуры и общества (неопределенность будущего, динамичное изменение жизни, появление новых технологий и средств связи, множественность культуры, интеграция в общественных процессах и связях), что определяет отличительные черты и принципы современного школьного образования: антропоцентричности и субъектности, культуросообразности и непрерывности, реализации ком-

петентного подхода и практико-ориентированности, гуманитарности и поликультурности. Принципы современного образования коррелируют с основными направлениями образования, выдвинутыми ЮНЕСКО, рассматривающимися как всестороннее приобретение опыта на протяжении всей жизни: учиться быть, учиться знать, учиться делать и учиться жить вместе.

На основе модели целостного понимания человека и определенных принципов образования удалось спроектировать теоретические подходы к исследованию феномена учебно-познавательной деятельности как одному из компонентов иерархической системы: образование – обучение – учебно-познавательная деятельность – учебно-познавательная компетенция.

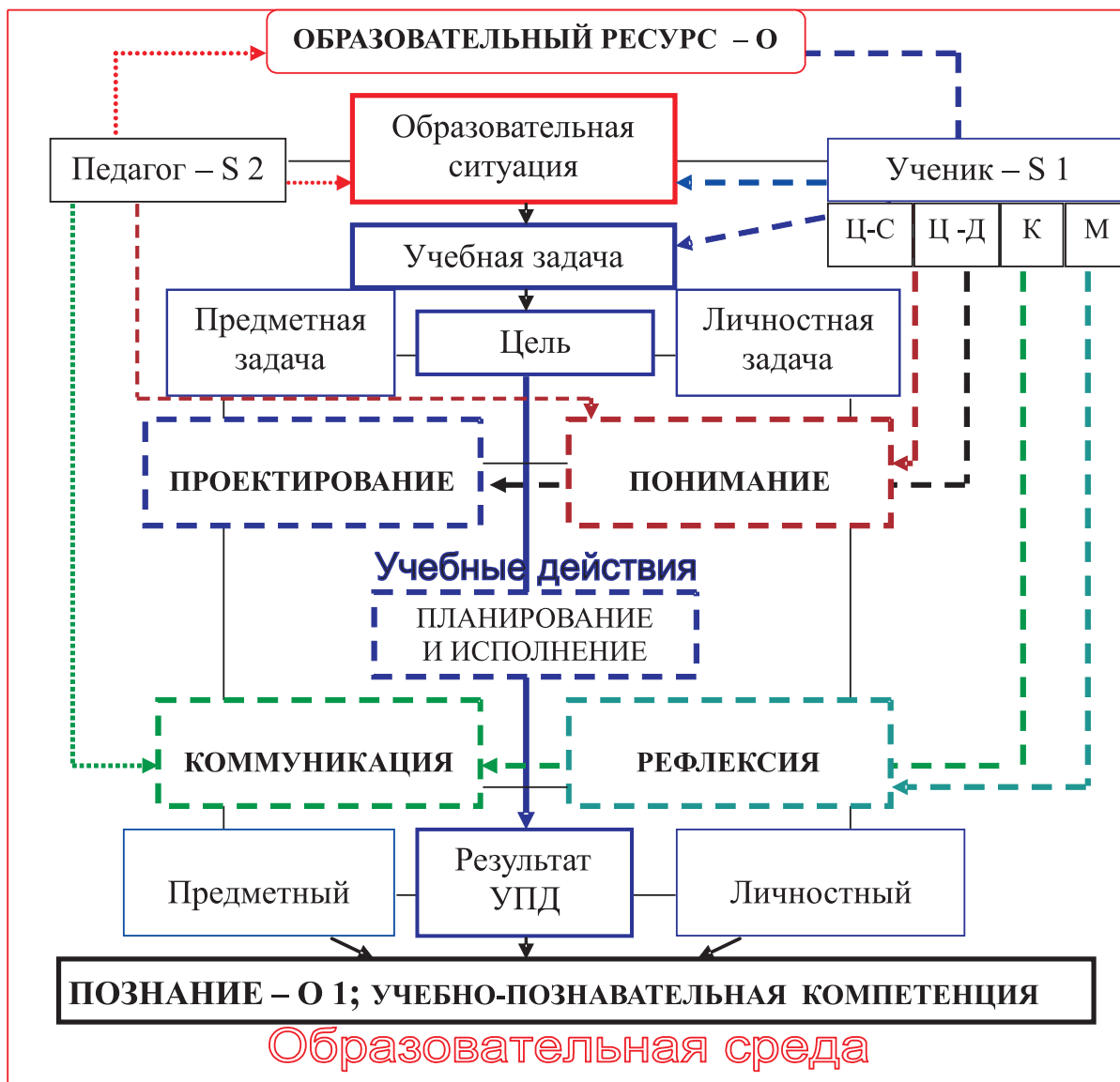
Модель строится исходя из системы «человек – я – мир». В исследовании определена *зависимость между принципами образования* (антропоцентризм, культуросообразность, ориентация на компетентность, гуманитарность) – *стратегиями реализации их в процессе обучения* (рефлексия, понимание, проектирование, коммуникация) – *учебно-познавательной деятельностью как системой значимых отношений* (метапознавательным, ценностно-смысловым, целенаправленно-деятельностным, коммуникативным) – *учебно-познавательной компетенцией*, включающей соответственно 4 компонента (умения самооценки и саморегуляции, информационно-аналитические, предметно-практические, коммуникативные).

В исследовании доказано, что при трансформации процесса обучения в процесс учения появляются новые связи в системе, описывающей учение школьника, а именно его позиции: субъекта познания, субъекта коммуникации, субъекта метапознания, субъекта активности, выраженные посредством отношений.

Так, позиция обучающегося как субъекта познания может быть выражена через *ценностно-смысловое отношение*, которое формируется посредством познания мира, Других, себя.

Ценностно-смысловое отношение как реализация ценностно-смыслового компонента УПД детерминировано новыми социокультурными условиями. Тенденции развития современной культуры: утрата замкнутости, появление многообразия стилей, рост множественности форм ее трансляции создают риски образованию в целом, которое приобретает такую черту, как мозаичность, что с необходимостью требует конструирования смыслового пространства согласования и/или выбора ценностей, учета духовного фактора в жизни и образовании – обращения к внутреннему миру школьника.

Ценностно-смысловое отношение формируется в системе «Я – культура». Потребность в по-

Педагогическое проектирование	Проектирование, осуществляемое учеником
Коммуникативное отношение – К	Целенаправленно-деятельное отношение – Ц-Д
Ценностно-смысловое отношение – Ц-С	Метапознавательное отношение – М

Модель учебно-познавательной деятельности школьника

знанию может быть насыщаема при условии выбора обучающимся объекта изучения, выбора вариантов содержания образования, возможности самостоятельного проектирования лично значимого содержания образования.

Обучающийся в системе учения работает с образовательной программой, учебной программой, образовательным ресурсом и на основе лич-

ностного субъектного выбора определяет план изучения учебной дисциплины, выбирает последовательность изучения единиц содержания.

Позиция обучающегося как субъекта коммуникации может быть выражена через *отношение коммуникативное*. Коммуникативное отношение возникает как отношение социальное – это система «Я – Другие». Коммуникативное отно-

шение характеризуется как отношение, возникающее в процессе образовательной коммуникации – коммуникации для познания мира, Других, себя. Коммуникативное отношение отвечает на вопросы: «С кем учить? Сколько учить? Где учить?», поскольку образовательная коммуникация выстраивается с целью присвоения содержания образования. Соответственно коммуникативное отношение можно рассмотреть через цели, задачи и средства коммуникации, что определяется через топос: время – пространство, или архитектонику – проектирование среды коммуникации.

Такая организация процесса создает условия для приобретения обучающимся опыта действия в реальных процессах, осваивая различные ритмы деятельности и приобретая опыт сотрудничества в различных по характеру группах.

Таким образом, ученик выбирает пространство обучения, время и темп обучения, место обучения, форму обучения, средства обучения и методы обучения, т. е. осуществляет 6 степеней свободы. Очевидно, что реализация выбора предполагает более четкое и длительное по времени целеполагание, которое будет осуществлять обучающийся, планирование как неотъемлемый и обязательный этап учебно-познавательной деятельности. Соответственно это найдет отражение в новой форме, где будет представлен этот план – книжка индивидуального планирования образовательного маршрута, индивидуальный дневник обучающегося, маршрутный лист обучающегося, лоция ученика и т. д.

Позиция обучающегося как субъекта метапознания может быть выражена через *отношение метапознавательное*. Это система «Я – сам». Отношение метапознавательное отражает процесс осознания себя субъектом учебной деятельности, своих успехов, неудач, барьеров, возникающих в ходе присвоения содержания образования.

Учеными установлено, что обучающийся имеет более высокие успехи в учебно-познавательной деятельности, если он понимает, как осуществляется процесс познания, и владеет способами учебной деятельности. Однако развитие метапознавательного отношения не является предметом специального рассмотрения педагогов. Представляется, что в обучающемся обществе способность к метапознанию, самоорганизации и самопланированию учения будет выступать ведущей.

Образование, направляя свое содержание в рефлексивную сферу работы сознания, возвращает ему подлинное предназначение – способствовать свободному и самостоятельному устройению человеческого бытия.

Позиция обучающегося как субъекта активности, моделирования, проектирования, деятельности – *активная позиция* может быть выражена через *целенаправленно-деятельное отношение* в системе «Я – деятельность», характеризующееся как отношение к разнообразным видам деятельности в которую включается обучающийся.

Таким образом, характеристики УПД отражают целостность учебной деятельности в единстве компонентов и отношений.

Рассмотренные выше характеристики УПД представлены на рисунке «Модель учебно-познавательной деятельности школьника» и отражают целостность учебной деятельности в единстве компонентов и отношений. УПД понимается как деятельность выстраивания обучающимся структуры значимых отношений, внутри которых он существует и действует как субъект учебной деятельности и жизнедеятельности с целью освоения содержания образования. УПД выстраивается как реализация потребностей личности и рассматривается как взаимообусловленный процесс познания и самопознания. Таким образом, новая модель УПД рассматривает учение как средство самоосуществления, реализующего подлинную сущность индивида, именно в этом случае проявляется свобода обучающегося и его деятельность носит творческий характер.

Новая модель учебно-познавательной деятельности описывает, что должно измениться в современном образовании, чтобы УПД и развивающийся в ней ученик «соответствовали вызовам времени», как добиться того, чтобы учебная деятельность способствовала развитию новообразований в личностной сфере индивида, которые опосредованы смыслообразованиями, обретением опыта, самостоятельностью, ответственностью, рефлексией своей жизнедеятельности.

Примечания

1. Сорокин П. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 372–392.
2. Там же.
3. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 252.
4. Шеллер М. Формы знания и образование // Человек. 1992. № 5. С. 65.
5. Там же. С. 68.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922.736.3

Т. Н. Князева

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ РЕБЕНКА К ОБУЧЕНИЮ В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ КАК ПСИХИЧЕСКОЕ НОВООБРАЗОВАНИЕ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В статье представлен теоретический анализ и авторская позиция по проблеме психологической готовности ребенка к обучению в основной школе. Рассмотрены ее структура и содержание, прослежена специфика этого психического образования в контексте учебной деятельности и в связи с изменением психовозрастного развития ребенка на этапе перехода от младшего школьного к подростковому возрасту.

In the article is represented theoretical analysis and author's position on the problem of the psychological readiness of child for the instruction in the basic school. Its structure and content are examined, is traced the specific character of this mental formation in the context of training activity and in connection with a change in the psycho-age-qualification development of child in the stage of passage from the low-order school to the teenage period.

Ключевые слова: психологическая готовность ребенка к обучению в основной школе, структурные компоненты готовности, объективные и субъективные показатели готовности.

Keywords: the psychological readiness of child for the instruction in the basic school, the structural components of readiness, the objective and subjective indices of readiness.

Изучение психологической готовности детей к обучению как актуальная психологическая проблема обозначилась к концу 80-х гг. прошлого века в связи с началом (прежде всего – экспериментальным) обучения детей с 6 лет. Впоследствии она получила очень широкое распространение в трудах различных психологов (Л. А. Венгер, Н. И. Гуткина, И. В. Дубровина, Е. Е. Кравцова, Т. А. Нежнова, Д. Б. Эльконин и др.). Однако, несмотря на то, что проблема психологической готовности к обучению имеет уже солидный арсенал научных исследований, в основном они связаны с изучением готовности детей дошкольного возраста к начальному образованию. Между тем сама проблема гораздо шире.

Позднее закономерно возник вопрос о характере готовности ребенка (особенно с проблемным развитием) к обучению на других этапах обучения, в частности в основной школе; тем более, что в этом случае переход на новую ступень обучения совпадает с началом особого периода в жизни ребенка – периода важнейших предкризисных (и кризисных) психофизиологических изменений. Имея в виду эти особенности переходного периода развития, необходимо знать, сможет ли ребенок адекватно, без ущерба для психологического здоровья принять новый этап и новые условия деятельности, готов ли он к переходу на следующую школьную ступень. Ряд исследований в педагогической психологии посвящен этой проблеме или отдельным ее аспектам (М. Р. Битянова, А. А. Денисова, И. В. Дубровина, Н. В. Лебедева, А. И. Теплова, Т. И. Юферева и др.)

Отмечая ряд научных исследований, посвященных изучению проблемы перехода учащихся в основную школу, необходимо констатировать, что неопределенными остаются структура психологической готовности к обучению на второй ступени и критерии ее оценки, не выделены и не сформулированы основные вопросы, касающиеся изучения этого новообразования у детей к концу младшего школьного возраста.

Вследствие этого не решаются многие назревшие психолого-педагогические и организационно-методические вопросы: своевременного и квалифицированного выявления проблем детей к моменту их перехода в основную школу; оказания им необходимой психологической помощи в процессе учебной деятельности; специальной подготовки учителей начального и среднего звена, их взаимодействия при переводе детей в основную школу и т. д.

Феномен психологической готовности к обучению в основной школе состоит в том, что, выступая показателем достигнутого ребенком уровня психического развития за начальный период школьного обучения, это новообразование включает в себя комплекс важнейших психических качеств, каждое из которых само по себе является психовозрастным новообразованием младшего школьного возраста.

Иными словами, психологическая готовность к обучению на этом уровне является не только интегративным показателем продвижения ребенка

к новому уровню учебной деятельности, но также отражает зрелость психических функций ребенка на этапе вхождения в новый возрастной период, позволяет установить характер и степень возможных отклонений (проблем) в формировании основных психических показателей в переходный период развития. Поэтому проблема формирования психологической готовности не является узкой проблемой формирования одного из психических новообразований; ее можно назвать сфокусированной целью обучения и развития ребенка на I ступени школы [1].

Психологическая готовность представляет собой психическое образование, являющееся результатом формирования ребенка на определенном этапе его жизни, обучения и воспитания. Она знаменует собой итог определенного (предшествующего) цикла развития ребенка в тех или иных условиях и его потенциал к овладению следующим этапом (видом) деятельности. Иными словами, это интегративное психическое новообразование определенного периода развития, характеризующее состояние психики субъекта, которое является необходимым и достаточным для его успешного включения в новый этап предстоящей деятельности. Этого потенциала достаточно, чтобы адекватно *начать* деятельность, но может быть недостаточно, чтобы освоить *весь процесс* усложняющейся деятельности. Для характеристики способности ребенка к овладению структурно-содержательной стороной деятельности в целом и присвоению ее как ведущей необходимо оценить обучаемость ребенка.

Говоря о соотношении этих понятий, можно сказать, что психологическая готовность ребенка к обучению (на том или ином этапе) является результативным показателем предшествующего процесса формирования у него общей способности к учению.

При оценке психологической готовности к обучению в целом, необходимо как изучение его субъективной позиции при освоении деятельности, так и оценка объективных показателей психического развития ребенка, его возможностей в плане овладения интеллектуальными, деятельностными, социальными умениями и навыками.

В связи с этим одним из главных становится вопрос о структуре психологической готовности к обучению в основной школе.

В исследованиях, посвященных этапу перехода ребенка из начальной в основную школу и развитию его психики в этот период, учеными выделяется комплекс ведущих психических свойств, характеризующих готовность ребенка к этому переходу. К ним относятся такие показатели:

- субъектность ребенка, проявляющаяся в учебной деятельности и социально-личностных

отношениях (Н. П. Ивлева, К. Н. Поливанова, Л. Б. Слугина, Г. А. Цукерман);

- новый уровень развития учебной мотивации, в частности, мотивационных ожиданий (М. Р. Битянова, И. В. Дубровина, А. К. Маркова, К. Н. Поливанова);

- способность к вербально-логическим умозаключениям (Л. И. Божович, Л. С. Выготский, Н. Ф. Талызина, Ж. Пиаже, Л. И. Теплова, Д. И. Фельдштейн, С. Д. Якиманская);

- способность к осмыслению и постановке учебной задачи (В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин, Н. П. Тарасова, Л. А. Редуш, И. Ю. Флотская);

- потребность и стремление к сотрудничеству в процессе учебной деятельности (Н. П. Ивлева, А. К. Маркова, Г. А. Цукерман).

Обобщая основные характеристики психического развития ребенка к концу младшего школьного возраста, можно сделать вывод о том, что *структура психологической готовности к обучению в основной школе включает в себя как системообразующий компонент – сферу субъектной активности ребенка, представляющую собой интегративное образование: сплав личностно значимых для него стремлений к «присвоению» учебной деятельности (субъективная часть готовности), а также объективные показатели психического развития ребенка, характеризующие его реальные возможности к переходу на новый уровень учебной деятельности (объективные показатели зоны актуального и ближайшего развития высших психических функций).*

Таким образом, основными структурными компонентами психологической готовности ребенка к обучению в основной школе можно считать следующие:

- мотивационный;
- ориентировочный;
- интеллектуальный;
- регулирующий;
- социальный;
- интегративно-личностный (учебная субъектность) [2].

Каждый из названных компонентов готовности имеет ряд показателей, определяющих степень его сформированности (уровень развития).

Мотивационный компонент готовности является одним из важнейших в этой структуре. Как и на первой ступени обучения, при переходе в основную школу главным содержанием его является специфика отношения ребенка к учебной деятельности. Однако характер этого отношения меняется, усложняется, поскольку теперь ребенок знаком с основными проявлениями учебной деятельности. В связи с переходом к новой ситуации обучения у ребенка возникают и новые ожидания (новые потребности). Поэтому для

определения мотивационной готовности при переходе ребенка в основную школу важны такие показатели:

– отношение ребенка к реально выполняемой учебной деятельности (на данном этапе обучения);

– отношение к перспективной (предстоящей) ситуации деятельности, ожидания, связанные с ней.

Это сопоставление помогает не только увидеть конкретно-ситуативные особенности детских отношений и переживаний по поводу учебной деятельности, но и выявить нереализованные мотивационно-потребностные ожидания ребенка, связанные с ней.

Ориентировочный компонент определяется важнейшими деятельностными характеристиками, которые свидетельствуют о выходе ребенка на уровень рефлексивных действий при решении учебных задач. Этими характеристиками являются:

– способность ребенка к целеполаганию (постановке и осмыслению учебной задачи);

– умение планировать предстоящую деятельность (по решению этой задачи).

Формирование в этом возрасте таких учебных действий, как целеполагание и планирование, характеризует новый уровень освоения учебной деятельности, свидетельствует об осознанном представлении и отношении ребенка к ней. Важным является и то, что рассматриваемые действия являются характеристиками внутреннего плана действия ребенка – одного из важнейших психических новообразований младшего школьного возраста (П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина, Н. П. Тарасова, Е. В. Минаева и др.).

Интеллектуальный компонент готовности. К предпододростковому возрасту из всех познавательных психических процессов мышление, по мнению А. С. Выготского, Д. Б. Эльконина, Л. И. Божович, выдвигается в центр сознательной деятельности ребенка и становится определяющим в системе других функций, которые под его влиянием «интеллектуализируются» и приобретают произвольный характер. Главное изменение в самом мышлении переходного возраста – это переход от конкретного мышления к мышлению в понятиях и оперированию ими. Именно в этом возрасте вызревают и складываются те интеллектуальные функции, которые образуют основу процесса образования понятий.

Таким образом, учитывая чувствительность младшего школьного возраста к формированию основных параметров словесно-логического мышления, можно сказать, что главными показателями интеллектуального компонента психологической готовности к обучению в основной школе являются:

– владение ребенком знаниями на уровне конкретных научных понятий, а также способами оперирования этими знаниями с помощью приемов логического мышления при решении учебных задач;

– способность к логическому построению речевого высказывания на уровне вербализации учебных действий.

Регулирующий компонент готовности представлен теми учебными действиями, которые, как полагал Д. Б. Эльконин, характеризуют всю учебную деятельность как управляемый самим ребенком произвольный процесс. Это действия контроля и оценки. Как отмечал В. В. Давыдов, если способность контролировать выполненное задание свидетельствует об осознанном процессе выполнения учебной задачи, то оценка «сообщает», решена она или нет [3].

Характер и уровень присвоения этих действий свидетельствует о качестве произвольных процессов ребенка и становлении рефлексивной функции. В младшем школьном возрасте в процессе учебной деятельности происходит освоение различных видов самоконтроля (итогового, пошагового, а также элементов планирующего). Завершающим логическим этапом этих действий является оценка выполненного действия (деятельности). От полноценности формирования этих учебных действий зависит развитие рефлексии, поэтому в качестве важнейших показателей регулирующего компонента готовности ребенка к новому этапу обучения можно выделить:

– владение действиями самоконтроля и

– действия самооценки.

Социальный компонент в период перехода от младшего школьного к подростковому возрасту приобретает особое значение в связи с изменением социальной ситуации развития, потребностей и ценностных ориентаций ребенка.

Опыт общения ребенка с учителями и сверстниками в процессе учебной деятельности открывает ему новые перспективы взаимодействия в более широком школьном социуме при переходе в основную школу. Однако этот опыт (особенно в сравнении с внешкольным социумом) нередко приводит к негативной оценке многого из того, что связано со школой. Между тем коллективный характер учебной деятельности требует от ребенка соответствия определенным социальным требованиям, неприятие или неготовность к которым могут повлиять на весь процесс обучения в новых условиях. Поэтому в качестве важных показателей социальной готовности к новому этапу и новым условиям обучения можно считать:

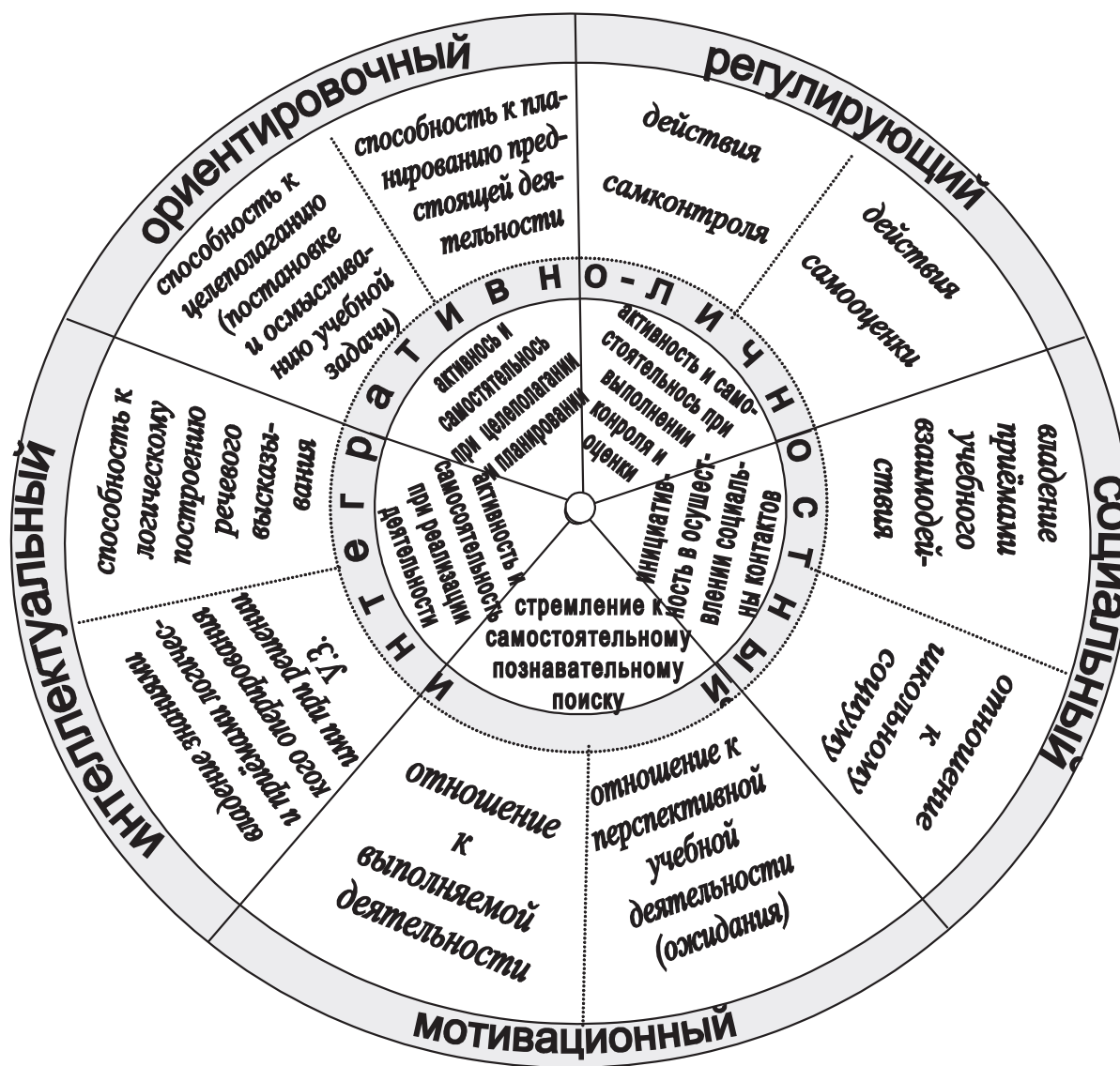
– наличие у ребенка навыков учебно-социального взаимодействия (для решения учебно-познавательных задач);

– степень значимости для учащегося школьного социума в системе (иерархии) его социальных ценностей, принятие (непринятие) им норм и правил этого социума.

Центральным и связующим аспектом психологической ребенка к обучению в основной школе выступает интегративно-личностный компонент, характеризующий сферу субъектной активности ребенка, направленность на освоение различных сторон учебной деятельности. Ее характеристики являются, с одной стороны, относительно самостоятельными характеристиками субъектности, а с другой стороны, проявляются в каждом из перечисленных компонентов, составляя его органическую часть. Это означает, что, проявления сферы субъектной активности ребен-

ка как системообразующего компонента интегрированы со всеми структурными компонентами психологической готовности, что отражает сложный взаимосвязанный характер такого комплексного психического образования, как психологическая готовность к обучению (см. рисунок).

Таким образом, психологическая готовность к обучению в основной школе – это интегративное (лично-интеллектуально-деятельностное) психическое образование, являющееся новообразованием младшего школьного возраста и представляющее собой совокупность качеств учащихся, необходимых и достаточных для успешного включения его в социально-психологическую ситуацию учебной деятельности при переходе из начальной в основную школу.

Структурные компоненты и показатели психологической готовности ребенка к обучению в основной школе

Анализ этой проблемы показывает, что одним из шагов в ее решении должна стать глубокая и всесторонняя диагностика психологической готовности к обучению на разных этапах школьного образования. Это, в свою очередь, предполагает необходимость в школе действенной и профессиональной психологической службы, которая могла бы стать центром в решении многих аспектов изучаемой проблемы. Практическая ее реализация не проста, но реальная работа в этом направлении подсказывает способы и диапазон методов решения этой важной задачи.

Примечания

1. *Князева Т. Н.* Психологическая система обеспечения готовности младших школьников с задержкой психического развития к обучению в основной школе в условиях интеграции в общеобразовательную среду: дис. ... д-ра психол. наук. Н. Новгород, 2005. С. 84.
2. Там же. С. 106.
3. *Давыдов В. В.* Проблемы развивающего обучения. М., 2004. С. 132–149.

УДК 159.922.76–056.26

Ю. В. Слюсарская

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ К ОБУЧЕНИЮ В ШКОЛЕ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ

В статье представлены актуальные вопросы комплексного изучения особенностей становления у дошкольников с нарушением зрения эмоциональной готовности к обучению в школе, выделены основные концептуальные положения психокоррекционной работы, и подробно описана ее содержательная и процессуальная часть.

In the article are presented actual questions devoted to the problem of emotional readiness to school of preschool children with sight decrease and a squint. The basic conceptual points of psychocorrectional work are allocated and its substantial and remedial part is in detail described.

Ключевые слова: эмоциональная сфера, эмоциональное развитие, дошкольник, нарушение зрения, коррекционная работа.

Keywords: emotional sphere, the emotional development, the preschool child, sight problems, correctional work.

В настоящее время в психолого-педагогической науке и образовательной практике понятие «готовность к школе» является широко распространенным и активно используемым самыми различными специалистами. Интерес к проблеме готовности детей к обучению в школе за послед-

нее время значительно возрос в связи с переменами в обществе, пересмотрены взгляды на образование и его роль в социальном развитии ребенка. Успешность учебной деятельности ребенка во многом зависит от его готовности к школе – желания учиться, умения общаться со сверстниками и взрослыми, способности решать сложные задачи, стремления к достижениям, самостоятельности и ответственности и его эмоционального благополучия.

Анализ научной литературы показал, что современное освещение проблемы эмоциональной готовности к обучению в школе как системы позволяет сделать вывод о том, что данный вопрос обсуждается с различных, часто противоречивых точек зрения, и часть вопросов остается полемичной. Под эмоциональной готовностью понимают достаточный уровень развития эмоционально-волевой сферы у ребенка, при котором предполагается, с одной стороны, предоставление дошкольнику возможность для совершения поступков, соответствующих нравственным нормам нашего общества, их поощрение, с другой стороны – побуждение ребенка воздерживаться от нежелательных для общества поступков, осуждать их, разнообразными методами исправлять поведение [1].

Обобщив исследования зарубежных и отечественных ученых-исследователей (Л. И. Божович, Г. Витцлак, Н. И. Вьюнова, Н. С. Ежкова, Н. В. Нижегородцева, С. И. Маслов, А. В. Темнова, В. Д. Шадриков, Й. Шванцара, Д. Б. Эльконин и др.), мы пришли к выводу, что эмоциональная готовность к обучению в школе включает в себя: произвольность поведения – умение ребенка управлять своим поведением, организовывать свою работу; формирование основных элементов волевого действия (постановка цели, принятие решения, построение плана действия, выполнение его, проявление определенного усилия в случае преодоления препятствия, оценка результатов своего действия); развитие эмоций – кратковременных переживаний отношений, возникающих в данный момент, и чувств – устойчивых, длительных, сложных переживаний; развитие эмоционально-ценностного отношения к себе и окружающему миру – результата осмысления в свете значимых этических оценок своего поведения, переживаний, решений [2].

В настоящее время коррекционная психология и педагогика располагают рядом исследований, посвященных изучению эмоциональных особенностей детей с нарушением зрения: процесса личностного становления на собственном опыте (О. И. Скороходова, А. Суворов), изучения самооценки детей (А. Крогиус, Т. Руппонен, Т. Мавевский); образа Я (Л. И. Плаксина); Я-концепции (А. И. Гаурилюс), а также формирования

представлений о себе (Г. А. Буткина, Т. П. Свиридюк). Имеющийся экспериментальный материал об особенностях внутреннего мира детей с нарушением зрения находит отражение в проектировании нового содержания специального образования детей с особыми образовательными потребностями (В. З. Денискина, Л. А. Дружинина, Г. В. Никулина), используется при разработке специальных разделов в новых программах для специальных дошкольных и школьных образовательных учреждений (Л. И. Плаксина, Л. С. Сековец). Многие авторы (А. Г. Литвак, Л. И. Плаксина, Л. И. Солнцева и др.) отмечают такие характерные для этой группы детей черты, как эмоциональная неустойчивость, колебания настроения, преобладание отрицательных эмоций, повышенная тревожность, одиночество, страхи, проблемы в формировании нравственно-этической сферы: страдает сфера социальных эмоций, дети не готовы к эмоционально «теплым» отношениям со сверстниками, могут быть нарушены эмоциональные контакты с близкими взрослыми, дети слабо ориентируются в нравственно-этических нормах поведения. Все эти особенности существенно снижают эффективность коррекционной работы с такими детьми, создавая дополнительные трудности на пути формирования готовности к обучению в школе и компенсации нарушенного развития в целом [3].

В процессе исследования нами была разработана методика диагностики особенностей эмоционального развития старших дошкольников с косоглазием и амблиопией, которая состояла из четырех серий.

В первой серии изучался объем знаний детей с косоглазием и амблиопией о собственных органах чувств, их внешнем строении, функциональной значимости, а также проводилась оценка детьми собственных возможностей опознания предметов посредством различных анализаторов (Селезнева Е. В. «Особенности представлений о своих органах чувств и их функциональных возможностях у детей дошкольного возраста», Селезнева Е. В. «Своеобразие представлений детей о собственных возможностях опознания предметов посредством различных анализаторов»).

Вторая серия направлена на изучение аффективного компонента эмоционального развития, т. е. совокупности разномодальных индивидуальных переживаний ребенка с нарушением зрения (Марцинковская Т. Д. «Рисунок самого красивого – самого некрасивого», Митру М. «Оцени поведение», Корнилова И. Г. «Какой Я?»).

Третья серия была посвящена когнитивному компоненту эмоционального развития, определяемому системой знаний и представлений ребенка с косоглазием и амблиопией об эмоциональной сфере человека (Минаева В. М. «Изучение

паралингвистических средств общения», Лабунская В. А. «Особенности представлений детей с нарушениями зрения о пантомимике», Изотова Е. И. «Эмоциональная идентификация»).

Наконец, в четвертой серии нами был изучен реактивный компонент эмоционального развития, в частности возможность произвольной регуляции эмоций и непроизвольное эмоциональное реагирование (Карстен А. «Оценка степени эмоциональной регуляции поведения при неблагоприятных условиях», Моносова А. Ж., Хомская Е. Д. «Изучение эмоциональной сферы методом оценки запахов»).

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

– большинство детей с нарушением зрения (46,8%) имеют высокий уровень социализации, но отличаются недостатком эмоциональности. В рисунках этих детей отмечается умение составлять сюжет при отсутствии адекватного цветового решения, характерно менее выраженное различие между двумя группами рисунков, причем это преимущественно отличия либо в цвете, либо в содержании. Дошкольники этой группы эмоциональны, открыты, доверчивы, однако не стремятся к ответственности и предпочитают действовать самостоятельно, а не в большой и шумной компании сверстников. Кроме того, у детей с косоглазием и амблиопией отмечалась отрицательная оценка в процессе деятельности («Что-то не то у меня получается») или по ее окончании («Ничего не получилось!»), что говорит о неуверенности в себе. Она типична для тревожных детей, привыкших к неудаче. Очень часто речь идет не об абсолютном неуспехе, а об относительном, т. е. о несоответствии между достигаемыми результатами и завышенным уровнем притязаний;

– для значительной части дошкольников с косоглазием и амблиопией (39,1%) воспроизведение мимики лица оказалось достаточно трудным. Они либо отказывались от выполнения, либо при воспроизведении предъявленных мимических выражений эмоций принимали одно и то же выражение, что говорит об отсутствии у них мимических движений из-за малого чувственного опыта. Следует отметить, что для детей с нарушением зрения были характерны проявления гипомимии – бедность эмоций;

– большинство дошкольников со зрительной патологией (60,9%) имеют фрагментарные представления о жестах. Они с искажением воспроизводят простые позы человека (согласие, указание и отрицание), не соотносят их с эмоциональным состоянием. В ходе обследования было отмечено, что жесты заменялись словами. В частности, если после воспроизведения жеста ребенком не было одобрения со стороны эксперимен-

татора, то за этим незамедлительно следовали разъяснения дошкольника с дополнительными жестами. В случаях уточнения словесной информации использовались указания направления действия. Это обусловлено снижением остроты центрального зрения и нарушением бинокулярности;

– дети с косоглазием и амблиопией лучше всего различают и понимают простые противоположные эмоции, в частности эмоции радости и грусти. Трудности вызывает дифференциация эмоций страха, гнева, зависти и отвращения, так как мимические свойства их выражения схожи. Кроме того, детям с косоглазием и амблиопией требуется ориентационная помощь, основанная на вербальной ориентации ребенка в процедурных особенностях выполнения диагностического задания. Данный вид помощи состоял в дублировании инструкции, наводящих и вспомогательных вопросах;

– у дошкольников отсутствуют дифференцированные знания о признаках предметов, полученных через различные сенсорные модальности, они не знают их словесного обозначения, поэтому пояснить точно затрудняются. При этом данные показывают, что спонтанного развития компенсаторных процессов у детей с косоглазием и амблиопией не происходит, а свойственная нормально видящим дошкольником сензитивность сенсорного развития не проявляется у детей с нарушением зрения из-за снижения межсистемных сенсорных связей. Наблюдаемое в ряде случаев общее снижение чувственного опыта детей с нарушением зрения, обуславливает низкий уровень способностей дошкольников самостоятельно анализировать свой сенсорный опыт;

– оценки поведения непостоянны и зависят не столько от их знаний и развитых оценочных норм, сколько от житейского опыта и симпатий. У большинства детей с косоглазием и амблиопией нет устойчивых предпочтений в оценках поведения героев (48,4%). Несмотря на то что эталоны, по которым оценивается поведение персонажей, достаточно осознаны ребенком, это, скорее, знания, а не реально действующие социальные переживания, так как в реальном поведении самих детей с нарушением зрения и в их оценке деятельности других эти знания не присутствуют; они изолированы от тех оценок, которые дети применяют в жизни к своим и чужим поступкам. В то же время дошкольники, при помощи экспериментатора, могут вспомнить о существующих нормах оценки, особенно если поступок (добрый или злой), совершаемый героем на картинке, близок самому ребенку;

– для большинства дошкольников с косоглазием и амблиопией (40,6%) характерны низкая степень эмоциональной регуляции и высокая

импульсивность, заключающаяся в большой неточности выполнения задания при его высокой скорости. Дети с нарушением зрения данной группы отличались активными, деятельными эмоциональными переживаниями, но неустойчивыми, неуправляемыми реакциями в ситуации достаточно сложного и монотонного задания. Это свидетельствует об общей склонности детей действовать необдуманно, подчиняясь эмоциональному порыву. В данном случае от импульсивности следует отличать решительность (проявляющуюся у дошкольников, показавших первый уровень), которая тоже предполагает быструю и энергичную реакцию, но связана с обдумыванием ситуации и принятием наиболее целесообразных и обоснованных решений;

– для детей с нарушением зрения малозначительными в самооценке оказываются качества, отражающие их трудовые навыки, а наиболее значимыми – личностные, моральные и интеллектуальные (вежливый, хороший, честный, умный). Особенности самооценки детьми с нарушениями зрения во многом объясняются тем, что в общении они ориентируются, прежде всего, на положительные личностные качества партнера и на те дружеские взаимоотношения, которые имеются между ними, помимо игровых. Высокие процентные показатели отрицательного знака можно объяснить влиянием зрительного дефекта. Дети с нарушением зрения чувствуют себя беспомощными; гиперопека со стороны взрослых ведет к неприспособленности к самостоятельной жизни в обществе, что обуславливает нескритичность к себе и своему дефекту, осложняющуюся бедностью индивидуального опыта, опыта общения со сверстниками, и ведет к недостаточному развитию способности осознания себя, результатов своей деятельности, низкому уровню рефлексии;

– большинство дошкольников с косоглазием и амблиопией правильно дифференцируют запахи с выражениями лиц на фотографии. Это свидетельствует о том, что при включении сохранных анализаторов (в данном случае обоняния) успешность выполнения заданий и использование лицевой экспрессии значительно повышаются.

Таким образом, организованное исследование позволило проанализировать состояние эмоционального развития у детей с косоглазием и амблиопией старшего дошкольного возраста, выявить основные проблемы в данном направлении.

При организации любой психокоррекционной работы с детьми с косоглазием и амблиопией, в том числе и работы по развитию эмоциональной готовности, необходимо соблюдение офтальмо-гигиенических требований (Л. А. Григорян, Л. И. Плаксина, 1998). Прежде всего, это забо-

та об охране зрения и общее укрепление здоровья детей. В этих целях режим жизни ребенка приобретает щадящий, охранительный характер, строго дозирующий зрительную нагрузку в целях профилактики утомления; необходимость соблюдения лечебных мероприятий, светового режима и правил посадки детей с учетом индивидуальных зрительных возможностей. Занятия с детьми с нарушением зрения в целях достижения максимального педагогического эффекта организуются при условии положительного эмоционального отношения со стороны ребенка. Это обычно достигается благодаря соблюдению следующих организационно-педагогических требований: обязательного создания доброжелательной атмосферы общения педагога с детьми, детей между собой; обеспечения каждому ребенку близкой и понятной мотивации деятельности; широкого использования на учебных занятиях игровых приемов обучения, моментов соревнования, дидактических игр с целью поддержания интереса к процессу деятельности, а также получению заданного результата [4].

Коррекционная работа предполагает предварительное планирование целей, задач и тактики, осуществляемое на основе анализа результатов психологического обследования ребенка. Моделирование и экспериментальная реализация данной плоскости осуществляется в соответствии со следующими компонентами:

– эмоциональный: когнитивный (расширение знаний об эмоциональных явлениях, эмоциональной сфере человека, собственных эмоциональных проявлениях; структурирование представлений об эмоциях; расширение «словаря эмоций»; формирование и активизация способов и средств идентификации (декодирования) эмоций); аффективный (обогащение позитивного эмоционального опыта, в частности эмпатийного; стабилизация негативных эмоциональных переживаний и состояний; устранение негативных эмоциональных проявлений; формирование навыков снижения психоэмоционального напряжения (присвоение способов); реактивный (обогащение экспрессивных средств выражения различных эмоциональных состояний – мимических, пантомимических, вербально-интонационных); формирование навыков произвольного кодирования эмоций (присвоение способов); активизация механизмов произвольной регуляции эмоций;

– знакомство с органами чувств: ознакомление детей с нарушением зрения с внешними признаками и строением органов чувств; обучение их приемам использования органов чувств при ознакомлении с признаками окружающего мира; получение знаний о признаках предметов, определяемых с помощью различных видов чувствительности; формирование представлений о меха-

низме опознания предметов с помощью различных способов и средств восприятия; показ индивидуальных возможностей зрения в обеспечении зрительной ориентации в окружающем пространстве; раскрытие значение полисенсорного восприятия в процессе практической ориентации во внешнем мире.

Формы коррекционной работы (приоритет индивидуальной или подгрупповой работы) обусловлены особенностями эмоционально-ценностного отношения, выявляемыми на констатирующем этапе эксперимента. Часто эти формы использовались в комплексе (как подгрупповые, так и индивидуальные занятия). При подгрупповой коррекционной работе размер группы варьируется от 3 до 5 дошкольников, так как чем сложнее проблемы детей, которые решаются, тем меньший размер группы рекомендуется. Необходимо также учитывать и принцип взаимодополнения дефекта: состав коррекционной группы не должен быть однородным (должны быть включены дети с разным характером эмоциональных сложностей, но одинаковым интеллектуальным развитием), потому что в процессе занятий дети компенсировали проблемы друг друга.

Развитие эмоциональной сферы происходит с опорой на различные виды детской деятельности, что позволяет продуктивно компенсировать имеющиеся недостатки и закрепить достигнутый результат, а также обогатить эмоциональное развитие ребенка, используя возможности его возраста.

В процессе реализации процессуальной стороны коррекционно-развивающей работы обращение к витагенному опыту обеспечивает эмоциональную окрашенность процесса познания, образный характер выполнения действий, деятельности, актуализацию отношения к познавательному материалу и т. д. Составляющие единицы витагенного опыта, по мнению Н. С. Ежковой (2008), выглядят следующим образом: представления, сформировавшиеся в ходе восприятия явлений окружающего мира и собственных эмпирических обобщений; освоенные способы действий, поведения, опыт отношений с социальным и природным миром, носящий для ребенка ценностный смысл [5].

В процессе реализации коррекционно-развивающей программы необходимо использовать следующие методы и приемы, побуждающие:

– к актуализации витагенного опыта детей: создание игровых ситуаций, направленных на демонстрирование индивидуально-неповторимого, самобытного рисунка эмоциональной экспрессии; создание проблемных ситуаций, побуждающих к называнию способов изменений негативного настроения, вариантов проявления сочувственного поведения; использование серий

картин, иллюстраций, способствующих выражению своего отношения к событиям с привлечением (в качестве аргументации) примеров из собственного жизненного опыта, оценочным высказываниям;

– к рефлексии опыта. Они предполагают осознание и соотнесение ребенком предложенных способов разрешения этических, эмоциогенных ситуаций с социально принятыми в обществе ценностными формами поведения, и используются в моменты, требующие акцентирования внимания ребенка на адекватных способах эмоциональных проявлений, нравственной стороне поступков, способов действий.

Наконец, последнее, на что следует обратить внимание, – это эффективность коррекционных воздействий, осуществляемых психологом, которая может быть оценена на нескольких уровнях: на уровне общеразвивающего эффекта и степени его устойчивости к факторам риска; на уровне разрешения проблемы эмоционального развития ребенка; на уровне поставленных целей и задач коррекционной работы.

Экспериментальная проверка эффективности разработанной и апробированной нами коррекционно-развивающей деятельности осуществлялась с помощью методов математической статистики, в частности критерия Т-Вилкоксона. Результаты повторного диагностического исследования позволяют утверждать, что выбранный нами путь развития эмоциональной сферы доказывает свою эффективность. Использование данной системы коррекционно-развивающей работы позволяет развивать не только эмоциональность ребенка со зрительной патологией, но и

эмоциональное отношение к себе и окружающему миру, позволяет формировать осознанное отношение к нормам поведения, дает возможность не только повысить психологическую устойчивость детей с косоглазием и амблиопией и оптимизировать становление социально адекватного поведения, но и повлиять на процесс формирования их культурной идентичности.

Однако необходимо отметить, что формирование эмоциональной готовности к обучению в школе не должно ограничиваться лишь разовым проведением разработанной коррекционно-развивающей программы, так как развитие данной сферы у данной категории детей – сложная и трудоемкая работа, требующая немалых усилий как со стороны специалистов, так и со стороны самого ребенка. В связи с полученными в исследовании данными возникает необходимость продолжения изучения данной проблемы.

Примечания

1. Вьюнова Н. И., Гайдар К. М., Темнова А. В. Психологическая готовность ребенка к обучению в школе. М.: Академический проект, 2003.
2. Кошелева А. Д., Перегуда В. И., Шаграева О. А. Эмоциональное развитие дошкольников. М.: Академия, 2003. С. 45–54.
3. Солнцева А. И. Введение в тифлопсихологию раннего дошкольного и школьного возраста. М.: Полиграфсервис, 1997.
4. Плаксина Л. И., Григорян Л. А. Содержание медико-педагогической помощи в дошкольном учреждении для детей с нарушением зрения. М.: Город, 1998. С. 37–39.
5. Ежкова Н. С. Теория и практика эмоционально развивающего образования детей дошкольного возраста. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2008.

ПЕРСОНАЛИИ

МАЯ ГРИГОРЬЕВНА ЯНОВСКАЯ

Родилась Мая Григорьевна в Пскове в семье кадрового офицера. Базовое профессиональное образование по специальности «Педагогика и психология» Мая Григорьевна получила в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена. Окончив вуз с красным дипломом, она отправилась работать в Смоленск. Ей довелось быть учителем начальной школы, преподавателем педагогики Смоленского педучилища, заведовать кабинетом воспитательной работы в областном институте усовершенствования учителей города Южно-Сахалинска, преподавать в Южно-Сахалинском пединституте.

В 1968 г. она защитила в ЛГПУ им. А. И. Герцена кандидатскую диссертацию, в которой разрабатывала одну из проблем нравственного воспитания школьников.

С 1971 г. и по сей день Мая Григорьевна работает в Вятском государственном гуманитарном университете. Сначала была старшим преподавателем, доцентом, а в 1991 г. стала профессором кафедры педагогики.

В 1990-е гг. Мая Григорьевна возглавляла творческую научную лабораторию при областном институте усовершенствования учителей. Она занималась разработкой и внедрением интерактивных методик воспитания нравственной культуры школьников.

В 2000 г. коллектив авторов кафедры педагогики под руководством профессора М. Г. Яновской разработал Концепцию воспитания в Кировской области.

Имея разносторонние научные интересы, М. Г. Яновская продолжала заниматься исследованиями, связанными с поиском путей совершенствования воспитательного процесса. Результатом стала защита в г. Ленинграде докторской диссертации на тему «Теория и методика эмоционального стимулирования в нравственном воспитании подростков». Тогда, в 1991 г., М. Г. Яновская стала первой женщиной-доктором педагогических наук в истории Вятского государственного гуманитарного университета.

В течение пяти лет профессор Яновская является научным руководителем педагогического коллектива средней школы № 51 г. Кирова, которая работает над проблемой «Интеллектуально-нравственное развитие и саморазвитие школьников».

Внедрение эмоционально-ценностных технологий в учебный процесс, их совместная разра-

ботка со студенческими группами – магистральный путь подготовки творчески мыслящего будущего учителя. Таково педагогическое кредо Майи Григорьевны.

Научные идеи М. Г. Яновской реализуются на практике её учениками и молодыми вузовскими педагогами. Под её руководством успешно защищаются кандидатские диссертации. Она также является членом диссертационного совета по защите докторских диссертаций.

Профессор Яновская издала более девяносто научных работ, часть из которых опубликована в центральных журналах: «Педагогика», «Народное образование», «Воспитание школьников», «Школьные технологии». В московском издательстве «Просвещение» вышли две её книги, адресованные учителям.

Профессор Яновская награждена значком «Отличник народного просвещения», медалью «Почетный работник высшего профессионального образования» и медалью имени К. Д. Ушинского.

В работе со студентами, аспирантами и докторантами она принципиальный, требовательный, но вместе с тем гуманный наставник; в общении с коллегами и близкими людьми – добрый, отзывчивый, внимательный, чуткий, заботливый человек.

От всей души поздравляем Маю Григорьевну с юбилеем и желаем оставаться в расцвете творческих сил, полной энергии и новых замыслов!

ЮРИЮ МИХАЙЛОВИЧУ РЯБОВУ – 75 ЛЕТ

Ю. М. Рябов родился 2 августа 1934 г. в г. Уржуме Кировской области. После окончания в 1956 г. исторического факультета Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, где у Юрия Михайловича проявилась тяга к исследовательской работе, книгам, педагогической деятельности, он посвящает свою жизнь науке и просвещению. В 1957 г. Ю. М. Рябов приступает к работе на кафедре всеобщей истории родного института. Молодой историк разрабатывает лекционные курсы по новой и новейшей истории стран Запада и Востока, публикует первые научные статьи по актуальным проблемам международных отношений и национально-освободительного движения.

В дальнейшем была учеба в аспирантуре на кафедре новой и новейшей истории Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина и в аспирантуре Берлинского университета им. В. Гумбольдта. В ГДР талантливый историк изучает архивные фонды, литературу по истории Германии начала 20-х гг. XX в., и итогом его кропотливой научной работы становится монография «Борьба Объединенной Коммунистической партии Германии за единство действий рабочего класса и уроки мартовских боев (декабрь 1920 г. – август 1921 г.)» (М., 1964. 255 с.), получившая положительные отзывы специалистов, высокий индекс цитирования и заказы из зарубежных стран. В 1965 г. в качестве кандидатской диссертации книга была представлена к защите. В 1966 г. ему присваивается ученое звание доцента. Глубокий след в научной судьбе Юрия Михайловича оставили его учителя и наставники – академик А. Л. Нарочницкий, профессора А. В. Эммуусский и А. И. Молок, доцент В. С. Арутюнян.

В нашем вузе Ю. М. Рябов прошел путь от ассистента до проректора по научной работе (в этой должности он работал с 1965 по 1978 г.). В 1990–2008 гг. Юрий Михайлович – заведующий кафедрой социально-политических наук (позднее политологии). На всех должностях он проявлял себя как инициативный, трудолюбивый и творческий работник. Его лекции всегда отличались глубоким научным содержанием, актуальностью, четкой логикой, убедительностью рассуждений.

Ю. М. Рябов – автор более сотни научных, методических и публицистических работ. Весом его вклад в изучение истории высшего образования и развития науки в Кировской области, он являлся ответственным редактором капитальных трудов по истории нашего вуза, таких, как «Полвека в пути: КГПИ им. В. И. Ленина. 1918–1968» (Киров, 1970. 440 с.), «Преподаватели ВятГГУ» (Киров, 2004. 208 с.). Одна из последних публикаций юбиляра – статья «Традиции и новации.

ВятГГУ – 95!» – являет собой яркий пример глубокого, вдумчивого осмысления как страниц прошлого старейшего вуза региона, так и насущных проблем современного периода.

Работая в 1978–1987 гг. в обкоме КПСС в должности заведующего отделом науки и учебных заведений, он проявил свои лучшие качества – ответственность, принципиальность, высокую культуру, такт, неравнодушное отношение к порученному делу. В 1970-е гг. Юрий Михайлович являлся депутатом Кировского городского совета народных депутатов трех созывов, был председателем постоянной комиссии по народному образованию.

Общественная деятельность Ю. М. Рябова всегда неотделима от просвещения и гуманитарного образования. 25 лет он являлся лектором общества «Знание». В 1972–1982 гг. был членом Всероссийского правления, а в 1976–1980 гг. председателем правления Кировской областной организации этого общества. В 1996–2002 гг. он – председатель совета по гуманитарному образованию ВятГГУ.

Многогранная деятельность Почетного работника высшего профессионального образования РФ и заслуженного работника Вятского государственного гуманитарного университета Юрия Михайловича Рябова снискала почет и уважение у его коллег, студенчества, жителей области.

2 августа 2009 г. за многолетнюю плодотворную работу по подготовке высококвалифицированных специалистов Правительством Кировской области Ю. М. Рябов был награжден Почетной грамотой.

Дорогой Юрий Михайлович! От души поздравляем вас с юбилеем! Благополучия Вам, крепкого здоровья и новых достижений на ниве науки и просвещения.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖВУЗОВСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

14 апреля 2009 г. на факультете лингвистики была проведена очередная межвузовская студенческая научная конференция «Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков».

В состав организационного комитета конференции вошли преподаватели факультета во главе с профессором, заведующим кафедрой романо-германской филологии В. Н. Оношко и председатель студенческого научного общества факультета лингвистики Е. В. Новосёлова. Активное участие в конференции приняли студенты старших курсов факультета.

С приветственным словом выступили декан факультета, доцент В. А. Банин, председатель оргкомитета профессор В. Н. Оношко, председатель студенческого научного общества факультета Елена Новосёлова.

В рамках конференции работало 15 секций по следующим направлениям: лексико-стилистические, лексико-грамматические и лексико-семантические аспекты языка, лингвистика текста, вопросы сравнительной типологии языков, прикладная лингвистика, проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации, тендерная лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация, концептуальная лингвистика, стилистика художественного текста, прагматика и грамматика текста, инновационные аспекты методики обучения иностранным языкам, психолого-педагогические аспекты процесса обучения иностранным языкам. На секционных заседаниях было заслушано 105 докладов и сообщений. Большинство докладов носило проблемно-аналитический характер, отличалось оригинальностью подходов, дискуссионной направленностью, научной новизной, проблемностью, стройностью и логичностью изложения материала и имело выход на практику. Студенты III–V курсов чётко и грамотно задавали вопросы, что способствовало продуктивности обсуждения докладов.

Наибольший интерес вызвали доклады Л. Бобылевой «Эпитет и олицетворение как стилистические приёмы, характерные для трилогии Дж. Р. Р. Толкиена “Властелин колец”», Д. Голохвастовой «Слияние (blending) как продуктивный способ словообразования в современном английском языке», М. Хромушиной «Особенности языка заголовков печатных и электронных газет»,

Е. Кузницыной «Употребление англицизмов в современном немецком языке (Denglish)», И. Мальцевой «Личность в виртуальном пространстве», Ю. Вологжаниной «Политическая лингвистика», Н. Обуховой «Особенности и способы перевода американских реалий (на примере произведения Т. Драйзера “Сестра Керри”)», Е. Новосёловой «Перевод темпоральных маркеров древнего текста на средневерхненемецком языке как хронологическая адаптация на основе произведения “Песнь о Нибелунгах”», Л. Максютковой «Неофициальные именованная лица в прессе и публицистике», В. Лимоновой «Использование компьютерной технологии в качестве средства эмоционального стимулирования процесса овладения иноязычным общением», К. Лекомцевой «Коллективная учебная деятельность в группе при обучении чтению на старшей ступени», Д. Девятьяровой «Использование аутентичного аудиоматериала в обучении аудированию на старшей ступени в школе», Р. Черемисиновой «Применение технологии критического мышления при обучении письменной речи на IV курсе языкового вуза», Е. Исуповой «Правовое пространство школы как фактор формирования гражданской ответственности старшеклассников», М. Фирсовой «Особенности проявления механизмов психологической защиты у школьников».

Все участники конференции получили сертификаты. Лучшие доклады были рекомендованы к публикации. По материалам работы конференции подготовлен к печати 7-й выпуск сборника студенческих научных работ «Теория и методика обучения иностранным языкам». В сборник вошли 22 наиболее интересных доклада, опубликованных в виде тезисов и статей.

Участниками конференции отмечена необходимость создания на базе факультета межвузовских научно-исследовательских групп по изучению актуальных проблем лингвистики и методики обучения иностранным языкам, расширения тематики выступлений и географии конференции, более активного привлечения к участию в научной работе студентов младших курсов.

*В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук,
профессор, зав. кафедрой
романо-германской филологии ВятГГУ;
М. Н. Татафинова,
кандидат педагогических наук,
доцент по кафедре английского,
немецкого языков и методики обучения
иностранному языку ВятГГУ*

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Дополнительное образование занимает значительное место в жизни каждого современного человека. Личностное развитие и профессиональное совершенствование на протяжении всей жизни обеспечивается учреждениями системы дополнительного образования. Широкая сеть таких учреждений, их вариативность как в организационном плане, так и в реализуемых направлениях требует научного осмысления, теоретического обобщения и методического обеспечения их деятельности. Решению этих задач была посвящена Всероссийская заочная научно-практическая конференция «Дополнительное образование школьников: современные подходы и технологии», организованная 26 июня 2009 г. кафедрой педагогики педагогического факультета. Конференция в определенной степени подвела итоги сотрудничества преподавателей кафедры с различными учреждениями системы дополнительного образования детей, однако этим не ограничилась.

Материалы конференции представляют, на наш взгляд, особую ценность по целому ряду причин.

Во-первых, в них нашел отражение опыт различных регионов России. Важно, что наряду с представителями мегаполисов и крупных городов (Москва, Санкт-Петербург, Киров, Волгоград, Ставрополь) в изданном сборнике материалов конференции представлены результаты работы педагогов дополнительного образования средних и малых городов (Арзамас, Луза, Белая Холуница).

Во-вторых, уникальным является состав участников конференции. Ученые – двадцать докторов и кандидатов педагогических и психологических наук, тринадцать директоров учреждений дополнительного образования детей и их заместителей, заведующие отделами, методисты, педагоги-организаторы, педагоги дополнительного образования, педагоги-психологи, школьные учителя и заместители директоров школ по воспитательной работе, представители системы повы-

шения квалификации работников образования, студенты педагогических специальностей вуза представили свое видение научных подходов и технологий в сфере дополнительного образования детей. Такой состав участников способствовал тому, чтобы конференция действительно состоялась как научно-практическая.

В-третьих, интересен спектр проблем, обсуждаемых в рамках конференции. Оргкомитетом конференции были предложены следующие направления работы:

- Концептуальные основы современных исследований в сфере дополнительного образования.
- Интеграция общего и дополнительного образования в социальной среде региона.
- Социально-педагогическая деятельность в системе дополнительного образования школьника.
- Дополнительное образование как пространство самореализации личности школьника.
- Особенности реализации технологий обучения и воспитания в дополнительном образовании школьников.

Каждое из направлений вызвало интерес и нашло поддержку ученых и практиков.

В целом можно заключить, что актуальность исследования проблем дополнительного образования детей с позиций современного этапа его развития и разработки вариативных технологий реализации дополнительного образования детей в различных типах учреждений не вызывает сомнений. Существенным моментом выступает необходимость интеграции теории и практики, ученых и педагогов для решения поставленных проблем. Проведение Всероссийской научно-практической конференции «Дополнительное образование школьников: современные подходы и технологии» может рассматриваться как механизм, способствующий интеграции всех социальных институтов, обеспечивающий эффективное функционирование системы дополнительного образования детей, определяющий перспективы её развития.

*Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук,
доцент, зав. кафедрой
педагогике ВятГГУ*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГУТИН Александр Васильевич – доктор юридических наук, доцент, профессор по кафедре уголовного процесса и криминалистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603115, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, д. 4.

E-mail: ufnn@jur.unn.ac.ru

БУДАКОВА Юлия Вячеславовна – аспирант кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: fatalib@mail.ru

ВЛАСОВ Виктор Георгиевич – кандидат искусствоведения, доцент по кафедре истории русского искусства Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

E-mail: natlukina@list.ru

ВОЛОСКОВ Руслан Александрович – аспирант кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

ДАУТОВА Ольга Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре педагогики РГПУ им. А. И. Герцена. 191186, г. Санкт-Петербург, Набережная Мойки, д. 48.

E-mail: anninskaja@mail.ru

ЕДОШИНА Ирина Анатольевна – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой истории и теории культур Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 156001, г. Кострома, ул. Первого Мая, д. 14.

E-mail: ksu@ksu.edu.ru

ЗЛОБИНА Елена Александровна – аспирант кафедры педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: alyona.zlobina@gmail.com

КНЯЗЕВА Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии НГПУ. 603600, г. Нижний Новгород, ГСП-37, ул. Ульянова, 1.

E-mail: tnknyazeva@mail.ru

КОНОВАЛОВА Алла Борисовна – кандидат юридических наук, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин юридического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_upd@vshu.kirov.ru

КРЕНЖОЛЕК Ольга Станиславовна – аспирант Института русской филологии Университета гуманитарных и естественных наук Яна Кохановского в г. Кельце, Польша. ul. Slowackiego 114/118, 97-300 Piotrków Tryb., Polska

E-mail: Olga.Krezolek@pu.kielce.pl

КРЯЖЕВСКИХ Андрей Леонидович – зав. лабораторией археологических исследований ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КУВШИНОВ Владимир Александрович – доктор исторических наук, заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный работник высшей школы РФ. 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4.

E-mail: office@sra.msu.ru

ЛЕНИНА Светлана Вячеславовна – кандидат философских наук; доцент по кафедре романо-германской филологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: svetl2007@yandex.ru

ЛОПАРЕВА Татьяна Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре романо-германской филологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: T Lopareva@yandex.ru

МАЛОВА Татьяна Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

ПЛЮТТО Петр Александрович – кандидат философских наук, кандидат исторических наук, доцент по кафедре философии, биомедэтики и гуманитарных наук Московского государственного медико-стоматологического университета. 127473, г. Москва, ул. Делегатская, д. 20, стр. 1.

E-mail: pplutto@rambler.ru

ПОДЛЕВСКИХ Леонтий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре общегуманитарных дисциплин Кировского филиала Академии Министерства юстиции РФ. 610007, г. Киров, ул. Ленина, д. 179в.

E-mail: lg_pod@mail.ru

ПОСПЕЛОВА Наталья Ивановна – кандидат искусствоведения, доцент по кафедре культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

РУБЛЕВА Ольга Сергеевна – аспирант кафедры германских языков ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: olgarue@mail.ru

САНДАКОВА Марина Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор кафедры издательского дела и редактирования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_idr@vshu.kirov.ru

СЛЮСАРСКАЯ Юлия Викторовна – ассистент кафедры детской психологии и дошкольного образования Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. 300026, г. Тула, пр. Ленина, д. 125.

E-mail: yulyas@inbox.ru

СМОЛЬНЯК Игорь Викторович – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

СУЧКОВ Андрей Викторович – капитан юстиции, старший следователь следственного отдела при Кировском ЛОВДт Волго-Вятского УВДТ. 610001, г. Киров, ул. Горького, д. 67, каб. № 1.

E-mail: ansuchkov@rambler.ru

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, руководитель научной школы «Новые явления в общественном сознании и социальной практике», гл. редактор журнала «Социологические исследования», декан и зав. кафедрой теории и истории социологии социологического факультета РГГУ. 125047, г. Москва, ул. Чаянова, д. 15.

E-mail: rsuh@rsuh.ru

ЩЕРБАКОВА Татьяна Валерьевна – аспирант кафедры романо-германской филологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: tanto69@mail.ru

ЮЛОВ Владимир Федорович – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

ЮНГБЛЮД Валерий Теодорович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории, проректор по научно-исследовательской работе ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 3(1)

Подписано в печать 25.08.2009 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Мysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,5. Тираж 1000. Заказ № 1264.

Издательский центр ВятГУ
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111
(8332) 673-674